ЛАУРЕАТ ПРЕМИЙ «HUGO», «NEBULA», «ARTHUR C. CLARKE AWARD»

Энн Леки

СЛУГИ МЕЧА

АМБИЦИОЗНАЯ КОСМООПЕРА, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО «СЛУГИ ПРАВОСУДИЯ» НЕ БЫЛИ СЧАСТЛИВОЙ СЛУЧАЙНОСТЬЮ.

RT Book Reviews

Слуги меча
Энн Леки

Аннотация
Энн Леки. Слуги меча
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Благодарности

Аннотация

Она была десантным кораблем, мощным оружием завоевания на службе Империи Радча. Теперь Брэк, заключенная в простое человеческое тело, становится капитаном вверенного ей судна и отправляется на отдаленную базу Атхоек с тайной миссией. Правительница Анаандер Мианнаи поручает ей выяснить, что на самом деле там происходит и какую роль во всем этом играют загадочные пришельцы Пресгер. Однако для Брэк это еще и глубоко личное дело: помимо всех прочих испытаний, ей предстоит встретиться с младшей сестрой человека, которого она когда-то любила и которого ей пришлось застрелить по приказу Анаандер Мианнаи.

Энн Леки
Слуги меча

Глава 1

С учетом положения дел ты могла бы использовать другого лейтенанта. — Анаандер Мианнаи, правительница (в данное время) всего огромного пространства Радча, сидела в широком кресле с обивкой из вышитого шелка. Это тело, что говорило со мной, — одно из тысяч — выглядело лет на тринадцать. Вся в черном, темнокожая. В ее лице уже проглядывали аристократические черты, что в пространстве Радча служит показателем принадлежности к высшим слоям общества. При обычных обстоятельствах никто и никогда не видел столь юных экземпляров лорда Радча, но это не обычные обстоятельства.

Комната была маленькая, три с половиной квадратных метра, обшитая решетчатыми панелями темного дерева. В одном углу обшивки не хватало — возможно, ее повредили во время яростной ссоры между соперничающими частями самой Анаандер Мианнаи на прошлой неделе. Оставшиеся деревянные панели были увиты тонюсенькими побегами какого-то растения с серебристо-зелеными листочками и кое-где кро-

шечными белыми цветами. Это не общественное пространство дворца, не комната для аудиенций. Рядом с креслом лорда Радча стояло другое, свободное, на столе между ними — чайный сервиз, термос и изящные чашки из неукрашенного белого фарфора из числа тех, что на первый взгляд могут показаться ничем не примечательными, но, если присмотреться, понимаешь, что перед тобой — произведение искусства, которое стоит больше, чем иные планеты.

Мне предлагали чаю, приглашали сесть. Я предпочла постоять.

— Ты говорила, что я могу сама выбирать своих офицеров. — Следовало добавить уважительное «мой лорд», но я этого не сделала. Я также должна была преклонить колени и пасть ниц, когда вошла и обнаружила там лорда Радча. Этого я тоже не сделала.

— Ты выбрала двоих. Сеиварден, само собой, и, разумеется, лейтенант Экалу была очевидным выбором. — Эти имена рефлексивно вызвали в памяти обоих. Примерно через десятую долю секунды корабль «Милосердие Калра», находящийся в тридцати пяти тысячах километров от этой базы, получит тот почти бессознательный запрос информации, и через десятую долю

секунды его ответ достигнет меня. Последние несколько дней я пыталась научиться контролировать эту старую, старую привычку. Однако не вполне в этом преуспела.

— Капитан флота имеет право на третьего, — продолжила Анаандер Мианнаи. Рукой, затянутой в черную перчатку, державшей красивую фарфоровую чашку, она указала в мою сторону, имея в виду, как я подумала, мою форму. Радчаайские военные носят темно-коричневые куртки, брюки, ботинки и перчатки. Мои выглядят по-другому. Левая сторона — коричневая, но правая — черная, а мои капитанские знаки отличия показывают, что я командую не только своим кораблем, но и капитанами других судов. Конечно, в моем флоте только один корабль — «Милосердие Калра», но вблизи Атхоека, куда я направляюсь, нет других капитанов флота, и это звание даст мне преимущество над прочими капитанами, которых я могу встретить. При условии, что те вообще будут склонны признать мою власть.

Всего лишь несколько дней назад разгорелся давно тлеющий конфликт, и одна из группировок уничтожила два межсистемных шлюза. Предотвратить разрушение остальных шлю-

зов и не позволить той группировке захватить шлюзы и базы в других системах — это сейчас первоочередная задача. Я понимала, почему Анаандер присвоила мне это звание, но не была этому рада.

— Не ошибайся, — заметила я, — полагая, что я работаю на тебя.

Она улыбнулась.

— О нет. Другого ты можешь выбирать лишь из числа офицеров, находящихся сейчас в этой системе и поблизости от базы. Лейтенант Тайзэрвэт только что завершила подготовку. Она направлялась к месту своего первого назначения, но теперь, конечно, это совершенно исключено. И я подумала, что ты оценишь по достоинству шанс получить в свое распоряжение человека, которого сможешь самостоятельно развить до нужного уровня. — Последнее, казалось, ее позабавило.

Пока она это говорила, я узнала, что Сеиварден находится во второй стадии медленноволнового сна. Я видела ее пульс, температуру, дыхание, содержание кислорода в крови, гормональный фон. Затем эта информация исчезла, ее сменила лейтенант Экалу, несущая вахту. Напряженная — зубы слегка стиснуты, повышенный уровень гидрокортизола. Она служила простым солдатом,

пока неделю назад капитана «Милосердия Калра» не арестовали за измену. Она никогда не думала, что станет офицером. Не была, подумалось мне, полностью уверена в том, что способна на это.

Сморгнув, я избавилась от видения.

— Быть не может, — сказала я лорду Радча, — что ты и в самом деле считаешь хорошей идеей отправить меня на только что развязанную гражданскую войну с одним-единственным опытным офицером.

— Это не хуже, чем отправиться туда недоукомплектованной, — ответила Анаандер Мианнаи, возможно заметив, что я отвлеклась на мгновение. — А это дитя просто вне себя от мысли о том, что будет служить под началом капитана флота. Она ожидает тебя у причалов. — Мианнаи поставила свой чай, выпрямилась в кресле. — Поскольку шлюз, ведущий в Атхоек, вышел из строя и неизвестно, каково там положение, я не могу дать тебе конкретных указаний. Помимо того, — она подняла свою опустевшую руку, словно предвосхищая высказывание с моей стороны, — я бы тратила впустую свое время, пытаясь руководить тобой вплотную. Ты будешь поступать так, как тебе нравится, невзирая на то, что я скажу. Ты загрузилась? У тебя есть все, что нужно?

Этот вопрос был формальным — ей наверняка известно состояние складов моего корабля так же, как и мне. Я ответила неопределенным движением руки, умышленно высокомерным.

— Ты могла бы также взять вещи капитана Вэл, — сказала она, как будто я ответила вполне здраво. — Ей они не понадобятся.

Вэл Оск была капитаном «Милосердия Калра» еще неделю назад. Имелось множество причин, по которым ей могло не понадобиться ее имущество, наиболее вероятная из них — что она мертва. Анаандер Мианнаи никогда и ничего не делала наполовину, особенно когда речь шла о ее врагах. Конечно, в данном случае врагом, которого поддерживала Вэл Оск, была сама Анаандер Мианнаи.

— Я не хочу, — сказала я. — Отошли их ее семье.

— Если получится. — Ей вполне могло не представиться шанса это сделать. — Тебе еще что-нибудь нужно, пока не отправилась?

Я могла бы ответить по-разному, но ни один из пришедших на ум вариантов не показался полезным.

— Нет.

— Знаешь, мне будет тебя не хватать, — сказала

она. — Мало кто разговаривает со мной так, как ты. Ты принадлежишь к числу немногих, кто на самом деле не боится вызвать мое недовольство. И никто из этих весьма немногих не имеет… такого происхождения, как у нас с тобой.

Потому что некогда я была кораблем. Искусственным интеллектом, управляющим огромным десантным судном и тысячами вспомогательных компонентов, человеческих тел, частью себя. Тогда я не думала о себе как о рабе, но я была орудием завоеваний, собственностью Анаандер Мианнаи, которая сама занимала тысячи тел, рассеянных по всему пространству Радча.

Теперь я — лишь это единственное человеческое тело.

— Что бы ты со мной ни делала — хуже, чем ты уже сотворила, быть не может.

— Я отдаю себе в этом полный отчет, — сказала она, — и осознаю, насколько опасной это тебя делает. Даже просто оставить тебя в живых, возможно, чудовищная глупость с моей стороны, не говоря уже о том, чтобы официально облечь тебя властными полномочиями и предоставить корабль. Но игры, в которые я играю, — для тех, кто не из робкого десятка.

— Для большинства из нас, — заявила я, не

скрывая теперь своего гнева и понимая, что она может видеть его физические признаки, каким бы бесстрастным ни оставалось мое лицо, — это не игры.

— Я понимаю, — ответила лорд Радча. — В самом деле. Просто некоторые потери неизбежны.

На это у меня было добрых полдюжины реплик. Но я развернулась и вышла из комнаты, не ответив. Когда я шагнула за дверь, солдат Один Калр Пять «Милосердия Калра», застывшая по стойке смирно у входа в комнату, тут же двинулась за мной, безмолвно и со знанием дела. Калр Пять — человек, как и все солдаты «Милосердия Калра», не вспомогательный компонент. У нее есть имя помимо номера, подразделения и корабля. Я как-то обратилась к ней по имени. Она ответила, внешне оставшись невозмутимой, но в то же время испытав смятение и беспокойство. Больше я этого не пробовала.

Когда я была кораблем — или всего лишь одним вспомогательным компонентом десантного корабля «Справедливость Торена», — мне всегда было известно состояние моих офицеров. Что они слышат и видят. Каждый вздох, каждое сокращение каждой мышцы. Гормональный фон, уровень кислорода. Почти всё, кроме конкретного содер-

жания их мыслей, хотя даже это я часто могла угадать — из опыта, благодаря очень близкому знакомству. Я никогда не показывала эту информацию никому из своих капитанов — она бы мало что для них значила, поток бессмысленных данных. Но для меня в ту пору это было просто частью моей компетенции.

Я — больше не мой корабль. Но я по-прежнему вспомогательный компонент и все так же могу читать эту информацию, как не способен ни один капитан-человек. Однако теперь я обладаю лишь единственным человеческим мозгом и в состоянии справиться лишь с крошечной долей тех данных, которые некогда поглощала постоянно, не задумываясь. И даже эта ничтожная толика требовала определенного внимания — как-то, впервые попробовав идти и одновременно получать данные, я врезалась в судовую переборку. Послала запрос «Милосердию Калра», на сей раз намеренно. Я почти убеждена, что смогу пройти по этому коридору, наблюдая одновременно за состоянием солдата Пять, не останавливаясь и не спотыкаясь.

Я делала это всю дорогу до приемной зоны дворца без происшествий. Пять устала и слегка страдала от похмелья. Ей наверняка наскучило

стоять навытяжку, таращась в стену во время моей встречи с лордом Радча. Мне стало ясно, что она чего-то ожидает, испытывая вместе с тем какой-то страх, и это меня немного обеспокоило, поскольку я не смогла угадать, в чем суть ее внутреннего конфликта.

Выйдя из дворца на главную площадь, высокую, просторную, наполненную эхом, я повернула к лифтам, на которых намеревалась добраться до причалов, к челноку, что доставит меня на «Милосердие Калра». Большинство магазинов и контор на главной площади, так же как и ярко раскрашенные боги, теснившиеся на фасаде храма, оранжевые и синие, красные и зеленые, казались поразительно невредимыми после того насилия, что разыгралось здесь на прошлой неделе, когда борьба лорда Радча против самой себя вырвалась наружу. Теперь граждане в ярких пиджаках, брюках и перчатках, сверкающие драгоценностями, прохаживались по площади с беспечным видом. Словно и не было вовсе событий прошлой недели. Будто Анаандер Мианнаи, лорд Радча, по-прежнему оставалась самой собой, во многих телах, но единой, неразделенной личностью. Однако те события произошли. Анаандер Мианнаи — не единая личность. Не является

таковой уже в течение немалого времени.

По пути к лифтам меня внезапно захлестнула волна негодования и смятения. Я остановилась, повернулась. Калр Пять тут же застыла на месте и теперь бесстрастно смотрела вперед. Как если бы та волна возмущения, которую показал мне корабль, исходила не от нее. Не думала я, что большинство людей способны действенно скрывать такие сильные чувства — ее лицо было лишено всякого выражения. Но, как выяснилось, это могли делать все солдаты «Милосердия Кадра». Капитан Вэл была старомодна — или, по крайней мере, идеализировала представления о том, что значит «старомодный», — и требовала, чтобы ее солдаты-люди вели себя как вспомогательные компоненты.

Пять не знала, что я вспомогательный компонент. Насколько ей известно, я капитан флота Брэк Мианнаи, получившая назначение из-за ареста капитана Вэл и благодаря — как представляли себе многие — могущественным семейным связям. Она не могла знать, насколько прозрачна для меня.

— В чем дело? — спросила я резко, неприятно удивленная.

— Сэр? — Безжизненно. Без всякого выражения.

Желая, как я увидела после крошечной задержки сигнала, чтобы я не обращала на нее внимания, оставила ее в безопасном небрежении. Но также желая говорить.

Я была права: то негодование, то смятение она испытывала из-за меня.

— Ты хочешь что-то сказать. Давай послушаем.

Удивление. Крайний ужас. И ни малейшего движения — ни единым мускулом.

— Сэр, — произнесла она снова, и затем по ее лицу пронеслось какое-то выражение — слабое, мимолетное, исчезнувшее мгновенно. Она сглотнула. — Дело в блюдах.

Мой черед удивиться.

— В блюдах?

— Сэр, вы отослали вещи капитана Вэл на склад, сюда, на базу.

И это были прекрасные вещи. Блюда (и другая посуда, и чайные приборы), которые, по-видимому, заботили Калр Пять, изготовленные из фарфора, стекла, металла, покрытого эмалью и инкрустированного драгоценными камнями. Но они не были моими. И я не хотела ничего, принадлежавшего капитану Вэл. Пять надеялась, что я ее пойму. Очень хотела, чтобы я ее поняла. Но у меня не вышло.

— Да?

Разочарование. Даже злость. Несомненно, с точки зрения Калр Пять, ее желание было очевидным. Но для меня очевидным оказался лишь тот факт, что она не могла просто взять и высказаться, даже когда я попросила ее об этом.

— Сэр, — произнесла она в конце концов, граждане обходили нас, некоторые — бросая любопытные взгляды, другие — делая вид, что не замечают, — как я понимаю, мы скоро покидаем эту систему.

— Солдат, — изрекла я, ощущая, как во мне нарастают раздражение и злость, я и так пребывала вовсе не в прекрасном настроении после разговора с лордом Радча, — ты способна говорить прямо?

— Мы не можем покинуть эту систему без хорошей посуды! — выпалила она наконец, внешне оставаясь впечатляюще безмятежной. — Сэр. — Когда я не ответила, она продолжила, преодолевая очередную волну страха от того, что говорила так откровенно: — Несомненно, это не имеет значение для *вас.* Вы — капитан флота, и довольно вашего звания, чтобы произвести впечатление на кого угодно. — И имени моего клана — теперь я Брэк Мианнаи. Я была не слишком

довольна, получив это имя, — оно указывало на родство с самой лордом Радча. Никто из моего экипажа, кроме Сеиварден и судового врача, не знал, что оно у меня не с самого рождения. — *Вы* вольны пригласить капитана на ужин и подать к столу солдатский комплект столовых принадлежностей, и она ни слова не скажет, сэр. — Не сможет, если не будет старше меня по званию.

— Там, куда мы направляемся, мы не сможем устраивать званые обеды, — заметила я. Это, по всей видимости, привело солдата в замешательство — на ее лице на мгновение отразилось смущение.

— Сэр! — воскликнула она умоляющим голосом, испытывая мучения. — *Вам* не нужно беспокоиться о том, что думают о вас другие люди. Я говорю все это лишь потому, что вы мне приказали.

Конечно. Мне следовало это понять. Я должна была осознать это раньше. Ее тревожило, что *она* будет иметь бледный вид, если у меня не окажется столовых приборов, соответствующих моему званию. Что это плохо отразится на самом корабле.

— Ты волнуешься за репутацию корабля?

Досада, но также и облегчение.

— Да, сэр.

— Я — не капитан Вэл. — Та очень заботилась о таких вещах.

— *Нет*, сэр. — Я не испытывала уверенности, что понимаю, чем именно вызвано это ударение, а также облегчение, которое охватило Калр Пять — то ли тем, что я не капитан Вэл, и это хорошо, то ли тем, что я наконец поняла, что она пыталась мне сказать. Или и тем и другим.

Я уже все сняла со своего здешнего счета, мои деньги в банкнотах заперты в каюте на «Милосердии Калра». Того немногого, что есть с собой, не хватит, чтобы избавить Калр Пять от опасений. База — ИИ, который управляет ею, *является* ею, — могла бы, наверное, уладить для меня проблему с финансовыми расчетами. Но она на меня обиделась — как на причину вспышки насилия на прошлой неделе — и не захочет помочь.

— Отправляйся назад во дворец, — велела я. — Скажи лорду Радча, что тебе требуется. — Ее глаза слегка округлились, и через две десятых секунды я считала в Калр Пять недоверие, а затем откровенный ужас. — Когда все устроится к твоему удовлетворению, приходи на челнок.

Мимо прошли три гражданина с чемоданами в руках (руки в перчатках), из услышанного обрыв-

ка беседы я узнала, что они следуют к причалам, чтобы отправиться на корабле на одну из дальних баз. Дверь лифта услужливо открылась. Ну конечно. База знает, куда они направляются, они не должны были просить.

Куда направляюсь я, база тоже знает, но она не открыла бы для меня ни одной двери, не выскажи я максимально подробно изложенной просьбы. Я повернулась и быстро вошла за ними в лифт, направляющийся к причалам, и увидела, как его дверь закрывается перед Калр Пять, в ужасе застывшей на вымощенной черным камнем главной площади. Лифт тронулся, три гражданина продолжали переговариваться. Я закрыла глаза и увидела Калр Пять, которая уставилась на лифт, дыша несколько учащенно. Она чуть-чуть нахмурилась — вероятно, никто из проходящих мимо этого не заметил бы. Ее пальцы шевелились, привлекая внимание «Милосердия Калра», хотя и с некоторым волнением, словно она опасалась, что корабль не ответит.

Но «Милосердие Калра», разумеется, уже обратил свое внимание.

— Не волнуйся, — сказал корабль, его голос в ушах Калр Пять и моих звучал невозмутимо и безучастно. — Не на тебя сердится капитан флота.

Иди. Все будет в порядке.

Верно в общем. Я злилась не на Калр Пять. Оттолкнув от себя поток данных, исходящих от нее, я получила несколько сбивающие с толку мимолетные изображения Сеиварден, спящей и видящей сон, и лейтенанта Экалу, по-прежнему напряженной, просящей принести чаю одного из своих солдат подразделения Этрепа. Открыла глаза. Граждане, едущие со мной в лифте, над чем-то смеялись — не знаю над чем, да мне и все равно. Когда дверь плавно открылась, мы вышли в просторный портовый холл, уставленный со всех сторон иконами богов, которые могли оказаться полезными или утешительными для путешественников. В это время дня здесь было немного людей. Только у входа в помещение администрации порта выстроились угрюмые капитаны и пилоты в ожидании своей очереди обратиться с жалобой к перегруженным помощникам инспектора. Два межсистемных шлюза были выведены из строя в ходе беспорядков на прошлой неделе, в ближайшем будущем их число могло возрасти, и лорд Радча запретила любые перемещения в оставшихся шлюзах, заблокировав в системе десятки кораблей со всем их грузом и пассажирами.

Стоявшие посторонились, давая мне пройти и слегка кланяясь при этом, будто сквозь их ряды пронесся ветер. Это все из-за формы — я слышала, как один капитан прошептала своей соседке:

— Кто это? — и поднявшийся шорох: та ответила, остальные принялись отпускать комментарии по поводу неведения спросившей или добавлять, что им было известно. Я расслышала «Мианнаи» и «спецмиссии». Вот что им удалось извлечь из событий прошлой недели. Официальная версия сводилась к тому, что я прибыла во Дворец Омо тайно, чтобы раскрыть мятежный заговор; что я все время работала на Анаандер Мианнаи. Любой, кто когда-либо принимал участие в событиях, которые впоследствии получали официальную версию, понял или заподозрил бы, что это неправда. Но большинство радчааи вели самую обыкновенную жизнь и не имели поводов усомниться.

Я прошла мимо адъюнктов во внешний кабинет старшего инспектора без каких-либо вопросов с их стороны. Даос Сит, помощница, еще не оправилась от полученных ранений. На ее месте сидела другая, незнакомая мне, которая проворно поднялась и поклонилась, как только я вошла. То же сделала и очень, очень молодой лейтенант

— более изящно и сдержанно, чем я ожидала от семнадцатилетней особы с тощими ручками и ножками, достаточно легкомысленной, чтобы потратить первую зарплату на сиреневые глаза — наверняка она не с такими появилась на свет. Темно-коричневые куртка, брюки, перчатки и ботинки — всё с иголочки, прямые темные волосы коротко подстрижены.

— Капитан флота, сэр, — сказала она. — Лейтенант Тайзэрвэт, сэр. — Поклонилась еще раз.

Я не ответила, а только посмотрела на нее. Если мой внимательный взгляд и встревожил лейтенанта, я этого не заметила. Она пока еще не отправляла свои данные «Милосердию Калра», и ее коричневая кожа не потемнела от какого бы то ни было прилива. Небольшая, сдержанная россыпь брошей возле одного плеча позволяла предположить принадлежность к довольно состоятельной семье, но не из высших слоев Радча. Либо у нее сверхъестественное самообладание, либо она дура, подумала я. Ни одна из этих возможностей меня не радовала.

— Входите, сэр, — сказала незнакомая помощница, указывая на внутренний кабинет. Я вошла, не сказав ни слова лейтенанту Тайзэрвэт.

Смуглокожая, с янтарными глазами, элегантная

и аристократичная даже в темно-синей форме портовой администрации, старший инспектор Скаайат Оэр поднялась и поклонилась, когда дверь закрылась за мной.

— Брэк. Значит, уезжаешь?

Я собиралась было ответить:

— Как только ты дашь разрешение на наше отправление, — но вспомнила своего солдата и поручение, с которым ее отправила. — Жду только Калр Пять. По всей видимости, я не могу убыть без приемлемого столового сервиза.

На ее лице на миг отразилось удивление и тут же исчезло. Она, конечно, знала, что я отправила вещи капитана Вэл сюда и не имела в своем распоряжении ничего, способного их заменить. Теперь по лицу Скаайат я увидела, что это ее забавляет.

— Что ж, — сказала она, — разве ты не чувствовала бы то же самое? — Она имела в виду, когда я была на месте Калр Пять. Когда я была кораблем.

— Нет. Я так не чувствовала. Некоторые другие корабли — да. — И сейчас тоже. Главным образом «Мечи», которые в общем и целом уже считали себя выше менее престижных, небольших судов «Милосердие» или десантных кораблей «Справедливость».

— Моих Семь Исса волновали такие вещи. — Скаайат Оэр служила лейтенантом на корабле с солдатами-людьми, прежде чем стать старшим инспектором здесь, во Дворце Омо. Ее взгляд упал на мою единственную драгоценность, маленькую золотую подвеску, прикрепленную у левого плеча. Она взмахнула рукой, обозначив смену темы разговора, хотя на самом деле речь шла все о том же. — Атхоек, так? — О месте моего назначения публично не сообщалось, это могло считаться конфиденциальной информацией. Но Оэр — один из самых древних и богатых кланов Радча. У Скаайат есть родственники, которым известны люди, обладающие информацией. — Я бы, пожалуй, тебя туда не послала.

— А я направляюсь именно туда.

Мой ответ она приняла без видимого удивления или обиды.

— Присаживайся. Чаю?

— Спасибо, нет. — На самом деле я бы выпила чаю, была бы рада при других обстоятельствах непринужденному разговору со Скаайат Оэр, но сейчас мне очень хотелось убраться оттуда.

И это тоже старший инспектор Скаайат Оэр приняла невозмутимо. Сама она не присела.

— Ты навестишь Баснаэйд Элминг, когда добе-

решься до базы Атхоек. — Это не был вопрос. Она знала, что навещу. Баснаэйд — младшая сестра человека, которого и Скаайат, и я когда-то любили. Которого я по приказу Анаандер Мианнаи убила. — В чем-то она — как Оун, но не во всем.

— Ты говорила, она упряма.

— Очень гордая. И совершенно так же упряма, как ее сестра. Может быть, даже в большей степени. Она была просто оскорблена, когда я предложила ей стать клиентом ради ее сестры. Я говорю об этом, предполагая, что ты сделаешь нечто подобное. А ты, возможно, единственная личность из живых, кто превосходит упрямством даже ее.

Я приподняла бровь.

— И даже тирана? — Это слово — не на радчааи, а на языке одного из миров, аннексированных и поглощенных Радчем. Анаандер Мианнаи. Сама тиран — чуть ли не единственная личность во Дворце Омо, кто узнал бы или понял это слово, помимо Скаайат и меня.

Губы Скаайат изогнулись в сардонической усмешке.

— Возможно. Как бы то ни было, предлагай Баснаэйд деньги или услуги с осторожностью. Благожелательно она их не примет. — Движе-

нием руки, добродушным, но в то же время покорным, она будто сказала: — Но, конечно же, ты сделаешь так, как тебе нравится. — Ты познакомилась со своим новым салагой-лейтенантом?

Она имела в виду лейтенанта Тайзэрвэт.

— Почему она явилась сюда, а не прямо на челнок?

— Пришла извиниться перед моей помощницей. — Той, что заменила Даос Сит во внешней приемной. — Их матери — кузины. — Формально слово, использованное Скаайат, обозначало родственную связь между двумя представителями различных кланов, у которых был общий родитель или предок, но в неофициальном употреблении оно обозначало человека, состоящего в более дальнем родстве, друга или кого-то, с кем ты вырос. — Они предполагали вчера встретиться, чтобы выпить вместе чаю, однако Тайзэрвэт так и не появилась и не ответила ни на одно послание. А ты ведь знаешь, как военные ладят с портовой администрацией. — Что означает: внешне вежливо, а про себя — с презрением. — Моя помощница обиделась.

— А почему это должно волновать лейтенанта Тайзэрвэт?

— У тебя не было матери, которая злилась бы

из-за того, что ты обидела ее кузину, — сказала Скаайат с усмешкой, — иначе ты не задала бы такого вопроса.

Верно подмечено.

— Ну как она тебе?

— День-два назад я бы назвала ее взбалмошной. Но сегодня она очень подавлена. — *Взбалмошная* — это не соответствует хладнокровной молодой особе, которую я видела во внешней приемной. За исключением, возможно, тех невероятных глаз. — До сего дня она направлялась к месту своего назначения в пограничной системе, на канцелярскую должность.

— Тиран прислала мне салагу-администратора?

— Ни за что не подумала бы, что она пришлет тебе какого бы то ни было салагу, — заявила Скаайат. — Я бы решила, что она сама захочет отправиться с тобой. Может быть, здесь осталось недостаточно ее экземпляров. — Она сделала вдох, словно собираясь сказать еще что-то, но затем нахмурилась, склонив голову набок. — Извини, я должна кое-чем заняться.

Порт был переполнен кораблями, нуждавшимися в припасах, или ремонте, или неотложной медицинской помощи, кораблями, которые за-

стряли в этой системе, как в ловушке, вместе со своими экипажами и пассажирами, чрезвычайно этим огорченными. Персонал Скаайат упорно работал днями напролет, почти без перерывов.

— Разумеется. — Я кивнула. — Я уберусь с твоей дороги. — Она продолжала слушать сообщение. Я повернулась, чтобы уйти.

— Брэк. — Я бросила взгляд назад. Голова Скаайат по-прежнему слегка наклонена, она все еще слушала того, кто ей что-то рассказывал. — Береги себя.

— Ты тоже. — Я вышла через дверь во внешнюю приемную.

Лейтенант Тайзэрвэт стояла неподвижно и молча. Помощница смотрела вперед, двигая пальцами, погрузившись в срочное дело.

— Лейтенант, — резко сказала я, затем, не дожидаясь ответа, вышла из кабинета и двинулась через толпу недовольных капитанов кораблей к причалам, чтобы найти челнок, который доставит меня на «Милосердие Калра».

Челнок слишком мал, чтобы генерировать собственную гравитацию. Мне совершенно комфортно в таких обстоятельствах, но очень молодым офицерам — зачастую нет. Я поставила лейтенанта Тайзэрвэт у переходного шлюза до-

жидаться Калр Пять и затем пропихнулась через неудобную, непредсказуемую границу между гравитационным полем базы и невесомостью челнока, подплыла к креслу и пристегнулась в нем. Пилот почтительно кивнула — кланяться в этих обстоятельствах затруднительно. Закрыв глаза, я увидела, что Калр Пять стоит в большой кладовой дворца, простой, утилитарной, с серыми стенами. Полной ящиков и коробок. Одной рукой в коричневой перчатке она держит чайную чашку изысканного темно-розового стекла. В открытой коробке перед ней лежат термос, еще семь чашек, другая посуда. Ее наслаждению прекрасными вещами, ее желанию мешали сомнения. Я не могла прочесть мыслей, но догадывалась, что ей предложили выбирать в хранилище, она нашла эти вещи и возжелала их, но не верит, что их позволят взять. Я почти уверена, что этот сервиз изготовлен вручную лет семьсот назад. Я и не представляла, что она знаток таких вещей.

Я оттолкнула от себя это видение. Ей понадобится еще некоторое время, подумала я, а мне можно немного поспать.

Я проснулась через три часа — лейтенант Тайзэрвэт проворно пристегивалась в кресле напро-

тив меня. Калр Пять теперь излучала счастливую удовлетворенность — по-видимому, результатами своих трудов во дворцовой кладовой. Она подобралась к лейтенанту Тайзэрвэт, кивнула и со словами: «На всякий случай, сэр», — предложила пакет в преддверии почти неизбежного мига, когда желудок новичка-офицера отреагирует на очень малую силу тяготения.

Я знавала молодых офицеров, которые воспринимали такое предложение как оскорбление. Лейтенант Тайзэрвэт приняла его с почти неуловимой улыбкой. Она по-прежнему выглядела спокойной и собранной.

— Лейтенант, — обратилась я, когда Калр Пять, оттолкнувшись, поплыла к своему креслу рядом с пилотом, также из подразделения Калр. — Вы приняли какие-нибудь препараты? — Еще одно вероятное оскорбление. Средства против тошноты общедоступны, и я знавала блестящих офицеров с длинным послужным списком, которые в течение всей своей карьеры принимали их каждый раз, когда садились на челнок. Никто из них никогда в этом не признавался.

Последние следы улыбки лейтенанта Тайзэрвэт испарились.

— Нет, сэр. — Ровно. Спокойно.

— У пилота кое-что есть, если вам понадобится. — Это должно было вызвать какую-то реакцию.

Так и вышло, хотя на какую-то долю секунды позже, чем я ожидала. Она чуть-чуть сдвинула брови, негодующе распрямила плечи, стиснутые привязными ремнями кресла.

— Нет, благодарю вас, сэр.

Взбалмошная — так отозвалась о ней Скаай-ат Оэр. Она никогда не ошибалась в людях так сильно.

— Я не ходатайствовала о вашем присутствии, лейтенант. — Мой голос был спокоен, но с ноткой злости, что понятно в сложившихся обстоятельствах. — Вы здесь только потому, что так приказала Анаандер Мианнаи. У меня нет ни времени, ни возможности пестовать новорожденного. Вам лучше поскорее войти в курс дела. Мне нужны офицеры, понимающие, чем занимаются. Мне нужен цельный экипаж, на который я могу положиться.

— Сэр, — ответила лейтенант Тайзэрвэт. По-прежнему невозмутимо, но теперь это прозвучало более серьезно, как если бы она нахмурилась чуть сильнее, чем прежде. — Есть, сэр.

Она под воздействием какого-то препарата.

Возможно, против тошноты, и если бы я была склонна к азартным играм, то побилась бы об заклад на свое значительное состояние, что она по уши напичкана по крайней мере одним успокоительным средством. Я хотела заглянуть в ее личное дело — «Милосердие Калра» уже должен был получить его. Но тиран увидит, что я запрашивала сведения. Корабль «Милосердие Калра» принадлежит в конечном счете Анааидер Мианнаи, и она обладает кодами доступа, которые позволяют ей контролировать судно. «Милосердие Калра» видит и слышит все, что я делаю, и тиран может получить такую информацию, если пожелает. А я не хотела, чтобы она узнала, что я заподозрила. Хотела, по правде говоря, чтобы мои подозрения оказались ложными. Необоснованными.

А пока, если тиран наблюдает — а она наверняка наблюдает через «Милосердие Калра», и это продлится, пока мы будем находиться в этой системе, — пусть думает, что я негодую из-за того, что мне навязали салагу, когда я предпочла бы получить кого-нибудь сведущего.

Оставив лейтенанта Тайзэрвэт, я переключила свое внимание. Впереди пилот наклонилась к Калр Пять и спросила тихо и обтекаемо:

— Все в порядке? — А затем, в ответ на озадаченно сдвинутые брови Калр Пять, добавила: — Слишком тихо.

— Все это время? — спросила Пять. По-прежнему не напрямую. Потому что речь шла обо мне, и они не хотели, чтобы с моей стороны последовали запросы к кораблю, чтобы он сообщал, когда экипаж говорит обо мне. У меня есть старая — двухтысячелетней примерно давности — привычка напевать песню, что приходит в голову. Или мурлыкать. Сначала она вызывала у команды корабля некоторое замешательство и мучила ее: это тело, единственное оставшееся у меня, обладает не слишком хорошим голосом. Однако постепенно они привыкли, и сейчас меня даже забавляет, что члены экипажа обеспокоены моим молчанием.

— Ни звука, — ответила Калр Пять пилот, бросив быстрый взгляд в сторону. Едва заметные при этом движения мышц ее шеи и плеч подсказали мне, что она собиралась обернуться назад, на лейтенанта Тайзэрвэт.

— Да, — сказала Пять, видимо соглашаясь с невысказанным мнением пилота о том, что могло меня беспокоить.

Хорошо. Пусть Анаандер Мианнаи тоже это

видит.

Путь назад, к «Милосердию Кадра», был долгим, но лейтенант Тайзэрвэт так и не воспользовалась пакетом и не проявила никакого недомогания. Я провела время во сне и размышлениях.

Корабли и информация перемещались меж звездами, используя обозначенные маяками шлюзы, которые держались постоянно открытыми. Все расчеты уже были проведены, и сквозь странное межшлюзовое пространство, где расстояния не соответствовали обычному космосу, проложены маршруты. Но военные корабли, подобные «Милосердию Калра», могли генерировать собственные шлюзы. Это значительно опаснее: если выбрать неверный маршрут, не тот выход или вход, то судно может оказаться невесть где или вообще попасть в никуда. Это меня не тревожило. «Милосердие Калра» знает, что делает, и мы благополучно прибудем на базу Атхоек.

А пока станем перемещаться сквозь межшлюзовое пространство в собственном ограниченном пузыре обычного космоса, мы окажемся совершенно изолированы. Я хотела этого. Хотела убраться от Дворца Омо, подальше от взгляда Анаандер Мианнаи и любых ее приказов или

вмешательств.

Когда мы почти оказались на судне, за несколько минут до стыковки корабль сказал мне прямо в ухо:

— Капитан флота. — Ему не нужно было говорить со мной таким образом, он мог просто пожелать, чтобы я узнала: он просит моего внимания. И корабль почти всегда понимал, чего я хочу, мне не требовалось это произносить. Я умела соединяться с «Милосердием Калра» так, как больше никто на борту. Однако я не могла *быть* «Милосердием Калра», как была «Справедливостью Торена». В противном случае я полностью потеряла бы себя. Навсегда.

— Корабль, — ответила я спокойно. Больше я ничего не сказала, и «Милосердие Калра» выдал мне результаты расчетов, сделанных по своей инициативе, целый ряд возможных маршрутов и вариантов отправления. Я выбрала кратчайший путь, отдала распоряжения, и менее чем через шесть часов мы отбыли.

Глава 2

Тиран сказала, что у нас схожее происхождение, и отчасти так оно и было. Она — как и я раньше — состояла из сотен тел, образующих одну личность. С этой точки зрения мы были очень похожи, что заметили некоторые граждане (правда, относительно недавно, в последние лет сто) во время споров по поводу использования военными вспомогательных компонентов.

Это казалось ужасным, когда человек думал о том, что такое может случиться с ним, или его другом, или родственником. Но лорд Радча сама подвергалась тому же, и во многом она, вероятно, такое же существо, как и корабли, которые ей служат. Так неужели это настолько плохо, как заявляют очернители? Просто нелепо думать, что все это время Радч не являл собой воплощение непогрешимой справедливости.

Это слово имеет отношение к триаде: справедливость, правильность и польза. Ни одно справедливое деяние не могло быть неправильным, ни одно правильное деяние — несправедливым. Справедливость и правильность, переплетаясь

таким образом, вели к пользе. Вопрос о том, для кого или для чего это полезно, — постоянная тема полуночных дискуссий за полупустыми бутылками араки, но обычно ни один радчааи не подвергал сомнению, что справедливость и правильность в конечном счете окажутся полезны неким, одобряемым богами, образом. Никогда, за исключением самых что ни на есть чрезвычайных обстоятельств, не подвергалось сомнению, что Радч справедлив, правилен и полезен.

Разумеется, в отличие от своих кораблей, лорд Радча — гражданин, и не только гражданин, но правитель всего Радча, причем абсолютный. Я же ее оружие, которое она использовала, чтобы расширять свое господство. Ее слуга. Во многом — ее раба. Но разница была еще глубже. Каждое из тел Анаандер Мианнаи идентично всем остальным: это клоны, зачатые и выращенные с конкретной целью стать ее частями. Каждый из тысяч экземпляров ее мозга рос и развивался вокруг имплантатов, которые соединяли ее с самой собой. В течение трех тысяч лет она никогда не была никем иным, кроме как Анаандер Мианнаи. Никогда не была личностью с одним телом — предпочтительно в позднем подростковом возрасте или в начале достижения зрелости, старше

— при крайней необходимости, — которую пленили и бросили в отсек временной приостановки жизнедеятельности на десятилетия, а может, даже на столетия, пока не понадобится. Которую без церемоний разморозили, запихнули в мозг имплантат, перерезали связи, сделали новые, уничтожили личность, которой она была всю свою жизнь, и заменили ее корабельным ИИ.

Если вы через это не проходили, то не думаю, что вы в состоянии себе это представить. Страх и тошнота, чувство ужаса, даже после того, как все сделано и тело понимает, что это корабль, что личности, которая была прежде, больше не существует и некому волноваться о том, что она умерла. Это может длиться неделю, иногда — дольше, пока тело и мозг не привыкнут к новому положению дел. Побочный эффект этого процесса возможно устранить, сделав его не таким кошмарным. Но что значат временные лишения одного тела? Одно тело из десятков или даже сотен — это ничто, его страдания — просто преходящее неудобство. Если они были слишком сильными или не ослабевали за разумный период времени, тело убирали и уничтожали, заменяли новым. В хранилищах их полным-полно.

Но сейчас, когда Анаандер Мианнаи провозгла-

сила, что новые вспомогательные компоненты изготавливаться не будут — не считая тех пленников, которые все еще содержатся в трюмах огромных транспортных кораблей, тысяч тел, замороженных в ожидании, — никому больше не стоит интересоваться этой проблемой.

Как капитан «Милосердия Кадра», я располагала отдельной каютой: три метра на четыре, вдоль всех стен — скамьи, служившие также хранилищами. Одна из этих скамей была также моей койкой, а внутри ее, под коробками и ящиками с моим имуществом, стояла коробка, которую корабль не в силах был ни видеть, ни чувствовать. Человеческие глаза могли ее видеть, даже если они — часть тела вспомогательного компонента. Но никакой сканер, никакой механический сенсор не обнаружил бы ни ту коробку, ни пистолет, ни боеприпасы к нему, находившиеся внутри, пули, которые способные прожечь все что угодно во вселенной. Как это получалось — оставалось загадкой, и дело не только в необъяснимых пулях, но и в том, как свет, отражавшийся от коробки или пистолета, мог быть видимым для человеческих глаз, но не для, скажем, камер, которые, в конце концов, работали по тем же принципам. И корабль, на-

пример, видел на месте этой коробки не пустое пространство, а то, что вполне могло занимать это пространство согласно его ожиданиям. Все это оставалось совершенно непонятно. И тем не менее именно так оно и было. Коробку, оружие и боеприпасы к нему изготовили пришельцы Пресгер с неизвестными целями. Их опасалась даже Анаандер Мианнаи, повелительница огромного пространства Радча, командующая его, казалось бы, бессчетными войсками.

«Милосердие Калра» знал о коробке, о пистолете, потому что я ему сказала. Для солдат подразделения Калр, служивших мне, это просто одна из нескольких коробок, которые они никогда не открывали. Были бы они на самом деле вспомогательными компонентами, которыми иногда притворялись, этим бы все и кончилось. Но они — не вспомогательные компоненты. Они — люди и отличаются всепоглощающим любопытством. Они продолжали размышлять, подолгу присматривались, когда укладывали постельное белье и убирали койку, где я спала. Не будь я капитаном — и даже более весомо, капитаном флота, — они бы уже не раз перешерстили мой багаж до последнего миллиметра и досконально обсудили бы результаты друг с другом. Но

я — капитан, обладающий правом распоряжаться жизнью и смертью всего экипажа, и потому мне дарована эта частичная неприкосновенность.

Это была каюта капитана Вэл, пока она не приняла не ту сторону в сражении лорда Радча с самой собой. Напольное покрытие, покрывала и подушки со скамей исчезли, они остались позади — во Дворце Омо. Стены покрывал замысловатый орнамент в виде завитков пурпурных и зеленых тонов, эти стиль и палитру она позаимствовала из прошлой эры, по-видимому — более благородной и цивилизованной, чем эта. В отличие от капитана Вэл, я ее прожила и не слишком сокрушалась о ее утрате. Я бы все это удалила, но имелись другие, более насущные заботы, и по крайней мере эта окраска за пределы капитанской каюты не распространялась.

Ее богов, располагавшихся в нише, под богами корабля — Амаата, разумеется, главного из богов радчааи, и Калра, имя которого входило в название судна, — я заменила Той, Кто Возникла из Лилии, ЭскВар (Эманацией начала и конца), и маленькой, дешевой иконой Торена. Мне еще повезло, что я нашла ее. Торен — старый бог, не слишком популярный, почти забытый всеми, за исключением экипажей кораблей, носящих его

имя, ни одного из которых поблизости не было, а один из них — я сама — уничтожен.

Там имелось место и для других богов, оно всегда есть. Но я ни в кого из них не верила. Для команды показалось бы странным, если бы у меня никого не было, кроме корабельных, и эти сойдут. Для меня это — не боги, они просто кое о чем напоминают. Экипаж этого не узнает и не поймет, поэтому я ежедневно воскуряла им фимиам, наряду с Амаатом и Кадром, и, так же как и те боги, они получали приношения — пищу и покрытые эмалью латунные цветы. Увидев их впервые, Калр Пять насупилась, ведь они дешевые и совсем простые, не те, что Мианнаи и капитану флота следовало бы предлагать своим богам. Она сказала так Калр Семнадцать, косвенно, не упомянув ни моего имени, ни звания. Она не знала, что я — вспомогательный компонент, не знала, насколько легко кораблю показать мне в любой момент и всюду, что она чувствует и говорит. Она была уверена, что корабль сохранит ее сплетню в тайне.

Через два дня после того, как мы вошли в шлюз на пути в Атхоек в собственной крошечной, изолированной частице вселенной, я сидела на краю своей койки и пила чай из изящной тем-

но-розовой стеклянной чашки, пока Калр Пять убирала знаки и ткань после утреннего гадания. Знаки указали, разумеется, что удача продолжает нам сопутствовать, — лишь самый недалекий из капитанов обнаружит что-либо другое в том, как выпали металлические диски на покрывале.

Я закрыла глаза. Ощутила коридоры и каюты «Милосердия Калра», безукоризненно белые. Весь корабль успокаивающе и знакомо пах рециркулируемым воздухом и чистящим средством. Подразделение Амаат отмыло свою часть коридоров и каюты, за которые несет ответственность. Их лейтенант, Сеиварден, старшая из лейтенантов «Милосердия Калра», заканчивала проверку этой работы, раздавая похвалы, порицания и задания на завтра со своим по-старинному изысканным произношением. Сеиварден была рождена для этой работы, на ее лице читалось, что она член одного из высших кланов Радча, дальних родственников самой Анаандер Мианнаи, богатых и благовоспитанных. Ее растили с уверенностью в том, что она будет командовать. Во многих отношениях она олицетворение офицера вооруженных сил Радча.

Когда она, расслабленная и уверенная в себе, говорила со своими солдатами подразделения

Амаат, то почти не отличалась от Сеиварден, которую я знала тысячу лет назад, прежде чем она потеряла свой корабль и ее запихнул в спасательный отсек один из вспомогательных компонентов. Следящее устройство отсека было повреждено, и она дрейфовала в нем столетиями. После того как ее нашли и разморозили, Сеиварден обнаружила, что все, кого она знала, мертвы, даже ее клана больше не существует и Радч изменился по сравнению с тем, каким она его знала. Сеиварден бежала из пространства Радча и несколько лет провела в бесцельных скитаниях, ведя разгульный образ жизни. Не то чтобы желая умереть, как мне сдается, но подсознательно надеясь на некий несчастный случай со смертельным исходом. С тех пор как я нашла ее, она набрала вес, частично восстановила утраченную мускулатуру и теперь выглядела значительно более здоровой, но тем не менее несколько потрепанной. Ей было сорок восемь, когда вспомогательные компоненты ее корабля засунули ее в тот спасательный отсек. Принять в расчет ту тысячу лет — и она вторая старейшая по возрасту персона на борту «Милосердия Кадра».

Следующая по старшинству, лейтенант Экалу, стояла на вахте в командной рубке с двумя

из своих солдат подразделения Этрепа. Теоретически необходимости стоять кому-либо на вахте не было, ведь «Милосердие Калра» всегда бодрствовал, всегда вел наблюдение, постоянно ощущал корабль — собственное тело — и пространство вокруг него. Особенно в шлюзах, где почти невероятны не только неожиданные, но, честно говоря, даже интересные события. Но корабельные системы иногда не срабатывали, и среагировать на кризисную ситуацию можно гораздо быстрее и легче, если экипаж уже находится в состоянии готовности. И конечно, десяткам людей, плотно набившимся в маленькое судно, требовалась работа, чтобы они были заняты и дисциплинированны. Корабль показывал лейтенанту Экалу цифры, карты, графики, что-то нашептывал ей в ухо, то и дело перемежая поток информации с дружеским ободрением. Лейтенант Экалу нравилась «Милосердию Калра», он был уверен в ее интеллекте и способностях.

Калр — подразделение капитана, мое. Во всех остальных подразделениях на «Милосердии Калра» по десять солдат, но в Калр — двадцать. Они спали поочередно, потому что, в отличие от остальных подразделений, Калр всегда находится на дежурстве. Это последнее, что осталось

от тех дней, когда корабль был укомплектован вспомогательными компонентами и его солдаты являлись составными частями его самого, а не десятками отдельных людей. Солдаты Калр, которые, как и я, только что проснулись, собрались в солдатской кают-компании, простом помещении с белыми стенами, где только и хватало места, что поесть десятерым, да составить в стопку тарелки. Они стояли, каждый со своей тарелкой скела, быстрорастущего слизистого темно-зеленого растения, которое содержит все питательные вещества, необходимые для человеческого организма. К его вкусу надо привыкать, если вы на нем не выросли. Многие радчааи в действительности выросли на нем.

Солдаты Калр в своей кают-компании несколько вразнобой начали утреннюю молитву. *Цветок справедливости — мир.* Через пару слов они выровнялись, слова попали в знакомый ритм. Цветок правильности — красота в мысли и действии.

Доктор — у нее имелось имя и номинальное звание лейтенанта, но к ней никогда не обращались ни по имени, ни по званию — была прикреплена к подразделению Калр, но не являлась лейтенантом Калр. Просто доктор. Ей можно приказать

стоять на вахте, и так бывало. Через час она встанет на вахту, и два солдата подразделения Калр будут нести вахту вместе с ней. Она — единственный из офицеров капитана Вэл, оставшийся на корабле. Во-первых, ее было бы трудно заменить, а во-вторых, она практически не участвовала в событиях прошлой недели. Высокая и худощавая, светлокожая по радчаайским стандартам, волосы светло-каштановые, что смотрелось странновато, но не такого уж необыкновенного оттенка, чтобы он казался искусственным. Обычно она ходила насупившись, но при этом не сказать, чтобы обладала скверным характером. В свои семьдесят шесть она выглядела почти так же, как и в тридцать, и, вероятно, сохранит такую внешность до ста пятидесяти. Врачом служила ее мать, и бабушка, и прабабушка. Сейчас она была очень на меня сердита.

Проснувшись, доктор решила непременно поговорить со мной в то недолгое время, что оставалось ей до начала вахты. Утреннюю молитву она сотворила в некоторой поспешности, как только скатилась со своей койки. Цветок пользы — это Амаат, единый и нераздельный. Я перенесла свое внимание с подразделения Калр в солдатской кают-компании, но, услышав

первые строки молитвы, не могла не слышать остальных. Я — *меч правосудия…* Теперь доктор, безмолвная и напряженная, стояла у своего стула в кают-компании, где ели офицеры.

Сеиварден, улыбающаяся, расслабленная, вошла в кают-компанию, собираясь вкусить то, что станет ее ужином, и увидела ожидавшего там доктора: скованная и раздраженная, она хмурилась больше обычного. Я заметила, что это вызвало вспышку недовольства у Сеиварден, но она, тут же погасив его, извинилась за опоздание и получила в ответ невнятное и безразличное: «Да ладно, чего уж там».

В солдатской кают-компании Калр, завершая утреннюю молитву, проговорили по моему приказу несколько дополнительных строчек — краткую молитву по усопшим и их имена: Оун Элминг и Найсими Птем — солдат, которая подняла мятеж на Айми, предотвратив войну с пришельцами Рррррр ценой собственной жизни.

Подразделение Бо спало в помещении, которое скорее напоминало нишу, чем комнату: там едва хватало места для их десяти стиснутых во сне тел, никакого уединения, никакого личного пространства, даже в постелях. Они подергивались,

вздыхали, видели сны — более беспокойные, чем вспомогательные компоненты, которые некогда спали там.

В собственной крошечной каюте их командир, очень юная, с неправдоподобно сиреневыми глазами, лейтенант Тайзэрвэт также спала, неподвижно и без сновидений, но испытывая подспудное беспокойство — уровень адреналина чуть превышал ожидаемый. Это должно было бы пробудить ее, как в предыдущую ночь, но доктор дала ей что-то, чтобы она спала.

Проглотив свой завтрак, доктор пробормотала извинения и чуть ли не пулей вылетела из кают-компании.

— Корабль, — обратилась она, экспрессивно шевеля пальцами, словно подчеркивая свои слова, — я хочу поговорить с капитаном флота.

— Идет доктор, — сказала я Калр Пять. — Мы предложим ей чаю. Но она, вероятно, откажется. — Пять проверила уровень чая в термосе и вытащила еще одну чашку из розового стекла. Я подозревала, что больше не увижу свой эмалированный сервиз, пока не отдам конкретного приказа.

— Капитан флота, — сказал «Милосердие Калра» прямо мне в ухо и показал солдата подразде-

ления Амаат, которая, направляясь в солдатскую кают-компанию, негромко напевала себе под нос какую-то бессмыслицу, похожую на то, что почти везде напевают дети. «Все вокруг кружится, все вокруг кружится, планета кружится вокруг солнца, все вокруг кружится. Все вокруг кружится, луна кружится вокруг планеты…» Беспечно и фальшиво.

В моей каюте Калр Пять, застыв по стойке смирно, сказала ничего не выражающим голосом:

— Доктор просит разрешения поговорить с вами, капитан флота.

В коридоре Амаат, услыхав шаги другого солдата из своего подразделения у себя за спиной, умолкла, внезапно прислушавшись к самой себе.

— Разрешаю, — ответила я Калр Пять без особой необходимости, ведь она уже знала о том, что я планировала поговорить с врачом.

Дверь открылась, и вошла доктор, несколько резче, чем предписывал этикет.

— Капитан флота, — начала она, сдержанно и в то же время яростно.

Я подняла руку, остановив ее.

— Доктор. Присядь. Будешь чаю?

Она села. Отказалась от чая. Калр Пять вышла из комнаты по моему приказу, чуть-чуть оби-

женная: ей придется пропустить, что скажет доктор, — а по всем признакам это будет интересно. Когда она ушла, я махнула рукой врачу, сидящей за столом напротив меня. Давай.

— Прошу снисхождения у капитана флота. — Непохоже, чтобы ее вообще заботило, проявлю я его или нет. Под столом она стиснула руки в перчатках в кулаки. — Капитан флота. Сэр. Вы удалили из медсанчасти некоторые лекарственные препараты.

— Да.

Это приостановило ее порыв. Казалось, она ожидала отрицания.

— Больше никто не мог этого сделать. Корабль настаивал на том, что они не покидали хранилища, и я просмотрела журнал регистрации, все записи — от начала и до конца, и не нашла отметки о том, что кто-либо брал их. Больше на борту нет никого, кто мог бы спрятать это от меня.

Я опасалась, что это больше не так. Но я этого не сказала.

— Лейтенант Тайзэрвэт пришла к тебе вчера в конце своей смены и попросила помочь с небольшой тошнотой и чувством тревоги.

— Два дня назад, через несколько часов после того, как мы вошли в шлюзовое пространство,

лейтенант Тайзэрвэт испытала стрессовое состояние. Некоторое недомогание. Обнаружила в тот вечер, что не в состоянии толком поужинать. Ее солдаты из подразделения Бо заметили это с беспокойством: ведь проблема с большинством семнадцатилетних — накормить досыта, а не уговаривать поесть. Промеж собой они решили, что она тоскует по дому. — И страдает оттого, что меня явно злит ее присутствие.

— Ты беспокоишься за ее здоровье?

Доктор чуть не подпрыгнула на своем месте от возмущения.

— Не в этом дело! — Вспомнила, с кем разговаривает. — Сэр. — Сглотнула, подождала, но я ничего не сказала. — Она очень волнуется. Похоже, у нее какой-то эмоциональный стресс. Это понятно. Совершенно нормально для салаги-лейтенанта, получившего свое первое назначение. — Говоря это, она осознала, что я, наверное, обладаю исчерпывающим опытом по части того, что является нормальным для очень юных лейтенантов на их первом месте службы. Пожалела, что заговорила, пожалела мимолетно, что пришла сюда, чтобы противостоять мне, обвинить меня. Лишь на мгновение.

— Совершенно нормально в сложившихся об-

стоятельствах, — согласилась я, однако имея в виду совсем другое.

— И я не смогла помочь ей, потому что вы забрали все до одного препараты, которые я могла ей дать.

— Да, — признала я, — забрала. А в ее организме было что-нибудь, когда она прибыла сюда? — Я уже знала, каким будет ответ, но все равно спросила.

Доктор, удивленная моим вопросом, прищурилась, но лишь на мгновение.

— Она *выглядела* так, словно что-то приняла, когда пришла в медсанчасть из челнока. Однако, когда я ее исследовала, там ничего не было. Думаю, она просто устала. — Едва заметная перемена ее позы, изменение эмоционального фона, которое я уловила, сообщили мне, что сейчас она размышляет над важностью моего вопроса, над странным несоответствием того, как лейтенант Тайзэрвэт выглядела, на ее профессиональный взгляд, и тем, что сообщили показания приборов.

— Есть ли в ее документах какие-нибудь рекомендации или указания о применении препаратов?

— Нет, ничего. — Казалось, доктор не пришла

ни к какому заключению. Не говоря уже о том, к которому пришла я. Но теперь она явно испытывает любопытство, а от былой злости не осталось и следа. — Недавние события оставили тяжелый след в каждом из нас. А она очень молода. И… — Она засомневалась. Наверное, чуть было не сказала, что сейчас уже все на борту корабля знали, как я разозлилась, когда лейтенанта Тайзэрвэт назначили на «Милосердие Калра». Настолько, чтобы перестать петь на несколько часов.

Теперь уже весь экипаж понимал, что это значит. Стал даже находить утешение в том, что есть столь очевидный способ узнать, все ли идет так, как следует.

— Ты собиралась что-то сказать? — ровным голосом спросила я, придав лицу нейтральное выражение.

— Я думаю, она чувствует: вы не хотите ее здесь.

— Не хочу, — подтвердила я. — Действительно.

Врач покачала головой, она не поняла.

— Прошу снисхождения у капитана флота. Вы могли отказаться взять ее.

Я могла отказаться взять ее. Оставить на стыковочном причале дворца, когда уходил челнок

«Милосердия Калра», и не вернуться за ней. Я всерьез раздумывала об этом. Я уверена: Скаайат поняла бы это и ухитрилась бы обнаружить, что ни один пристыкованный в порту корабль не может подбросить юного лейтенанта на «Милосердие Калра», пока не станет слишком поздно.

— Ты дала ей что-нибудь?

— Кое-что, чтобы она уснула. У нее был конец дня. Вот и все, что я смогла сделать. — Это и сердило доктора, а не только мое вмешательство в ее сферу, то, что она оказалась неспособна помочь.

Я не удержалась от быстрого, моментального взгляда. Лейтенант Тайзэрвэт спит, но не глубоко. Не безмятежно. По-прежнему напряжена, все тот же приглушенный фон обеспокоенности.

— Доктор, — сказала я, возвращая свое внимание туда, где находилась сама, — ты совершенно права, что на меня злишься. Я ожидала, что ты рассердишься, и предполагала, что ты будешь протестовать. Я была бы разочарована, если бы ты этого не сделала. — Озадаченная, она сощурилась, по-прежнему держа на коленях руки, стиснутые в кулаки. — Доверься мне. — Большего я пока сказать не могла. — Я — неизвестная величина, я… не из тех, кому обычно дают командные должности. — На лице врача промелькнуло по-

нимание, потом — тень отвращения и тут же — смущение оттого, что она это почувствовала, ведь она понимает, что я способна это видеть, что я почти наверняка наблюдаю за ее реакцией. Врач отремонтировала мои имплантаты, которые я деактивировала и повредила, чтобы их скрыть. Врач знает, кто я такая, как больше никто на борту, кроме Сеиварден. — Но *доверься* мне.

— У меня нет выбора, не так ли, сэр? Мы отрезаны от всех, пока не достигнем Атхоека, и мне некому пожаловаться. — Она раздражена.

— Пожалуйся на Атхоеке, когда мы туда доберемся. Если у тебя еще останется такое желание. — Если там будет кому пожаловаться, чтобы из этого вышел хоть какой-то толк.

— Сэр. — Она поднялась, удержавшись от того, чтобы не выпалить еще что-то. Неуклюже поклонилась. — Можно идти?

— Конечно, доктор.

С лейтенантом Тайзэрвэт все было непросто. Ее официальная биография — сухое перечисление фактов — сообщала, что она родилась и выросла на планете, третий ребенок одного из родителей и второй — другого. Она получила образование, как у любого обеспеченного радчааи из знатной семьи средней руки. Ей хорошо давалась матема-

тика, имелся энтузиазм по отношению к поэзии, но не хватало одаренности, и совсем не было успехов в истории. Ей поступало денежное содержание от родителей, но не было никаких видов на наследство. Она впервые попала в космос, когда отправилась на обучение.

Таким образом, читая между строк, можно понять, что ей не светило ни занять заметное место в своем клане, ни унаследовать чье-либо богатство и положение, ни оправдать особые ожидания, и, несомненно, родители ее любили и баловали до самого дня отъезда на военную службу. Их переписка это подтверждала. Братья и сестры, все — старшие, казалось, не возмущались ее положением любимицы, но относились к этому спокойно и лелеяли ее почти так же, как родители.

Взбалмошная — так отозвалась о ней Скаайат Оэр. *Легкомысленная*, подумала я, увидев приобретенный, безусловно, цвет ее глаз, и данные тестов на способности наводили на ту же мысль. Они не предполагали в ней самообладания. Не предполагали и раздраженного недовольства, в которое она впала вскоре после того, как поднялась на борт «Милосердия Калра».

Ее инструкторы встречали таких раньше и

потому относились к ней сурово, но не жестоко. Некоторые из них, несомненно, имели своих малышек-сестер, и в конце концов ей был предназначен административный пост. Едва ли имело какое-то значение, если в условиях сильно пониженной гравитации ей не удастся удержать свой ужин, — с той же проблемой сталкивались многие другие новички-лейтенанты, особенно если им недоставало опыта пребывания в космосе.

Два дня назад Тайзэрвэт проходила обследование в медсанчасти. Корабль подключался, чтобы воспринимать ее во всей полноте данных, как и остальных членов экипажа, — а значит, теперь и я могла это делать. Тем временем солдаты подразделения Бо просмотрели весь багаж лейтенанта до последнего миллиметра и пришли к довольно точным заключениям о ее истории. К невежеству они были вполне готовы: салага, только что завершившая обучение, — объект для насмешек и причина раздражения. Но они также готовы были проявить сочувствие и некоторую — авансом — гордость. Любые будущие достижения Тайзэрвэт станут их заслугой, ведь, в конце концов, это они ее вырастят. Научат всему действительно важному. Они готовы были стать *ее* солдатами. Искренне желали увидеть ее таким

лейтенантом, под началом которого можно было бы с гордостью нести службу.

Мне так хотелось, чтобы мои подозрения оказались неверны.

Вахта прошла, конечно, без всяких событий. Врач после нашей встречи отправилась в командную рубку, злиться она не перестала. Солдаты подразделения Амаат лейтенанта Селиварден тренировались и мылись, вскоре они заберутся в свои койки, устраиваясь на привычных местах, пихая друг друга и обмениваясь время от времени репликами негодующим шепотом, — места, чтобы вытянуться как следует, там немного. Солдаты Этрепа лейтенанта Экалу отмывали дочиста и так уже почти безукоризненные каюты и коридоры, за которые ответственны. Лейтенант Тайзэрвэт будет спать еще почти четыре часа.

Я пошла в маленький корабельный спортзал, несколько последних солдат подразделения Амаат стремглав исчезли с моей дороги. Попахала там часок. По-прежнему взбешенная, взмокшая после тренировки, отправилась в тир.

Все это имитация. Никому не нужно, чтобы по такому суденышку летали пули, особенно когда за бортом абсолютный вакуум. Целями были картинки, которые корабль проецировал

на дальнюю стену. Оружие громыхало и давало отдачу, будто стреляло настоящими пулями, но из него исходил только свет. С ним я не столь разрушительна, как мне сейчас хотелось, ну да ладно, сойдет.

Корабль понимал мое настроение. Он выставил целый ряд мишеней, одну за другой, очень быстро, и я поразила их все, почти не думая. Перезарядила оружие — на самом деле, никакой необходимости в этом не было, но, будь оно настоящим, его следовало бы перезарядить, и потому процедура тренировки тоже того требовала. Я палила снова и снова, опять перезаряжала и продолжала стрелять. Этого оказалось недостаточно. Видя происходящее, корабль выставил движущиеся мишени, дюжину одновременно. Я вошла в знакомый ритм: веду огонь, перезаряжаю, веду огонь, перезаряжаю. В памяти всплыла песня — меня всегда сопровождала какая-нибудь песня. Эта — длинная эпическая, повествование о последнем споре между Анаандер Мианнаи и ее бывшей подругой Наскаайа Эскур. Поэтесса была казнена полторы тысячи лет назад — ее версия этого события представляла Анаандер злодейкой и заканчивалась обещанием, что мертвая Наскаайа вернется, чтобы отомстить

за себя. В пространстве Радча эта песнь почти забыта, потому что ее исполнение, а возможно, даже знание о ее существовании легко могли стоить гражданину полного перевоспитания. В некоторых местах за пределами влияния Радча ее еще можно услышать.

Предатель! Давным-давно мы обещали
Меняться равно, дар за дар.
Прими проклятие: что уничтожишь ты, разрушит и тебя.

Стреляю, перезаряжаю, стреляю, перезаряжаю. Вполне вероятно, что эта песня — как и любая другая на ту же тему — имеет мало общего с реальными событиями. Да и сама история, возможно, была вполне заурядной, а не такой поэтически драматичной, полной мифических преувеличений и пророческих намеков. Тем не менее я испытывала чувство удовлетворения, когда ее пела.

Подойдя к концу, я опустила оружие. Корабль — я его не просила — показал мне, что происходит у меня за спиной: три солдата подразделения Этрепа столпились у входа в тир и, пораженные, наблюдали за мной. За ними стояла Сеиварден, заглянувшая сюда по пути в свою каюту. Она не

могла воспринять мое настроение так же точно, как корабль, но знала меня достаточно, чтобы испытывать беспокойство.

— Девяносто семь процентов, — сказал корабль мне в ухо. Без нужды.

Я сделала вдох. Положила оружие на место. Повернулась. Изумление на лицах трех солдат Этрепа мгновенно сменилось полным отсутствием всякого выражения, как у вспомогательных компонентов, и они отступили назад, в коридор.

Я проскочила мимо них, в коридор и дальше, к бане. Услышала, как один солдат сказала:

— Черт! Так *вот* что такое спецмиссии?

Увидела замешательство остальных: их прошлый капитан была весьма строга в отношении сквернословия. Услышала, как Сеиварден, на вид — веселая, сказала:

— Капитан флота *и в самом деле* чертовски крута. — Эта вульгарность в сочетании с архаичным, изысканным произношением Сеиварден заставила их рассмеяться, испытав некоторое облегчение, но все же не избавила от обеспокоенности.

«Милосердие Калра» не спрашивал меня, отчего я злюсь. Не спрашивал, в чем дело. Это подтверждало, что мои подозрения верны. Впервые за

свою двухтысячелетнюю жизнь я пожалела, что не склонна к сквернословию.

Глава 3

Я заставила лейтенанта Тайзэрвэт проснуться на три часа раньше ее обычного времени и приказала незамедлительно явиться ко мне. Она вздрогнула при пробуждении, сердце заколотилось, несмотря на то что препарат, который дала врач, еще действовал. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить слова корабля, произнесенные прямо в ухо. Еще двадцать секунд она просто дышала, медленно, осторожно. Ощущая некоторое недомогание.

В мою каюту она пришла по-прежнему выбитая из колеи. Воротник ее куртки лежал кривовато — ни один из солдат подразделения Бо сейчас не бодрствовал, чтобы о ней позаботиться, и лейтенант одевалась в тревожной спешке, роняя вещи, неловко возясь с застежками, которые не должны были доставить затруднений. Я встретила ее стоя и не отпустила Калр Пять. Та делала вид, что занята работой, но надеялась увидеть или услышать нечто интересное.

— Лейтенант Тайзэрвэт, — сказала я строго и раздраженно. — Работа твоего подразделения за

эти последние два дня не отвечает требованиям.

Возмущение, злость, досада. Она уже довольно пристойно, принимая во внимание обстоятельства, стояла по стойке «смирно», но я могла видеть ее спину, плечи, которые напряглись еще сильнее, голову, приподнявшуюся на пару миллиметров. Однако она оказалась достаточно умна, чтобы не ответить.

Я продолжила:

— Возможно, ты знаешь, что есть такие части корабля, которые он не может видеть. В этом отношении он привык полагаться на вспомогательные компоненты. Но у нас больше нет вспомогательных компонентов. Чистка и обслуживание этих частей корабля являются *твоей* зоной ответственности. А подразделение Бо их игнорировало. Например, оси шарниров в шлюзовых камерах челноков не чистились довольно давно. — Это я знала из очень личного опыта, всего лишь на прошлой неделе моя жизнь и жизни всех обитателей Дворца Омо зависели, среди прочего, от того, как быстро я смогу открыть шлюзовую камеру челнока «Милосердия Калра». — Есть также место под решеткой в бане, которое не увидишь, если не опустишь туда голову. — Это довольно противное предложение даже

при благоприятном стечении обстоятельств. И гораздо хуже, когда там не проводилась повседневная тщательная чистка. — «Милосердие Калра» представит тебе список. Я надеюсь, что все будет приведено в порядок, когда я произведу осмотр завтра в это же время.

— Завтра, сэр? — Голос лейтенанта Тайзэрвэт прозвучал несколько сдавленно.

— Завтра в это же время, лейтенант. И ни ты, ни твое подразделение не должны пренебрегать установленным временем занятий в спортзале и тире. Свободна. — Она поклонилась и ушла, разъяренная и несчастная. Какими будут и ее солдаты Бо, когда обнаружат, сколько работы я на них взвалила.

Верно, что я обладаю почти абсолютной властью над всеми на корабле, особенно принимая во внимание нашу изоляцию в шлюзовом пространстве. Но верно также и то, что я поступила бы чрезвычайно неумно, вызвав отчуждение своих офицеров. Глупо было бы и навлекать на себя недовольство солдат без достаточного основания. Солдаты Бо будут возмущаться моим плохим обращением с лейтенантом Тайзэрвэт, безусловно, в той степени, насколько это причинит беспокойство им самим. Но также и потому,

что лейтенант Тайзэрвэт — *их* лейтенант.

Я хотела именно этого. Намеренно давила. Но главное — точно рассчитать время. Надавлю слишком сильно, слишком быстро — и результаты окажутся не теми, что мне надо, возможно — катастрофическими. Надавлю чересчур нежно, протяну слишком долго — и мне не хватит времени, и опять-таки результаты получатся совершенно не теми, каких мне хотелось. А мне требовались именно конкретные результаты. Солдаты подразделений Амаат, Этрепа, мои Калр — они понимали точку зрения солдат Бо. И если я собиралась быть суровой с Бо — потому что быть суровой с лейтенантом подразделения Бо означало то же самое, — то это должно иметь под собой основание, которое поняли бы другие подразделения. Я не хотела, чтобы кто-нибудь на «Милосердии Кадра» думал, что я способна ни с того ни с сего, повинуясь капризу, жестко третировать экипаж, что капитан может решить превратить твою жизнь в ад, как бы хорош ты ни был. Я встречала капитанов, которые вели дела подобным образом. Это никогда не приводило к созданию особо хорошего экипажа.

Но я просто не могла сейчас никому объяснить своих причин и надеялась, что мне не придется

этого делать. Правда, я с самого начала надеялась, что такое положение вообще не возникнет.

На следующее утро я пригласила Сеиварден на завтрак. Мой завтрак, ее ужин. Мне следовало также пригласить доктора, которая ела в это же время, но я подумала, что ей будет приятнее поесть одной, чем со мной — сейчас.

Сеиварден была настороже. Я видела, что она хочет что-то сказать мне, но не уверена, что это будет умно с ее стороны. Или, возможно, не уверена в том, как сделать это правильно. Откусив три кусочка рыбы, она шутливо произнесла:

— Я и не думал, что заслужил самую лучшую посуду. — Она имела в виду тарелки изысканного фарфора, с росписью фиолетовым и цветом морской волны и чайные чашки из розового стекла: Калр Пять знала, что моя трапеза с Сеиварден не требует никаких формальностей, и тем не менее не смогла заставить себя убрать их и подать эмалированные.

— Эта — еще не самая лучшая, — заметила я. — Извини. Наилучшую я еще не видела. — Калр Пять, которая, стоя в углу, делала вид, что протирает безукоризненные столовые приборы, радостно вспыхнула от гордости. — Было сказано, что мне нужна красивая посуда, поэтому

я заставила лорда Радча прислать мне что-то подходящее.

Она приподняла бровь, зная, что Анаандер Мианнаи для меня отнюдь не нейтральная тема.

— Я удивлен, что лорд Радча не отправилась с нами. Хотя… — Она бросила мимолетный взгляд на Пять.

Я ничего не сказала, но, просто поняв мое желание, корабль предложил Калр Пять покинуть каюту. Когда мы остались одни, Сеиварден продолжила:

— У нее есть коды доступа. Она может заставить корабль делать все, что захочет. Она может заставить *тебя* делать все, что захочет. Не так ли?

Опасная территория. Но Сеиварден никак не могла знать этого. На мгновение я увидела лейтенанта Тайзэрвэт, по-прежнему в состоянии нервного стресса, испытывающую недомогание и, помимо того, изнуренную — она не спала с тех пор, как я разбудила ее часов двадцать назад, — лежащую на полу бани. Решетка отодвинута в сторону, и лейтенант заглядывает вниз, чтобы проверить то место, которое не может видеть корабль. Озабоченные и в равной мере утомленные Бо — позади нее, в ожидании ее вердикта.

— Это не так просто, — заметила я, возвращая

внимание к Сеиварден. Заставила себя откусить рыбы, выпить глоток чаю. — Определенно остается один код доступа с прежних времен. — С той поры, когда я была кораблем. Частью подразделения Эск «Справедливости Торена». — Хотя его может задействовать только голос тирана. И — да, она могла использовать его, прежде чем я покинула дворец. Она сказала мне об этом, как ты, наверное, помнишь, и добавила, что не хочет этого делать.

— Может, она использовала его и велела тебе не помнить, что это произошло.

Я уже размышляла над такой возможностью и отвергла ее. Движением руки я показала: *нет.*

— Есть точка, в которой код доступа не срабатывает. — Сеиварден жестом выразила свое согласие. Когда я впервые встретилась с ней, салагой-лейтенантом семнадцати лет от роду, она и не представляла себе, что корабельные ИИ обладают какими-то чувствами — во всяком случае, не теми, что имеют какое-то значение. И, как многие радчааи, она полагала, что мысль и чувство легко отделить друг от друга. Что искусственные интеллекты, которые управляют крупными базами и военными кораблями, в высшей степени бесстрастны. Механистичны. Старые предания,

исторические драмы о событиях, происходивших до того, как Анаандер Мианнаи принялась создавать свою империю, о кораблях, переполненных горем и отчаянием из-за смерти их капитанов, — это осталось в прошлом. Лорд Радча улучшила конструкцию ИИ, избавилась от этого изъяна.

Однако недавно Сеиварден узнала, что это не так.

— На Атхоеке, — догадалась она, — где находится сестра лейтенанта Оун, ты окажешься слишком близко к этой критической точке.

Это было гораздо сложнее. Тем не менее.

— По сути, так.

— Брэк, — сказала она, возможно давая понять, что хочет говорить со мной как с Брэк, а не как с капитаном флота, — я кое-чего не понимаю. Лорд Радча сказала тогда, что не смогла сделать так, чтобы ИИ повиновались ей при любых обстоятельствах, потому что их разум очень сложен.

— Да. — Она так сказала. В то время, когда внимания требовали другие, более насущные задачи, а потому это невозможно было обсудить по-настоящему.

— Но корабли любят людей. Я имею в виду — конкретных людей. — Произнеся это, она отчего-то разволновалась, словно то, что она

озвучила, породило в ней некое мрачное предчувствие. Чтобы скрыть это, она пригубила свой чай. Осторожно поставила на стол темно-розовую чашку. — Это и есть критическая точка, не так ли? Я имею в виду — может ею быть. Почему бы просто не заставить все корабли любить *ее?*

— Потому что это может стать критической точкой. — Она посмотрела на меня, нахмурившись, не понимая. — Ты любишь наугад?

Она в замешательстве заморгала.

— Что?

— Ты любишь наобум? Вроде как вытаскиваешь фишки из коробки? Любишь ту, что приходит в руку? Или в некоторых людях есть нечто такое, что делает их подходящими для того, чтобы ты их полюбила?

— Я… думаю, что понимаю. — Она опустила свою вилку вместе с куском рыбы, к которому не притронулась. — Полагаю, я понимаю, что ты имеешь в виду. Но какое отношение это имеет к…

— Если в определенном человеке есть нечто такое, благодаря чему ты можешь его полюбить, что произойдет, если это изменится? И это на самом деле больше не тот человек?

— Я считаю, — сказала она, медленно, задум-

чиво, — я полагаю, что настоящую любовь ничто не разрушит. — Настоящая любовь для радчааи — это не только романтическое чувство между влюбленными. Не только между родителем и ребенком. Настоящая любовь возможна между патроном и клиентом. Предполагалась в идеале. — Я имею в виду, — продолжила Сеиварден, необъяснимо смущенная, — представь себе, что твои родители больше тебя не любят. — Снова нахмурилась. Ее опять осенило. — А вот ты когда-нибудь перестала бы любить лейтенанта Оун?

— Если бы, — ответила я, неторопливо откусив и проглотив кусок рыбы, — она стала совсем другой. — Сеиварден по-прежнему не понимала. — Кто такая Анаандер Мианнаи?

И тут-то до нее дошло, я поняла это по охватившему ее волнению.

— Даже она в этом не уверена, так ведь? Она может быть двумя людьми. Или больше.

— И за три тысячи лет она изменилась. Меняется любой, кто не мертв. А сколько же человек может меняться и все же оставаться тем же? И как она могла предсказать, насколько изменится за тысячи лет и что выйдет в результате? Гораздо легче использовать что-нибудь другое. Долг, скажем. Преданность идее.

— Справедливость, — сказала Сеиварден, осознавая иронию в том, что это было моим именем. — Правильность. Польза.

Это последнее, польза, было ненадежным.

— Любое из них или все они подойдут, — согласилась я. — А потом отслеживаешь любимцев кораблей, чтобы не спровоцировать конфликта. Или можешь использовать эти привязанности в своих интересах.

— Понимаю, — сказала она. И, умолкнув, занялась остатками ужина.

Когда с едой было покончено и Калр Пять вернулась, убрала блюда, налила нам еще чаю и снова вышла, Сеиварден опять заговорила.

— Сэр, — произнесла она. Значит, речь пойдет о корабельных делах.

Я понимала, о чем это будет. Солдаты подразделений Амаат и Этрепа уже видели солдат Бо на ногах в положенное для сна время, все десять отчаянно драили пол, разбирали арматуру, поднимали решетки, сосредоточенно разглядывали каждый миллиметр, каждую щелку в своей части корабельного оборудования. Сменяя Сеиварден на вахте, лейтенант Экалу отважилась на несколько слов. «Не хотела бы задеть… Подумала, ты могла бы сказать сэру…» Сеиварден была

сбита с толку, отчасти — из-за произношения лейтенанта Экалу, отчасти — из-за того, что она сказала «сэр» вместо «капитан флота», по привычке, оставшейся с той поры, когда Экалу была Амаат Один и экипаж выражался так, чтобы не привлекать внимания капитана. Но главным образом, как оказалось, ее смутило предположение, что она могла почувствовать себя задетой. Экалу также была слишком смущена, чтобы объясниться.

— А ты не думаешь, — сказала мне Сеиварден, понимая несомненно, что я вполне могла слышать этот разговор на командной палубе, — что несколько перегнула палку с Тайзэрвэт? — Я ничего не ответила, и она увидела явно, что я в грозном настроении, что эта тема по некой причине не вполне безопасна. Она сделала вдох и ринулась вперед: — Ты в последнее время злишься.

Я приподняла бровь.

— В последнее время? — Моя чашка с чаем стояла передо мной нетронутой.

Она приподняла свою чашку на сантиметр, подтверждая сказанное.

— В течение нескольких дней ты была не так сердита. Не знаю, может, из-за того что тебя ра-

нили. Потому что теперь ты опять злишься. И я полагаю, что знаю из-за чего, и думаю, что не могу тебя за это винить, но…

— Думаешь, я вымещаю это на лейтенанте Тайзэрвэт. — Которую именно сейчас я не хотела видеть. Не хотела на нее смотреть. Двое из ее солдат Бо дотошно проверяли изнутри челнок, за который несли ответственность, — один из оставшихся двух, третий я уничтожила на прошлой неделе. Они то и дело высказывались — кратко и непрямым образом — о том, как несправедливо я обошлась с ними и как сурова я с их лейтенантом.

— *Ты* знаешь все места, где способен схалтурить солдат, но откуда это знать Тайзэрвэт?

— Тем не менее она несет ответственность за свое подразделение.

— Ты и мне могла объявить взыскание, — сказала Сеиварден и отпила еще чаю. — Я должен был это знать, а я не знал. Мои вспомогательные компоненты всегда заботились о такого рода вещах без всяких просьб с моей стороны. Потому что они знали, что должны это делать. Буфера Аатр, *Экалу* должна была знать лучше всех нас, где экипаж халтурит. Пойми, я не то чтобы ее осуждаю. Но каждый из нас заслуживает голово-

мойки за это. Зачем устраивать ее Тайзэрвэт, а не нам? — Я не хотела этого объяснять и потому ничего не ответила, а только подняла чашку и отпила глоток. — Признаю, что она оказывается жалким экземпляром. Вся такая неуклюжая, не соображает, что делать со своими руками и ногами, ковыряется в еде. И неловкая. Она уронила три чайные чашки из кают-компании, две из них разбила. И она такая… так легко поддается переменам настроения. Я ожидаю, что она вот-вот объявит, что никто из нас ее не понимает. И о чем только думала мой лорд? — Она имела в виду Анаандер Мианнаи, лорда Радча. — Кроме Тайзэрвэт никого не найти было?

— Наверное. — Подумав об этом, я еще больше разозлилась. — А ты помнишь, как была салагой-лейтенантом?

Она поставила свой чай на стол, ужаснувшись.

— Прошу, скажи мне, что я не был таким.

— Нет. Ты была неуклюжей и раздражала по-другому.

Она фыркнула, это ее и забавляло, и раздражало одновременно.

— Тем не менее. — Стала серьезной. Внезапно разволновалась, подойдя к тому, что, как я поняла, она хотела сказать все это время, пока мы ели,

но произнести боялась даже больше, чем обвинить меня в том, что я несправедливо обращаюсь с лейтенантом Тайзэрвэт. — Брэк, весь экипаж думает, что я перед тобой на коленях ползаю.

— Да. — Я, конечно, уже знала это. — Хотя не знаю почему. Пять хорошо знает, что ты никогда не была в моей постели.

— Что ж. В общем, считают, что я халатно отношусь к своим… обязанностям. Это было, конечно, здорово — дать тебе время, чтобы оправиться от ран, но уже давно пора мне… попытаться помочь тебе, что бы тебя ни тревожило. И может быть, они правы. — Она набрала полный рот чаю. Проглотила. — Ты *смотришь* на меня. Это не здорово.

— Мне жаль, что я тебя смутила.

— О нет, я не смущался, — солгала она. А затем добавила более искренне: — Ну, не так смущался, как кому-то может прийти в голову. Но от того, что говорю об этом вот так. Брэк, ты нашла меня… сколько же — год назад? И за все это время я никогда не знал, как ты… и, я имею в виду, когда ты была… — Она умолкла. Опасаясь сказать не то, подумала я. Ее кожа — слишком смугла, чтобы на ней проявился румянец, но я заметила изменение температуры. — Я имею в виду — я знаю,

что ты была вспомогательным компонентом. Что ты являешься вспомогательным компонентом. И корабли не… я имею в виду — я знаю, что вспомогательные компоненты могут…

— Вспомогательные компоненты могут, — согласилась я. — Как ты знаешь из личного опыта.

— Да, — подтвердила она. Теперь — по-настоящему сконфуженная. — Но, полагаю, я никогда не думал, что вспомогательный компонент может на самом деле *хотеть* этого.

Я помолчала минутку, чтобы она поразмыслила над этим. А затем:

— Вспомогательные компоненты — это человеческие тела, но они также часть корабля. То, что чувствуют вспомогательные компоненты, чувствует и корабль. Потому что они — одно и то же. Ну, различные тела отличаются друг от друга. По-разному воспринимают что-то, по-разному чувствуют, не всегда хотят одного и того же, но все вместе в среднем — да, и я об этом заботилась — для тех тел, которые в этом нуждались. Мне не нравится испытывать неудобство, это никому не нравится. Я делала все, что могла, чтобы мои вспомогательные компоненты не испытывали напряженности.

— Думаю, я никогда этого не замечал.

— Этого на самом деле и не предполагалось. — Лучше покончить с этим. — Как бы то ни было, корабли, как правило, не хотят партнеров. Они делают такое сами для себя. Во всяком случае, корабли со вспомогательными компонентами. Вот так. — Движением руки я подчеркнула очевидность своего заключения, которое не нуждалось в дальнейшей детализации. Не добавила, что корабли не тоскуют также и по романтическим партнерам. По капитанам — да. По лейтенантам. Но не по возлюбленным.

— Что ж, — изрекла Сеиварден через минуту, — но у тебя нет других тел, чтобы этим заниматься, теперь уже нет. — Она замолкла, внезапно осененная мыслью. — Интересно, а как это было? Больше, чем с одним телом?

Отвечать на это я не собиралась.

— Я несколько удивлена, что ты не думала об этом раньше. — Но только самую малость. Я слишком хорошо знала Сеиварден, чтобы предполагать, будто она когда-либо всерьез задумывалась, о чем может размышлять или что чувствовать ее корабль. И она никогда не входила в число офицеров, зацикленных на мысли о вспомогательных компонентах и сексе.

— Значит, когда забирают вспомогательные

компоненты, — сказала Сеиварден, с трудом переварив услышанное, — это, должно быть, словно у тебя отрубают части тела. И не заменяют.

Я могла сказать: «Спроси корабль». Но корабль, наверное, не захотел бы ответить.

— Говорят, похоже на то, — ответила я. Спокойно.

— Брэк, — сказала Сеиварден, — когда я был лейтенантом, прежде, — она имела в виду — тысячу лет назад, когда служила лейтенантом на «Справедливости Торена» под моим присмотром, — я на кого-нибудь, кроме себя, обращал внимание?

Перебрав целый ряд правдивых ответов — некоторые из них были менее дипломатичными, чем другие, — я в конце концов изрекла:

— Иногда.

И тут «Милосердие Калра», без пожелания с моей стороны, показал мне солдатскую кают-компанию, где солдаты подразделения Амаат Сеиварден убирали со стола после своего ужина. Амаат Один сказала:

— Это приказ, граждане. Так говорит лейтенант.

Несколько солдат застонали.

— Это будет вертеться у меня в голове всю

ночь, — пожаловалась одна из них своей соседке.

В моей каюте Сеиварден с раскаянием сказала:

— Надеюсь, сейчас я стал лучше.

В кают-компании Амаат Один открыла рот и запела — неуверенно, немного фальшиво:

— Все вращается… — Остальные присоединились к ней, нехотя, без воодушевления. Сконфуженно. — Все вращается. Планета вращается вокруг солнца, все вращается.

— Да, — ответила я Сеиварден. — *Чуточку* лучше.

Солдаты Бо вполне пристойно справились со всеми своими заданиями. Все подразделение выстроилось в кают-компании, вытянувшись в струнку, воротнички и обшлага — безукоризненно ровны, даже лейтенанту Тайзэрвэт удавалось сохранять суровую внешнюю невозмутимость. Изнутри — совсем другое дело: по-прежнему гудение напряженности, легкое подташнивание, неизменное с предыдущего утра, и она не спала с тех пор, как я разбудила ее вчера. От ее солдат Бо исходила волна коллективного негодования в сочетании с вызывающей гордостью — им в конце концов удалось сделать за последний день очень многое, и вполне неплохо с учетом

обстоятельств. По справедливости, мне следовало проявить удовлетворение, они ожидали от меня этого, все до одного были в этом уверены и страшно обиделись бы, поступи я по-другому.

Они имели право гордиться собой. Лейтенант Тайзэрвэт в нынешних условиях их не заслуживала.

— Прекрасно, Бо, — сказала я и была вознаграждена всплеском гордости и облегчения от каждого солдата, стоявшего передо мной. — Следите, чтобы все так и было впредь. — Затем — резко: — Лейтенант, со мной. — Повернулась и вышла из кают-компании, направляясь к своей каюте. Безмолвно сказала кораблю: — Сообщи Калр, что я хочу уединения. — Не задумываясь конкретно почему, иначе опять разозлюсь. Или даже еще сильнее. Даже желание двигаться вызывало импульсы, которые передавались мускулам, едва заметные, но корабль их улавливал. *Я* это понимала, когда корабль показывал мне данные. Теоретически никто больше на борту «Милосердия Калра» неспособен был получать данные так, как я. Теоретически. Но мне не стоило об этом думать. Я вошла в свою каюту, дверь открылась без просьбы с моей стороны. Калр, дежурившая там, поклонилась и вышла, обойдя лейтенанта

Тайзэрвэт, которая встала прямо у двери.

— Входи, лейтенант, — сказала я спокойно. Без всякой резкости в голосе. Я злилась, да, но я всегда злилась, это нормально. Это не должно встревожить никого, кто мог это видеть. Лейтенант Тайзэрвэт прошла в каюту. — Ты вообще спала? — спросила я ее.

— Немного, сэр. — С удивлением. Она слишком устала, чтобы мыслить совершенно ясно. По-прежнему ощущала недомогание и чувствовала себя несчастной. Уровень адреналина все еще выше нормального. Хорошо.

И не хорошо. Совершенно нехорошо. Ужасно.

— Много ешь?

— Я… — Она моргнула. Задумалась над моим вопросом. — У меня было немного времени, сэр. — Она сделала вдох, чуть легче, чем минуту назад. Плечевые мускулы расслабились, совсем немного.

Не думая о том, что делаю, я двинулась вперед, быстро, как могла, то есть чрезвычайно быстро. Схватила ее за воротник куртки, с силой отшвырнула назад, впечатала ее в зелено-сиреневую стену, которая находилась в метре за ее спиной. Прижала ее там, грубо перегнув назад через скамью.

Увидела то, что искала. Лишь на мгновение. На кратчайший миг уныние, в котором пребывала лейтенант Тайзэрвэт, сменилось кромешным, жутким ужасом. Уровни адреналина и кортизола невероятно подскочили. И там, в ее голове, короткой вспышкой, призрачно мелькнули имплантаты, которых там не должно быть, которых там не оказалось мгновением позже.

Имплантаты вспомогательного компонента.

Я опять саданула ее головой по стене. Она вскрикнула, и я вновь увидела это, ее тошнотворный страх, имплантаты, которых не должен иметь ни один человек, пронизывающие ее мозг, и затем они снова исчезли.

— Отпусти «Милосердие Калра» или я задушу тебя прямо здесь своими руками!

— Ты этого не сделаешь, — выдохнула она.

На нее явно нашло затмение. Находясь в здравом уме, Анаандер Мианнаи ни за что, ни на мгновение не усомнилась бы в том, что я способна сделать. Я сменила хватку. Она стала соскальзывать по стене к скамье, но я схватила ее за горло и надавила на трахею. В отчаянии она вцепилась в мои запястья. Дышать она не могла. Ей оставалось секунд десять, чтобы сделать то, что я ей велела, или умереть.

— Отпусти мой корабль. — Мой голос спокоен. Ровен.

Снова вспыхнули данные, исходящие от нее, имплантаты вспомогательного компонента были видны ярко и отчетливо, всплеск мучительной тошноты и волна обуявшего ее ужаса оказались настолько сильны, что едва не захлестнули и меня. Выпустив ее, я выпрямилась и смотрела, как она, кашляя и хватая ртом воздух, рухнула на жесткую, без подушек, скамью, а потом, задыхаясь и тужась, пыталась выблевать ту пустоту, что наполняла ее желудок.

— Корабль, — сказала я.

— Она отменила все приказы, — ответил «Милосердие Калра» непосредственно в мое ухо. — Мне жаль, капитан.

— Ты не мог этого предотвратить. — Все радчаайские корабли создавались с кодами доступа, которые позволяли Анаандер Мианнаи управлять ими. «Милосердие Калра» не был исключением. Мне повезло, что корабль не испытывал никакого энтузиазма, следуя приказам лорда Радча, не предпринимал никаких усилий, чтобы исправлять ее упущения или небольшие ошибки. Если бы корабль действительно хотел помочь Анаандер Мианнаи обмануть меня, он непремен-

но преуспел бы в этом. — Анаандер Мианнаи, лорд Радча, — обратилась я к салаге-лейтенанту, которая, тяжело дыша, дрожала на скамье передо мной, — неужели ты думала, что я не узнаю?

— Риск есть всегда, — прошептала она и отерла рот рукавом.

— Ты не привыкла брать на себя риск, если нет десятилетий, веков на подготовку, — отметила я безжизненным голосом вспомогательного компонента, не стремясь придать своей речи выразительность, присущую человеческой. — Все части тебя были твоими с рождения. Возможно, и до этого. Тебе не случалось быть некоей личностью, которой внезапно всаживают в мозг устройства вспомогательного компонента. Это неприятно, не так ли?

— Я это знала. — Сейчас она дышала лучше, и у нее прекратились рвотные позывы. Но говорила она сиплым шепотом.

— Ты *знала* об этом. И думала, что у тебя будет доступ к лекарствам, которые поддержат тебя, пока ты не привыкнешь к имплантатам. Ты могла сама брать их в медсанчасти и использовать свои коды доступа, чтобы заставить «Милосердие Калра» замести твои следы.

— Ты меня перехитрила, — сказала она, по-

прежнему жалкая, опустив взгляд на загаженную скамью. — Я признаю это.

— Ты перехитрила сама себя. У тебя не было стандартного комплекта имплантатов вспомогательного компонента. — Уже почти сто лет создание вспомогательных компонентов незаконно. Не считая уже заготовленных тел, ожидающих своего часа в отсеках временной приостановки жизнедеятельности, и почти все они находятся на транспортных кораблях. Ни одного из них не было поблизости от Дворца Омо. — Тебе пришлось переделать оборудование, которое ты используешь для себя. А вмешательство в человеческий мозг — дело тонкое. Проблем бы не последовало, если б это оказался твой собственный мозг, уж его-то ты знаешь от и до. Если бы это было одно из твоих собственных тел, то все прошло бы как по маслу. Но это не могло быть одним из твоих тел, в этом заключался весь смысл, у тебя нет сейчас лишних, и, кроме того, я бы вышвырнула тебя из корабля, как только мы вошли в шлюзовое пространство, попытайся ты это сделать. Поэтому это должно было быть чье-то тело. Но твое оборудование изготовлено специально для *твоего мозга.* И у тебя не хватало времени, чтобы что-то протестировать. У тебя

имелась всего неделя. А то и меньше. И что, ты схватила этого ребенка, всадила в нее оборудование и выбросила на причал? — Тайзэрвэт не пришла в тот день на чаепитие с родственницей матери и не отвечала на послания. — Даже с правильно подобранным оснащением и врачом, который понимает, что делает, это не всегда получается. Наверняка ты это знаешь.

Она это знала.

— Что ты собираешься делать теперь?

Я проигнорировала этот вопрос.

— Ты думала, что сможешь просто приказать «Милосердию Калра» давать мне, а также врачу, фальшивые данные, чтобы скрыть все. Ты по-прежнему нуждалась в препаратах, это стало очевидным с той минуты, как было установлено оборудование, но ты не могла взять их с собой, потому что Бо тут же их нашли бы и я бы заинтересовалась, почему тебе нужны именно эти лекарства. — А потом, когда она не смогла их добыть, страдания сделались просто невыносимы и скрывать их она уже не могла, а лишь приказала кораблю, чтобы они выглядели гораздо слабее, чем на самом деле. — Но я уже знала, на что ты готова пойти, чтобы достигнуть своих целей. И я целыми днями просто валялась в своей кают-

восстанавливаясь после ранений и представляя себе, что ты можешь попытаться сделать. — И что смогу сделать я, чтобы сорвать это, оставшись нераскрытой. — Я *никогда* не верила, что ты дашь мне корабль и позволишь улететь без надзора.

— *Ты* сделала это без препаратов. Ты их никогда не применяла.

Подойдя к скамье, служившей мне койкой, я откинула постельное белье и открыла отсек под крышкой. Внутри находилась та коробка, которую могли видеть человеческие глаза, но ни корабль, ни база не видели, если только не использовали глаза вспомогательных компонентов. Открыв коробку, я вынула пакет с препаратами, которые унесла из медсанчасти за несколько дней до той последней встречи с Анаандер Мианнаи во Дворце Омо. Задолго до того, как я встретила лейтенанта Тайзэрвэт в кабинете старшего инспектора Скаайат или даже узнала о ее существовании.

— Мы идем в медсанчасть. — И, безмолвно, «Милосердию Калра»: — Отправь двух солдат Калр.

Мои слова и вид пакета с лекарствами вызвали вспышку надежды у Анаандер Мианнаи, некогда лейтенанта Тайзэрвэт, которая испытывала

непреодолимое желание избавиться от своих страданий. Из ее нелепо сиреневых глаз полились слезы, и она чуть слышно заныла, но тут же перестала.

— Как ты это вынесла? — спросила она. — Как ты это пережила?

Отвечать не было никакого смысла. Это в большей степени риторическое восклицание, нежели настоящий вопрос, и на самом деле ее не интересовал ответ.

— Встань. — Дверь открылась, и вошли двое моих солдат Калр. Вид лейтенанта Тайзэрвэт, изрядно помятой, скукожившейся на скамье, с залитым желчью рукавом форменной куртки, вызвал у них изумление и некоторое смятение.

Мы отправились в медсанчасть печальной маленькой процессией, Тайзэрвэт (не Тайзэрвэт) опиралась на одного солдата, второй следовал за ней. Доктор, увидев, как мы входим, застыла на месте, ужаснувшись тому, что увидела в голове лейтенанта посредством специализированных имплантатов врача в то мгновение, когда корабль перестал вмешиваться в передачу данных, исходящих от нее. Она повернулась ко мне и хотела было заговорить.

— Обожди, — резко бросила я ей, а потом, когда

солдаты помогли Тайзэрвэт (не Тайзэрвэт) лечь на стол, отослала их.

Не успела доктор и рта раскрыть, а Анаандер — осознать, что я делаю, и возразить, как я защелкнула ограничители движения на столе. Это ее удивило, но она отвратительно себя чувствовала и не сразу поняла, что это значит.

— Доктор, — сказала я, — ты видишь, что лейтенант Тайзэрвэт обладает неразрешенными имплантатами. — Врач испытала слишком сильное потрясение, чтобы говорить. — Удали их.

— Нет, не надо! — попыталась крикнуть Анаандер Мианнаи, но не смогла, и это прозвучало сдавленным шепотом.

— Кто это сделал? — спросила врач. Как видно, она все еще пытается разобраться в этом.

— Разве сейчас это существенно? — Она знает ответ, если просто подумала об этом. Только одна особа *могла* такое сделать. Только одна особа способна на это.

— Врач, — произнесла Тайзэрвэт, которая попыталась высвободиться, но обнаружила, что не может справиться с креплениями. Ее голос по-прежнему звучал как сдавленное карканье. — Я — Анаандер Мианнаи, лорд Радча. Арестуй капитана флота, освободи меня и дай мне нужное

лекарство.

— Ты забываешься, лейтенант, — заявила я и снова повернулась к врачу. — Я отдаю приказ, доктор. — В условиях нашей полной изоляции в шлюзовом пространстве мое слово — закон. Не имеет никакого значения, что за приказы я отдаю, насколько они незаконны или несправедливы. Капитан может предстать перед обвинением за некоторые свои приказы, но члены ее экипажа, независимо от обстоятельств, будут казнены за неподчинение этим самым распоряжениям. Такова суровая действительность жизни радчаайского солдата, хотя на практике это осуществлялось достаточно редко. Никто на «Милосердии Калра» ни за что не забыл бы об этом. Найсими Птем, чье имя упоминалось на этом корабле каждый день по моему особому распоряжению, была таким же солдатом и умерла, потому что отказалась выполнить приказ убить невинных людей. Никто на борту «Милосердия Калра» не мог забыть ни о ней, ни о том, почему она умерла. Ни о том, что я велела упоминать ее имя ежедневно, как если бы она была одним из почивших членов моей семьи или членов экипажа этого корабля. Врач просто не может не учитывать этого именно сейчас.

Она попала в затруднительное положение и

пребывала в нерешительности. Тайзэрвэт мучилась, это было видно, а если что-то и могло вывести врача из себя, так это страдания, которые она не в состоянии облегчить. Мой приказ, с одной стороны, загонял ее в угол угрозой казни, но, с другой стороны, давал предлог, чтобы сделать то, что нужно, и она поймет это очень скоро.

— Доктор!.. — прохрипела Тайзэрвэт, продолжая бороться с ограничителями движения.

Я положила руку в черной перчатке на ее горло. Никакого нажима, просто напоминание.

— Доктор, — сказала я спокойно, — кто бы это ни был, кем бы она ни пыталась себя представить, установка этих имплантатов изначально незаконна. И она оказалась неудачной. Я сталкивалась с этим прежде, я сама прошла через это. Лучше уже не будет, и ей чрезвычайно повезет, если не станет хуже. Лекарства могут помочь ей продержаться некоторое время, но они не решат проблемы. Есть лишь одно средство, способное помочь. — Два. Но в некоторых отношениях эти два — одно и то же, по крайней мере в отношении данного фрагмента Анаандер Мианнаи.

Врач словно балансировала на лезвии ножа между двумя равно плохими вариантами выбора, и лишь возможность помочь пациенту — как бы

ничтожна она ни была — составляла едва заметную разницу между одним и другим. Я поняла, что она сделала выбор.

— Я никогда… капитан флота, у меня нет никакого опыта с этим. — Она очень старалась, чтобы ее голос не дрожал. Ей никогда прежде не приходилось иметь дело со вспомогательными компонентами, я первой из них побывала в ее медсанчасти. Корабль говорил ей, что со мной делать.

А я вряд ли была типичным образчиком.

— Не у многих он есть. Вставить их несложно, но я не припомню, чтобы кому-то приходилось их *извлекать*. Особенно если заботиться о состоянии тела, когда они уже вставлены. Но я уверена, что у тебя получится. Корабль знает, что делать. — Корабль говорил сейчас врачу то же самое. — И я помогу.

Доктор бросила взгляд на Тайзэрвэт — нет, на Анаандер Мианнаи, — привязанную к столу: она перестала бороться с креплениями, закрыла глаза. Потом посмотрела на меня.

— Успокоительные, — начала она.

— О нет. Она должна быть для этого в полном сознании. Но не волнуйся, я довольно сильно придушила ее несколько минут назад. Она не

сможет кричать очень громко.

К тому времени как мы закончили и Тайзэрвэт была без сознания, до предела накачанная седативными препаратами, врача трясло, и не только от изнеможения. Мы обе пропустили обед и ужин, и утомленные солдаты Бо с нарастающим беспокойством по одному и по двое то и дело пытались заглянуть в медсанчасть под все более пустячными предлогами. Корабль отказывался объяснять кому бы то ни было, что происходит.

— Она вернется? — спросила врач, дрожа, пока я чистила и убирала инструменты. — Тайзэрвэт, я имею в виду — она станет Тайзэрвэт снова?

— Нет. — Я закрыла коробку, убрала ее в выдвижной ящик. — Тайзэрвэт была мертва с того мгновения, когда они вставили те импланта-ты. — Они. Анаандер Мианнаи, должно быть, сделала это сама.

— Она же *дитя.* Семнадцати лет! Как же мог кто-то… — Она умолкла. Покачала головой, все еще не веря тому, что видела своими глазами, после нескольких часов хирургической операции.

— Мне было столько же, когда это случилось со мной, — отметила я. Не со *мной* на самом деле, а с этим телом, последним, которое у меня осталось. — Даже чуть меньше. — Я не стала вспо-

минать, что на меня врач так не реагировала.

Разница в том, что это гражданин, а не какой-то нецивилизованный, завоеванный враг.

Сама она этого не заметила либо была слишком ошеломлена всем произошедшим, чтобы выразить свое отношение сейчас.

— Кто же тогда она теперь?

— Хороший вопрос. — Я убрала последний инструмент. — Ей придется это решить.

— А что, если вам не понравится ее решение?

Доктор проницательна. Лучше, если она будет на моей стороне, чем наоборот.

— А это, — ответила я, сделав движение рукой, словно бросаю знаки в утреннем ритуале гадания, — будет, как пожелает Амаат. Отдохни немного. Калр принесет тебе ужин в каюту. Все станет лучше, когда поешь и поспишь.

— В самом деле? — спросила она. С горечью и вызовом.

— Ну не обязательно, — признала я. — Но когда отдохнешь и позавтракаешь, справляться с обстоятельствами легче.

Глава 4

В каюте меня ожидал ужин: миска скела и фляга воды — обычная солдатская трапеза, которую подала мне Калр Пять, обеспокоенная событиями дня, но, разумеется, ее лицо оставалось лишенным всякого выражения. Я подозревала, что подать именно это предложил ей корабль, но выяснять не стала. Скел вполне устроил бы меня в любое время, но это расстроит Пять, и не только из-за того, что лишит возможности стянуть иногда кусочек-другой какого-нибудь лакомства — заветная привилегия тех, кто обслуживает капитана или офицеров в кают-компании.

Пока я ела, оставшиеся без офицера солдаты Бо без всякого энтузиазма, почти безмолвно оттирали свою часть коридоров, которые и без того были чистыми. Тем не менее это неотъемлемая часть распорядка дня, и ею нельзя пренебрегать. Солдаты были утомлены и встревожены. Судя по тем словам, которыми они изредка обменивались, все сошлись на том, что я так жестоко обошлась с лейтенантом Тайзэрвэт, что ей стало плохо. Некоторые ворчали: «Ничем не отличается от

предыдущего», тщательно избегая конкретики.

Бо Один, старшая в подразделении, проверила выполненную работу и доложила кораблю, что она закончена. А затем безмолвно, шевеля пальцами, обратилась к нему:

— Корабль.

— Бо Один, — сказал «Милосердие Калра», который достаточно хорошо знал Бо Один, слышал все их ворчание, — тебе следует обратиться со своими вопросами к капитану флота.

Когда Бо Один пришла к врачу, через пять минут после того, как я отправилась в свою каюту, доктор сказала ей то же самое. И это предложение корабля было уже третьим. Тем не менее Бо Один сомневалась. Хотя она с полным основанием командовала подразделением Бо: лейтенант Тайзэрвэт лежала без сознания и я никого не назначила вместо нее. Вследствие этого у Бо Один было право и даже обязанность обратиться ко мне за информацией и распоряжениями.

Вспомогательные компоненты являлись частью своего корабля. При этом часто возникало смутное, парадоксальное ощущение, что каждое подразделение обладает собственной почти-идентичностью, но оно существовало наряду со знанием, что каждый вспомогательный компо-

нент — это лишь часть большего, лишь руки и ноги — и голос — для корабля. Ни у одного вспомогательного компонента никогда не возникало ни вопросов к капитану, ни чего-либо личного, что требовало обсуждения с офицером.

«Милосердие Калра» был укомплектован людьми. Но его последний капитан требовал, чтобы эти люди в своем поведении как можно больше походили на вспомогательные компоненты. Даже солдаты ее подразделения Калр обращались к ней так, как это делал корабль, словно у них не было никаких личных забот или желаний. Эта длительная привычка, подумала я, и вызвала нерешительность Бо Один. Она могла попросить другого лейтенанта поговорить со мной за нее, но Сеиварден стояла на вахте, а лейтенант Экалу спала.

В моей фиолетово-зеленой каюте я доела последний лист скела. Сказала Калр Пять:

— Калр, я выпью чая. И я хочу, чтобы ты удалила с этих стен краску как можно скорее. Я хочу мониторы. — Стены можно было менять так, чтобы они показывали все, что угодно, включая виды космоса, окружающего корабль. Необходимые материалы имелись на борту. Капитан Вэл отчего-то не желала этого. Мне же на самом деле

это не то чтобы было нужно, но просто хотелось изменить все, что осталось от прежнего капитана, как можно радикальнее.

С лицом, лишенным всякого выражения, Пять произнесла безжизненным голосом:

— Вас, капитан флота, ожидает, возможно, некоторое беспокойство.

Затем по ее лицу пробежала тень опасения, когда она слушала, что говорит ей корабль. Сомнение.

— Продолжай, — прозвучал голос корабля в ее ухе.

— Сэр, Бо Один желает с вами поговорить.

Хорошо. Еще четыре секунды — и я бы приказала ей явиться ко мне. Я дожидалась лишь, пока закончу ужин.

— Ничего не имею против этого беспокойства. И я приму Бо Один.

Вошла Бо Один, уверенная в себе внешне, испытывая страх в душе. Поклонилась чопорно, чувствуя себя неловко, — вспомогательные компоненты не кланялись.

— Бо, — произнесла я, приветствуя ее. В углу каюты Калр Пять бесцельно возилась с чайным термосом, делая вид, что ей нужно кое-что сделать, прежде чем она сможет подать мне чай,

который я попросила. Озабоченно прислушивалась.

Бо Один сглотнула. Сделала вдох.

— Прошу снисхождения у капитана флота, — начала она явно отрепетированную речь. Медленно, тщательно, расширяя гласные, не в состоянии избавиться от своего акцента, но очень стараясь. — Имеется некоторая обеспокоенность состоянием офицера подразделения Бо. — Последовала небольшая пауза, вызванная, как я понимала, особыми сомнениями: Бо знала, что меня злило само присутствие лейтенанта Тайзэрвэт на борту корабля, и чувствовала, что рискует, просто упоминая об этом, не говоря уже о том, чтобы поднять вопрос о молодом лейтенанте. Эта фраза очень тщательно выстроена, подумала я, чтобы и прозвучать формально, и избежать упоминания имени лейтенанта Тайзэрвэт. — В ходе консультаций у врача было рекомендовано обратиться к капитану флота.

— Бо, — сказала я. Мой голос оставался спокоен — да, мое настроение никогда не отражается на голосе, если я не делаю этого намеренно. Но такого рода штуки меня просто выводят из себя. — Говори прямо, когда обращаешься ко мне.

Кадр Пять все еще возилась с чайными принад-

лежностями.

— Да, сэр, — произнесла Бо Один по-прежнему чопорно. Растерянная.

— Я рада, что ты пришла. Я уже собиралась тебя вызвать. Лейтенант Тайзэрвэт больна. Она была больна, когда поднялась на борт корабля. Военное управление хотело, чтобы здесь присутствовала офицер, и ему оказалось безразлично, что она не готова отправиться в космос. Они даже попытались скрыть это от меня. — Ложь, которая не является таковой всецело. И каждый солдат и офицер на каждом судне жаловался на бездумные, невежественные решения Управления, где никто не понимал, каково это — на кораблях. — У меня есть что сказать об этом, когда появится такая возможность. — Я чуть ли не видела, как в голове Бо Один все встало на свои места: «Капитан флота злится на Управление, а не на нашего лейтенанта». — Она вернется в свою каюту завтра, и ей понадобятся день-два отдыха, а после этого — легкий режим работы, пока доктор не скажет иного. Ты, конечно, старшая в подразделении, поэтому ты будешь отвечать за своих солдат, нести вахты лейтенанта, пока ее нет, и докладывать мне. Мне нужно, чтобы подразделение Бо хорошенько позаботилось о

лейтенанте Тайзэрвэт. Я уже понимаю, что вы будете это делать, но теперь ты получила мой категорический приказ. Если у тебя появятся какие-то опасения за ее здоровье или она станет странно себя вести — будет вдруг ни с того ни с сего чем-то сбита с толку, или просто покажется, что с ней что-то не так, — ты должна доложить об этом врачу. Даже если лейтенант Тайзэрвэт прикажет тебе этого не делать. Ты меня поняла?

— *Да,* сэр, — подтвердила она, чувствуя себя более уверенно.

— Хорошо. Свободна.

Калр Пять взялась за термос, чтобы наконец налить мне чаю, слагая, несомненно, повествование, которое передаст остальным солдатам Калр.

Бо Один поклонилась. А потом с некоторым волнением сказала:

— Прошу снисхождения у капитана флота, сэр. — Умолкла и сглотнула, пораженная собственной отвагой. Движением руки я показала, что жду продолжения. — Все мы, сэр, все подразделение Бо, хотим поблагодарить вас за чай, сэр.

Я выделила по пять грамм на каждого находившегося на борту в неделю (солдаты — и даже офицеры — выжимали все, что можно, из очень маленьких порций чайных листьев), пока хватит

моих запасов. Сначала это было встречено с подозрением. Капитан Вэл настаивала, чтобы они пили только воду. Как вспомогательные компоненты. Я что, пытаюсь их к чему-то подготовить? Или похвастать, как я богата? Предоставляю привилегию, чтобы потом лишить ее для некоего собственного удовлетворения?

Однако любой радчааи считает абсолютно необходимым для цивилизованной жизни именно чай. И я знала, каково это — находиться на корабле, полном вспомогательных компонентов. Мне не было нужды играть в это.

— Пожалуйста, Бо. Свободна.

Она поклонилась еще раз и вышла. Когда дверь закрылась за ней, корабль сказал ей в ухо:

— Это прошло хорошо.

В течение следующих двух дней лейтенант Тайзэрвэт лежала на койке в своей крошечной каюте. Корабль показывал ей по очереди развлекательные зрелища из своей медиатеки, легкомысленные вещицы с песнями, то радостными, то сентиментальными, и со счастливыми финалами. Тайзэрвэт смотрела их безмятежно, не проявляя никаких эмоций, она и трагедию за трагедией смотрела бы с тем же спокойствием — настолько была напичкана лекарствами для

поддержания стабильного и расслабленного состояния. Бо суетились вокруг нее, подтыкали одеяла, приносили чай, Бо Девять ухитрилась даже состряпать для нее какую-то сдобную выпечку в крошечном камбузе при кают-компании подразделения. Все они непрестанно размышляли над природой ее заболевания, в котором меня больше не винили. В конце концов они решили, что Тайзэрвэт скверно допрашивали, прежде чем назначить на «Милосердие Калра». Или, что менее вероятно, но также возможно, она оказалась жертвой некомпетентного обучения, — когда гражданину необходимо усвоить большое количество информации, он может отправиться в медсанчасть и обучиться, находясь под воздействием препаратов — тех же препаратов, что применялись для допросов и тестов на способности. Или перевоспитания, о котором наиболее вежливые радчааи могли упоминать не иначе как превозмогая себя. Все это: допросы, обучение, тесты или перевоспитание — должны были осуществлять специалисты-врачи, которые хорошо знают, что делают.

Хотя никто на «Милосердии Калра» не говорил этого вслух, в основе любой беседы о ней лежало общее признание факта: сейчас Тайзэрвэт сильно

походит на особу, недавно прошедшую процедуру перевоспитания. То, что врач и я проделали с ней нечто без всякой помощи даже со стороны солдат Калр, также подкрепляло мысль о том, что тут не обошлось без перевоспитания. Но тем, кто через это проходит, никогда не разрешается нести военную службу, так что такое невозможно.

Что бы это ни было, оно — не вина Тайзэрвэт. И не моя. Все испытывали облегчение. На следующий день я и Сеиварден пили чай в моей каюте, по-прежнему из чашек розового стекла, даже я сама пока не заслужила наилучшей посуды. Желание Сеиварден спросить, что же произошло, было очевидным, но вместо этого она произнесла:

— Я думал о том, что ты сказала тогда. О том, что я никогда не видел, как ты… я имею в виду… — Она осеклась, осознав вероятно, что эта фраза ни к чему хорошему не приведет. — У офицеров есть свои каюты, так что это легко, но я даже не думал, как мои Амаат… Я имею в виду — нигде нет уединения, не так ли? Им некуда пойти, если они захотят… Я имею в виду…

На самом деле есть довольно много мест, включая несколько отсеков для хранения вещей, все шаттлы (хотя отсутствие силы тяжести делало

кое-что затруднительным), и даже, при достаточном безрассудстве, пространство под столом в солдатской кают-компании. Но у Сеиварден всегда была своя каюта, и ей никогда не приходилось пользоваться ими.

— Я считаю, это хорошо, что ты думаешь об этом, — заметила я. — Но оставь своим Амаат чувство собственного достоинства, которое они в состоянии себе позволить. — Глотнув еще чаю, я добавила: — Кажется, в последнее время ты много думаешь о сексе. Я рада, что ты просто не приказала одной из твоих Амаат. — Она была бы не первым офицером на этом корабле, поступившим так.

— Такая мысль меня посещала, — призналась она, ее лицо запылало пуще прежнего. — А потом я подумал о том, что бы ты на это сказала.

— Не думаю, что врач в твоем вкусе. — На самом деле прежде всего я подозревала, что доктора вообще не интересует секс. — Лейтенант Тайзэрвэт пока слишком молода, и сейчас она вообще к этому не готова. А ты не думала подкатить к Экалу? — Экалу это приходило в голову, я уверена. Но аристократическая внешность и архаичное произношение Сеиварден устрашали ее настолько же, насколько привлекали.

— Я не хотел ее обидеть.

— Слишком похоже на то, что вышестоящий пытается завязать дружбу с подчиненным? — Сеиварден движением руки выразила согласие. — Думать об этом так — обидно само по себе, тебе не кажется?

Она со стоном поставила чашку на стол.

— Так или иначе, я проигрываю.

Я показала жестом, что не уверена в этом.

— Или в обоих случаях выигрываешь.

Она хихикнула.

— Я *очень* рад, что врач смогла помочь Тайзэрвэт.

В каюте лейтенанта Тайзэрвэт Бо Девять подоткнула одеяло в третий раз за последний час. Поправила подушки, проверила температуру чая в чашке лейтенанта. Тайзэрвэт, накачанная препаратами, подчинялась с бесстрастным спокойствием.

— И я тоже, — подтвердила я.

Через два дня — до Атхоека оставалось менее трети пути — я пригласила лейтенанта Экалу и лейтенанта Тайзэрвэт пообедать со мной. В силу построения служебных расписаний на «Милосердии Калра» это был мой обед, ужин Экалу, завтрак Тайзэрвэт. А из-за того что мои солдаты

Калр соскребали краску со стен моей каюты, обед состоялся в кают-компании. Почти как если бы я вновь оказалась сама собой, хотя кают-компания «Милосердия Калра» значительно меньше, чем моя кают-компания подразделения Эск, когда я была «Справедливостью Торена» и имела по двадцать лейтенантов на каждое из моих десяти подразделений.

Мой обед в кают-компании вызвал некое смешение юрисдикции: Калр Пять очень хотелось установить свою власть на территории, находящейся обычно под управлением офицерского персонала. Она мучилась, не в силах решить, то ли настоять на использовании своего фарфора второго уровня, что неопровержимо покажет, что это ее обед, а также позволит продемонстрировать посуду, которую она так любит, то ли позволить Этрепа Восемь и Бо Девять использовать сервиз кают-компании, что убережет драгоценный фарфор от несчастных случайностей, но будет означать, что обед проходит под патронажем Этрепа и Бо. В конце концов победило ее самолюбие, и мы ели яйца и овощи с расписанных вручную тарелок.

Экалу, которая почти все время прослужила на этом корабле простым солдатом и, вероятно,

знала особенности Калр Пять, заметила:

— Прошу снисхождения капитана флота, эти тарелки восхитительны. — Пять не улыбнулась, она редко улыбалась передо мной, но я видела, что Экалу точно поразила свою цель.

— Их выбирала Пять, — сообщила я, одобряя ход Экалу. — Это «Брэктвэр», изготовлен около тысячи двухсот лет назад. — На мгновение Экалу застыла с вилкой над тарелкой, опасаясь стукнуть по ней слишком сильно. — Они на самом деле не то чтобы ужасно ценные. Есть места, где почти у каждого имеется часть сервиза, обернутая и уложенная в коробку, которая никогда не извлекается на свет. Но они прелестны, не так ли? И можно понять, почему они были так популярны. — Если я до сих пор еще не производила благоприятного впечатления на Калр Пять, то сейчас мне это удалось. — И, лейтенант, если ты будешь начинать каждую фразу с «прошу снисхождения капитана флота», то у нас получится нудный обед. Просто допусти, что я проявила снисхождение к вежливой беседе.

— Да, сэр, — подтвердила смущенная Экалу и принялась за яйца. Очень осторожно, стараясь не прикасаться к тарелке своей вилкой.

Тайзэрвэт пока еще ничего не сказала, помимо

требуемых время от времени «да, сэр», «нет, сэр» и «благодарю вас, сэр». Все это время ее сиреневые глаза были опущены долу, не глядели ни на меня, ни на Экалу. Доктор перестала давать ей успокоительные средства, но Тайзэрвэт все еще находилась под их воздействием. Препараты загнали вглубь ее злость и отчаяние. Сейчас это что-то вроде помех, но мне не хотелось, чтобы преобладали именно они, когда лейтенант перестанет принимать лекарства.

Пора было что-то предпринять в этом направлении.

— Вчера, — произнесла я, проглотив кусочек яйца, — лейтенант Сеиварден сказала мне, что подразделение Амаат, очевидно, лучшее на корабле. — Сеиварден на самом деле ничего такого не говорила. Но всплеск уязвленной гордости Этрепа Восемь и Бо Девять, стоящих в углу кают-компании в ожидании, когда понадобятся их услуги, оказался столь явным, что на мгновение я встревожилась, подумав, что Экалу и Тайзэрвэт также заметили это. Калр Пять отреагировала не так сильно — ведь мы только что похвалили ее фарфор, и, кроме того, подразделение капитана в определенном отношении выше этого.

Экалу сразу испытала внутренний конфликт, и

мне это было хорошо заметно. До самого недавнего времени она входила в подразделение Амаат и сейчас самым естественным образом отреагировала на признание превосходства ее подразделения. Но в то же время теперь она являлась лейтенантом подразделения Этрепа. Экалу помолчала, раздумывая, как мне показалось, над ответом. Тайзэрвэт уткнулась в свою тарелку, возможно поняв, куда я клоню, и оставшись равнодушной.

— Сэр, — обратилась в конце концов ко мне Экалу, явно заставив себя воздержаться от пресловутого «прошу снисхождения капитана флота» и тщательно следя за своим произношением, — все подразделения «Милосердия Калра» превосходны. Но если бы мне пришлось сузить это до… — Она замолкла. Возможно осознав, что стала выражаться чересчур формально и неуклюже. — Если бы нужно было выбирать, то пришлось бы признать, что Этрепа — лучшие. Мне отнюдь не хочется обижать ни лейтенанта Сеиварден, ни ее солдат Амаат; при всем должном уважении, это всего лишь факт. — На последней фразе она почти вернулась к своему обычному произношению.

Тайзэрвэт хранила молчание. Бо Девять, молча

стоявшая по стойке смирно в углу кают-компании, источала смятение.

— Лейтенант, — сказал «Милосердие Калра» в ухо Тайзэрвэт, — твое подразделение ожидает, что ты выскажешься в его поддержку.

Тайзэрвэт подняла голову, бросила на меня короткий взгляд серьезных сиреневых глаз. Она понимала, что я делаю, и знала, что у нее есть лишь один возможный ход. Это злило ее, она негодовала на меня. Ее приглушенная злость чуть-чуть усилилась, но почти сразу же вернулась к прежнему уровню. И не только злость — на миг я увидела сильное желание, безнадежное мгновенное желание. Она повернула голову к Экалу.

— Прошу прощения, лейтенант, при всем должном уважении, я боюсь, что ты ошибаешься. — Вспомнила на половине фразы, что ей не следует говорить как Сеиварден. Или как Анаандер Мианнаи. И она чуть изменила произношение, сделав его не столь четким. — Может, Бо и младше, но мои Бо явно лучше, чем любое другое подразделение на этом судне.

Экалу прищурилась. На мгновение ее лицо стало непроницаемым, как у вспомогательного компонента, — так поразила ее Тайзэрвэт

своим акцентом, манерой выражения, явным самообладанием, отнюдь не свойственным семнадцатилетнему офицеру, но затем она опомнилась. Начала подыскивать ответ. Ей не стоило акцентировать внимание на том, что, как бы то ни было, Бо действительно младше, это сделало бы ее уязвимой с учетом старшинства подразделения Амаат. Она посмотрела на меня.

Я придала лицу заинтересованное выражение.

— Что ж, — сказала я весело, — нам следует разрешить этот спор. Объективно. Возможно, по умению обращаться с огнестрельным оружием и броней. — Экалу наконец осознала, что я все это спланировала. Однако по-прежнему недоумевала, не до конца понимая мой замысел. Я напоказ пошевелила пальцами в перчатках, отправляя просьбу Калр Пять. Вслух спросила обоих лейтенантов: — Каковы ваши показатели?

Они сощурились: корабль выдал им информацию.

— Все на уровне стандарта, сэр, — ответила Экалу.

— *Стандарта?* — спросила я со скепсисом в голосе. — Несомненно, этот экипаж лучше стандартного. — Лейтенант Тайзэрвэт снова уставилась в свою тарелку, испытывая одновременно

целую гамму чувств, приглушенных воздействием лекарственных препаратов: негодование, одобрение, ярость, то сильное желание, что я заметила прежде. — Я дам вам неделю. Давайте затем посмотрим, у какого подразделения — Этрепа или Бо — окажутся наивысшие результаты. Включая ваши собственные, лейтенанты. Выдайте броню. Разрешаю вам носить ее для практики, когда посчитаете это удобным. — Моя собственная броня была вживлена — личный силовой щит, который я могла развернуть в крошечную долю секунды. Эти лейтенанты и их подразделения носили выдаваемые им комплекты брони на ремнях на груди. Никто из них никогда не бывал в сражении, они умели разворачивать свою броню за одну секунду, как требовалось, но я хотела лучших показателей, особенно понимая, что может ожидать нас впереди, что теперь уже ничто не будет так, как прежде.

Калр Пять вошла в кают-компанию, неся по темно-синей бутылке в каждой руке и еще одну прижимая к себе локтем. С бесстрастным лицом, но внутренне не одобряя происходящего, она поставила их на стол.

— Арака, — изрекла я. — Хорошая. Для того, кто победит.

— Для всего подразделения, сэр? — спросила лейтенант Экалу, испытывая некоторые сомнения. Пораженная.

— Разделите, как пожелаете, — ответила я, зная, что, конечно же, Этрепа Восемь и Бо Девять уже сообщили все своим товарищам и солдаты — и Этрепа, и Бо — уже рассчитали свои равные доли приза. Возможно, выделив несколько большую долю офицерам.

Позже, в каюте Сеиварден, Экалу перевернулась и сказала сонной Сеиварден:

— Со всем уважением, С… без обид. Я не хочу тебя обидеть. Но я… все интересуются, не преклоняешь ли ты колен перед сэром?

— Зачем ты это делаешь? — спросила Сеиварден не вполне разборчиво, а затем, постепенно просыпаясь, добавила: — Говоришь вот так: «сэр» вместо «капитан флота». — Еще больше проснувшись, продолжила: — Нет, я понимаю почему, когда я об этом думаю. Извини. С чего мне обижаться? — Экалу, пораженная, растерянная, недоумевающая, не ответила. — Я бы сделал это, если бы она захотела. Она не хочет этого от меня.

— А что, сэр… капитан флота — аскет?

Сеиварден иронично хохотнула.

— Я так не думаю. Она не очень-то общительна,

наш капитан флота. И никогда не была. Но я вот что тебе скажу. — Она втянула в себя воздух, выдохнула. Сделала еще один вдох, пока Экалу ждала продолжения. — Ей можно доверять беспредельно. Она *никогда* не подведет.

— Это было бы здорово, — заметила Экалу с явным скепсисом. Не веря. Затем, вновь что-то обдумав, спросила: — Она служила в Спецмиссиях раньше?

— Не могу сказать. — Сеиварден положила обнаженную руку на живот Экалу. — Когда тебе нужно вернуться на работу?

Экалу подавила легкую дрожь, порожденную сложной смесью чувств, по большей части — приятных. Большинство не-радчааи не в полной мере понимают, какой эмоциональный заряд несут обнаженные руки для радчааи.

— Примерно через двадцать минут.

— Ммм, — произнесла Сеиварден, раздумывая над этим. — Это целая куча времени.

Я предоставила их самим себе. Бо и их лейтенант спали. В коридорах Этрепа драили швабрами и скребли полы, время от времени вспыхивая серебром, когда броня обтекала их тела и убиралась обратно.

Несколько позже Тайзэрвэт и я пили чай в

кают-компании подразделения. Уровень успокоительных стал еще ниже, эмоции — менее контролируемыми, менее сдерживаемыми, и, когда мы на минуту оказались одни, она бросила:

— Я понимаю, что ты делаешь. — При этом я ощутила в ней странный, едва заметный всплеск ярости и желания. — Что ты пытаешься сделать. — Это значит, подумала я, что ей хочется на самом деле стать членом экипажа, добиться восхищения и преданности Бо. Возможно, даже моих. То, чего желала бы несчастная прежняя Тайзэрвэт. То, что я предлагала ей сейчас.

Но предлагала на своих, а не на ее условиях.

— Лейтенант Тайзэрвэт, — сказала я, спокойно выпив глоток чая, — разве это подходящий вариант обращения ко мне?

— Нет, сэр, — признала Тайзэрвэт, потерпев поражение и в то же время — нет. Даже находясь под воздействием лекарственных средств, она являла собой клубок противоречий, каждая ее эмоция сопровождалась чем-то противоположным. Тайзэрвэт никогда не хотела быть Анаандер Мианнаи. Пробыла ею не так уж долго, всего несколько дней. И кем бы она ни являлась сейчас, как ни пагубно это для планов Анаандер Мианнаи, она чувствовала себя гораздо лучше.

Это сделала *я*. Она ненавидит меня за это. И в то же время — нет.

— Поужинай со мной, лейтенант, — сказала я, будто бы и не случилось только что короткой перепалки. Будто я не могла видеть, что она чувствует. — Ты и Экалу. Вы сможете похвастаться успехами своих подразделений, а Калр сделает те пирожные, которые тебе так нравятся, с сахарной глазурью. — В моей каюте корабль сообщил эту просьбу в ухо Калр Пять, осматривавшей стены, дабы удостовериться, что все установлено как надо. Пять закатила глаза и вздохнула, словно рассердилась, пробормотала что-то про подростковый аппетит, но втайне, что, как она думала, мог видеть только корабль, была польщена.

Состязание было упорным. И Этрепа, и Бо проводили все свободное время в тире, а в служебное время, пока работали, развертывали и убирали свою броню. Их показатели заметно улучшились по всем статьям, почти все повысили уровень сложности тренировок в тире, а те, кому пока не удалось, вскоре добьются этого. И все до одного солдаты Этрепа, и все Бо научились разворачивать броню менее чем за полсекунды. Очень далеко от того, что могли делать вспомогательные компоненты, как и от того, чего хотела

добиться я, но тем не менее явное улучшение было налицо.

Все Бо почти сразу поняли истинную цель соревнования и тренировались с самым серьезным настроем. Этрепа — тоже, мою цель (как они ее поняли) они одобрили, однако своих усилий из-за этого не уменьшали. Но приз достался Бо. Я вручила три бутылки араки (очень хорошей и очень крепкой) лейтенанту Тайзэрвэт, которая практически вышла из-под воздействия успокоительных препаратов, в солдатской кают-компании. За ее спиной стояли все солдаты подразделения Бо, вытянувшись в струнку и с лицами, напрочь лишенными всякого выражения, подобно вспомогательным компонентам. Поздравив их с победой, я покинула кают-компанию, понимая, что там начнется серьезная пьянка, как только я окажусь в коридоре.

Менее чем через час ко мне пришла Сеиварден от имени своих Амаат, которые по большей части старались проявить понимание всей этой истории в целом, но теперь, проходя мимо солдатской кают-компании, не могли не вспоминать о том, что у них не было ни малейшей возможности добиться этой араки. И я приказала подать к ужину фрукты всем Этрепа и Бо — у меня есть за-

пасы апельсинов, личи и дреджфрутов, которые закупила и бережно хранила в отсеке временной приостановки Калр Пять. Даже после проведения уборки в кают-компании сладкий запах дреджфрутов висел в коридоре, вызывая у солдат подразделения Амаат чувство голода и обиды.

— Скажи им, — предложила я Сеиварден, — что я хотела подбодрить лейтенанта Тайзэрвэт, а если бы они принимали участие в состязании, то у нее даже шанса не было бы. — Сеиварден хохотнула, отчасти осознавая, что это ложь, а отчасти, как я подумала, считая, что, может быть, это вовсе и не ложь. У ее солдат Амаат, вероятно, будет сходная реакция. — Сделай так, чтобы они улучшили свои показатели на следующей неделе, и они тоже получат к ужину дреджфруты. И Калр — тоже. — Последнее было сказано для всегда прислушивающейся Калр Пять.

— А арака? — с надеждой спросила Сеиварден.

В солдатской кают-компании торжественное распитие араки, которое началось весьма сосредоточенно, дисциплинированно, когда каждый совместный глоток сопровождался возглашением одного из богов корабля и жгучий вкус араки на его пути вниз тщательно смаковался, стало перерождаться в попойку. С места поднялась Бо

Десять, не вполне отчетливо попросила снисхождения лейтенанта и, получив его, оповестила о намерении прочитать собственную поэму.

— У меня есть еще арака, — сообщила я Сеиварден в своей каюте. — И я намерена частично раздать ее. Но я предпочла бы не раздавать ее в массовом порядке.

В солдатской кают-компании заявление Бо Десять встретило возгласы одобрения, даже от лейтенанта Тайзэрвэт, и Бо Десять принялась излагать, как оказалось, эпическую поэму о деяниях, по большей части придуманных ею самой, бога Калра, который, по свидетельству Бо Десять, изрядную долю времени был пьян и сочинял скверные стихи.

— Ограничение выдачи араки — это, возможно, хорошая мысль, — сказала Сеиварден в моей каюте чуть задумчиво. — И я в любом случае не стал бы пить вообще. — Когда я нашла ее, нагую и без сознания, на покрытой льдом улице год назад, она принимала кеф, часто и помногу. С тех пор она по большей части воздерживалась.

По мере того как Бо Десять нескончаемо декламировала свою поэму, та превращалась в хвалебную песнь, воспевающую превосходство подразделения Бо над всеми остальными на

корабле, включая подразделение Амаат. Нет, *в особенности* над подразделением Амаат, которое распевает глупые детские песенки, и не слишком здорово.

— Наша песня лучше! — провозгласила одна опьяненная Бо, остановив поток поэзии Бо Десять, а другая, в равной степени пьяная, но, вероятно, более ясно мыслящая, спросила:

— А *что* у нас за песня?

Бо Десять, не особо привередливая в теме выступления и совершенно не готовая уступить место в центре всеобщего внимания, сделала глубокий вдох и запела неожиданно приятным, пусть и дрожащим, контральто:

— О дерево! Съешь рыбу! — Эту песню я напевала довольно часто. Она — не на радчааи, и Бо Десять лишь приблизительно воспроизводила звучание слов, используя более знакомые, которые она распознавала. — Это гранит сгибает персик! — Во главе стола Тайзэрвэт, как ни удивительно, захихикала. — О дерево! О дерево! Где же мой зад?

Последнее слово повергло Тайзэрвэт и всех остальных Бо в дикий хохот. Четверо из них сползли со стульев и рухнули на пол. Им понадобилось добрых пять минут, чтобы прийти в себя.

— Подожди! — воскликнула Тайзэрвэт. Подумала о том, чтобы подняться, а затем отказалась от этой идеи, поскольку ее воплощение требовало слишком больших усилий. — Подожди! Подожди! — И когда ей удалось привлечь их внимание: — Подожди! Это, — она махнула одной рукой в перчатке, — есть наша песня. — Во всяком случае, она попыталась это сказать — последнее слово заглушил новый взрыв хохота. Она подняла свой стакан, чуть не выплеснув араку на стол. — За Бо!

— За Бо! — эхом подхватили солдаты, а затем одна из них добавила:

— За капитана флота Брэк!

И Тайзэрвэт оказалась достаточно пьяна, чтобы согласиться без колебаний:

— За капитана флота Брэк! Которая не знает, где ее зад! — После этого оттуда долетал только хохот и распеваемый на пределе возможности легких рефрен: О дерево! Где же мой зад?

* * *

— Вот потому, сэр, — заметила часом позже в бане врач, которую, как и меня, обслуживала Калр, — капитан Вэл не позволяла подразделениям пить.

— Нет, не поэтому, — сказала я спокойно. Доктор, как всегда, хмурясь, приподняла бровь, но не спорила. — Я, разумеется, не думаю, что проводить это на регулярной основе было бы хорошей идеей. Но именно сейчас у меня есть на то причины. — И доктору это известно. — Вы готовы заняться одиннадцатью пациентами, страдающими от похмелья, когда они проснутся?

— Сэр! — С негодованием в голосе она приподняла локоть — махать обнаженной рукой в бане было бы грубостью. — Калр могут легко справиться с этим.

— Это они смогут, — согласилась я. Корабль ничего не сказал и только продолжал показывать мне Тайзэрвэт и ее Бо, гогочущих и распевающих в солдатской кают-компании.

Глава 5

Если база Атхоек имеет вообще какое-то значение, то потому, что планета, вокруг которой она двигается по орбите, производит чай. Конечно, и кое-что другое — планеты, они большие. А терраформированные, умеренные планеты чрезвычайно ценны сами по себе, как результат вековых, если не тысячелетних, усилий: инвестиций, терпения и трудной работы. Но Анаандер Мианнаи не пришлось нести никаких издержек — она всего лишь позволила обитателям планеты сделать все самим, а потом послала военные флотилии, армии вспомогательных компонентов, чтобы все присвоить. Через пару тысячелетий у нее собралась целая коллекция уютных обитаемых планет, так что большинство радчааи не считали их особо редкими или ценными.

Но Атхоек располагал несколькими длинными горными хребтами, множеством озер и рек. И на планете была сеть управления погодой, которую ее обитатели создали всего за столетие до аннексии или около того. Все, что нужно было сделать вновь прибывшим радчааи, — посадить чай и

ждать. Теперь, шесть столетий спустя, Атхоек производит десятки миллионов метрических тонн в год.

Невыразительная, удушливая чернота шлюзового пространства сменилась светом звезд, и мы оказались в системе Атхоек. Я сидела в командной рубке, лейтенант Экалу стояла рядом. Два солдата подразделения Этрепа лейтенанта Экалу стояли по обе стороны от нас, у своих пультов. Сама рубка — маленькая и простая: глухая стена — на случай, если кораблю понадобится показать изображение (или если те, кто стоит на вахте, предпочтут наблюдать таким образом), два пульта и кресло для капитана или дежурного офицера. Опоры — для тех случаев, когда ускорение корабля опережает его корректировку силы тяжести. Это одна из немногих частей судна, часто посещавшихся капитаном Вэл, которые она не перекрасила или не переделала каким-то другим образом. Единственное исключение представляла висевшая над дверью декоративная пластина с надписью, гласившей: *«Надлежащее внимание к долгу* — это подарок богам». Довольно распространенная банальность, но я велела снять ее и упаковать вместе с остальными вещами капитана Вэл.

Мне не было нужды сидеть в командной рубке. Где бы ни находилась, я могла закрыть глаза и увидеть, как темнота уступает свету солнца Атхоека, ощутить внезапный поток частиц, услышать фоновый шелест различных систем связи системы и автоматизированных сигнальных радиомаяков. Сам Атхоек — достаточно далеко и являет собой маленький светящийся бело-голубой круг. Его видимому образу требовалось добрых три минуты, чтобы достигнуть моего поля зрения.

— Мы — в системе Атхоек, капитан флота, — доложила одна из солдат Этрепа. Через несколько мгновений корабль скажет ей о том, что я уже вижу: вокруг базы Атхоек довольно много судов, определенно больше, чем он считает обычным явлением. Помимо этого, все представляется нормальным или, по крайней мере, было таковым от двух до десяти минут назад — за столько времени свет и сигналы достигли нашего нынешнего местоположения. И в то время как здесь базируются три военных корабля, в зоне непосредственной видимости находится только один, возле одного из четырех шлюзов системы. Или находился там около двух с половиной минут назад. Я предполагала, что это «Меч Атагариса», хотя не могла быть

полностью уверена, пока не окажусь ближе или он не представится.

Я думала об этом далеком корабле. Где же остальные два и почему этот охраняет один из шлюзов Атхоека? К тому же наименее важный из четырех: за ним — необитаемая система, не имеющая своих шлюзов, куда обитатели Атхоека планировали экспансию до аннексии, но так и не осуществили своих замыслов.

Я немного подумала над этим. Лейтенант Экалу, стоящая рядом со мной, слегка нахмурилась, увидев то, что показал ей корабль, — то самое изображение системы Атхоека, на которое смотрела я. Она не поразилась, не встревожилась. Лишь несколько удивилась.

— Сэр, я думаю, это «Меч Атагариса» возле Призрачного шлюза, — сказала она. — Я не вижу ни «Милости Фея», ни «Милости Илвеса».

— Призрачного шлюза?

— Так они его называют, сэр. — Как я заметила, она была несколько сбита с толку. — Полагают, что система с другой стороны населена привидениями.

Радчааи верят в привидения. Или точнее — многие радчааи. После столь большого количества аннексий Радч поглотил такую массу

народов с их разнообразными религиозными верованиями, что теперь у радчааи бытовали различные мнения о том, что происходит после смерти индивидуума. Большинство граждан испытывали по меньшей мере смутное подозрение, что насильственная или несправедливая смерть либо отсутствие должных погребальных приношений приводят к тому, что душа усопшего задерживается, непрошеная и, возможно, опасная. Но я впервые слышала о том, чтобы призраки населяли целую систему.

— Целая система? Что за привидения?

По-прежнему растерянная, лейтенант Экалу движением руки показала, что полна сомнений.

— Разное говорят.

Я подумала над этим.

— Хорошо. Корабль, давай представимся и направим мои учтивые приветствия капитану «Меча Атагариса» Хетнис. — И «Милосердие Калра», и лейтенант Экалу полагали, что корабль возле Призрачного шлюза, вероятно, «Меч Атагариса», и я подумала, что они, возможно, правы. — А пока мы ожидаем ответа — что потребует около пяти минут, — займись нашим перемещением через шлюз поближе к базе Атхоек. — Мы вышли из шлюзового пространства гораздо дальше, чем

могли бы, — я и хотела именно такого выгодного положения, чтобы посмотреть, как обстоят дела, прежде чем приближаться.

Но добираться до самого Атхоека с этого расстояния пришлось бы несколько дней, если не недель. Мы были способны, разумеется, подойти через шлюз гораздо ближе. Теоретически даже прямо к самой базе, хотя это было бы чрезвычайно опасно. Чтобы осуществить такой маневр, не угрожающий судну, нам требовалось знать, где будут находиться каждый корабль, каждый челнок, каждый катер в тот миг, когда мы выйдем из шлюзового пространства. Открытие шлюза само по себе было способно повредить то, что уже находилось в этом месте, и «Милосердие Калра», выйдя в обычный космос, мог столкнуться с чем-то, что оказалось бы на пути.

Я проделывала это прежде, когда была кораблем, во время аннексий, когда чуть больше смертей и разрушений едва ли могли иметь значение. Но не в радчаайской системе с ее напряженным штатским транспортным потоком.

— Сэр, не хотите ли чаю? — спросила лейтенант Экалу.

Я уже вернула свое внимание вовне, к этой звезде, ее свету и теплу, ее далекой планете.

Шлюзам и их маякам. Вкусу пыли на корпусе «Милосердия Калра». Я открыла было рот, чтобы сказать: «Спасибо, нет». А затем осознала, что на самом деле она сама хочет чаю, она обходилась без него, пока приближалось время выхода из нашего собственного шлюза, и теперь, когда мы благополучно прибыли на место, она надеялась, что я попрошу чаю. Без меня она пить не будет. То, что она задала такой вопрос, было довольно смело с ее стороны.

— Да, благодарю, лейтенант.

Вскоре, почти за минуту до того, как я ожидала ответа на свое первое послание, солдат Этрепа протянула мне чашку чая, а корабль, который все мы приняли за «Меч Атагариса», исчез.

Я наблюдала за ним. Наслаждалась зрелищем, и сейчас это почти подавило беспокойство, которое я обычно испытывала, получая от корабля так много данных. Я все-таки не могла полностью обработать информацию, но это не помешало мне увидеть то, что я хотела, — близко, пусть и не настолько, чтобы прикоснуться.

Однако на эти несколько мгновений я чуть не забыла, что я больше не корабль. Поэтому, когда «Меч Атагариса» исчез, я отреагировала незамедлительно, не думая.

И обнаружила, что будто парализована. Нужные цифры не приходили — во всяком случае, не мгновенно, — и корабль, который был, разумеется, «Милосердием Калра», а не мной, не двигался просто по моему желанию, так, как это сделало бы мое собственное тело. Я резко вернулась в себя, в мое одно-единственное тело, сидящее в командной рубке.

Но корабль понимал, чего я хотела и почему. Лейтенант Экалу спросила:

— Сэр, вы в порядке? — И потом «Милосердие Калра» тронулся, чуть быстрее, чем мог подрегулировать силу тяжести. Чашка выскочила из моей руки и разбилась, разбрызгав чай на мои брюки и ботинки. Лейтенант Экалу и солдаты Этрепа дернулись, ухватились за опоры. И мы внезапно вновь оказались в шлюзовом пространстве.

— Они ушли в шлюзовое пространство, — сказала я. — Почти сразу же, как заметили нас. — Определенно до того, как получили наше послание, в котором мы представились. — Они увидели нас и через тридцать секунд тронулись.

Толчок, из-за которого чай вылился мне на ноги, разбудил лейтенанта Тайзэрвэт и ее солдат Бо. Одна из солдат Амаат лейтенанта Сеивар-

ден упала и вывихнула запястье. Помимо еще нескольких разбитых тарелок, ущерба не последовало — все было закреплено на случай непредвиденных обстоятельств при выходе из собственного шлюза.

— Но… но, сэр, мы — «Милосердие». Мы и выглядим как «Милосердие». И мы не то чтобы подкрались к ним незаметно. С чего бы им удирать, как только они нас заметили? — Затем она сопоставила это с нашим очень неожиданным движением. — Вы ведь не думаете, что они убегают?

— Я не собиралась рисковать, — признала я. Солдат Этрепа поспешно убрала осколки фарфора и вытерла лужицу чая.

— Выходим из шлюзового пространства через сорок пять секунд, — сказал корабль в наши уши.

— Но *почему?* — спросила лейтенант Экалу. Искренне встревоженная, искренне озадаченная. — Они не могут знать, что случилось в Омо, шлюзы между системами вышли из строя прежде, чем какие-либо новости просочились. — Ничего не зная ни о расколе Анаандер Мианнаи, ни о том, что военные корабли и офицеры принимают разные стороны в этой борьбе, капитан Хетнис и

«Меч Атагариса» не имели причины реагировать на наше прибытие как на угрозу.

Даже граждане, полагавшие, что Радч проникнут чужеродным влиянием и коррумпирован, а также считавшие некоторых чиновников и капитанов скрытыми врагами, не знали, что теперь борьба ведется в открытую.

— Либо им уже что-то известно, — сказала я, — либо что-то произошло здесь.

— Держитесь, — сказал корабль всем нам.

— Сэр, — обратилась лейтенант Экалу, — как мы узнаем, где находится «Меч Атагариса», когда выйдем в космос?

— Мы этого не узнаем, лейтенант.

Она сделала вдох. Хотела было что-то сказать, но не стала.

— Вероятно, мы не наткнемся на «Меч Атагариса», — добавила я. — Космос велик. И сегодня утром предсказание оказалось благоприятным.

Она не знала, шучу я или нет.

— Да, сэр.

Мы снова вернулись в обычное пространство. Солнце, планета, шлюзы, фоновый шелест. Никакого «Меча Атагариса».

— Где же он? — спросила лейтенант Экалу.

— Десять секунд, — ответила я. — Всем дер-

жаться.

Через десять с половиной секунд в пространстве открылась черная-пречерная дыра, и оттуда появился «Меч Атагариса», менее чем в пятистах километрах от того места, где мы были только что. Еще не выйдя полностью из своего шлюза, он начал передачу.

— Неизвестный корабль, представься или будешь уничтожен.

— Хотел бы я посмотреть, как он попытается это сделать, — заметил корабль, но только мне.

— Это не капитан Хетнис, — сказала Экалу. — Думаю, это ее лейтенант подразделения Амаат.

— «Меч Атагариса», — начала я. Корабль поймет, что надо передать мои слова. — Это капитан флота Брэк Мианнаи, командующая «Милосердием Калра». Объяснитесь.

Полсекунды потребовалось, чтобы мое послание достигло «Меча Атагариса», и четыре секунды — пресловутому лейтенанту, чтобы взять себя в руки и ответить.

— Капитан флота, сэр. Мои извинения, сэр. — Тем временем «Милосердие Калра» представился «Мечу Атагариса». — Мы… мы боялись, что вы не те, кем кажетесь, сэр.

— За кого же ты нас приняла, лейтенант?

— Я… я не знаю, сэр. Просто, сэр, дело в том, что мы вас не ожидали. Ходили слухи, что Дворец Омо атакован или даже уничтожен, и мы не получали оттуда ни словечка уже почти месяц.

Я бросила взгляд на лейтенанта Экалу. Она вернулась к привычке каждого солдата на «Милосердии Калра», и с ее лица исчезло всякое выражение. Это говорило само за себя, но я, конечно, видела больше. Даже не принимая во внимание того, что произошло сейчас, она невысокого мнения о лейтенанте подразделения Амаат «Меча Атагариса».

— Если бы ты поступила, как собиралась, лейтенант, — заметила я сухо, — то тебе пришлось бы еще долго дожидаться сообщений из Омо. А теперь я поговорю с капитаном Хетнис.

— Прошу снисхождения у капитана флота, — ответила лейтенант. — Капитан Хетнис на базе Атхоек. — Должно быть, она осознала, как это прозвучало, потому что после короткой паузы добавила: — Консультируется с губернатором системы.

— А когда я найду ее там, — спросила я, добавив в голос капельку сарказма, — она сможет объяснить мне, чем, собственно, по вашему мнению, вы тут занимаетесь?

— Да, сэр.

— Хорошо.

Корабль прервал связь, и я повернулась к лейтенанту Экалу:

— Ты знакома с этим офицером?

Ее лицо по-прежнему было лишено всякого выражения.

— Вода камень точит, сэр.

Это пословица. Или точнее, ее половина. Вода камень точит, но ужина не приготовит. У каждого свои достоинства. Сказанное с иронией, это могло также подразумевать, что, поскольку боги, несомненно, имели цель для каждого, пресловутая особа должна быть в чем-то хороша, но говорящий не представляет, что бы это такое могло быть.

— У нее хорошая семья, — добавила Экалу в ответ на мое молчание, по-прежнему бесстрастно. — Родословная — длиной с вашу руку. Ее мать — троюродная сестра внучки клиента клиента самой Мианнаи, сэр.

И очевидно, она постаралась, чтобы все об этом знали.

— А капитан? — Анаандер Мианнаи сказала мне: то, чего капитану Хетнис недостает в отношении проницательности, она восполняет

добросовестным отношением к своему долгу. — Возможно ли, чтобы она оставила приказ атаковать все, что появится в системе?

— Я бы так не сказала, сэр. Но этот лейтенант… не то чтобы одарена богатым воображением, сэр. Колени у нее покрепче, чем голова. — На последней фразе Экалу чуть-чуть утратила контроль над своим произношением. — Прошу снисхождения у капитана флота.

Итак, вероятно, она действовала по приказу, который предполагал, что прибывающие в систему корабли могут представлять собой угрозу. Придется спросить об этом капитана Хетнис, когда с ней увижусь.

Пристыковка к причалу базы Атхоек прошла по большей части в автоматическом режиме. Когда давление уравнялось и Пять открыла люк челнока, лейтенант Тайзэрвэт и я протолкнулись через неудобную границу между невесомостью челнока и искусственной силой тяжести базы. Причал был тускло-серым, истертым, как любой другой причал на любой другой базе.

Капитан корабля стояла там в ожидании, у нее за спиной вытянулась в струнку неподвижный вспомогательный компонент. Увидев ее, я почувствовала укол зависти. Когда-то я была такой. Я

никогда больше не смогу стать такой вновь.

— Капитан Хетнис, — сказала я, когда Тайзэрвэт подошла и встала за мной.

Капитан Хетнис высокая — выше меня на добрых десять сантиметров, — широкоплечая, плотного телосложения. Цвет ее подстриженных по-военному коротко серебристо-серых волос являл собой разительный контраст с темной кожей. Возможно, это проявление тщеславия — она, несомненно, выбрала этот цвет волос, желая, чтобы его замечали либо чтобы подчеркнуть свою короткую стрижку. Не все броши, которые она носит аккуратными, непривычными рядами спереди на своей форменной куртке, — с именами, а те, что видны, я не смогла прочесть с такого расстояния. Она поклонилась.

— Капитан флота, сэр.

Я не поклонилась.

— Сейчас я увижусь с губернатором системы, — произнесла я холодно и сухо, слегка педалируя античное произношение, которое должно быть у любой Мианнаи. — А потом вы объясните мне, почему ваш корабль угрожал меня атаковать, когда я прибыла.

— Сэр. — Она умолкла на мгновение, стараясь, как я подумала, выглядеть спокойной. Когда я

впервые связалась с базой Атхоек, мне сообщили, что губернатор системы Джиаррод на некоторое время неотвратимо занята религиозными обязанностями. Как, очевидно, и все чиновники базы любого уровня. Был праздник по календарю обитателей Атхоека, и, возможно, именно потому, что это просто местный праздник, никто не посчитал нужным предупредить меня, что на самом деле он настолько важен, чтобы чуть ли не вырубить целую базу. Капитан Хетнис знала: мне сообщили о том, что губернатор будет недоступна в течение нескольких часов.

— Посвященные выйдут из храма через час-два. — Она начала было хмуриться, но затем перестала. — Вы планируете остаться на базе, сэр?

За мной и лейтенантом Тайзэрвэт Калр Пять, Десять и Восемь, а также Бо Девять вытаскивали из челнока багаж. По-видимому, это и послужило причиной вопроса капитана Хетнис.

— Дело в том, сэр, — продолжила она, когда я не ответила сразу, — что на базе сейчас все переполнено. Найти что-нибудь подходящее может оказаться сложным.

Я уже осознала, что из-за уничтожения даже нескольких шлюзов движение оказалось пере-

направленным в эту сторону. Здесь появилось несколько десятков кораблей, вообще не собиравшихся заходить на Атхоек, а еще больше было таких, которые намеревались покинуть систему, но не смогли. Хотя приказ Анаандер Мианнаи, запрещающий перемещения в оставшихся шлюзах, еще не успел сюда дойти, капитаны многих других судов могли просто опасаться входить в какие бы то ни было шлюзы в обозримом будущем. Все путешественники со связями либо при деньгах наверняка уже разобрали все комфортабельное жилье, которое здесь имелось. «Милосердие Калра» запросил базу, просто чтобы удостовериться, и база ответила, что, если не принимать во внимание возможное приглашение остановиться в резиденции губернатора системы, все обычные места уже переполнены.

Тот факт, что мое возможное пребывание на базе, кажется, привело в смятение капитана Хетнис, вызывал почти такой же интерес, как и то, что база, по всей видимости, не упомянула ей о моих планах. Возможно, той не пришло в голову поинтересоваться.

— У меня есть где остановиться, капитан.

— О! Это хорошо, сэр. — Однако она вовсе не казалась убежденной в этом.

Движением руки я пригласила ее следовать за мной и вышла с причала в коридор. Вспомогательный компонент «Меча Атагариса» отправилась вслед за мной, капитаном и Тайзэрвэт вместе с Калр Пять. Я увидела — мне показал «Милосердие Калра», — как кичится Пять своей способностью изображать вспомогательного компонента рядом с настоящим.

Стены и пол коридора, так же как и стыковочного причала, выдавали свой возраст и результаты плохого обращения. И те и другие чистились вовсе не так часто, как этого ожидает любой уважающий себя военный корабль. Но стены украшали цветные гирлянды, соответствующие сезону.

— Капитан, — сказала я, сделав десять шагов, не замедляя движения, — как я понимаю, это Празднество гениталий. Но когда говорят о гениталиях, не означает ли это обычно гениталии в общем смысле? Не только одного вида? — На всем расстоянии, что я уже прошла, и дальше по коридору, насколько я могла видеть, стены были увешаны крошечными пенисами. Ярко-зелеными, пламенно-розовыми, голубовато-синими и особенно обжигающими глаза оранжевыми.

— Сэр, — сказала капитан Хетнис у меня за

спиной, — это перевод. На атхоекском языке эти слова означают одно и то же.

Атхоекский язык. Будто бы он там только один. На планете никогда не бывало только одного языка, по крайней мере согласно моему значительному опыту.

— Прошу снисхождения капитана флота… — Как только капитан Хетнис заговорила, я, не оборачиваясь, выразила движением руки согласие. Я могла бы, если бы пожелала, увидеть и ее, и свою спину глазами ничего не подозревающей Калр Пять. Она продолжила: — Обитатели Атхоека были не очень цивилизованными. — Не цивилизованные. Не радчааи. Слово — одно и то же, между значениями — едва уловимое различие, тонкость, которая передается контекстом и слишком легко стирается. — По большей части они и сейчас остаются такими. Они разделяют людей с пенисами и людей без оных. Когда мы впервые прибыли в эту систему, они сразу же капитулировали. Их правительница просто помешалась. Она решила, что у радчааи нет пенисов, и, поскольку все должны будут стать радчааи, она приказала всем людям с пенисами в этой системе отсечь их. Но обитатели Атхоека не имели намерения отсекать что бы то ни было, по-

этому взамен они изготовили макеты и сложили их перед правительницей, чтобы ее порадовать, пока ее не арестовали и не оказали ей помощь. Поэтому сейчас, в годовщину того события, все дети посвящают свои пенисы божеству.

— А что насчет обитателей Атхоека с другим типом гениталий? — Мы дошли до лифтов, увозящих из порта. Холл здесь пустовал.

— Они не используют *настоящие,* сэр, — сказала капитан Хетнис, относившаяся ко всей этой истории с явным презрением. — Они покупают их в магазине.

База не открыла двери лифта с тем проворством, к которому я привыкла на «Милосердии Калра». На мгновение я подумала, не подождать ли и посмотреть, сколько она нас здесь продержит, и еще — неужели база так не любит капитана Хетнис? Но если дело в этом, если эта задержка вызвана негодованием со стороны базы, я лишь усилила бы его.

Но как раз когда я сделала вдох, чтобы попросить лифт, двери открылись. Внутри не было никаких украшений. Когда все мы вошли и двери закрылись, я сказала:

— На главную площадь, пожалуйста, база.

Калр Восемь и Десять понадобится некоторое

время, чтобы заселиться в помещение, о котором я договорилась. А тем временем я по крайней мере попытаюсь показаться в губернаторском дворце, который должен иметь вход с главной площади, и в то же время посмотрю, как проходит этот местный праздник. Капитану Хетнис, стоящей рядом, я сказала:

— Эта история кажется вам правдоподобной, не так ли?

Одна правительница на всю систему. Они сразу же капитулировали. По моему опыту, ни одна система никогда сразу не капитулировала. Частями — возможно. Целиком — никогда. Единственным исключением стали гарседдиане, и это было тактикой, попыткой устроить засаду, которая, конечно, потерпела неудачу, и в результате гарседдиан вообще больше нет.

— Сэр? — Капитан Хетнис оказалась явно удивлена и озадачена моим вопросом, хотя пыталась это скрыть, сохраняя вежливое выражение на лице и говоря ровным голосом.

— Думаете, это действительно могло произойти? Похоже, что кто-нибудь на самом деле был способен такое сделать?

Даже сформулированный по-другому, этот вопрос ее озадачил, хотя у нее имелось время

обдумать ответ.

— Ни один цивилизованный человек, сэр. — Она вдохнула, а затем, приободренная, возможно, ходом нашего разговора к этой минуте, начала: — Прошу снисхождения капитана флота. — Движением руки я показала, что дарую таковое. — Сэр, что произошло во Дворце Омо? Атаковали пришельцы, сэр? Это война?

Часть Анаандер Мианнаи полагала — или, по крайней мере, озвучивала такую версию, — что ее конфликт с самой собой возник из-за проникновения пришельцев Прескер.

— Война, да. Но Прескер не имеют к этому никакого отношения. Это мы атаковали самих себя. — Капитан Вэл, которая раньше командовала «Милосердием Калра», верила в ложь о Прескер. — Вэл Оск арестовали за измену. — Капитан Хетнис и капитан Вэл Оск знали друг друга. — Помимо этого, я не в курсе, что с ней произошло. — Но всем понятно, что было наиболее вероятным. — Вы хорошо ее знали?

Капитан Хетнис, которая отнюдь не так хорошо скрывала свою реакцию, как мой экипаж, явно увидела опасность этого вопроса.

— Недостаточно хорошо, сэр, чтобы даже заподозрить ее в какой-либо нелояльности.

Лейтенанта Тайзэрвэт чуть передернуло при упоминании капитаном Хетнис нелояльности. Капитан Вэл никогда не была изменником, и никто не знал этого лучше, чем Анаандер Мианнаи.

Двери лифта открылись. Главная площадь базы Атхоек оказалась значительно меньше, чем главная площадь Дворца Омо. Некогда какому-то весьма недалекому деятелю показалось, что белый — превосходный цвет для длинного, открытого и подвергаемого интенсивнейшей нагрузке пола. Как и любая другая главная площадь на любой значительной радчаайской базе, она была двухэтажная, в данном случае — с окнами то тут, то там на верхнем уровне; на нижнем тянулись конторы и магазины, а также располагались главные храмы базы. Один из них был посвящен Амаату и, вероятно, целому сонму второстепенных богов. Фасад этого храма не представлял собой такого тщательно продуманного изобилия богов, каким гордится храм Дворца Омо, здесь присутствовали только изображения четырех Эманаций в сиренево-красно-желтых тонах, а на выступах и в углублениях было полным-полно въевшейся грязи. Рядом стоял другой храм, поменьше, посвященный, как я догадалась, богу из истории капитана Хетнис. Его вход обрамляли

гирлянды, почти такие же, какие мы видели в порту, но больших размеров. Подсвеченные изнутри, эти поразительные цвета ярко полыхали.

Вся площадь, насколько хватало глаз, оказалась запружена народом. Граждане в пиджаках, брюках и перчатках ярких цветов: зеленых и розовых, голубых и желтых — явно праздничной одежде — стояли группами, общаясь чуть ли не криками. Все они носили так же много украшений, как и любой радчааи. Но похоже, местная мода диктовала, чтобы ассоциативные и памятные броши крепились не к пиджакам и курткам, а к широким шарфам, переброшенным через плечо к противоположному бедру, стянутым узлом и с болтающимися концами. Дети различного возраста бегали вокруг и между групп, перекрикивались друг с другом, то и дело останавливались, чтобы выпросить у взрослых сластей. Обертки из розовой, голубой, оранжевой и зеленой фольги усеивали площадь. Несколько штук влетело в лифт, когда открылись двери, и я заметила, что на них напечатаны слова. Я успела прочесть лишь разрозненные фрагменты текстов, пока они падали:… благословения… бога, которого… я не…

Как только мы покинули лифт, из толпы к нам

зашагала гражданин. На ней были безупречно сшитые пиджак и брюки очень бледного зеленого — почти белого — цвета и такие же перчатки. Никакого шарфа, но изобилие брошей, в том числе очень крупная, из родохрозита, искусно оплетенного серебряной проволокой. На ее лице отразились удивление и радость, и она экспрессивно поклонилась.

— Капитан флота! Я только что услышала, что вы прибыли, и посмотрите-ка, поворачиваюсь, а вы тут как тут! Жуткое дело: с выходом из строя шлюзов к Дворцу Омо все эти корабли перенаправлены сюда или не могут улететь. Но теперь, когда вы здесь, этому, несомненно, вскоре будет положен конец. — Ее произношение было как у состоятельного, хорошо образованного радчааи, хотя присутствовала какая-то странность в артикуляции гласных. — Но вы же не знаете, кто я. Я — Фосиф Денчи, и я так рада, что нашла вас. У меня есть квартира здесь, на базе, множество комнат, и дом внизу, на планете, еще просторнее. Я сочла бы за честь предложить вам свое гостеприимство.

Рядом со мной капитан Хетнис и ее вспомогательный компонент стояли молча, с серьезными лицами. За мной Пять по-прежнему выказывала

свойственную вспомогательным компонентам бесстрастность, хотя я увидела посредством «Милосердия Калра», что ее возмущает фамильярность гражданина Фосиф по отношению ко мне. Лейтенанта Тайзэрвэт это, казалось, позабавило, и на фоне, создаваемом остатками противотошнотных средств и обычного для нее несчастья, я ощутила, что она испытывает также некоторое презрение.

Я подумала, а как ответила бы на такие заигрывания Сеиварден, когда была моложе. Чуть скривив губу, я изрекла:

— В этом нет нужды, гражданин.

— Ах, кто-то меня опередил. Понятно! — Ее отнюдь не смутило мое поведение, что свидетельствовало о том, что она с таким встречалась и даже привычна к нему. И конечно же, у меня почти наверняка имеются новости из Омо, которых жаждут здесь почти все. — Но по крайней мере отужинайте с нами, капитан флота! Капитан Хетнис, разумеется, уже получила мое приглашение. Сегодня вам не придется заниматься никакими официальными делами.

Ее последние слова отчетливо прозвучали во внезапно воцарившейся тишине, и затем я услышала дюжину или более детских голосов, по-

ющих в унисон. Не на радчааи и не радчаайскую мелодию, но такую, что взбиралась переходами вверх, широкими, угловатыми интервалами, а затем скользила вниз ступенями, но в целом двигаясь вверх, чтобы остановиться где-то выше, чем началась. Болтовня гражданина Фосиф об ужине замерла на половине фразы, оборванная моим явным вниманием.

— О да, — сказала она, — это храмовые…

— Молчать! — рявкнула я.

Дети начали другой куплет. Я по-прежнему не понимала слов. Они спели еще два куплета, пока гражданин, стоящая передо мной, пыталась скрыть свое смятение. Не уходя. Кажется, исполнившись решимости поговорить со мной. Уверенная, что получит такую возможность, если проявит достаточно терпения.

Я могла запросить базу, но знала, что она ответит. Фосиф Денчи здесь — выдающийся гражданин, которая полагает, что ее известность будет что-то значить для любого, кому она представится, а в этой системе, на этой базе, это означает *чай.*

Песня закончилась под разрозненные аплодисменты. Я вновь обратила свое внимание на гражданина Фосиф. Ее лицо просветлело. Про-

сияло.

— Ах, капитан флота, я знаю, кто вы! Вы — *коллекционер!* Вы должны нанести мне визит внизу. Мне самой просто медведь на ухо наступил, но рабочие в поместье возле моего сельского дома испускают всевозможные варварские звуки, которые, я уверена, являются подлинными экзотическими музыкальными рудиментами со времен их предков. Мне говорили, что это почти как музейная выставка. Но администратор базы сможет рассказать вам об этом все сегодня за ужином. Она — ваша коллега, коллекционер, а я-то уж знаю, каковы коллекционеры, не важно, что вы коллекционируете. Вы захотите сравнивать и обмениваться. А вы совершенно уверены в том, что у вас уже есть что-то подходящее, чтобы остановиться?

— Уходите, — сказала я ей категорично и бесцеремонно.

— Разумеется, капитан флота. — Она низко поклонилась. — Я увижу вас на ужине, не так ли? — И не дожидаясь ответа, она повернулась и удалилась в толпу.

— Прошу снисхождения капитана флота, — сказала капитан Хетнис, наклонившись ближе, чтобы не кричать на всю площадь. — Земли

семьи гражданина Фосиф производят почти четверть всего чая, экспортируемого с Атхоека. Ее квартира на самом деле рядом с администрацией, на верхнем уровне площади.

Ситуация становилась все более интересной. До этого было ясно, что капитан Хетнис и не ожидала, и не хотела, чтобы я осталась. Теперь она, кажется, желает, чтобы я остановилась у этого чаевода.

— Я иду в губернаторский дворец, — сказала я, зная, что губернатора системы там нет. Я еще сделаю из этого проблему. — А затем, пока я буду устраиваться, вы сможете отчитаться.

— Есть, сэр. — И затем, когда я ничего не добавила: — Могу ли я спросить, сэр, где вы останавливаетесь?

— Уровень четыре Подсадья, — мягко ответила я. Она отважно попыталась сдержать свое удивление и смятение, но по ее лицу было очевидно, что такого ответа она не ожидала и он ей не понравился.

Глава 6

ИИ баз строились — росли — вместе с ними самими. Когда база Атхоек была закончена, ожесточение, порожденное аннексией, еще оставалось серьезным, происходили вспышки насилия. Дюжину секций на четырех уровнях постоянно повреждали.

Установка ИИ в уже существующие сооружения — рискованное дело. Результаты редко оказывались оптимальными, но это было возможно. Так делали, и не однажды. Но отчего-то — возможно, из-за желания забыть об этом событии, или потому, что предсказания оказались неблагоприятными, или же по какой-то другой причине — участок не восстановили, но вместо этого перекрыли.

Конечно, люди по-прежнему умудрялись проникать туда. В Подсадье жило несколько сотен человек, хотя им не полагалось там находиться. У каждого гражданина имелось устройство отслеживания, имплантируемое при рождении, поэтому база знала, где они, знала, что эти граждане находятся там. Но она не могла ни слышать,

ни видеть их так, как слышала и видела других своих обитателей, разве только они были подключены, чтобы отправлять данные базе, а я подозревала, что таких там очень мало.

Секционная дверь, ведущая в Подсадье, была распахнута настежь и поддерживалась в таком положении изрядно потрепанным столом, у которого не хватало одной ножки. Индикатор рядом с входом показывал, что с другой стороны этой (предположительно закрытой) двери — жесткий вакуум. Это серьезное дело — секционные двери закрывались автоматически в случае внезапного падения давления, чтобы изолировать наглухо пробоины корпуса. Мы, вероятно, находились сейчас весьма далеко от жесткого вакуума, несмотря на этот настенный индикатор у двери, но те, кто провел много времени на кораблях — или жил на базах, — серьезно относятся к мерам безопасности. Я повернулась к капитану Хетнис:

— Все секционные двери, ведущие в Подсадье, выведены из строя и подперты таким вот образом?

— Как я говорила, капитан флота, эта территория была изолирована, но люди продолжали прорываться туда. Ее перекрывали снова и снова, но безрезультатно.

— Да, — подтвердила я движением руки очевидность ее слов. — Тогда почему бы просто не починить двери, чтобы они работали, как нужно?

Она заморгала, явно не вполне понимая мой вопрос.

— На этой территории никого не должно быть, сэр. — Она казалась совершенно серьезной — ход рассуждений был для нее абсолютно логичным. Вспомогательный компонент за ее спиной безучастно смотрела вперед, предположительно не имея мнения по данному вопросу. Что, как я знала наверняка, вовсе не так. Не ответив, я просто повернулась, перелезла через разломанный стол и забралась в Подсадье.

В коридоре по ту сторону прислоненные к стенам портативные световые панели, померцав, тускло загорались при нашем появлении, а затем снова гасли. Воздух гнетуще неподвижный, невероятно влажный и затхлый — база не регулировала здесь воздушные потоки, и, весьма вероятно, те подпертые нараспашку секционные двери оставались единственно возможным здесь решением дилеммы — дышать или не дышать. Через пятьдесят метров коридор открылся на крошечное подобие площади, участок коридо-

ров, где все двери сорваны и грязны, некогда белые стены снесены, образуя одноэтажный полуоткрытый лабиринт, освещенный такими же переносными световыми панелями, хотя эти, казалось, лучше обеспечивались электроэнергией. Горстка граждан, проходивших мимо по своим делам, внезапно принялись тщательно огибать то место, где стояли мы, по чистой случайности глядя куда-то в сторону.

Один из дальних углов был освещен несколько лучше: свет лился там из широкого дверного проема. Особа в просторной блузе и брюках рядом с ним бросила на нас взгляд, поразмыслила немного над чем-то и, повернувшись к нам спиной, наклонилась к пятилитровому бочонку, стоящему у ее ног, выпрямилась и стала тщательно и целеустремленно наносить краску на стену вокруг дверного проема. Там, где на поверхность падала тень, тускло светились красные спирали и причудливые завитушки. Цвет краски, видимо, был слишком близок к цвету стены, чтобы увидеть результаты, если бы они не фосфоресцировали. Внутри помещения за разнокалиберными столиками сидели люди, попивая чай и беседуя. Или они беседовали до того, как заметили нас.

Воздух был настолько спертым, что стеснял дыхание. На меня внезапно нахлынули воспоминания. Влажная жара и зловоние болотной воды. Воспоминания, которые со временем стали посещать меня реже, — о той поре, когда я была кораблем. Когда я была подразделением вспомогательных компонентов под командованием лейтенанта Оун (тогда еще живой, когда я непрестанно получала информацию о каждом ее движении и сама всегда, всегда была с ней).

Кают-компания «Милосердия Калра» вспышкой проявилась в моем сознании: сидящая Сеиварден пьет чай, рассматривает графики дежурств на сегодня и завтра, из коридора, где три солдата подразделения Амаат оттирают пол, на котором и так уже не видно ни пятнышка, доносится, сильнее, чем обычно, запах растворителя. Солдаты Амаат негромко поют, нестройно и фальшиво. Все вокруг кружится, база кружится вокруг луны, все вокруг кружится. Сама ли я, не думая, потянулась туда или «Милосердие Калра» послал это без просьбы с моей стороны в ответ на то, что увидел во мне? А собственно, какая разница?

— Сэр, — решилась обратиться капитан Хетнис, возможно, потому, что я застыла на месте, заставив остановиться ее, и «Меч Атагариса»,

и лейтенанта Тайзэрвэт, и Калр Пять. — Прошу снисхождения капитана флота. В Подсадье никого не должно быть. Люди здесь не останавливаются.

Я многозначительно посмотрела на людей, сидящих за столиками, за тем дверным проходом, которые нас намеренно не замечали. Посмотрела вокруг, на идущих мимо граждан. Сказала Тайзэрвэт:

— Лейтенант, пойди-ка посмотри, как проходит наше заселение. — Я могла получить любую желаемую информацию от своих солдат Калр через корабль, одним лишь усилием мысли, но желудок Тайзэрвэт, теперь, когда мы высадились с челнока, пришел в норму, и она начинала ощущать голод и усталость.

— Есть, сэр, — ответила она и ушла.

Отойдя от капитана Хетнис и ее вспомогательного компонента, я вошла в тот украшенный завитушками дверной проем. Пять следовала за мной. Рисовальщица напряглась, когда мы проходили, заколебалась, но затем продолжила расписывать стену.

Двое из тех людей, что сидели за различными исцарапанными, не подходящими друг к другу столиками, были одеты в обычные радчаайские

куртки, брюки и перчатки, явно стандартного выпуска, из жесткой серовато-бежевой ткани, — одежда, на которую имел право любой гражданин, но те, кто мог позволить себе лучшую, ее не носили. Остальные были в свободных светлых рубашках и брюках темных цветов: розового, синего и фиолетового, которые смотрелись ярко на фоне тусклых серых стен. Воздух здесь стоял настолько неподвижный и спертый, что эти рубашки без курток выглядели предпочтительнее моей формы. Здесь совсем не было шарфов, которые я видела на главной площади, и почти никаких украшений. Большинство держали чашки с чаем — по моему предположению — в обнаженных руках. Будто я и не на радчаайской базе.

Как только я вошла, владелица чайной вернулась в заставленный чашками угол и принялась заботливо наблюдать за посетителями, так что сразу стало ясно, что на меня ее внимания не хватит. Подойдя к ней, я поклонилась и сказала:

— Прошу прощения, гражданин. Я чужестранка. Не могли бы вы ответить на вопрос? — Владелица уставилась на меня, как бы не понимая, будто с ней только что заговорил чайник, который она держала в обнаженной руке, или как если бы я

произнесла сущую невнятицу. — Мне сказали, что сегодня очень важный атхоекский праздник, но я не вижу здесь никаких его признаков. — Никаких гирлянд из пенисов, никаких сластей, люди просто занимаются своими делами. Делая вид, что не замечают солдат, стоящих посреди местной площади.

Владелица усмехнулась:

— Потому что все атхоекцы — ксхаи, так ведь?

Калр Пять остановилась прямо у меня за спиной. Капитан Хетнис и вспомогательный компонент «Меча Атагариса» стояли там, где я их оставила, капитан не спускала с меня глаз.

— А, — сказала я, — теперь я понимаю. Благодарю вас.

— Что вы здесь делаете? — спросила особа, сидящая за столом. Ни титула учтивости, ни даже минимально вежливого *гражданин.* Люди, сидящие вокруг нее, напряглись и отвернулись. Теперь замолчали вообще все. Одна особа, устроившаяся в одиночестве неподалеку, одна из двух, одетых по-радчаайски в дешевую, топорщившуюся куртку, перчатки и так далее, закрыла глаза, сделала несколько размеренных вдохов, открыла глаза. Но ничего не сказала.

Я не обратила на все это никакого внимания.

— Мне нужно где-нибудь остановиться, гражданин.

— Здесь нет никаких модных отелей, — ответила особа, которая говорила со мной так грубо. — Никто не приходит сюда, чтобы остановиться здесь. Люди приходят сюда выпить или поесть настоящих ичанских блюд.

— *Солдаты* приходят сюда, чтобы отмутузить людей, которые не лезут в чужие дела, — пробормотал кто-то позади меня. Я не повернулась, чтобы взглянуть, а быстро и безмолвно отправила послание Калр Пять, приказав ей не двигаться.

— И у губернатора всегда есть место для важных людей, — продолжила говорившая особа, словно того, другого голоса не было.

— А может, я не хочу останавливаться у губернатора. — Почему-то именно это показалось мне верной репликой. Все, кто находился поблизости, рассмеялись. За исключением одной старательно молчаливой особы, одетой по-радчаайски. Ее немногочисленные броши были самого обычного вида, дешевые, из меди и цветного стекла. Ничего говорящего о семейной принадлежности. Только маленькая эмалированная ИссаИну на ее воротнике была чем-то особенным. Это Эманация движения и покоя, которая предполагала, что

она может быть адептом секты, практикующей особый вид медитации. В то же время Эманации пользовались популярностью, и, принимая во внимание, что они украшали собой фасад местного храма Амаата, они могли заменять собой целый сонм атхоекских богов. Поэтому, в конце концов, даже ее ИссаИну мало что мне говорила. Однако эта особа меня заинтриговала.

Я выдвинула стул напротив нее и села.

— Вы, — сказала я ей, — очень раздражены.

— Это было бы неблагоразумно, — не сразу изрекла она в ответ.

— Чувства и мысли к делу не относятся. — Я поняла, что чересчур надавила на нее, что она вот-вот сорвется с места и убежит. — Службу безопасности волнуют только поступки.

— Так они мне говорят. — Она отпихнула в сторону свою чашку и собралась было подняться.

— Сэр, — резко, повелительно произнесла я. Она застыла на месте. Я махнула рукой владелице заведения. — То, что вы подаете; я буду одну, — сказала я и получила чашку с каким-то порошком, который, после того как на него налили горячей воды, превратился в густой чай, что тут пили все. Я пригубила. — Чай, — догадалась я, — и какое-то обжаренное зерно?

Владелица закатила глаза, словно я сказала какую-то несусветную глупость, повернулась и отошла, не ответив. Движением руки я показала, что мне в конечном счете все равно, и попробовала еще.

— Итак, — сказала я особе напротив, которая так и не расслабилась на своем стуле, но по крайней мере и не убежала, вскочив с него, — это, должно быть, что-то связанное с политикой.

Она округлила глаза, сама невинность.

— Простите, гражданин? — Формально вежливо, хотя я уверена, что она вполне могла понять по знакам различия мое звание и должна была использовать самое высокое обращение, на которое я имела право, если она его знала. Если она действительно хотела проявить вежливость.

— Здесь никто не смотрит на вас и не говорит с вами, — заметила я. — И у вас совсем не такое произношение, как у них. Вы не отсюда. В результате перевоспитания обычно вырабатывается прямой условный рефлекс, и, таким образом, делать то, за что тебя арестовали, становится чрезвычайно неприятно — для начала. — Или по крайней мере, так оно было на самом простом уровне. — А то, что вам причиняет огорчение, — это выражение гнева. И сейчас вы разгневаны. — Здесь

мне все незнакомы, но гнев-то я узнала. Гнев — мой старый попутчик. — Это было несправедливо с начала до конца, да? Вы ничего не сделали. Ничего неправильного, с вашей точки зрения. — Вероятно, никто здесь также не считал это неверным. Ее отсюда не прогнали, ее присутствие никого не заставило покинуть заведение. Владелица ее обслуживала. — Что же случилось?

Она хранила молчание несколько мгновений.

— Вы привыкли к тому, что, как только пожелаете чего-нибудь, сразу и получаете, не так ли? — изрекла она наконец.

— Мне не приходилось бывать раньше на базе Атхоек. — Я отпила еще глоток густого чаю. — Я здесь всего лишь час, и пока мне не очень нравится то, что я вижу.

— Тогда попробуйте отправиться куда-нибудь еще. — Ее голос прозвучал ровно, в нем почти не слышно было ни иронии, ни сарказма. Как если бы она имела в виду ровно то, что сказала.

— Итак, что же случилось?

— Сколько чая вы пьете, гражданин?

— Довольно много, — ответила я. — Я же, в конце концов, радчааи.

— Несомненно, вы пьете самый лучший. — Все та же несомненная искренность. Я догадалась,

что она вновь обрела самообладание и эта внешняя приятность в сочетании с почти неслышным скрытым гневом были для нее нормальным состоянием. — Ручной сборки, редчайший, самые нежные бутоны.

— Я не столь привередлива, — спокойно заметила я. Хотя, если честно, я и знать не знала, был ли чай, который я пила, собран вручную или нет, или еще что-нибудь о нем, за исключением его названия и того, что он хороший. — А что, чай собирают вручную?

— Кое-какой — да, — ответила она. — Вам следует отправиться вниз и посмотреть. Бывают вполне приемлемые по средствам экскурсии. Посетителям нравятся. Многие приезжают сюда, чтобы посмотреть на чай. Почему бы и нет? Что за радчааи без чая, в конце концов? Я уверена, что кто-нибудь из чаеводов был бы счастлив показать *вам* все лично.

Я подумала о гражданине Фосиф.

— Возможно, я так и поступлю. — Я сделала еще глоток чая-кашицы.

Она подняла свою чашку, допила чай. Поднялась.

— Благодарю вас, гражданин, за занимательную беседу.

— Знакомство с вами, гражданин, доставило мне удовольствие, — ответила я. — Я остановилась на четвертом уровне. Загляните как-нибудь, когда мы устроимся. — Она поклонилась, не ответив. Повернулась, чтобы уйти, но замерла, услышав, как что-то тяжелое врезалось в стену снаружи.

Все, кто находился в чайной, подняли головы на этот звук. Владелица так шмякнула чайником по столу, что люди, сидящие здесь, конечно, вздрогнули бы, не будь они так поглощены тем, что происходило на полутемной маленькой площади. Мрачная, с гневной решимостью на лице, хозяйка вышла из чайной. Поднявшись, я последовала за ней, Пять шагала за мной.

Снаружи вспомогательный компонент «Меча Атагариса» пригвоздила маляра к стене, заломив назад ее правую руку. Она пнула бочонок с краской, судя по розовато-коричневым пятнам на его ботинках, луже, в которой сейчас лежал бочонок, и следам на полу. Капитан Хетнис стояла там, где я ее оставила, наблюдая за происходящим и храня молчание.

Владелица чайной подошла вплотную к вспомогательному компоненту.

— Что она сделала? — спросила она. — Она

ничего не сделала!

«Меч Атагариса» не ответила, а только грубо вывернула руку маляра еще дальше, заставив отвернуться от стены с криком боли и упасть на колени, а затем лицом на пол. Краска заляпала ее одежду и лицо с одной стороны. Вспомогательный компонент уперлась коленом ей в спину между лопаток, и она захрипела и, всхлипывая, застонала.

Владелица чайной отступила, но не ушла.

— Отпусти ее! Я *наняла* ее, чтобы покрасить дверь!

Пора вмешаться.

— «Меч Атагариса», отпусти гражданина! — Вспомогательный компонент заколебалась. Возможно, потому что не думал о маляре как о гражданине. Затем она отпустила ее и встала. Владелица чайной опустилась на колени рядом с маляром и заговорила с ней на языке, которого я не понимала, но, судя по тону, она спрашивала, все ли с ней в порядке. Я знала, что это не так — захват, который применила «Меч Атагариса», был предназначен нанести повреждение. Я сама применяла его много раз именно для этой цели.

Я опустилась на колени рядом с владелицей чайной.

— Ваша рука, наверное, сломана, — сказала я маляру. — Не двигайтесь. Я вызову врачей.

— Врачи сюда не приходят, — сказала владелица, в ее голосе звучали горечь и презрение. И маляру: — Ты можешь встать?

— Вам на самом деле не следует двигаться, — сказала я. Но маляр меня проигнорировала. С помощью владелицы и двух клиентов чайной ей удалось подняться на ноги.

— Капитан флота, сэр. — Капитан Хетнис явно негодовала и изо всех сил старалась это скрыть. — Эта особа портила базу, сэр.

— Эта особа, — ответила я, — красила дверной проход чайной по просьбе владелицы заведения.

— Но у нее не имелось разрешения, сэр! И краска наверняка была украдена.

— Она не украдена! — воскликнула владелица, пока маляр медленно удалялась при поддержке двух клиентов, одной из которых была сердитая особа в серых перчатках. — Я ее *купила.*

— Вы спросили маляра, где она взяла краску? — задала я вопрос. Капитан Хетнис смотрела на меня в полном замешательстве, словно не могла разобраться в моих словах. — Вы спросили, есть ли у нее разрешение?

— Сэр, ни у кого нет разрешения что-либо здесь

делать. — Голос капитана Хетнис звучал подчеркнуто ровно, хотя я слышала в нем скрытое раздражение.

Раз так, интересно, почему именно эта неразрешенная деятельность вызвала столь бурную реакцию.

— Вы спросили базу, похищена ли краска? — Этот вопрос показался капитану Хетнис бессмысленным. — Была ли причина, по которой вы не могли вызвать службу безопасности базы?

— Сэр, *мы* и есть сейчас служба безопасности в Подсадье. Чтобы помогать поддерживать здесь порядок, пока все так неспокойно. Служба безопасности базы сюда не ходит. Никого…

— …не должно здесь быть. — Я повернулась к Калр Пять. — Позаботься о том, чтобы гражданин благополучно добралась до медсанчасти и чтобы ее ранами занялись немедленно.

— Нам не нужна *ваша* помощь, — возразила владелица чайной.

— Тем не менее, — сказала я и сделала знак рукой Калр Пять, она ушла. Я снова повернулась к капитану Хетнис. — Итак, «Меч Атагариса» обеспечивает безопасность в Подсадье.

— Да, сэр, — ответила капитан Хетнис.

— А он — или вы, что, в общем, то же самое, —

имеет какой-либо опыт обеспечения безопасности гражданского населения?

— Нет, сэр, но…

— Тот захват, — перебила я ее, — не подходит для применения на гражданах. И, встав коленом на спину, как это было сделано, вполне можно задушить. — То, что надо, если вам все равно, будет жить особа, с которой вы имеете дело, или нет. — Вы и ваш корабль незамедлительно ознакомитесь с рекомендациями по обращению с гражданским населением. И будете им следовать.

— Прошу снисхождения капитана флота, сэр. Вы не понимаете. Эти люди… — Она умолкла. Понизила голос: — Эти люди едва цивилизованы. И они способны писать на этих стенах все что угодно. В такое время, как сейчас, рисуя подобным образом, они могут распространять слухи, передавать секретные сообщения или подстрекательские призывы, возбуждающие людей… — Она остановилась, на мгновение растерявшись. — И база не в состоянии здесь наблюдать, сэр. Тут могут быть самые разные неразрешенные люди. Или даже пришельцы!

На мгновение выражение неразрешенные люди озадачило меня. Послушать капитана Хетнис,

так здесь все были неразрешенными — никто не имел разрешения здесь находиться. Затем я осознала, что она имеет в виду людей, само существование которых было не разрешено. Людей, о чьем рождении здесь база не знала и которым не имплантировали устройства отслеживания. Людей, которые никоим образом не находились в поле зрения базы.

Я могла себе представить, возможно, одного-двух подобных людей. Но не в таком количестве, чтобы они являли собой настоящую проблему.

— Неразрешенные люди? — Я налегла на свое античное произношение и добавила в голос капельку скептицизма. — Пришельцы? Неужели, капитан?

— Прошу снисхождения капитана флота. Я полагаю, вы привыкли к таким местам, где все цивилизованы. Где все полностью приспособились к радчаайскому образу жизни. Это отнюдь не такое место.

— Капитан Хетнис, — сказала я, — вы и ваш экипаж не будете применять насилия против граждан на этой базе без крайней необходимости. И, — продолжила я, невзирая на ее явное желание возразить, — в случае, если это становится необходимым, вы будете следовать тем же

рекомендациям, что и служба безопасности базы. Вы меня поняли?

Она моргнула. Сдержала то, что ей хотелось сказать на самом деле.

— Да, сэр.

Я повернулась к вспомогательному компоненту.

— «Меч Атагариса», понятно?

Вспомогательный компонент колебалась, удивившись — я в этом не сомневалась — тому, что я обратилась к ней напрямую.

— Да, капитан флота.

— Хорошо. Давайте продолжим этот разговор без свидетелей.

Глава 7

По совету и при помощи базы я затребовала анфиладу пустых комнат на четвертом уровне. Воздух здесь спертый, и я подозревала, что несколько световых панелей, прислоненных к стенам, были позаимствованы в коридорах по пути сюда. Ведь магазины, вероятно, оставались сегодня закрыты, а склады базы вполне могли оказаться без персонала. Даже при тусклом свете стены и полы выглядели неприятно пыльными и грязными. Помимо нашего багажа я заметила несколько деревянных обломков и осколков стекла. Очевидно, те, кто жил здесь до того, как Подсадье было повреждено, не все забрали с собой, но за последующие годы отсюда вынесли все полезное.

— Воды нет, — доложила лейтенант Тайзэрвэт. — Это означает, что ближайшие бани… вам не захочется смотреть ближайшие бани, сэр. Несмотря на то что там нет воды, люди использовали их для… Как бы то ни было, я отправила Девять за ведрами и приспособлениями для уборки, если удастся их найти.

— Очень хорошо, лейтенант. Есть ли тут место, где мы с капитаном Хетнис могли бы поговорить? Желательно, чтобы там было на чем сидеть.

В сиреневых глазах лейтенанта Тайзэрвэт отразилась тревога.

— Сэр. Сидеть здесь не на чем, кроме как на полу. Или на багаже.

Что задержит распаковку.

— Тогда мы сядем на пол. — «Милосердие Калра» показал мне волну негодования от каждого из присутствующих солдат Калр, но никто из них не проронил ни слова и не изменил выражения лица, за исключением лейтенанта Тайзэрвэт, которая приложила все усилия, чтобы скрыть свое смятение. — Есть ли кто-нибудь около нас?

— База говорит «нет», сэр, — ответила лейтенант Тайзэрвэт. Она показала рукой в сторону дверного проема. — Вероятно, это лучшее место.

Капитан Хетнис последовала за мной в комнату, которую указала Тайзэрвэт. Я присела на корточки на грязном полу и махнула рукой, предлагая присоединиться ко мне. Она несколько нерешительно опустилась на корточки передо мной, ее вспомогательный компонент осталась стоять за ней.

— Капитан, вы или ваш корабль отправляете

какие-нибудь данные базе?

Ее глаза округлились от удивления.

— Нет, сэр.

Быстрая проверка показала, что мой корабль тоже не делает этого.

— Итак. Если я правильно понимаю, вы полагаете, что Пресгер, вероятно, нападут на эту систему. Что они, возможно, уже проникли на эту базу.

Радч знал о существовании пришельцев и контактировал с тремя их разновидностями: Гек, Рррррр и Пресгер. Гек редко покидали свой родной мир. Отношения с Рррррр были напряженными, потому что первая встреча с ними оказалась провальной. Благодаря тому как был составлен наш договор с Пресгер, война с Рррррр потенциально могла его нарушить.

А до этого договора отношения с Пресгер были невозможны. На самом деле они неизменно оказывались фатальными. До договора Пресгер были безжалостными врагами человечества. Или не столько врагами, сколько хищниками.

— Ваш лейтенант подразделения Амаат подумала, как я понимаю, что «Милосердие Калра» мог оказаться замаскированным кораблем Пресгер.

— Да, сэр. — Казалось, она испытала облегче-

ние.

— Есть ли у вас основания полагать, что Прегер нарушили договор? Есть ли у вас хоть какой-то намек на то, что они могут испытывать хотя бы минимальный интерес к Атхоеку?

Что-то, какое-то выражение промелькнуло на ее лице.

— Сэр, у меня не было никаких официальных сообщений почти месяц. Мы утратили контакт с Омо двадцать шесть дней назад, вся эта часть провинции. Я послала «Милосердие Фея» в Омо, чтобы выяснить, что происходит, но, даже если он добрался туда и сразу повернул назад, я ничего от него не узнаю еще несколько дней. — Должно быть, он прибыл в Омо вскоре после того, как я улетела оттуда. — Губернатор системы получила по официальным новостным каналам сообщение о «непредвиденных сложностях» и не более того, но люди волнуются.

— Это понятно.

— А затем десять дней назад мы утратили всякую связь с Дворцом Тстур. — Это примерно в то время, когда информация из Омо достигла Тстура, плюс путь оттуда сюда. — А Прегер никогда не были нашими друзьями, сэр, и… Я кое-что слышала.

— От капитана Вэл, — догадалась я. — О том, что Пресгер расшатывают Радч.

— Да, сэр, — подтвердила она. — Но вы говорите, что капитан Вэл — изменница.

— Пресгер не имеют к этому никакого отношения. У лорда Радча разногласия с самой собой. Она разделена на по крайней мере две группировки с противоположными целями. С противоположными представлениями о будущем Радча. Обе они вербуют корабли под свои знамена. — Я подняла взгляд на стоящую без всякого выражения вспомогательный компонент. Внешне безразличную. Этот вид обманчив, я знаю. — «Меч Атагариса». Ты находишься в этой системе около двух сотен лет.

— Да, капитан флота. — Голос корабля звучал безжизненно, невыразительно. Он не выдаст удивления, которое — я в этом уверена — испытывает оттого, что я обращаюсь к нему напрямую.

— Лорд Радча посещала тебя за это время. Она имела с тобой беседы наедине? Возможно, здесь, в Подсадье?

— Я затрудняюсь понять, о чем спрашивает меня капитан флота, — ответил «Меч Атагариса» через вспомогательный компонент.

— Я спрашиваю, — сказала я, понимая, что он

увиливает от ответа, — имел ли ты разговор без свидетелей с Анаандер Мианнаи, так, что никто не мог подслушать? Но видимо, ты уже мне ответил. Была ли это та, что заявляет, будто Прегер проникли в Радч, или другая? — Другая — это та, что отдала под мое командование «Милосердие Калра». И послала мне Тайзэрвэт.

Или, да помогут нам боги, существует некая третья часть Мианнаи, у которой имеется другое оправдание тому, что она делает?

— Прошу снисхождения капитана флота, — вставила капитан Хетнис в короткое мгновение воцарившейся после моего вопроса тишины, — могу ли я говорить откровенно?

— Конечно, капитан.

— Сэр. — Она сглотнула. — Нижайше прошу прощения, я знакома с капитанами флота в этой провинции. Вашего имени среди них нет. — «Меч Атагариса», несомненно, уже показал ей мой послужной список — или ту его часть, которая оказалась ему доступна, — и она увидела, что меня произвели в капитаны флота лишь несколько недель назад. Тогда же, когда я вступила в вооруженные силы. Из такой информации можно было сделать несколько заключений, и, кажется, она выбрала одно из них: что меня по некой причине

поспешно назначили на эту должность без опыта военной службы. Сказать это мне вслух означало для нее поставить на карту свою жизнь.

— Меня назначили совсем недавно. — Уже это вызывало вопросы. В частности, такого офицера, как капитан Хетнис, наверняка интересовало, почему не ее назначили капитаном флота. Возможно, этот вопрос возник у нее прежде всех остальных.

— Сэр, имеются ли какие-то сомнения в моей преданности? — Значит, осознала, что ее карьера — едва ли наиболее насущная проблема. — Вы сказали, что мой лорд… разделилась. Что это результат несогласия с самой собой. Я не уверена, что понимаю, как такое возможно.

— Она стала слишком большой, чтобы оставаться одной сущностью, капитан. Если она когда-либо была лишь одной.

— Разумеется, она была такой, сэр. Остается ею. Прошу прощения у капитана флота, возможно, у вас небольшой опыт взаимодействия с кораблями, укомплектованными вспомогательными компонентами. Это не вполне то же самое, но очень похоже.

— Позволю себе проинформировать капитана, — сказала я холодно и с иронией в голо-

се, — что мой полный послужной список ей недоступен. Я весьма хорошо знакома со вспомогательными компонентами.

— Даже в таком случае, сэр, если то, что вы говорите, — правда и мой лорд разделилась надвое и сражается сама с собой, если они обе — лорд Радча, а не… не подставные лица, то как же мы узнаем, какая из них — правильная?

Я напомнила себе, что это новая мысль для капитана Хетнис. До сих пор ни один радчааи не подвергал сомнению подлинность Анаандер Мианнаи и не задавался вопросом об основаниях ее притязаний на правление. Все это было просто очевидным фактом.

— Они обе, капитан. — По ее виду ясно, что она не поняла. — Если бы «правильную» Анаандер волновали не жизни граждан, а ее победа над самой собой, вы по-прежнему продолжали бы следовать ее приказам?

Она хранила молчание добрых три секунды.

— Думаю, мне нужно было бы знать больше. — Разумно. — Но, прошу прощения, капитан флота, я кое-что слышала о проникновении пришельцев.

— От капитана Вэл.

— Да, сэр.

— Она ошибалась. — Более вероятно, ею манипулировали, так одной Анаандер было проще завоевать ее сочувствие — и, возможно, доверие, — обвиняя внешнего врага, которого боялись и ненавидели почти все радчааи.

Но я не могла бы уверенно сказать, что Прескер тут вообще ни при чем. Именно Прескер сделали пистолет, который я носила под курткой, невидимый ни одному сканеру. Его пули были способны пробить любой материал во вселенной. Прескер продали эти пистолеты, двадцать пять штук, гарседдианам, чтобы те оказали сопротивление аннексии Радча.

И результатом стало уничтожение гарседдиан, полное и абсолютное уничтожение всего живого в той системе, которое положило начало кризису Анаандер, личностному конфликту столь сильному, что она могла разрешить его, только вступив в войну сама с собой.

Но этот кризис назревал. Тысячи тел, рассеянных по всему пространству Радча, двенадцать различных штаб-квартир, которые находились в постоянной связи друг с другом, но с задержкой. Пространство Радча — и сама Анаандер — регулярно расширялись в течение трех тысяч лет, и теперь требовались уже недели, чтобы отдель-

ная мысль обошла ее всю. С самого начала было понятно, что однажды все распадется на части.

Это очевидно, если оглядываться назад. Можно подумать, что было очевидным и прежде. Но ведь так легко не замечать очевидного, даже спустя много времени после того, как оно должно было показаться разумным.

— Капитан, — сказала я, — мне отдан приказ поддерживать в этой системе безопасность и стабильность. Если это означает защищать ее от самой лорда Радча, то именно это я и буду делать. Если у вас есть приказ поддерживать одну или другую сторону или имеются сильные политические предпочтения, тогда берите свой корабль и уходите. Как можно дальше от Атхоека.

Ей пришлось подумать над этим чуть дольше, чем мне бы хотелось.

— Сэр, не мое дело иметь какие бы то ни было политические взгляды. — Я не испытывала уверенности в том, что это честный ответ. — Мое дело — выполнять приказы.

— Что до сих пор заключалось в том, чтобы содействовать губернатору системы в поддержании здесь порядка. С настоящего момента это заключается в том, чтобы помогать мне в обеспечении и поддержании безопасности этой системы.

— Есть, сэр. Разумеется, сэр. Но…

— Да?

— Ни в коем случае не желая бросать тень на способности капитана флота и ее квалификацию… — Она осеклась, начав свою фразу так, что это привело бы ее к неловкому завершению.

— Вы обеспокоены очевидным отсутствием у меня воинского опыта. — Разговор об этом мог стоить капитану Хетнис жизни. Я мило улыбнулась ей. — Надо признать, Управление делает подчас совершенно несусветные назначения. — Она чуть слышно одобрительно хмыкнула. Любой военный готов посетовать, как нелепо Военное управление решает проблемы. — Но меня назначило не Управление. Это была сама Анаандер Мианнаи. — Совершенная правда, но вряд ли хорошая поддержка и то, о чем мне особенно приятно заявить. — И вы можете сказать себе: *Она* — Мианнаи, она — родственница лорда Радча. — Быстрое движение ее лицевых мускулов сообщило мне, что у нее имелась такая мысль. — И у вас есть опыт службы с людьми, получившими повышение из-за того, что они были чьими-то родственниками. Я вас не виню, у меня такой тоже есть. Но несмотря на то что вы видите в доступной версии моего послужного

списка, я — *не* новобранец.

Она поразмыслила над этим. Еще мгновение — и она придет к заключению, что моя карьера до сих пор проходила в Отделе спецмиссий и все, что я делала, слишком секретно, чтобы даже просто признать, что это вообще происходило.

— Капитан флота, сэр. Мои извинения. — Движением руки я показала, что в них нет нужды. — Но, сэр, сотрудники Отдела спецмиссий привычны к действиям с допущением некоторой… незаконности и…

Поразительно было слышать это от той, что и глазом не моргнула, когда ее вспомогательный компонент по ее приказу жестко завалила гражданина.

— На самом деле у меня есть некоторый опыт действий в ситуациях, которые совершенно выходили из-под контроля, когда некто допускал слишком много нарушений. А также когда некто действовал, слишком узко понимая, что такое правильность. И даже если бы на Атхоеке совсем не было проблем, все пространство Радча сейчас пребывает в совершенно нестандартном положении.

Она сделала вдох, чтобы спросить что-то еще, и, казалось, передумала.

— Да, сэр.

Я подняла взгляд на вспомогательный компонент «Меча Атагариса», которая стояла позади нее, вытянувшись в струнку и молча.

— А ты, «Меч Атагариса»?

— Я поступаю так, как мой капитан приказывает мне, капитан флота. — Невыразительно. Внешне бесстрастно. Но почти наверняка ошеломленный моим вопросом.

— Хорошо. — Нет никакого смысла давить слишком сильно. Я встала. — Это был трудный день для всех нас. Давайте начнем все заново. И у вас есть приглашение на ужин, капитан, если мне не изменяет память.

— Так же как у капитана флота, — напомнила мне капитан Хетнис. — Наверняка будет очень хорошая еда. И некоторые люди из тех, с кем вы хотели бы познакомиться, окажутся там. — Она пыталась не смотреть на то, что нас окружало: все тусклое, грязное. Никакой мебели. Даже воды и то нет. — Губернатор определенно будет там, сэр.

— Тогда, полагаю, — сказала я капитану Хетнис, — мне следует пойти на ужин.

Глава 8

Апартаменты гражданина Фосиф Денчи особенно выделялись столовой, одна из стен которой — полностью стеклянная — выходила на все еще людную главную площадь. Четыре метра на восемь, стены выкрашены в коричневато-желтый цвет. На высокой полке выстроилась шеренга растений с длинными толстыми стеблями, свисающими почти до пола, острыми колючками и толстыми, круглыми ярко-зелеными листьями. Как ни велика была эта столовая по меркам жилого помещения, расположенного на базе, она не вместила бы одновременно всех домочадцев богатого радчааи: родственников, клиентов, слуг и их детей, — и, судя по кучке полураздетых малышей, спящих на диванных подушках в соседней гостиной, шел по крайней мере второй этап праздничного ужина.

— Капитан флота, — сказала Фосиф со своего места в конце стола из бледного позолоченного дерева, — коллекционер, прямо как вы, администратор Селар! — Фосиф была явно довольна этим открытием, причем настолько, что ей по-

чти удалось скрыть свое разочарование: ведь я ничего не сообщила о причинах потери связи с ближайшими дворцами, а ей не удалось вежливо попросить меня об этом.

Администратор базы Селар позволила себе выражение настороженного интереса:

— Коллекционер, капитан флота? Песен? Каких именно? — Это была крупная, дородная особа в ярко-розовых пиджаке и брюках и желто-зеленом шарфе. Темная кожа, темные глаза, пышная шапка тугих локонов, поднятых вверх и возвышающихся над головой. Она очень красива и, подумалось мне, прекрасно отдает себе в этом отчет, не обескураживая при этом окружающих. Рядом с ней сидела ее дочь Пайэт, молчаливая и странным образом погруженная в себя. Она оказалась не так крупна и не столь красива, но еще молода, и, вероятно, она сравняется однажды со своей матерью и в том и в другом.

— У меня скорее обширные интересы, нежели тонкий вкус, администратор. — Я отказалась жестом от очередной порции копченых яиц. Капитан Хетнис сидела молча рядом со мной, сосредоточившись на своей второй порции. Напротив меня за столом расположилась губернатор системы Джиарод, высокая и широкоплечая

особа в мягком, струящемся зеленом пиджаке. Нечто особенное в оттенке ее кожи говорило о том, что она специально сделала ее более смуглой. С самого своего появления здесь она вела себя так сдержанно, словно это самый что ни на есть рутинный ужин, в котором нет ничего необычного.

— У меня особый интерес к гхаонийской музыке, — призналась администратор Селар.

Фосиф просияла. Ее дочь Раугхд неискренне улыбнулась, довольно умело скрывая свою скуку. Когда я пришла, она держалась слишком предупредительно, чересчур уважительно. Я видела так много молодежи ее класса, так близко и так долго, что даже без помощи ИИ поняла: она борется с похмельем. Похоже, теперь препарат от него, который она приняла, начал действовать.

— Я выросла всего лишь в нескольких шлюзах от Гхаона, понимаете, — продолжила администратор базы Селар, — и служила там помощником администратора базы двадцать лет. Это обворожительно! И так трудно найти настоящую, подлинную вещь. — Она взяла вилкой кусочек дреджфрута, но, вместо того чтобы отправить его в рот, понесла его к коленям, под стол. Ее дочь Пайэт рядом с ней слегка улыбнулась — впервые

с той минуты, как я ее увидела.

— К гхаонийской музыке в целом? — База, на которой служила администратор Селар, еще только начинала строиться, когда я в последний раз побывала там несколько веков назад. — Во время аннексии на Гхаоне имелось по крайней мере три разных политических образования, в зависимости от того, как их учитывать, порядка семи главных языков и еще больше различных музыкальных стилей.

— *Вы* понимаете, — ответила она, мгновенно отбросив всю осторожность по отношению ко мне. — Меня интересует все это, а ведь осталось так мало подлинных гхаонийских песен.

— А что бы вы мне дали, — спросила я, — за гхаонийскую песню, которую никогда не слышали?

Ее глаза округлились, очевидно от недоверия.

— *Сэр,* — произнесла она с возмущением. Оскорбленная. — Вы меня высмеиваете.

Я приподняла бровь.

— Ни в коем случае, уверяю вас, администратор. У меня есть несколько — с корабля, который присутствовал там во время аннексии. — Я не упомянула, что сама и *была* тем самым кораблем.

— Вы встречались со «Справедливостью То-

рена»! — воскликнула она. — Какая это была потеря! Вы на нем служили? Так часто мне хотелось повидать кого-то, кто служил на нем. У одного из наших садоводов сестра служила на «Справедливости Торена», но это произошло задолго до того, как она появилась здесь. Она была еще ребенком, когда… — Она печально покачала головой. — Как жаль!

Пора уклониться от этой темы. Я повернулась к губернатору Джиарод.

— Прилично ли будет, губернатор, — спросила я, — осведомиться об этом храмовом ритуале, который занял вас на целый день? — Мое произношение было элегантно, как у любого имеющего знатное происхождение офицера, мой тон — весьма любезен, но с легчайшим намеком на резкость.

— О да, — ответила губернатор Джиарод, — но я не уверена, сколько ответов прилично будет дать. — Как и администратор базы Селар, она взяла кусочек дреджфрута, а затем, по всей видимости, опустила его себе на колени.

— Ах, — произнесла я, — храмовые таинства! — Мне приходилось видеть такие не раз за мою двухтысячелетнюю жизнь. Их не разрешалось продолжать, если Анаандер Мианнаи не допуска-

ли к их тайнам. В результате те, что сохранились, потеряли свою исключительность. Или по крайней мере теоретически — ведь приобщиться к ним было невероятно дорого.

Губернатор Джиарод потихоньку отправила под стол еще кусочек фрукта. Какому-то ребенку, догадалась я, более выносливому и, возможно, более предприимчивому, чем его ближние и дальние родичи.

— Эти таинства довольно древние, — заметила губернатор. — И очень важны для жителей Атхоека.

— Важны для жителей Атхоека или только для ксхаи? И связаны ли они каким-то образом с этой историей о жителях Атхоека, обладавших пенисами и притворившихся, что поотрезали их?

— Это неправильное представление, капитан флота, — ответила губернатор Джиарод. — Фестиваль гениталий гораздо древнее аннексии. Обитатели Атхоека, особенно ксхаи, — весьма благочестивые люди. Поэтому многое здесь — метафора, неподходящий материальный способ для разговора о нематериальном. Если имеете интерес к духовному, капитан флота, я бы всячески рекомендовала вам стать посвященной.

— Я весьма опасаюсь, — заявила гражданин

Фосиф, прежде чем я успела ответить, — что интересы капитана флота скорее музыкальные, нежели духовные. Ее интересует только, есть ли там пение. — Грубовато и бесцеремонно. Но совершенно верно.

Под столом крошечная обнаженная ручонка схватила мою штанину, — кто бы там ни был, он потерял терпение из-за поглощенности губернатора разговором и решил попытать удачи со мной. Малышке чуть больше года, и она, насколько я видела, была совершенно голенькая. Я предложила ей кусок дреджфрута — явно самого любимого лакомства, — и она взяла его липкой ручонкой, положила в рот и принялась жевать, насупившись и отрешившись от всего остального, опершись на мою ногу.

— Гражданин Фосиф рассказывала мне, что рабочие в ее поместье много поют, — заметила я.

— О да! — согласилась администратор базы Селар. — В прошлом это были главным образом ссыльные самиренды, но сейчас все это вальскаайцы.

Это показалось мне странным.

— *Все* ваши полевые работники вальскаайцы? — Я потихоньку отправила под стол другой кусок дреджфрута. Калр Пять, наверное, будет

недовольна липкими отпечатками рук на моих брюках. Но радчааи, как правило, балуют малышей, так что на самом деле она сердиться не станет.

— Самир был аннексирован довольно давно, капитан флота, — ответила Фосиф. — Все самиренды теперь более или менее цивилизованы.

— Более или менее, — пробормотала капитан Хетнис рядом со мной.

— Я неплохо знакома с вальскаайской музыкой, — призналась я. — Они говорят на дельсиге?

Фосиф нахмурилась.

— Ну конечно, капитан флота. Они не очень-то говорят на радчааи, это точно.

В системе Вальскаай имелась пригодная для обитания планета с умеренными климатическими условиями, не говоря уже о дюжинах баз и лун. Дельсиг мог понадобиться вальскаайцу, желавшему развивать бизнес за пределами родного дома, но это ни в коем случае не означало, что любой вальскааец будет говорить на этом языке.

— А они сохранили свои хоровые традиции?

— Отчасти, капитан флота, — ответила Селар. — Они также добавляют вариации для баса или дисканта в песни, которые выучили с тех пор, как прибыли сюда. Гудение, параллельное

голосоведение, вы знаете такие вещи, очень примитивные. Но не слишком интересные.

— Потому что они не подлинные? — догадалась я.

— Именно так, — согласилась администратор базы Селар.

— А меня не слишком волнует аутентичность.

— Обширные интересы, как вы выразились, — с улыбкой произнесла администратор базы Селар.

Я подняла свою вилку в знак подтверждения.

— А кто-нибудь ввозил записанную музыку? — В определенных местах на Вальскаае — особенно в тех регионах, где дельсиг чаще всего был первым языком, — хоровые общества являлись важным социальным институтом и каждый хорошо образованный человек обучался чтению нотной записи. — Чтобы они не ограничивались примитивным и неинтересным гудением? — Я добавила в голос капельку сарказма.

— Милость Амаата, капитан флота! — вмешалась гражданин Фосиф. — Эти люди едва ли способны сказать три слова на радчааи. Я с трудом представляю, как мои полевые работники усаживаются, чтобы учиться читать музыку.

— Это могло бы их занять, — изрекла Раугхд, которая до сих пор сидела молча, неискренне

улыбаясь, — удержать от разжигания беспорядков.

— Ну, что до этого, — произнесла Фосиф, — я бы сказала, что именно образованные самиренды создавали для нас наибольшие проблемы. Полевые надсмотрщики почти все были самирендами, капитан флота. Обычно неглупые типы. И в основном мы могли на них положиться. Но всегда найдется один или два, и позволь только этим двоим сойтись и убедить других — не успеешь оглянуться, как все полевые рабочие взбудоражены. Так и случилось лет пятнадцать-двадцать назад. Полевые работники на пяти различных плантациях уселись на землю и отказались собирать чай. Просто уселись на землю! И конечно же, мы перестали их кормить по той причине, что они отказались выполнять свои задания. Но на планете в этом нет смысла. Любой, кто не расположен работать, может жить, кормясь тем, что дает ему земля.

Мне показалось весьма вероятным, что жить на подножном корму было вовсе не так уж легко.

— Вы привезли сюда работников откуда-то еще?

— Это случилось посреди периода роста, капитан флота, — сказала гражданин Фосиф. — И у

всех моих соседей были те же самые трудности. Но в конце концов мы задержали зачинщиков-самирендов, примерно наказали их в назидание остальным, ну а сами рабочие — они вскоре вернулись назад.

Столько вопросов вертелось у меня на языке.

— А жалобы рабочих?

— Жалобы? — Фосиф явно раздражена. — Да нет у них никаких жалоб. Никаких настоящих жалоб. Они ведут довольно приятную жизнь, могу я вам сказать. Иногда мне и *самой* хотелось бы получить назначение на сбор чая.

— Вы остаетесь, капитан флота? — спросила губернатор Джиарод. — Или вернетесь на свой корабль?

— Я остановилась в Подсадье, — ответила я. Тут же воцарилась полная тишина, не слышно стало даже звяканья вилок о фарфор. Даже слуги, составлявшие блюда на бледных, позолоченных сервантах, застыли. Ребенок под столом, забыв обо всем, дожевывал последний кусок дредж-фрута.

Затем Раугхд рассмеялась:

— Что ж, почему бы и нет? Никто из тех грязных животных не станет связываться с *вами*, правда? — Как бы хорошо она ни скрывала до

сих пор свои истинные чувства, сейчас в ее голосе прозвучало презрение. Я встречала таких, как она, и не однажды. Некоторым из них даже удалось стать достойными офицерами, когда они научились тому, что нужно. Другим же — нет.

— Право же, Раугхд, — сказала ее мать, но снисходительно. На самом деле никого за столом, казалось, не удивили и не шокировали слова Раугхд. Фосиф повернулась ко мне. — Раугхд и ее друзья любят выпить в Подсадье. Я неоднократно говорила ей, что это небезопасно.

— Небезопасно? — спросила я. — Неужели?

— Кражи там нередки, — заметила администратор базы Селар.

— Туристы! — воскликнула Раугхд. — Они жаждут, чтобы их ограбили. Именно за этим они туда и ходят, для начала. Все это нытье и жалобы в службу безопасности, — она пренебрежительно махнула рукой в голубой перчатке, — это составная часть развлечения. В противном случае они были бы более внимательны.

Совершенно неожиданно мне захотелось вернуться на «Милосердие Калра». Доктор на вахте отпустила какое-то едкое замечание одному из солдат Калр, дежуривших с ней. Лейтенант Экалу проверяла, как работают ее солдаты Этрепа. Сеи-

варден, лежа на краю своей койки, спросила:

— Корабль, как там капитан флота?

— Досадует, — ответил «Милосердие Калра». Злится. В безопасности, но играет, как говорится, с огнем.

Сеиварден чуть ли не фыркнула.

— Значит, как обычно.

Четыре солдата Этрепа в коридоре на другой палубе запели популярную песню, фальшиво и невпопад.

В столовой с коричневато-желтыми стенами ребенок, вцепившийся в мою штанину, расплакался. Гражданин Фосиф и гражданин Раугхд выказали удивление — они, очевидно, даже не представляли себе, что под столом кто-то находился. Нагнувшись, я вытащила малышку и посадила ее себе на колени.

— У тебя был долгий день, гражданин, — сказала я серьезно.

Ко мне бросилась озабоченная прислуга и забрала завывающего ребенка, прошептав:

— Мои извинения, капитан флота.

— Не стоит, гражданин, — бросила я. Обеспокоенность слуги меня удивила — ведь было ясно, что, даже если Фосиф и Раугхд не догадывались о том, что под столом прятался ребенок, все осталь-

ные об этом знали и никто не возражал. Меня бы удивило, будь это не так. Но с другой стороны, несмотря на то, что я знала взрослых радчааи порядка двух тысяч лет, видела и слышала все личные сообщения, что они отправляли или получали, а также общалась с детьми и младенцами в тех местах, которые аннексировал Ради, я никогда не бывала в радчаайском доме, никогда не проводила времени с радчаайскими детьми. Не мне, на самом деле, судить о том, что нормально или ожидаемо.

Ужин завершился распитием араки. Я раздумывала над тем, какой из нескольких возможных вариантов выбрать, чтобы вежливо откланяться вместе с губернатором Джиарод, но не успела я принять решение, как появилась лейтенант Тайзэрвэт — якобы для того, чтобы сообщить мне, что наши помещения готовы, но на самом деле, как я подозревала, надеясь на остатки от ужина. Которые, разумеется, Фосиф тут же велела упаковать для нее слуге. Лейтенант Тайзэрвэт изящно поблагодарила ее и отвесила поклон сидящей компании. Раугхд Денчи смерила ее взглядом и в улыбке слегка изогнула губы — лейтенант ее позабавила? Заинтриговала? Вызвала пренебрежение? Возможно, и то, и другое, и третье.

Выпрямляясь, Тайзэрвэт перехватила взгляд Раугхд и, как мне показалось, была заинтригована сама. Что ж, по возрасту они близки, и какую бы неприязнь я ни испытывала к Раугхд, их контакт мог пойти мне на пользу: принести информацию. Я сделала вид, что не обратила внимания. Так же, как я заметила, поступила Пайэт, дочь администратора базы. Поднявшись с места, я многозначительно произнесла:

— Губернатор Джиарод?

— Да-да, — отозвалась губернатор системы с впечатляющей импозантностью. — Фосиф, бесподобный ужин, как всегда, поблагодарите еще раз вашего повара, она — просто чудо. — Она поклонилась. — И что за очаровательная компания! Но долг зовет.

Кабинет губернатора Джиарод находился напротив апартаментов Фосиф. Тот же вид на главную площадь, только с другой стороны. Стены задрапированы кремовыми шелковыми гардинами, расписанными лиственным орнаментом. Повсюду расставлены низкие столы и стулья, в типичной стенной нише — икона Амаата, перед ней — чаша, но никакого запаха фимиама, — разумеется, губернатор не приходила сегодня на работу.

Я отправила Тайзэрвэт назад, в Подсадье, с ее призом — достаточным количеством еды, чтобы с лихвой насытить даже семнадцатилетнюю (комплименты губернатора повару Фосиф были совершенно заслуженными), — и я также отпустила капитана Хетнис с приказом явиться ко мне утром.

— Присаживайтесь, капитан флота, прошу вас. — Губернатор Джиарод показала на широкие, с подушками, кресла, стоящие в стороне от окна. — Что вы должны о нас подумать? Но с самого начала этого… кризиса я старалась поддерживать спокойствие и установленные порядки, насколько это возможно. И конечно, религиозные обряды очень важны в тяжелые времена. Я могу лишь поблагодарить вас за ваше терпение.

Я села, и губернатор тоже.

— Я близка, — признала я, — к пределам этого терпения. Но с другой стороны, и вы тоже, я полагаю. — На пути сюда я днями напролет думала, что же следует сказать губернатору Джиарод. Как много мне необходимо ей раскрыть. И в конце концов решила сказать правду, неприкрашенную, как выйдет. — Итак, вот какова ситуация: две группировки Анаандер Мианнаи находятся в разногласиях друг с другом в течение тысячи лет.

Тайно, скрытно даже от самой себя. — Губернатор Джиарод нахмурилась. Это было не слишком вразумительно на первый взгляд. — Двадцать восемь дней назад во Дворце Омо это переросло в открытую конфронтацию. Лорд Радча сама блокировала все средства связи во дворце в попытке скрыть этот конфликт от остальной части себя. Она потерпела неудачу, и сейчас эта информация распространяется но всему пространству Радча, во все остальные дворцы. — Возможно, сейчас она доходит до Дворца Ирей — самого дальнего от Омо. — Коллизия в Омо, как представляется, разрешилась.

Смятение, явственно охватившее губернатора Джиарод, лишь возрастало с каждым моим словом.

— В чью пользу?

— Анаандер Мианнаи, разумеется. Как же иначе? Все мы в безвыходном положении. Поддержать любую из группировок означает пойти на измену.

— Так же, — согласилась губернатор, — как и не поддержать любую из группировок.

— Несомненно. — Я почувствовала облегчение, оттого что губернатора хватило, чтобы сразу понять это. — Тем временем начали борьбу

группировки в вооруженных силах — также поощряемые лордом Радча — с прицелом на достижение преимущества на тот случай, если дело дойдет до настоящего сражения. Одна из них принялась атаковать шлюзы. Именно поэтому, хотя средства связи во Дворце Омо сейчас функционируют, вы по-прежнему изолированы от них. На любом маршруте, по которому отправляются сообщения, имеется поврежденный шлюз. — Или, по крайней мере, на таких маршрутах, которые не заняли бы месяцы.

— В шлюзе Храд-Омо находились дюжины кораблей! О восемнадцати из них до сих пор нет никаких сведений! Что же могло…

— Я подозреваю, что наши враги по-прежнему пытаются сдержать распространение информации. Или по крайней мере, осложнить путешествия между системами для любых судов, кроме военных. И их не особо волнует, сколько граждан погибнет во время всего этого.

— Не могу… не могу в это поверить.

Тем не менее это было правдой.

— База покажет вам мое предписание. Я командую всеми военными ресурсами в этой системе и имею приказ обеспечить здесь безопасность граждан. Я также привезла приказ запретить

все путешествия через шлюзы в обозримом будущем.

— Кто отдал этот приказ?

— Лорд Радча.

— Которая из них? — Я ничего не ответила. Губернатор движением руки выразила согласие. — А этот… спор, что у нее возник с самой собой?

— Я могу передать вам то, что она сообщила мне. Я могу сказать вам, что *я* об этом думаю. Более того… — Я показала жестом неопределенность, неуверенность. Губернатор Джиарод ждала молча и заинтересованно. — Отправным моментом, форсирующим событием было уничтожение гарседдиан. — Губернатор едва ощутимо вздрогнула. Никто не любил говорить о том времени, когда Анаандер Мианнаи в ярости приказала уничтожить все живое в целой солнечной системе. Даже если это произошло тысячу лет назад и теперь забыть об этом легче, чем тогда. — Когда вы сделаете что-нибудь эдакое, как вы отреагируете?

— Я надеюсь, что никогда ничего подобного не сделаю, — ответила губернатор Джиарод.

— Жизнь непредсказуема, — заметила я, — и мы не всегда такие, какими себя представляем. Если не повезет, то мы это обнаруживаем. Когда

случается что-нибудь подобное, есть два выбора. — Или больше, чем два, но, если добраться до сути, они сводятся к двум. — Можно признать ошибку и решить никогда ее не повторять либо отказаться признать ошибку и прилагать все усилия, настаивая на своей правоте в том, что сделали и что с радостью повторите это вновь.

— Да. Да, вы правы. Но Гарседд был тысячу лет назад. Несомненно, пора уже твердо остановиться на одном или на другом. И если бы вы спросили меня до этого, я бы сказала, что мой лорд выбрала первое. Разумеется, без публичного признания ошибки.

— Вероятно, это более сложно, — согласилась я. — Думаю, существовали уже и другие проблемы, а события в Гарседде их обострили. Что это было, я могу только догадываться. Безусловно, лорд Радча не могла продолжать экспансию бесконечно. — А если прекратилась экспансия, что делать со всеми кораблями и вспомогательными компонентами? С офицерами, которые ими командуют? Держать их — напрасный расход ресурсов. Ликвидировать их означало оставить системы на периферии пространства Радча без прикрытия на случай нападения. Или мятежа. — Я думаю, лорд Радча противилась не просто

признанию ошибки, но признанию собственной смертности.

Губернатор Джиарод молча размышляла над этим двадцать четыре секунды.

— Мне не нравится эта мысль, капитан флота. Если бы вы спросили меня еще десять минут назад, я бы сказала, что лорд Радча почти бессмертна. А как же иначе? Постоянно выращивая новые тела для замены старых, как она вообще может умереть? — Еще три секунды она молчала, насупившись. — А если она умрет, что станет с Радчем?

— Я не думаю, что мы в силах заниматься чем-либо, помимо Атхоека. — Возможно, с моей стороны это было сейчас наиболее опасным высказыванием, в зависимости от симпатий губернатора. — Мои приказы затрагивают только безопасность этой системы.

— А если бы они были другими? — Губернатор Джиарод вовсе не глупа. — Если бы другая часть моего лорда приказала вам принять ту или иную сторону или использовать эту систему каким-то образом к ее выгоде? — Я не ответила. — Что бы вы ни делали, это бунт, мятеж, поэтому вы можете делать, как вам нравится, так ведь?

— Вроде того, — согласилась я. — Но у меня на

самом деле есть приказы.

Она встряхнула головой, словно устраняя какое-то препятствие.

— Но что же тут еще поделаешь? Вы же не думаете, что имело место некое… внешнее вмешательство?

Вопрос был удручающе знакомым.

— Пресгер не потребовалось бы никаких уловок, чтобы уничтожить Радч. И есть же договор, к которому, как я склонна понимать, они относятся очень серьезно.

— Они ведь не используют слов, так? Они совершенно чужды нам. Как может слово *договор* что-то значить для них? Какое значение может иметь любое соглашение?

— Пресгер где-то поблизости? Возможная угроза?

Она слегка нахмурилась. Этот вопрос отчего-то обеспокоил ее. Возможно, потому что сама мысль, что Пресгер рядом, просто устрашала.

— Иногда они проходят через Прид Пресгер на пути к Дворцу Тстур. — Прид Пресгер в нескольких шлюзах отсюда, и говорить о том, что это поблизости, можно лишь в том смысле, что добираться туда — около месяца, а не год или более. — По соглашению внутри пространства

Радча они могут перемещаться только в шлюзах. Но…

— Этот договор не с Радчем, — сказала я. — Он — со всеми людьми. — Губернатора Джиарод это озадачило: для большинства радчааи люди — это они, а все остальные — это… что-то другое. — Я имею в виду, существует Анааидер Мианнаи или нет, это на договор не влияет. Он по-прежнему в силе. — Тем не менее более тысячи лет до заключения договора Пресгер останавливали человеческие корабли. Высаживались на человеческих базах. Уничтожали их — и их экипажи, пассажиров и жителей. Очевидно, для развлечения. Никто не мог этого предотвратить. Они перестали заниматься этим только из-за договора. И мысль о Пресгер по-прежнему заставляла вздрагивать очень многих людей. Включая, кажется, и губернатора Джиарод. — Если у вас нет какой-то особой причины, я не думаю, что нам следует беспокоиться о них сейчас.

— Нет, конечно, вы правы. — Но губернатор тем не менее казалась обеспокоенной.

— Мы производим достаточно продовольствия для всей системы?

— Безусловно. Хотя ввозим определенные предметы роскоши: нам недостает араки и кое-чего

еще. Также мы импортируем некоторое количество медицинских средств. Это может оказаться проблемой.

— Вы не делаете здесь восстановителей?

— Не много. Не всех видов.

Это способно создать проблему в отдаленном будущем.

— Посмотрим, что можно с этим сделать, если получится. Тем временем я предлагаю вам продолжать свою линию: поддерживать спокойствие, поддерживать порядок. Нам следует дать людям знать, что те шлюзы, что вышли из строя, останутся закрытыми на все обозримое будущее. И что путешествия через оставшиеся слишком опасны, а потому не разрешены.

— Гражданину Фосиф это не понравится! Так же как и другим чаеводам. К концу месяца здесь скопятся тонны собранного вручную чая высшего сорта «Дочь рыб», который некуда будет отправить.

— Что ж, — я мягко улыбнулась, — по крайней мере, всем нам надолго хватит очень хорошего чая.

Было слишком поздно, чтобы нанести визит гражданину Баснаэйд с соблюдением хоть каких-то приличий. И еще мне хотелось узнать

кое-что, чего не было в информации, полученной во Дворце Омо. Политическая жизнь системы до аннексии считалась не относящейся к делу, любые старые границы стирались прибывшей цивилизацией. То, что оставалось, — языки или какие-то произведения искусства — могло сохраняться в причудливых музейных экспозициях, но, разумеется, никогда не фигурировало в официальных записях. Извне Атхоек выглядел как любая другая радчаайская система. Единообразным. Полностью цивилизованным. Изнутри можно понять, что он не таков, если смотреть пристально и оказаться вынужденным это признать. Но всегда существовало некое равновесие между предполагаемым полным успехом аннексии и необходимостью справляться с тем, в чем аннексия, возможно, не была доведена до конца, и один из способов достичь этого равновесия — не обращать внимания на то, чего не нужно видеть.

База должна знать всякое. Лучше всего как-нибудь поболтать с базой, и лучше заручиться ее благосклонностью. ИИ корабля или базы не мог, строго говоря, пойти мне наперекор, но я знала из очень личного опыта, насколько жизнь становится легче, когда тебя любят и хотят помочь.

Глава 9

Несмотря на то что Подсадье не слишком здорово проветривалось, а моя постель являла собой всего лишь груду одеял на полу, мне удобно спалось. Я сочла важным сказать об этом Калр Пять, когда она принесла мне чаю, потому что видела, что она и все мои солдаты с «Милосердия Кадра» были высокого мнения о том, что им удалось сделать, пока я ужинала с гражданином Фосиф. Они отскребли наши несколько комнат до почти военного уровня безупречной чистоты, установили освещение, привели в рабочее состояние двери и соорудили из багажа и разнообразных коробок некое подобие столов и стульев. Пять принесла мне завтрак — чаю с кашицей, хотя более густого, чем я пила в чайной, легкого, но сытного, и лейтенант Тайзэрвэт и я ели в тишине, она — сдерживая ненависть к самой себе. На борту «Милосердия Калра» это было почти незаметно. Ее обязанности и замкнутое уединение нашего путешествия почти помогали ей забыть, что сделала с ней Анаандер Мианнаи. Что я сделала с Анаандер Мианнаи. Но теперь, здесь,

на базе Атхоек, когда хаос уборки и распаковки остался позади, она, должно быть, думала о том, что собиралась делать лорд Радча, когда мы сюда доберемся.

Я раздумывала, не спросить ли ее. Я уже знала, как Анаандер Мианнаи оценивала губернатора системы, корабли и капитанов, размещенных здесь. Знала, что она считает: большинство чаеводческих кланов озабочены только своим чаем и, вероятно, перемены, которые начала лорд Радча в последнее столетие, им ничем не угрожают. В конце концов, недавно достигшие успеха кланы пили столько же чая, как и издревле аристократические семейства, и (не считая капитанов, которые требовали, чтобы их солдаты изображали вспомогательные компоненты) люди-солдаты — тоже.

Атхоек, вероятно, не является благодатной почвой для другой Анаандер. И борьба сейчас ведется, наверное, за дворцы. Но в то же время планета — ценный ресурс. Если борьба затянется, Атхоек может привлечь нежелательное внимание. И в игре с такими высокими ставками ни одна из Анаандер не преминет поставить здесь несколько фишек.

Калр Пять вышла из комнаты, и лейтенант

Тайзэрвэт подняла взгляд от своей каши, ее сиреневые глаза были очень серьезны.

— Она очень злится на вас, сэр.

— Кто, лейтенант? — Но, конечно, она имела в виду Анаандер Мианнаи.

— Другая, сэр. На самом деле я имею в виду — они обе. Но другая… Если она в какой-то момент одержит верх, она за вами явится, если сможет. Потому что она так злится. И…

И это та часть лорда Радча, которая справляется с последствиями своего противодействия Гарседду, настаивая, что она была совершенно права, когда утратила самообладание почти до безумия!

— Да, благодарю, лейтенант. Я уже уяснила это. — Как ни хотелось мне узнать, что собиралась делать лорд Радча, я не желала заставлять Тайзэрвэт говорить об этом. Но она вызвалась сама. — Я так понимаю, у тебя есть коды доступа ко всем ИИ в системе.

Она быстро опустила взгляд в свою чашку. Пристыженная.

— Да, сэр.

— Они подходят только для конкретных ИИ или ты потенциально способна управлять любым, который тебе попадется?

Это ее поразило. И, странным образом, разочаровало. Она подняла глаза со страданием на лице.

— Сэр! Она *не глупа.*

— Не используй их, — сказала я ласковым голосом. — Или окажешься в затруднительном положении.

— Есть, сэр. — Она изо всех сил старалась, чтобы лицо не выдавало охвативших ее чувств — болезненной смеси стыда и унижения. Намек на испытываемое облегчение. Свежий прилив несчастья и ненависти к самой себе.

Этого — среди прочих вещей — я тоже хотела избежать, не задавая вопросов о целях, которые ставила Анааидер, посылая Тайзэрвэт со мной. Я определенно не желала, чтобы она погружалась в эту бурю эмоций.

И я обнаружила, что не в силах больше откладывать встречу с сестрой лейтенанта Оун. Съев последнюю ложку каши, я сказала:

— Лейтенант, давай посетим Сады.

Она удивилась, и это почти отвлекло ее.

— Прошу снисхождения капитана флота. Разве вы не встречаетесь с капитаном Хетнис?

— Калр Пять попросит ее подождать, пока я не вернусь. — И тут я заметила, что у нее промельк-

нуло беспокойство. А под ним, не так явно… — восхищение? И зависть. Это любопытно.

Раугхд Денчи сказала, что Сады привлекают туристов, и я поняла почему. Они занимают добрую часть верхнего уровня базы, более пяти акров залитого солнцем пространства, открытого и не разделенного на части, под высоким прозрачным куполом. Когда я вошла туда, именно это бросилось мне в глаза за скоплением красных и желтых роз, издающих густой аромат: высокое черное небо, разделенное на едва заметные шестиугольные сегменты, сам Атхоек, висящий в нем, подобно драгоценному камню. Эффектное зрелище, но здесь, так близко к вакууму, все должно быть разделено на меньшие части с секционными дверями. А их и в помине нет.

Там, где мы вошли, земля спускалась под уклон. За розами тропа извивалась среди кустов с глянцевитыми зелеными листьями и крупными гроздьями лиловых ягод, между клумбами с какими-то остро пахнущими растениями с серебристыми, игольчатыми листьями. Низкие деревца и снова кусты, плоские выступы скал, тропа извивалась, то там, то тут мелькал проблеск водной поверхности, широкие плавающие листья кувшинок, белые и темно-розовые цветы.

Было тепло, но по листьям пробегал слабый ветерок — никаких проблем с вентиляцией, хотя, впечатленная картиной огромного открытого пространства космоса, я внутренне ожидала падения давления. Тропинка пересекла ручеек, сбегающий вниз по стоку, устланному камнем. Казалось, что мы на планете, если бы не тот черный небосвод.

Лейтенант Тайзэрвэт позади меня выглядела беспечной. Этой базе уже несколько сотен лет, и если бы сейчас что-нибудь произошло, мы ничего с этим не смогли бы поделать. Так что оставалось только продолжать путь. На следующем повороте мы уткнулись в лесок из маленьких деревьев с сучковатыми переплетенными ветками, а под ними — крошечное спокойное озерцо, которое медленно перетекало в другое, расположенное пониже, и далее по склону — в целую череду таких озер. В самом низу расстилалась водная гладь, усыпанная цветущими лилиями. Лейтенант Тайзэрвэт замерла, прищурилась, улыбнулась крошечной коричнево-оранжевой рыбке, которая носилась в прозрачной воде у наших ног. Внезапный яркий, поразительный миг наслаждения. Затем она подняла взгляд на меня — и это ушло, она вновь стала несчастной и

стеснительной.

За следующим поворотом тропинки оказалось открытое водное пространство площадью около трех акров. На планете это ничто, но на базе — неслыханно. Ближняя его часть была усеяна лилиями, которые мы заметили, спускаясь по склону. В нескольких метрах влево стройный арочный мост вел на крошечный островок с большим камнем посередине, полутораметровым цилиндром с рифлеными краями, высота которого равнялась его ширине. Повсюду, то там, то тут, из воды торчали скалы. А на противоположном берегу пруда — высокий, насколько хватало глаз, водопад. Не струйки воды, что мы видели по пути сюда, но стремительно несущаяся, шумная масса воды, пенясь, ниспадала со скалистой стены и взбалтывала озеро. Эта скалистая стена, неровная, в выступах, тянулась вдоль дальней стороны водоема. Там находился другой вход, на выступы, и тропинка, ведущая вокруг воды.

Это было устроено так, чтобы картина, внезапно открывающаяся взгляду, поражала красотой и драматизмом после проблесков водной поверхности меж ветвей на пути вниз, ручейков и крошечных водопадов. И она действительно потрясала. Вся эта открытая водная поверхность

— обычно на базах такие большие объемы воды содержат в разделенных резервуарах, чтобы в случае течи можно было отделить поврежденный, а при возникновении неполадок с гравитацией быстро закрыть емкости. Интересно, какова глубина этого пруда, подумала я. Несколько быстрых прикидок и расчетов показали, что нарушение герметичности приведет к катастрофе для уровней, расположенных ниже. Что же архитекторы базы разместили под этим?

Ну конечно. Подсадье.

Кто-то в зеленом комбинезоне стоял по колено в воде в конце полосы кувшинок, наклонившись и запустив руки под воду. Не Баснаэйд. Осознав это, я, решительно настроенная найти Баснаэйд Элминг, чуть было не выбросила ее тут же из головы. Нет, особа, что трудилась возле кувшинок, — не Баснаэйд. Но я ее узнала. Сойдя с тропинки, продолжавшей петлять, я зашагала по склону прямиком к воде. Стоящая в озере подняла взгляд и выпрямилась, рукава ее комбинезона были в грязи, с них стекала вода. Та особа, с которой я говорила вчера в чайной в Подсадье. Ее гнев, скрытый, спрятанный, вспыхнул вновь, когда она узнала меня. Вместе с тем я заметила в ней и некоторое смятение.

— Доброе утро, гражданин, — сказала я. — Что за приятный сюрприз — встретить вас здесь.

— Доброе утро, капитан флота, — ответила она любезно. Внешне спокойно и беспечно, но я увидела, как едва заметно сжались ее челюсти. — Чем могу вам помочь?

— Я ищу садовода Баснаэйд, — ответила я, сопроводив это максимально дружелюбной улыбкой.

Моя собеседница чуть нахмурилась, в ее взгляде сквозило любопытство. Затем посмотрела на мое единственное украшение, золотой памятный брелок. Не думаю, что она стояла достаточно близко, чтобы прочесть надпись на нем, и это массовая продукция, за исключением имени, похожего на тысячи, если не миллионы других.

— Вам придется подождать, — сказала она, и ее лицо разгладилось. — Она появится через несколько минут.

— Ваши Сады прекрасны, гражданин, — сказала я. — Хотя, признаюсь, это столь красивое озеро кажется мне небезопасным.

— Это не *мой* сад. — Снова этот гнев, сильно, тщательно сдерживаемый. — Я здесь лишь работаю.

— Он не был бы таким без людей, которые

здесь работают, — отметила я. В ответ она сделала ироничное движение рукой. — Я думаю, вы слишком молоды, чтобы быть одним из лидеров тех забастовок на чайных плантациях десять или пятнадцать лет назад. — Слово, обозначающее «забастовку», существует на радчааи, но оно очень старое и малоизвестное. Я использовала термин на лиосте, который узнала от базы прошлой ночью. Самиренды, привезенные на Атхоек, говорили на лиосте, а иногда говорят и сейчас. Эта особа — самиренд, я достаточно узнала от базы, чтобы понять это. И достаточно узнала от гражданина Фосиф о надсмотрщиках-самирендах, которые участвовали в тех забастовках. — Вам было, наверное, шестнадцать? Семнадцать? Если бы вы играли важную роль, то были бы уже мертвы или в какой-нибудь совершенно другой системе, где нет социальных отношений, которые позволили бы вам причинить неприятности. — Ее лицо застыло, она дышала ртом, очень тщательно. — Они проявили снисходительность из-за вашей молодости и неопределенной позиции, но примерно вас наказали. — Несправедливо, как я догадалась вчера.

Сначала она не отвечала. Она испытывала душевные муки, и это подтверждало, что я права.

В результате перевоспитания размышления об определенных действиях стали доставлять ей сильный внутренний дискомфорт, а я напомнила ей непосредственно о тех событиях, которые привели ее к встрече со службой безопасности. И конечно, для любого радчааи даже упоминание о перевоспитании крайне неприятно.

— Если капитан флота завершила свои замечания, — произнесла она наконец, — у меня есть работа. — Ее голос выдавал напряженность, в которой она пребывала, и вместе с тем это прозвучало чуть более робко, чем обычно.

— Разумеется. Приношу свои извинения. — Она моргнула — от удивления, подумала я. — Вы обстригаете с лилий мертвые листья?

— И мертвые цветы. — Наклонившись, она запустила под воду руку и вытянула скользкий, сморщенный стебель.

— Как глубоко озеро? — Она посмотрела на меня, опустила взгляд на воду, в которой стояла. Затем снова подняла глаза на меня. — Да, — согласилась я, — я вижу, насколько глубоко оно здесь. Везде одинаково?

— Около двух метров в самом глубоком месте. — Ее голос прозвучал спокойнее; похоже, она восстановила прежнее самообладание.

— А под водой есть перегородки?

— Нет. — Будто в подтверждение ее слов, лилово-зеленая рыба приплыла в свободное от лилий пространство, где и стояла, широкая, с блестящей чешуей, длиной, должно быть, с три четверти метра. Она зависла под водой и, кажется, смотрела на нас, широко раскрывая рот. — У меня ничего нет, — сказала она рыбе и вытянула руки в промокших перчатках. — Иди подожди у моста, кто-нибудь придет. Всегда приходят. — Рыба продолжала разевать рот. — Смотри, вон они идут.

Двое детей обошли куст и побежали вниз по тропинке к мосту. Тот, что поменьше, прыгнул с земли на мост с гулким тяжелым стуком. Вода под мостом стала волноваться, и лилово-зеленая рыба повернулась и ускользнула из виду.

— У моста есть дозатор корма, — пояснила особа, стоящая в воде. — Примерно через час там будет довольно много людей.

— Тогда я рада, что мы пришли рано, — заметила я. — Если это не представит для вас сложности, не расскажете ли, какие тут принимаются меры безопасности?

Она коротко и резко рассмеялась.

— Они заставляют вас волноваться, капитан флота? — Она указала на купол над головой. — И

это?

— И это, — признала я. — Они оба вызывают тревогу.

— Не стоит беспокоиться. Это построено не жителями Атхоека, это хорошее, солидное радчаайское сооружение. Без растрат, взяток, замены компонентов более дешевыми материалами с прикарманиванием разницы, отлынивания от работы. — Она произнесла это совершенно искренне, без малейшего сарказма, которого можно было бы ожидать. Она имела в виду именно то, что сказала. — И разумеется, база ведет постоянное наблюдение и даст нам знать при малейшем признаке неполадок.

— Но база не способна видеть под Садами, так ведь?

Не успела она ответить, как со стороны прозвучало:

— Как дела, Сирикс?

Я знала этот голос. Слышала его в записях, еще детским, много лет назад. Он походил на голос ее сестры, но не в точности. Я повернулась посмотреть на нее. Она похожа на свою сестру, родство с лейтенантом Оун было очевидно по ее лицу, голосу, тому, как чопорно она держалась в зеленой форме садовода. Ее кожа чуть смуглее,

чем была у лейтенанта Оун, лицо — круглее, и не удивительно. Я видела записи Баснаэйд Элминг — ребенка, послания ее сестре. Я знала, как она выглядит сейчас. И прошло уже двадцать лет, как я потеряла лейтенанта Оун. С тех пор как я убила лейтенанта Оун.

— Почти закончила, садовод, — ответила особа из чайной, все еще по колено в воде. Или я предполагала, что она в ней стоит, по-прежнему не отрывая взгляда от Баснаэйд Элминг. — Капитан флота пришла сюда, чтобы увидеться с вами.

Баснаэйд посмотрела прямо на меня. Заметила коричнево-черную форму, слегка нахмурилась в замешательстве, а потом увидела золотой брелок. Перестала хмуриться, на лице появилось выражение холодного осуждения.

— Я вас не знаю, капитан флота.

— Да, — согласилась я. — Мы никогда не встречались. Я была другом лейтенанта Оун. — Неловко говорить это, неловко упоминать о ней как о друге. — Я надеялась, что вы как-нибудь выпьете со мной чаю. Когда вам будет удобно. — Глупо, чуть ли не неприлично высказываться столь откровенно. Но она, кажется, не в настроении постоять и поболтать, а старший инспектор Скайат предупреждала меня, что она вовсе не будет

счастлива увидеть меня. — Прошу вашего снисхождения, я бы хотела кое-что обсудить с вами.

— Я сомневаюсь, что у нас есть что обсуждать. — Баснаэйд по-прежнему сохраняла ледяное спокойствие. — Если вы ощущаете потребность что-то сказать мне во что бы то ни стало, делайте это сейчас. Как, вы сказали, вас зовут? — Это было совершенно невежливо. Но я понимала почему, знала, откуда эта ярость. Баснаэйд более естественна в произношении, присущем образованному радчааи, нежели это когда-либо удавалось лейтенанту Оун, — она начала упражняться раньше, и я подозревала, что у нее слух был лучше с самого начала. Но это все же до определенной степени служило прикрытием. Как и ее сестра, Баснаэйд Элминг прекрасно понимала, что такое высокомерие и оскорбление. И не без оснований.

— Меня зовут Брэк Мианнаи. — Мне удалось не подавиться именем клана, которое навязала мне лорд Радча. — Вы его не узнаете, я пользовалась другим именем, когда знала вашу сестру. — То имя она бы узнала. Но я не могла назвать его. Я была кораблем, на котором служила ваша сестра. Я была вспомогательными компонентами, которыми она командовала, которые служили ей.

Как всем здесь было известно, тот корабль исчез двадцать лет назад. И корабли — это не люди, не капитаны флота и никакие не офицеры вообще и никого не приглашают на чай. Если бы я сказала ей, кто я на самом деле, она усомнилась бы в здравости моего ума. Что, возможно, не так уж и плохо с учетом того, что следующим шагом после имени было бы рассказать ей, что случилось с ее сестрой.

— Мианнаи. — В голосе Баснаэйд слышно недоверие.

— Как я сказала, это не было моим именем в то время, когда я знала вашу сестру.

— Что ж, — она чуть ли не выплюнула это слово, — Брэк Мианнаи. Моя сестра была справедливой и правильной. Она никогда не преклоняла перед вами колен, что бы вы там ни думали, и никто из нас не хочет от вас никакой платы. Никто из нас не нуждается в ней. Оун не нуждалась в ней и не хотела ее. — Другими словами, если лейтенант Оун и имела со мной какие-то отношения — *преклонение колен* подразумевало сексуальные, — то это не потому, что она стремилась извлечь из этого какую-то выгоду. Когда старший инспектор Скаайат предложила Баснаэйд клиентские отношения ради лейтенанта Оун, то

подразумевалось, что отношения Оун и Скаайат основывались на предположении обмена — секс за социальное положение. Это было довольно обычной сделкой, но граждане, продвигавшиеся по социальной лестнице снизу к заметно более высокому положению, были открыты для обвинений, что их продвижение или назначения — плод обмена на сексуальные услуги, а не их достоинств.

— Вы совершенно правы, ваша сестра никогда не преклоняла колен ни передо мной, ни перед кем-либо другим, никогда. А того, кто скажет обратное, прошу вас прислать ко мне, и я избавлю его от заблуждения. — Было бы и в самом деле лучше подвести к этому, выпить чаю, поесть чего-нибудь и составить предварительно вежливую беседу вокруг да около, чтобы прочувствовать подход и несколько сгладить то безрассудство, что я намеревалась предложить. Но как я видела, Баснаэйд на это не пошла бы. Я с таким же успехом могла изложить свое дело здесь и сейчас. — Мой долг перед вашей сестрой гораздо больше, и его невозможно выплатить в полной мере, даже если бы она была еще жива. Я могу лишь предложить вам маленький подарок на память. Я предлагаю сделать вас своей наследницей.

Она дважды моргнула, не находя слов для ответа.

— Что?

Шум водопада на другой стороне пруда был парадоксально и отдаленным, и навязчивым. Лейтенант Тайзэрвэт и гражданин Сирикс застыли, глядя на нас: на Баснаэйд и на меня.

— Я предлагаю, — повторила я, — сделать вас своей наследницей.

— У меня уже есть родители, — сказала Баснаэйд после трехсекундного молчания, не в состоянии поверить услышанному.

— Они прекрасные родители, — подтвердила я. — И заменить их не входит в мои намерения. Я бы, вероятно, и не смогла.

— Тогда *каковы* же ваши намерения?

— Быть уверенной, — отчетливо произнесла я, зная, что потерпела неудачу, придя к пониманию, что потерплю неудачу, — ради вашей сестры, что вы в абсолютной безопасности и имеете все, что пожелаете, в пределах досягаемости.

— *Чего я желаю,* — сказала Баснаэйд, так же взвешенно, как только что говорила я, — так это чтобы вы прямо сейчас ушли отсюда и больше никогда со мной не говорили.

Я низко поклонилась, как низшая по положе-

нию — тому, кто выше.

— Как угодно гражданину. — Повернувшись, я пошла вверх по тропинке, удаляясь от воды, от Сирикс, по-прежнему стоящей по колено в воде возле лилий, от Баснаэйд Элминг, оставшейся на берегу, чопорной и возмущенной. Даже не оглянувшись, чтобы посмотреть, следует ли за мной лейтенант Тайзэрвэт.

* * *

Я знала. Я знала, какой будет реакция Баснаэйд Элминг на мое предложение. Но я думала, что этим утром лишь передам вежливое приглашение, а само противостояние пройдет позже. Я оказалась неправа. А теперь я знала, что капитан Хетнис ожидает в моих комнатах в Подсадье, потея в теплом неподвижном воздухе, и сухо, сердито отказывается от чая, который Калр Пять только что ей предложила. Идти на эту встречу в моем теперешнем настроении было рискованно, но, кажется, приличного способа избежать ее не находилось.

У входа в те комнаты, где сразу за открытой дверью невозмутимо стояла по стойке «смирно» Бо Девять, лейтенант Тайзэрвэт, о которой я совершенно забыла на пути сюда от берега озера,

заговорила:

— Сэр. Прошу снисхождения капитана флота.

Я остановилась, не оборачиваясь. Обратилась мысленно к «Милосердию Калра», который показал мне озадачивающую мешанину эмоций. Лейтенант Тайзэрвэт несчастна, как и была все это утро, но ее страдание смешано со странным томлением — по чему? И совершенно новая веселость, которой я никогда в ней не видела.

— Сэр, прошу разрешения вернуться в Сады. — Она хочет вернуться в Сады? Сейчас?

Я вспомнила то поразительное мгновение наслаждения, когда она увидела в пруду рыбку, но при этом осознала, что после того совершенно не обращала на Тайзэрвэт внимания. Я была слишком погружена в свою встречу с Баснаэйд.

— Зачем? — спросила я резко. Не оптимальный, возможно, вариант ответа с учетом обстоятельств, но я сейчас находилась не в лучшей форме.

Какую-то минуту нервный страх не давал ей вымолвить ни слова, но потом она сказала:

— Сэр, может быть, я смогу поговорить с ней. Ведь она не велела *мне* никогда не обращаться к ней вновь. — Пока она произносила это, та странная, полная надежды веселость вспыхнула

в ней ярко и резко, а с ней — и то, что я видела бессчетное число раз в молодых, эмоционально уязвимых лейтенантах.

О нет.

— Лейтенант, вы не должны появляться возле гражданина Баснаэйд Элминг. Мне не надо, чтобы вы вмешивались в мои дела. Гражданину Баснаэйд это определенно не нужно.

Я будто ударила Тайзэрвэт. Она чуть не отшатнулась, но удержалась, застыла на месте, потеряв на мгновение дар речи от боли и ярости. Затем сказала с горькой неудовлетворенностью:

— Вы даже не хотите дать мне *шанс!*

— «Вы даже не хотите дать мне шанс, сэр», — поправила я. Ее нелепые сиреневые глаза наполнились слезами ярости. Будь она просто семнадцатилетним лейтенантом, я бы ее отправила ее собственной дорогой, чтобы ее отверг объект внезапной безрассудной страсти, а затем дала бы ей выплакаться — о, какие океаны слез салаг-лейтенантов поглотила моя форма, когда я была кораблем, — а потом налила бы ей рюмку или три. Но Тайзэрвэт — не какая-то салага-лейтенант. — Отправляйся в свою комнату, лейтенант, приди в себя и умойся. — Еще рано, чтобы напиться, но ей нужно время, чтобы взять

себя в руки. — После обеда у тебя увольнительная, чтобы прогуляться и как следует напиться. А еще лучше перепихнуться. Здесь полно более подходящих партнеров. — Интерес могла бы проявить даже гражданин Раугхд, но я этого не сказала. — Ты находилась в присутствии гражданина Баснаэйд целых пять минут. — И когда я это произнесла, стало совсем ясно, насколько это нелепо. Дело — не в Баснаэйд, на самом деле — не в ней, но это лишь добавило мне решимости держать Тайзэрвэт подальше от нее.

— Вы не понимаете! — воскликнула Тайзэрвэт.

Я повернулась к Бо Девять:

— Бо, отведи своего офицера в ее комнату.

— Есть, сэр, — сказала Бо, а я повернулась и вошла в помещение, которое служило прихожей наших маленьких апартаментов.

Когда я была кораблем, у меня были тысячи тел. За исключением чрезвычайных обстоятельств, если одно из этих тел уставало или испытывало стрессовое состояние, я могла предоставить ему перерыв и использовать другое, так, как человек может поменять руки. Если одно из них получало очень тяжелое ранение или переставало эффективно функционировать, мои врачи удаляли его и заменяли другим. Это было в высшей степени

удобно.

Когда я была отдельным вспомогательным компонентом, одним из тысяч человеческих тел, частью корабля «Справедливость Торена», я никогда не оставалась одна. Я всегда находилась в окружении самой себя, и остальная часть меня всегда знала, если какое-то конкретное тело в чем-то нуждалось: в отдыхе, пище, прикосновении, ободрении. Тело вспомогательного компонента могло в любое мгновение ощутить себя подавленным или раздраженным или испытать любое другое чувство — это совершенно естественно: тела чувствовали. Но это было столь незначительно, когда речь шла только об одном сегменте среди остальных. Даже будучи охваченным сильным чувством или испытывая физическое неудобство, этот сегмент знал, что он лишь один из многих, знал, что остальные его части рядом, чтобы помочь ему.

О как мне не хватало остальной части себя! Я не могла дать отдохнуть одному телу или успокоить его, отправив на помощь другое, больше не могла этого. Я спала одна, тихо завидуя простым солдатам на «Милосердии Калра» с их маленькими спальными местами, где они отдыхали все вместе, стиснутые в тепле и близости. Они — не

вспомогательные компоненты, и это не то же самое, не получилось бы, даже если б я оставила всякие притязания на чувство собственного достоинства и забралась бы туда вместе с ними. Я понимала это, знала, что этого было бы настолько недостаточно, что и желать не стоило. Но сейчас, в это мгновение, мне так этого хотелось, что, будь я на борту «Милосердия Калра», я бы это сделала, свернулась калачиком среди спящих Этрепа, которых показал мне корабль, и уснула бы, не важно, что этого оказалось бы недостаточно. Это было бы *что-то,* по крайней мере.

Ужасно, ужасно лишить корабль его вспомогательных компонентов. Лишить вспомогательный компонент его корабля. Возможно, не так чудовищно, как убивать людей, чтобы сделать из них вспомогательные компоненты. Но тем не менее отвратительно.

Я не могла позволить себе роскоши поразмыслить над этим. У меня нет другого, не столь разъяренного тела, чтобы отправить его на встречу с капитаном Хетнис. У меня нет часа или двух, чтобы поупражняться, или помедитировать, или выпить чаю, пока не успокоюсь. У меня есть только я.

— Все будет в порядке, капитан флота, — сказал

«Милосердие Калра» мне в ухо, и на мгновение меня переполнило ощущение корабля. Спящие солдаты Этрепа, полуочнувшаяся лейтенант Экалу, счастливая и на сей раз совершенно расслабленная, Сеиварден в бане, напевающая: «Моя мать сказала, что все вращается», ее солдаты Амаат, доктор и мои Калр — все это вперемешку, в одно затопившее меня мгновение. Затем это исчезло — я не могла его удержать с одним-единственным телом, одним мозгом.

Я полагала, что мои мучения от потери себя и утраты лейтенанта Оун если и не пройдут, то ослабнут до терпимой, ноющей боли, — избавиться от них насовсем я и не надеялась. Но, всего лишь увидев Баснаэйд Элминг, я лишилась равновесия и не смогла справиться с ситуацией. И в результате только что не справилась как надо с лейтенантом Тайзэрвэт. Я знала об эмоциональных подъемах, которые испытывают семнадцатилетние лейтенанты. Имела с ними дело в прошлом. И какой бы ни была Тайзэрвэт, кем бы она ни стала, какими бы древними ни были ее воспоминания или самоощущение, ее телу по-прежнему семнадцать, и ее реакция на происходившее сегодня во многом напоминала отклик того, кто испытывает последние терзания

юности. Я видела это раньше, понимала, что это, и должна была реагировать более разумно.

— Корабль, — спросила я безмолвно, — я была не слишком самодовольна, когда подумала, что свела Сеиварден и Экалу?

— Быть может, самую капельку, капитан флота.

— Сэр, — обратилась Калр Пять, войдя в прихожую, являя образец невозмутимости, присущей вспомогательным компонентам. — Капитан Хетнис — в столовой. — И не добавила: Она раздражена и начинает злиться из-за того, что ее заставили ожидать так долго.

— Благодарю, Пять. — Несмотря на ранее данное мной разрешение ходить здесь, в Подсадье, в рубашке, она по-прежнему была в куртке. Как и все мои солдаты с «Милосердия Калра», я увидела это, запросив корабль. — Ты предложила ей завтрак и чай?

— Да, сэр. Она сказала, что ничего не хочет. — Здесь прозвучала нотка разочарования: ведь она лишилась возможности продемонстрировать свои блюда.

— Хорошо. Тогда я вхожу. — Я сделала вдох, постаралась выкинуть из головы и Баснаэйд, и Тайзэрвэт и вошла, чтобы принять рапорт капи-

тана Хетнис.

Глава 10

Капитан Хетнис отправила «Милосердие Илвеса» на обследование отдаленных баз. Она привела с собой на базу Атхоек несколько вспомогательных компонентов «Меча Атагариса», а также лейтенанта Вар с ее подразделением для обеспечения безопасности в Подсадье.

Она пыталась объяснить мне, почему поставила «Меч Атагариса» наблюдать за шлюзом, который вел в систему скал, лишенных атмосферы, газовых гигантов с ледяными лунами, без обитателей и других шлюзов.

— Пресгер способны перемещаться без шлюзов, сэр; они могли…

— Капитан, если Пресгер решат напасть на нас, то мы ничего не сможем с этим поделать. — Те дни, когда Радч командовал огромными флотами, способными подавить целые системы, ушли в прошлое. И даже тогда противостоять Пресгер было безнадежным делом. Это и послужило главной причиной, почему Анаандер Мианнаи в конце концов согласилась на договор. По этой же причине люди до сих пор боялись их. — И честно,

капитан, куда большую опасность для нас сейчас будут представлять радчаайские корабли с любой из сторон, которые попытаются взять под контроль или уничтожить ресурсы, интересующие противника. Планету внизу под нами, например.

Всю эту пищу. Базу, если смогут овладеть ею. А я смогу ли?

— И вполне возможно, что Атхоек вообще оставят в покое. Естественно, я не думаю, что кому-нибудь удастся собрать настоящий флот — по крайней мере, далеко не сразу, если это вообще когда-нибудь получится. — Я не думала, что кто-нибудь мог застать нас врасплох. Военный корабль способен выйти из шлюза в нескольких километрах от базы или от планеты, но маловероятно, что это попытаются сделать. Если кто-то появится, у нас будет время заметить, как он приближается. — Нам следует сосредоточить оборонительные усилия вокруг этой базы и этой планеты.

Капитану это не понравилось. Она подумала было о доводах, но оставила их невысказанными. Вопросы о том, откуда проистекает моя власть и какой стороне в этом конфликте предана капитан Хетнис, не затрагивались вообще. Не было никакого смысла педалировать данную тему,

это не принесло бы преимущества ни мне, ни ей. Если мне повезет, все остальные не обратят на Атхоек внимания, и вопроса не возникнет. Но я бы на это не поставила.

Когда капитан Хетнис ушла, я немного поразмыслила о том, что делать дальше. Возможно, встретиться с губернатором Джиарод и выяснить, чего, помимо медицинских товаров, может оказаться недостаточно в ближайшем будущем и что мы могли бы предпринять в этом направлении. Найти, чем занять «Меч Атагариса» и «Милосердие Фей», чтобы они ни во что не влезли и в то же время были наготове, если понадобятся. Я послала запрос «Милосердию Калра». Лейтенант Тайзэрвэт находилась наверху, на втором уровне Подсадья, в широкой, затененной комнате, которую неравномерно освещают световые панели, прислоненные тут и там к темным стенам. Тайзэрвэт, Раугхд Денчи и полдюжины других особ — дочери, как указала база, чаеводов и чиновников базы — полулежали на длинных толстых подушках. Они пили что-то крепкое и жгучее. Тайзэрвэт пока не решила, нравится ей это или нет, но, казалось, она по большей части приятно проводит время. Пайэт, дочь администратора базы, несколько более оживленная, чем накануне

вечером, сказала только что нечто вульгарное, и все рассмеялись. Раугхд произнесла вполголоса, так что это никто, кроме Тайзэрвэт, сидевшей рядом с ними обеими, не мог услышать:

— Буфера Аатр, Пайэт, ты иногда чертовски нелепа и скучна.

Тайзэрвэт немедленно отозвалась на это с отвращением (которое увидели только корабль и я).

— Пайэт, — сказала она, — я не думаю, что гражданин Раугхд отдает тебе должное. Сядь поближе, мне нужно, чтобы кто-нибудь меня развлекал.

Эта перепалка плюс сомнения Пайэт и якобы беззаботный ответ Раугхд — «Да я просто пошутила, лейтенант, не стоит принимать все так близко к сердцу!» — открыли мне неприятную правду об их отношениях. Будь они моими офицерами, когда я была кораблем, я бы каким-то образом вмешалась или поговорила с их старшим лейтенантом. На мгновение я удивилась, что база, очевидно, ничего по этому поводу не делает, но потом мне пришло в голову, что Раугхд, возможно, весьма осторожно относится к тому, что и где говорить. База не в состоянии видеть в Подсадье, и, хотя все в этой комнате наверняка подключены к связи, они, вероятно, выключили

свои имплантаты. Очень вероятно, что именно в этом и состояла главная цель попойки здесь, а не где-то еще.

Внизу, в моей собственной комнате, Калр Пять заговорила:

— Сэр.

Ее невозмутимая внешность скрывала тревогу.

— Все в порядке, — воскликнул незнакомый голос позади нее, в следующей комнате. — Я уже выросла и никого не собираюсь есть! — Произношение странное, наполовину — как у хорошо образованного радчааи, а наполовину — что-то еще, что мне не удавалось идентифицировать: ничего похожего на акценты, которые я слышала здесь до сих пор.

— Сэр, — повторила Калр Пять, — переводчик Длайкви… — Она слегка запнулась на странном имени.

— Переводчик? — Никто не упоминал о том, что в системе находится кто-то из Департамента переводчиков, и для присутствия такового не было причины. Запросив корабль, я увидела его воспоминание о том, как Калр Пять открыла дверь особе в свободной, яркой рубашке и брюках, какие носили люди в Подсадье, в перчатках, хотя и простых, жестких, серых. Никаких драго-

ценностей. Ни имени клана, ни подразделения Департамента переводчиков, на которое она работала, никакого намека на связь с семьей или ранг. Сморгнув, я избавилась от этой картины. Поднялась. — Пусть войдет.

Пять отступила в сторону, и вошла переводчик Длайкви, широко улыбаясь.

— Капитан флота! Как я рада вас видеть! Резиденция губернатора *кошмарно* скучна. Я предпочла бы остаться на своем корабле, но они сказали, что пробит корпус, и если бы я осталась там, то не смогла бы дышать. Не знаю, не так уж это и важно — правда? — дышать. — Она сделала глубокий вдох и с нерешительным видом раздраженно повела плечами. — Воздух! Это просто глупость на самом деле. Я бы и без него обошлась, но они настаивали.

— Переводчик. — Я не поклонилась, поскольку и она этого не сделала. У меня возникло ужасное подозрение. — Кажется, у вас есть надо мной преимущество.

Она пожала плечами и округлила в изумлении глаза.

— У меня? Преимущество? Это у вас полным-полно солдат.

Подозрение переросло в уверенность. Эта особа

определенно не радчааи. Значит, переводчик для кого-то из пришельцев, с которыми имеют дело радчааи. Но не для Гек или Рррррр — мне приходилось встречаться прежде с переводчиками для Гек, и я кое-что знала о людях, переводивших для Рррррр, а эта особа не походила ни на тех ни на других. И это странное произношение…

— Я имею в виду, что вы, кажется, знаете, кто я, но я не знаю, кто вы.

Она откровенно расхохоталась.

— Ну конечно, я знаю, кто вы. О вас говорят все. Но не со мной. Предполагается, что я не знаю, что вы здесь. Также предполагается, что я не покидаю резиденцию губернатора. Но мне не нравится скучать.

— Думаю, вам следует сказать мне, кто вы конкретно. — Но я знала. Или знала столько, сколько мне нужно. Эта особа — из тех людей, которых вырастили Прескер, чтобы говорить с Радчем. Переводчик для Прескер. «Беспокойная компания», — сказала о них Анаандер Мианнаи. И губернатор знала, что она на базе. Так же как и капитан Хетнис, я готова на это поставить. Именно это стояло за ее неизъяснимым страхом, что Прескер могут внезапно сюда нагрянуть. Интересно, а почему она мне об этом не сказала?

— Кто я? *Конкретно?* — Переводчик Длайкви нахмурилась. — Я не… то есть я только что сказала, что я — Длайкви, но, может, и нет; может быть, я — Зейат. Или подождите, нет. Нет, я совершенно уверена, что я — Длайкви. Я точно уверена, они мне сказали, что я — Длайкви. О! Предполагается, что я должна представиться, не так ли? — Она поклонилась. — Капитан флота, я — Длайкви, переводчик для Пресгер. Польщена знакомством с вами. Теперь, думаю, вы скажете что-нибудь вроде «это — честь для меня», а затем предложите мне чаю. Однако чай мне наскучил, у вас есть арака?

Я быстро отправила безмолвное послание Калр Пять, а затем движением руки предложила переводчику Длайкви сесть — на невероятно комфортное сочетание коробок и подушек, прикрытое вышитым желто-розовым одеялом.

— Итак, — сказала я, усевшись напротив нее на свою груду прикрытого одеялом багажа. — Вы дипломат?

Все выражения ее лица до сих пор походили на детские и казались совершенно неконтролируемыми. Теперь она демонстрировала откровенное смятение.

— Я все испортила, так? А все должно было

быть так просто. Я летела домой из Дворца Тстур после посещения Новогоднего предсказания. Ходила на вечеринки, и улыбалась, и говорила: «Знаки выпали благоприятно, наступающий год принесет всем справедливость и пользу». Через некоторое время я поблагодарила людей за их гостеприимство и улетела. Как и предполагалось. Все очень скучно, ни один из тех, кто из себя хоть что-нибудь представляет, не должен этим заниматься.

— А затем шлюз вышел из строя, и вас перенаправили. И теперь вы не можете добраться домой. — При существующих условиях она никогда не попадет в пространство Пресгер, если у нее нет корабля, который сам способен создавать шлюзы, а соглашение между людьми и Пресгер весьма определенно и преднамеренно запрещало Пресгер приводить такие суда в пространство Радча.

Переводчик Длайкви вскинула вверх руки в неуместных серых перчатках, подчеркивая, как я подумала, свое раздражение.

— «Говори в точности то, что мы тебе сказали, и все будет, как надо», — сказали они. Ну и все пошло не так. А они ничего об этом не говорили. Хотя могли бы, ведь столько всего наговорили.

«Сиди прямо, Длайкви. Не расчленяй свою сестру, Длайкви, это некрасиво. Внутренние органы обычно находятся внутри тела, Длайкви». — Она помрачнела на минуту, будто это последнее ее особенно раздражало.

— Кажется, имеется общее согласие в том, что вы на самом деле Длайкви, — заметила я.

— Можно подумать! Но так не выходит, когда ты — никто. О! — Она подняла взгляд, когда вошла Калр Пять с двумя бокалами и бутылкой араки. — Это хорошая штука! — Она взяла бокал, который протянула ей Пять. Впилась взглядом в лицо Пять. — Почему ты притворяешься, что ты — не человек?

Пять, охваченная страхом и обидой, столь сильными, что даже не смогла заговорить, чтобы не выдать своих чувств, не ответила и только повернулась, чтобы дать мне бокал. Взяв его, я спокойно произнесла:

— Не будьте невежливы с моими солдатами, Длайкви.

Переводчик Длайкви рассмеялась, словно я сказала что-то смешное.

— Вы мне нравитесь, капитан флота. С губернатором Джиарод и капитаном Хетнис всегда одно и то же: «Какова цель вашего приезда сю-

да, переводчик?», и «Каковы ваши намерения, переводчик?», и «Вы полагаете, что мы этому поверим, переводчик?» А затем это: «Вы найдете эти комнаты очень комфортными, переводчик»; «Двери заперты для вашей безопасности, переводчик»; «Выпейте еще чаю, переводчик». Не Длайкви, понимаете? — Она сделала изрядный глоток араки. Чуть кашлянула.

Интересно, как скоро персонал губернатора обнаружит отсутствие переводчика Длайкви, подумала я. Какую-то минуту размышляла, почему база не подняла тревогу. Но затем я вспомнила о том пистолете, который не в состоянии были видеть ни корабль, ни база, появившемся от Прегер. Переводчик Длайкви могла казаться легкомысленной и ребячливой. Но она безусловно опасна, как того боялись губернатор Джиарод и капитан Хетнис. Вероятно, гораздо опаснее. Кажется, они ее недооценили. Возможно, из-за внешнего вида.

— А что с другими на вашем корабле?

— Другими?

— Экипаж? Персонал? Спутники-пассажиры?

— Это *очень* маленький корабль, капитан флота.

— Тогда, должно быть, он переполнен, с Зейат

и переводчиком вместе.

Переводчик Длайкви усмехнулась.

— Я *знала,* что мы поладим. Угостите меня ужином? Я ем обычную еду, знаете ли.

Я вспомнила, что она сказала, когда появилась.

— А вы съели много людей, пока не выросли?

— Ни одного *неположенного!* Хотя, — добавила она, нахмурившись, — иногда я вроде как сожалею, что не съела кого-то неположенного. Но теперь слишком поздно. Что у вас на ужин? Радчааи на базах, кажется, едят ужасно много рыбы. Мне начинает наскучивать рыба. О, где ваша ванная комната? Мне нужно…

Я оборвала ее:

— На самом деле, ванной у нас нет. Здесь нет водопровода. Но у нас есть ведро.

— Наконец *что-то* другое! Ведра мне еще не наскучили!

Лейтенант Тайзэрвэт, покачиваясь, ввалилась в комнату, когда Пять очищала последнее блюдо после ужина, а переводчик Длайкви говорила с очень серьезным видом:

— Яйца столь неадекватны, вам не кажется? Я имею в виду — им следовало бы уметь становиться *чем угодно,* но вместо этого вы всегда получаете цыпленка. Или утку. Или что-нибудь

еще в этом роде, на что они там запрограммированы. Вы никогда не получаете ничего интересного, такого как сожаление или середина ночи на прошлой неделе. — Вся беседа за ужином прошла в таком духе.

— Вы подняли интересный вопрос, переводчик, — ответила я и переключила внимание на лейтенанта Тайзэрвэт. Прошло более трех часов с тех пор, как я много думала о ней, и за это время она изрядно выпила. Она покачнулась, посмотрела на меня пристально.

— Раугхд Денчи, — сказала мне Тайзэрвэт, подняв руку и указывая куда-то в сторону для пущей выразительности. Казалось, она не заметила присутствия переводчика Длайкви, которая наблюдала за происходящим с выражением несколько неодобрительного любопытства. — Раугхд Денчи. Это жуткая личность.

Судя даже по очень маленькому эпизоду с участием гражданина Раугхд, который я наблюдала сегодня, я подозревала, что оценка Тайзэрвэт правильна.

— *Сэр,* — добавила Тайзэрвэт. С очень большим запозданием.

— Бо, — резко сказала я солдату, вошедшей следом за ней и с беспокойством топтавшейся на

месте. — Выведи отсюда своего лейтенанта, пока не вышло неприятности. — Бо взяла ее за руку и неуверенно вывела. Боюсь, слишком поздно.

— Не думаю, что она доберется до ведра, — сказала переводчик Длайкви торжественно. Почти с сожалением.

— Я тоже, — согласилась я. — Но попытаться стоило.

То, что переводчик Пресгер находится здесь, на базе Атхоек, само по себе немалая проблема. Сколько пройдет времени, пока тот, кто ее отправил, задумается, почему она не вернулась? Как они отнесутся к тому, что Атхоек сделал ее, по существу, пленницей, пусть и не вполне успешно? И что случится, когда они обнаружат, что Радч находится в таком беспорядке? Возможно, ничего — договор не делал различий между Радчем и остальным человечеством, он учитывал всех и запрещал Пресгер причинять вред любым людям. Оставался открытым вопрос, что такое «вред» для Пресгер, но, по-видимому, такие вопросы были тщательно проработаны переводчиками Радча и Пресгер.

А присутствие и внимание Пресгер можно было обратить в преимущество. В последнюю сотню лет Пресгер начали продавать высококачествен-

ные медицинские восстановители, значительно дешевле, чем те, что изготавливались в Радче. Губернатор Джиарод сказала, что Атхоек не производит собственных медицинских средств. А Прескер не волнует, является Атхоек частью Радча или нет. Их будет заботить лишь, сможет ли Атхоек заплатить, и, хотя представление Прескер об оплате могло быть несколько эксцентричным, я не сомневалась, что мы в состоянии найти нечто подходящее.

Так почему же губернатор системы заперла переводчика Длайкви в своей резиденции? А потом ничего не сказала мне об этом? Я вполне могла себе представить, что это делает капитан Хетнис — она знала капитана Вэл, которая верила, что нынешнее нецелостное состояние Анаандер Мианнаи — это результат проникновения Прескер. Я совершенно уверена, что прибытие сюда переводчика Длайкви — это совпадение, но совпадения для радчааи многозначительны. Амаат — это вселенная, и все, что происходит, случается потому, что этого пожелал Амаат. Намерения бога можно понять, тщательно изучая даже малейшие, казалось бы несущественные, события. А события последних недель были далеко не мелкими и малозначимыми. Капитан

Хетнис наверняка держалась настороже, внимательно относясь к странным происшествиям, и это вызвало в ней множество опасений. Нет, то, что она скрыла от меня присутствие переводчика Длайкви, только подтвердило мои подозрения в отношении позиции капитана.

Но вот губернатор Джиарод. После ужина у гражданина Фосиф и последующей встречи в кабинете у меня сложилось впечатление, что губернатор Джиарод — не только сообразительный, компетентный человек, но также что она понимает: конфликт Анаандер Мианнаи с самой собой возник внутри нее, а не где-то еще. Не думаю, что могла составить о ней настолько ошибочное мнение. Но я явственно что-то упустила, что-то недопоняла в отношении ее позиции.

— База, — безмолвно обратилась я.

— Да, капитан флота, — ответила база мне в ухо.

— Прошу уведомить губернатора Джиарод, что я намереваюсь зайти к ней первым делом с утра. — Больше ничего. Если базе неизвестно, что я знаю о существовании переводчика Длайкви, не говоря уж о том, что она ужинала со мной, а затем снова ушла, то упоминание о ней только вызовет замешательство у губернатора Джиарод

и капитана Хетнис. Тем временем придется поразмыслить, как справиться с этой неожиданно усложнившейся ситуацией.

На «Милосердии Калра» Сеиварден сидела в командной рубке, разговаривая с лейтенантом подразделения Амаат «Меча Атагариса», которая, очевидно, также находилась на вахте на своем корабле.

— Итак, — произнесла та, и корабль направил ее слова прямо в ухо Сеиварден, — откуда ты?

— Оттуда, где не маются дурью, стоя на вахте, — сказала Сеиварден, но безмолвно, кораблю. Вслух она произнесла: — Инаис.

— Неужели! — Было ясно, что лейтенант «Меча Атагариса» никогда о таком не слыхала, чему едва ли можно удивляться, с учетом протяженности пространства Радча, но это отнюдь не повысило ее низкую оценку со стороны Сеиварден. — А у вас все офицеры сменились? Твоя предшественница была нормальной. — Экалу (в эту минуту она спала, дыша глубоко и ровно) обрисовала бывшего лейтенанта Амаат «Милосердия Калра» как невыносимого сноба. — Но вот доктор вовсе не дружелюбна. Очень много о себе понимала, по-моему.

Доктор сидела в кают-компании «Милосердия

Калра», хмурясь на свой обед, состоящий из скела и чая. Спокойная, в довольно хорошем настроении.

Во многих отношениях Сеиварден в юности была такой же невыносимой, как и прежний лейтенант Амаат «Милосердия Калра». Но Сеиварден служила на десантном корабле — что означало: она бывала в сражениях и понимала, что важно, когда идет речь о врачах.

— А тебе не нужно следить за вражескими кораблями?

— О, корабль скажет мне, если что увидит, — беззаботно ответила лейтенант «Меча Атагариса». — А капитан флота просто устрашает. Хотя, я полагаю, так и должно быть. Она приказала нам находиться ближе к базе. Поэтому мы будем соседями, по крайней мере на некоторое время. Нам следует выпить чаю.

— Капитан флота не так сильно устрашает, если не угрожать разнести ее корабль.

— Да ладно. Это было недоразумение. Как только вы представились, все выяснилось. Ты же не думаешь, что она будет на меня сердиться, а?

На базе Атхоек, в Подсадье, Калр Пять отложила блюда в комнате рядом с той, где я сидела, и пожаловалась Калр Восемь на внезапное, смутившее

ее появление переводчика Длайкви.

В следующей комнате Бо стянула ботинки с вырубившейся Тайзэрвэт. Я сказала кораблю:

— Экалу не преувеличивала относительно лейтенанта Амаат «Меча Атагариса».

— Да, — согласился «Милосердие Калра», — не преувеличивала.

На следующее утро я одевалась — в брюках, еще без ботинок, застегивала рубашку, когда услышала настойчивый крик из коридора, голос, зовущий:

— Капитан флота! Капитан флота, сэр! — Корабль показал мне через Калр, стоявшую на страже в коридоре, семи- или восьмилетнего ребенка в неопрятной свободной рубахе и брюках, без башмаков и перчаток. — Капитан флота! — крикнула она настойчиво, не обращая внимания на стража.

Я схватила перчатки и быстро вышла из своей комнаты в прихожую через дверь, которую Пять открыла по моему жесту.

— Капитан флота, сэр! — сказала малышка по-прежнему громко, хотя я стояла перед ней. — Идите сейчас же! Кто-то снова нарисовал на стене! Если те трупосолдаты увидят это первыми, будет *плохо*!

— Гражданин… — начала Пять.

Я оборвала ее:

— Я иду. — Малышка бросилась бежать, и я последовала за ней по затененному коридору. «Кто-то снова написал на стене». Довольно несущественно. Достаточно мелко, чтобы не обращать на это внимания, — так можно было бы думать, но капитан Хетнис слишком остро реагировала на подобное прежде, и насколько именно — ясно из настойчивости этой малышки. Либо ее побудили к этому собственные заключения о том, что может произойти, когда появится подразделение Вар «Меча Атагариса», либо надоумил некий взрослый, использовав как посыльного. Достаточно серьезно. А если окажется, что там ничего нет, что ж, я всего лишь позавтракаю на несколько минут позже.

— Что они нарисовали? — спросила я, поднимаясь по лестнице в колодце доступа, единственному возможному здесь пути между уровнями.

— Какие-то слова, — ответил ребенок надо мной. — Это слова!

Значит, она либо не видела их, либо не смогла их прочесть, и я догадалась, что — второе. Тогда, вероятно, это радчааи или расвар, на котором, как я узнала за прошедшие два дня, читали и го-

ворили здесь большинство ичана. База сообщила в мою первую ночь здесь, когда я запросила у нее какую-нибудь информацию из истории, что большинство жителей Подсадья — это ичана.

Надпись оказалась на ксхаи, но транслитерированная алфавитной системой радчааи. Сделавший это использовал ту же розовую краску, которой была выкрашена дверь чайной, находившаяся сбоку маленькой импровизированной площади. Я распознала эти слова не потому, что уже знала больше нескольких фраз на ксхаи, но потому, что они относились ко времени аннексии и были лозунгом движения сопротивления, о котором рассказала мне база две ночи назад. «Не чай, но кровь!» Здесь использовалась игра слов. Радчаайское слово, обозначающее «чай», очень похоже на ксхайское слово «кровь», и смысл был в том, что революционеры предпочтут сопротивляться и пить (или по крайней мере проливать) радчаайскую кровь, чем сдаться Радчу и пить чай. Те революционеры уже несколько сотен лет мертвы, и этот искусный лозунг — не более чем малозначительная информация из урока истории.

Ребенок, увидев, что я остановилась перед надписью неподалеку от входа в чайную, снова

бросился бежать, стремясь оказаться в безопасности. Остальные обитатели Подсадья сделали то же самое — маленькая площадь обезлюдела, хотя я знала, что в этот час здесь наблюдается по меньшей мере постоянный поток клиентов в чайную. Кто бы тут ни проходил, бросив взгляд на надпись «Не чай, но кровь!», тут же поворачивал в сторону, чтобы убраться с дороги лейтенанта Вар «Меча Атагариса» и ее вспомогательных компонентов и оказаться в безопасном месте. Я была одна, Калр Пять еще поднималась в колодце доступа, оказавшись не такой проворной, как я.

За моей спиной прозвучал уже знакомый голос:

— Тот блюющий лиловоглазый ребенок был прав. — Я повернулась. Переводчик Длайкви, одетая, как прошлой ночью, когда она посетила меня.

— Прав в чем, переводчик? — спросила я.

— Раугхд Денчи действительно ужасная особа.

В эту минуту два вспомогательных компонента «Меча Атагариса» выбежали на площадь.

— Вы, там, стоять! — крикнула одна, громко и выразительно. В этот миг я осознала, что они очень даже могут не узнать переводчика Длайкви, — предполагалось, что она заперта в

резиденции губернатора, одета она как ичана, и, как все Подсадье, площадь освещена крайне неравномерно. Я сама не в полной форме, на мне только брюки, перчатки и частично застегнутая рубашка. «Мечу Атагариса» понадобится минута, чтобы осознать, кто мы.

— О, *спорокарпии!* — Переводчик Длайкви повернулась, чтобы, как я предположила, убежать, пока «Меч Атагариса» не увидел, кто это, и не задержал ее.

Но не успела она повернуться, а я в это кратчайшее мгновение лишь удивилась тому, что она использовала слово «спорокарпий» в качестве ругательства, как хлопнул одиночный ружейный выстрел, громкий в замкнутом пространстве, и переводчик Длайкви, охнув, рухнула наземь. Не раздумывая, я развернула броню и крикнула:

— «Меч Атагариса», отставить! — В тот же миг я срочно передала базе: — Скорую медицинскую помощь на уровень один Подсадья! — Опустилась на колени рядом с переводчиком Длайкви. — База, переводчику Длайкви выстрелили в спину. Мне нужны здесь врачи прямо сейчас.

— Капитан флота, — зазвучал спокойный голос базы в моем ухе, — врачи не ходят в…

— *Немедленно,* база! — Я опустила свою броню

и подняла глаза на два вспомогательных компонента Вар «Меча Атагариса», стоящих сейчас рядом. — Твою аптечку, корабль, быстро! — Я хотела спросить: «Что это ты делаешь, по-твоему, стреляя в людей?» Но остановить кровотечение у переводчика Длайкви сейчас было гораздо важнее. И это не полностью вина «Меча Атагариса», он следовал приказам капитана Хетнис.

— Я не ношу аптечку, капитан флота, — сказала одна из вспомогательных компонентов. — Здесь не боевая обстановка, и эта база имеет медсанчасть. — И у меня, конечно, ее тоже нет. Мы их привезли с собой, как нечто само собой разумеющееся, но они все еще находились в упакованной коробке тремя уровнями ниже. Если пуля попала, скажем, в почечную артерию — явная вероятность с учетом места ранения, — переводчик истечет кровью за считанные минуты, и даже если бы я приказала одной из своих Калр принести мне аптечку, она оказалась бы здесь слишком поздно.

Тем не менее я отправила приказ и прижала руки к ране в спине Длайкви. Вероятно, ничего хорошего из этого не выйдет, но это единственное, что я *могла* сделать.

— База, мне нужны эти врачи! — Я подняла

взгляд на «Меч Атагариса». — Принеси мне отсек временной приостановки. Сейчас же!

— Поблизости ни одного нет. — Владелица чайной, должно быть, была единственной, кто оставался поблизости, увидев написанный на стене лозунг. Сейчас она крикнула от двери своей чайной: — Врачи сюда никогда не ходят.

— На сей раз им лучше прийти. — Давление, которое я оказывала, уменьшило кровотечение из спины, но я не могла контролировать внутреннее кровотечение, а ее дыхание стало частым и неглубоким. Значит, она быстро теряла кровь, быстрее, чем мне было видно. Внизу, на уровне три, Калр Восемь открыла коробку, в которой находились аптечки. «Она принялась за дело, как только получила приказ, действовала быстро, но она не поспеет сюда вовремя», — подумала я.

Я по-прежнему бесполезно давила на спину переводчика, пока она лежала, тяжело дыша, лицом вниз.

— Кровь остается внутри ваших артерий, Длайкви, — сказала я.

Она выдохнула слабое, дрожащее ха.

— Видите… — Умолкла, сделала несколько неглубоких вдохов. — Дыхание… Глупо…

— Да, — сказала я, — да, дыхание — это глупо и

скучно, но продолжайте это делать, Длайкви. В качестве одолжения мне.

Она не ответила.

Когда Калр Восемь появилась с аптечкой и прибежала капитан Хетнис, а за ней два врача и вспомогательные компоненты «Меча Атагариса» с аварийным отсеком временной приостановки жизнедеятельности, было слишком поздно. Переводчик Длайкви была мертва.

Глава 11

Я стояла на коленях рядом с телом переводчика Длайкви. Кровь залила мои босые ноги, колени, руки, которые все еще давили на рану в ее спине, и манжеты моей рубашки промокли насквозь. Не впервые я была в чьей-то крови. Это меня не пугало. Два вспомогательных компонента «Меча Атагариса» стояли неподвижно и бесстрастно, опустив на пол отсек временной приостановки, который напрасно приволокли сюда. Капитан Хетнис насупилась, озадаченная, не вполне понимая, как мне показалось, что тут произошло.

Я поднялась, чтобы уступить место врачам, которые немедленно принялись за переводчика Длайкви.

— Гр… капитан флота, — сказала одна из них через какое-то время. — Мне жаль, мы ничего не можем сделать.

— Всегда так, — заметила владелица чайной, которая все так же стояла в своих дверях. «Не чай, но кровь!» — было написано всего лишь в нескольких метрах от нее. Это было проблемой. Но не той, как я подозревала, проблемой, какой

это представлялось капитану Хетнис.

Я стянула свои перчатки. Кровь просочилась сквозь них, и руки были липкими. Я быстро подошла к капитану Хетнис, быстрее, чем она могла отступить, и ухватилась за ее форменную куртку окровавленными руками. Проволокла ее туда, где лежала переводчик Длайкви, оба врача убрались с нашего пути, и, прежде чем капитан Хетнис успела восстановить равновесие или оказать сопротивление, я швырнула ее на труп. Повернувшись к Кадр Восемь, я велела:

— Приведи священника. Любого, кого удастся найти, подходящего для ритуального очищения и похорон. Если станет говорить, что не пойдет в Подсадье, сообщи, что с готовностью или нет, но пойдет, невзирая ни на что.

— Сэр, — подтвердила Восемь и ушла.

Капитану Хетнис тем временем удалось подняться на ноги с помощью одного из своих вспомогательных компонентов.

— Как это случилось, капитан? Я сказала не применять насилие против граждан, за исключением случаев абсолютной необходимости. — Переводчик Длайкви не была гражданином, но «Меч Атагариса» не мог знать, что они стреляли в переводчика.

— Сэр, — сказала капитан Хетнис. Голос ее дрожал то ли от ярости из-за того, что я только что сделала, то ли из-за того, что она страдала, — «Меч Атагариса» запрашивал базу, и она сказала, что не знает эту особу и у нее нет отслеживающего устройства. Таким образом, она — не гражданин.

— И значит, в нее вполне можно было стрелять, так, что ли? — спросила я. Но, конечно, я сама следовала точно такой же логике столько раз, что и не сосчитать. Однако мне не приходило в голову, что она даже подумать может о том, чтобы стрелять из винтовок здесь, на базе, полной граждан, которая являлась частью Радча долгие века.

Это должно было прийти мне в голову. Я несу ответственность за все, что происходит под моим начальством.

— Капитан флота, — ответила капитан Хетнис, в раздражении и не особенно стараясь это скрыть, — неразрешенные граждане представляют опасность для…

— Это, — сказала я, размеренно, подчеркивая каждое слово, — переводчик Пресгер Длайкви.

— Капитан флота, — сказала база мне в ухо. Я оставила связь с базой включенной, поэтому она слышала, что я говорила. — При всем уважении, вы ошибаетесь. Переводчик Длайкви по-прежне-

му в своих комнатах в резиденции губернатора.

— Посмотри снова, база. *Пришли* кого-нибудь, чтобы посмотрели. Капитан Хетнис, начиная с этой минуты ни вы и никто из вашего экипажа или вспомогательных компонентов не будет ходить с оружием на этой базе ни при каких обстоятельствах. Также ни ваш корабль и никто из вашего экипажа больше не войдет в Подсадье без моего прямого разрешения. Подразделение Вар «Меча Атагариса» и его лейтенант вернутся на «Меч Атагариса», как только челнок сможет их забрать. Не говорите, — (она открыла рот, чтобы возразить), — мне ни единого слова. Вы преднамеренно скрыли от меня важную информацию. Вы подвергали опасности жизни обитателей этой базы. Ваши солдаты послужили причиной смерти дипломатического представителя Пресгер. Я пытаюсь придумать причину, почему мне не пристрелить вас на месте. — На самом деле имелось по крайней мере две убедительные причины: два вооруженных вспомогательных компонента, стоящих рядом с капитаном Хетнис, и тот факт, что я в спешке оставила пистолет в своей комнате, тремя уровня ниже.

Я повернулась к владелице чайной:

— Гражданин, — потребовалось особое уси-

лие, чтобы не заговорить моим безжизненным голосом вспомогательного компонента, — не принесете ли мне чаю? Я не завтракала и собираюсь поститься сегодня. — Без слов она повернулась и вошла в свою чайную.

Пока я дожидалась чаю, прибыла губернатор Джиарод. Бросила взгляд на тело переводчика Длайкви, на капитана Хетнис, заляпанную кровью, стоящую безмолвно возле вспомогательных компонентов «Меча Атагариса», сделала вдох и затем изрекла:

— Капитан флота, я могу объяснить.

Я посмотрела на нее. Затем отвернулась и увидела, как владелица чайной ставит чашку с чайной кашицей на землю в метре от того места, где я стояла. Поблагодарив ее, я шагнула, чтобы взять чашку, и заметила отвращение на лицах капитана Хетнис и губернатора Джиарод, когда, держа ее обнаженными, окровавленными руками, стала пить.

— Вот как это будет, — сказала я, выпив половину густого чая. — Будут похороны. Не говорите мне о том, чтобы держать это в тайне, или о панике в коридорах. Будут похороны — с приношениями, и соответствующими символами, и трауром для каждого члена администрации

базы. Тело будет храниться в отсеке временной приостановки жизнедеятельности, чтобы, когда Пресгер придут за переводчиком, они могли взять его и сделать то, что делают с мертвыми телами. А сейчас «Меч Атагариса» сообщит мне, когда в последний раз видел эту стену без надписи, а затем база назовет мне каждого, кто останавливался перед ней до той минуты, пока я не увидела ее. — База могла не видеть, писал ли кто-нибудь, но она знала, где находятся все, и я подозревала, что очень немногие люди, помимо самого автора надписи, стояли рядом со стеной в этот временной промежуток.

— Прошу наивысшего снисхождения капитана флота. — Капитан Хетнис осмелилась, вопреки благоразумию, обратиться ко мне. — Это уже сделано, и служба безопасности арестовала ответственную за это особу.

Я приподняла бровь. Удивленная. Исполненная скептицизма.

— Служба безопасности арестовала Раугхд Денчи?

Теперь поразилась капитан Хетнис.

— Нет, сэр! — возразила она. — Не знаю, почему вы предположили, что гражданин Раугхд станет заниматься чем-то подобным. Нет, сэр, это

могла быть только Сирикс Одела. Она проходила здесь утром по пути на работу и останавливалась довольно близко к стене секунд на пятнадцать. Более чем достаточно, чтобы написать это.

Если она проходила здесь по пути на работу, она живет в Подсадье. Большинство обитателей Подсадья — ичана, но это самирендское имя. И знакомое мне.

— Эта особа работает в Садах, наверху? — спросила я. Капитан Хетнис жестом выразила согласие. Я подумала об особе, которую встретила, когда появилась здесь впервые, а потом обнаружила стоящей в озере в Садах и страдающей от одной мысли о том, чтобы разозлиться. Невозможно, чтобы она это сделала. — С чего это самиренд станет писать ксхайский лозунг радчаайским алфавитом? Почему бы ей не написать его на лиосте, раз она самиренд, или на расваре, который могут читать здесь больше людей?

— Исторически, капитан флота… — начала было губернатор Джиарод.

Я оборвала ее:

— *Исторически,* губернатор, довольно много людей имеют серьезные основания возмущаться аннексией. Но именно здесь, именно сейчас никто из них не извлечет никакой выгоды из

более чем символического мятежа. — И так уже несколько веков. Никто из местных, ценящих свою жизнь, не говоря уже о жизнях всех остальных в Подсадье, не стал бы писать тот лозунг на стене. Я уверена, здесь каждый знает, как отреагирует на это администрация базы. — Создание Подсадья было, несомненно, непреднамеренным, — продолжала я, в то время как «Милосердие Калра» показал мне короткой вспышкой, как Калр Восемь строго говорит с младшим священником, — но, поскольку это принесло вам пользу, вы говорите себе, что состояние, в котором оно находится, также справедливо и правильно. — Это неизменная триада: справедливость, правильность и польза. Они не могли, в теории, существовать отдельно. Ничто справедливое не было неправильным, ничто полезное не было несправедливым.

— Капитан флота, — начала губернатор Джиарод с негодованием, — я не думаю…

— Все неизбежно влечет за собой свою противоположность, — сказала я, оборвав ее. — Как можно быть цивилизованным, если нет нецивилизованных? Цивилизованный. Радчааи. Слово — одно и то же. Если бы это каким-то образом не приносило кому-то пользу, здесь была бы водо-

проводно-канализационная сеть, и освещение, и работающие двери, и врачи, которые являлись бы в случае крайней необходимости. — Губернатор успела лишь моргнуть в ответ, как я повернулась к владелице чайной, которая все так же стояла в своих дверях. — Кто послал за мной?

— Сирикс, — ответила она. — И смотрите, к чему это ее привело.

— Гражданин… — начала капитан Хетнис строго и с возмущением.

— Молчите, капитан. — Мой голос был ровным, но капитан Хетнис продолжать не стала.

Радчаайские солдаты, которые прикасались к мертвым телам, избавлялись от своей нечистоты посредством бани и короткой молитвы — никогда не видела, чтобы кто-то совершал омовение, не бормоча или не нашептывая ее слова. Сама я этого не делала, но все мои офицеры — делали, когда я была кораблем. Я предполагала, что гражданские врачи пользовались чем-то сходным.

Омовения и молитвы было в целом достаточно для чего угодно, за исключением приношений в храме. Но для большинства гражданского населения Радча близкий контакт со смертью был чем-то совершенно особенным.

Будь я в несколько более злобном настроении,

я бы умышленно обошла всю маленькую импровизированную площадь и, конечно, весь этот уровень Подсадья, прикасаясь ко всему подряд и оставляя кровавые следы, чтобы те священники, что придут сюда, оказались вынужденными провести над этим целые дни. Но мне не приходилось видеть, чтобы кто-то извлекал пользу, проявляя ненужную озлобленность, и, помимо того, я подозревала, что все Подсадье уже находилось в ужасном состоянии с точки зрения ритуальной нечистоты. Если врачи никогда сюда не приходили, другие люди наверняка умирали здесь прежде, а если не приходили священники, то это осквернение, несомненно, не исчезало. При условии, что здесь разделяют такие убеждения. Ичана, вероятно, их не разделяют. И это — еще одна причина считать их чужаками и недостойными основных удобств, которые каждый радчааи, по общему мнению, считает само собой разумеющимися.

Прибыла старший священник в сопровождении двух помощников. Она остановилась в двух метрах от трупа переводчика Длайкви, лежащего в луже крови, и стояла, глядя на него и на нас округлившимися от ужаса глазами.

— Как здесь избавляются от тел? — задала я

вопрос, не обращаясь ни к кому из присутствующих.

Ответила губернатор Джиарод:

— Они отволакивают их в коридоры вокруг Подсадья и оставляют там.

— Отвратительно, — проворчала капитан Хетнис.

— А что еще они могут сделать? — спросила я. — Здесь нет никакого оборудованного помещения для мертвых тел. Врачи сюда не приходят, как и священники. — Я посмотрела на старшего священника. — Я права?

— Здесь никого не должно быть, капитан флота, — ответила она чопорно и бросила взгляд на губернатора.

— Разумеется. — Я повернулась к Калр Пять, которая вернулась со священниками. — Этот отсек временной приостановки жизнедеятельности в рабочем состоянии?

— Да, сэр.

— Тогда капитан Хетнис и я положим переводчика в него. Затем вы, — я указала на священников рукой, и то, что рука была обнаженной, сделало жест оскорбительным, — совершите то, что необходимо.

Капитан Хетнис и я провели двадцать минут,

омываясь освященной водой, читая молитвы, при этом нас посыпали солью и окуривали тремя видами фимиама. Это не избавило нас полностью от загрязнения, а только уменьшило его настолько, что мы смогли идти по коридорам или находиться в комнате без необходимости вызывать туда священника. Солдатская баня и молитва тоже сошли бы. Это даже, строго говоря, было бы лучше на самом деле, но не удовлетворило бы большинства обитателей базы Атхоек.

— Если я облачусь в полный традиционный траур, — сказала губернатор Джиарод, когда все было завершено и капитан Хетнис и я переоделись в чистую одежду, — я не смогу прийти в свой кабинет в течение двух недель. То же касается и остальной администрации. Однако я согласна, капитан флота, кому-то следует это сделать. — По мере продолжения ритуала тревожное выражение, с которым она появилась, постепенно исчезло с ее лица, и теперь она казалась вполне спокойной.

— Да, — согласилась я, — все вы должны быть дальними родственниками. Капитан Хетнис и я будем выступать в качестве ближайших родственников.

Капитан Хетнис выглядела не слишком этим

довольной, но находилась не в том положении, чтобы возражать. Я послала Калр Пять за бритвой, чтобы капитан Хетнис и я могли обрить головы для похорон, а также встретиться с ювелиром по поводу памятных брелков.

— А теперь, — сказала я губернатору Джиарод, когда Пять ушла и я отправила капитана Хетнис в свои комнаты, чтобы подготовиться к посту, — мне нужно знать о переводчике Длайкви.

— Капитан флота, я не думаю, что это лучшее место…

— Я не могу идти в ваш кабинет в таком состоянии. — Это очевидно — сразу после смерти, которая привела к моему облачению в полный траур, когда я должна поститься дома. Неуместность оказалась бы явной, а эти похороны обязаны быть абсолютно, совершенно правильными. — И здесь никого нет. — Владелица чайной находится в своем заведении, вне поля зрения. Священники исчезли, как только сочли возможным. Вспомогательные компоненты «Меча Атагариса» покинули Подсадье по моему приказу. Мои солдаты с «Милосердия Калра» не считались. — И держать что-то втайне было до сих пор не лучшим выбором.

Губернатор Джиарод движением руки показала

свое горестное согласие.

— Она прибыла с первой волной перенаправленных кораблей. — Кораблей, которые соседние системы направили сюда либо в надежде, что они смогут найти другой маршрут к первоначальному месту назначения в обстоятельствах, когда нужные им шлюзы вышли из строя, либо потому, что их собственные гостиницы оказались переполнены. — Только она, в крошечном одноместном кораблике размером едва ли с челнок. Я сомневалась, что в нем могло хватить воздуха для ее путешествия. И время было такое… — Она показала жестом свою досаду. — У меня не имелось возможности проконсультироваться с дворцом. Я бросила знаки. Без присутствующих. Результаты вызвали беспокойство.

— Конечно. — Радчааи с подозрением относятся к совпадениям. Ничто не происходит по чистой случайности, каким бы мелким ни казалось происшествие. Таким образом, каждое событие потенциально является знаком божьего промысла. Необычные совпадения могут быть лишь особо подчеркнутым божественным посланием. — Я понимаю ваши опасения. Я даже до определенной степени понимаю ваше желание держать переводчика взаперти и скрыть

ее присутствие от большинства обитателей базы. Ничто из этого меня не волнует. Что меня действительно беспокоит, так это то, что вы не упомянули об этой тревожной и потенциально опасной ситуации мне.

Губернатор Джиарод вздохнула.

— Капитан флота, я слышу всякое. Мало из того, что говорится на этой базе и в большей части остальной системы, проходит мимо меня. С тех пор как я заняла этот пост, я слышу намеки на разложение, идущее извне Радча.

— Меня это не удивляет. — На это жаловались всегда: что ссыльные из аннексированных миров и граждане, недавно получившие статус, привносят варварские обычаи и установки, которые подорвут истинную цивилизацию. Я сама это слышала столько, сколько жила — порядка двух тысяч лет. Ситуация в Подсадье лишь укрепит эти слухи, я в этом уверена.

— Недавно, — сказала губернатор Джиарод с печальной улыбкой, — капитан Хетнис высказала предположение, что Прескер проникают на высшие должности с целью нас уничтожить. Переводчики Прескер до известной степени неотличимы от настоящих людей, а Департамент переводчиков находится в частом и тесном кон-

такте с ними.

— Губернатор, а вы на самом деле вели какие-нибудь разговоры с переводчиком Длайкви?

Движением руки она выразила свою досаду.

— Я понимаю, куда вы клоните, капитан флота. Но опять-таки она, очевидно, покидала запертую и охраняемую комнату в губернаторской резиденции тайком, приобрела одежду и разгуливала свободно по всей территории без ведома базы. Да, беседы с ней протекали весьма странно, и я никогда не приняла бы ее за гражданина. Но она явно была способна на значительно большее, чем нам показывала. И кое-что из этого просто устрашало. Я никогда прежде не считала заслуживающими доверия слухи, что Пресгер, которые оставили нас в покое после заключения договора, которые столь чужды нам, станут интересоваться нашими делами, чего никогда раньше не делали. Но в то же время переводчик Длайкви появляется здесь вскоре после того, как начинают выходить из строя шлюзы, и мы теряем связь с Дворцом Омо, а…

— А капитан Хетнис говорила о проникновении Пресгер на высшие должности. На самую высокую должность. И тут как тут я, родственница Анаандер Мианнаи, с историей о том, как лорд

Радча сражается сама с собой за будущее Радча, и официальным послужным списком, который явно не соответствует тому, что я действительно из себя представляю. И внезапно вы обнаруживаете, что не так уж просто выбросить из головы ранее казавшиеся неправдоподобными слухи о Пресгер.

— Именно так.

— Губернатор, согласимся ли мы, что вне зависимости от того, что происходит где-то еще, единственно возможным или подобающим для нас образом действий будет обеспечение безопасности жителей этой системы? Есть разногласия внутри лорда Мианнаи или нет, это было бы единственно разумным приказом, которого вы от нее ожидали бы?

Губернатор Джиарод думала над этим шесть секунд.

— Да. Да, вы правы. За исключением того, капитан флота, что, если нам придется закупать медицинскую продукцию, это может означать необходимость иметь дело с внешними источниками. Такими, как Пресгер.

— Вы видите, — сказала я очень, очень ровно, — почему скрывать от меня переводчика Длайкви было не слишком хорошей идеей. — Движени-

ем руки она показала свое согласие. — Вы не глупы. Или я так думала. Признаю, что, когда я обнаружила присутствие переводчика Длайкви, моя уверенность на сей счет оказалась подорвана. — Она промолчала. — Сейчас, прежде чем я официально начну поститься, есть другое дело, о котором следует позаботиться. Мне нужно поговорить с администратором базы Селар.

— О Подсадье? — догадалась губернатор Джиарод.

— Среди прочего.

Приказав солдатам Калр оставить нас для разговора с глазу на глаз в моей гостиной на четвертом уровне Подсадья, я сказала Тайзэрвэт:

— Мне придется провести следующие две недели в трауре. Что означает: я не смогу заниматься никакими делами. Лейтенант Сеиварден, конечно, будет командовать в этот период «Милосердием Калра». А ты будешь ответственной здесь.

Она проснулась с жуткой головной болью с похмелья. Чай и лекарства уже начали оказывать свое воздействие, но до полного исцеления еще было далеко.

— Есть, сэр.

— Почему она оставила это?

Тайзэрвэт моргнула. Нахмурилась. Затем поняла.

— Сэр. Это не *такая уж* проблема. И потом, полезно иметь какое-то место, где можно… сделать что-то втайне. — Разумеется. Полезно для любой и всех частей лорда Радча, но я об этом умолчала. Ей об этом уже известно. — И на самом деле, знаете, сэр, люди здесь вполне нормально справлялись, пока не появилась капитан Хетнис.

— Вполне нормально справлялись, неужели? Без воды, без врачей, которые тут не появлялись даже в случаях крайней необходимости, и, по всей видимости, никто не подвергал здесь сомнению методы капитана Хетнис? — Она опустила взгляд на свои ноги. Пристыженная. Несчастная.

Подняла глаза.

— Они добывают воду *откуда-то,* сэр. Они выращивают грибы. Есть такое блюдо…

— Лейтенант.

— Да, сэр.

— Что она собиралась здесь делать?

— Помогать вам, сэр. Главным образом. Если только вы не собирались сделать что-нибудь такое, что помешало бы ей… вновь собрать себя воедино, когда с этим будет покончено. — На это я не ответила, и она добавила: — Она думает, что

это возможно, сэр.

— Положение в Подсадье необходимо изменить. Я собираюсь поговорить об этом с администратором базы Селар. Используй свои контакты — она наверняка послала тебя сюда с контактами, — чтобы довести это до конца. Я не смогу ничего делать напрямую, но за тобой *буду* наблюдать.

Тайзэрвэт ушла, и Калр Пять привела в гостиную администратора базы Селар. Сегодня на ней была голубая форма администрации, и ей удалось добиться, чтобы стандартная форма выглядела элегантной на ее широкой и тяжеловесной фигуре. Я села после администратора. Не предложила ей чаю, что соответствовало бы правилам обычной вежливости. В моем нынешнем положении никто, кроме домочадцев, не мог ни есть, ни пить в моем присутствии.

— Положение в Подсадье недопустимо, — заявила я без всякого вступления и ничего не смягчая. Без благодарности за то, что она пришла сюда, хотя это, несомненно, явило собой значительное неудобство. — Я откровенно поражена тем, что все это находилось в таком состоянии столь долго. Но я не спрашиваю о причинах. Я ожидаю, что ремонтные работы начнутся незамедлительно.

— Капитан флота, — сказала администратор базы Селар, которую рассердили мои слова, хотя мой голос был спокойным и тусклым, — но там так много всего…

— Тогда сделайте именно так много. И не говорите мне, что там никого не должно быть. Безусловно, люди здесь есть. И, — я затрагивала деликатную тему, — я очень сомневаюсь, что многое из этого могло произойти без по крайней мере некоторого попустительства со стороны базы. Я сильно подозреваю, что база скрывала от вас определенные вещи. У вас здесь проблема, и вы сами ее создали. — Администратор базы Селар нахмурилась, не сразу меня поняв. Обиделась. — Я бы посоветовала вам взглянуть на это с точки зрения базы. Отнюдь не малая часть ее была повреждена. Полностью восстановить ее невозможно, но никто не попытался даже смягчить последствия. Вы просто перекрыли туда вход и попытались об этом забыть. Но база не может просто забыть это. — И тут мне пришло в голову: весьма вероятно, что наличие здесь людей гораздо приятнее для базы, чем онемелая, пустая дыра. И в то же время это постоянно напоминало ей о повреждении. Но я не думала, что смогу объяснить, почему или как я пришла

к этому заключению. — А люди, которые здесь живут, они ведь обитатели базы, она создана, чтобы о них заботиться. Однако вы обращаетесь с ними не очень здорово, и я полагаю, что базу это возмущает. Хотя она никогда не сможет сказать это вам прямо, и поэтому она просто… выпускает кое-что из вида. Делает и говорит в точности то, о чем вы просите, и не более того. Мне приходилось встречать несчастных ИИ. — Я не сказала, что я сама была ИИ. — И здесь у вас такой же.

— Как ИИ может быть несчастным, когда он делает именно то, для чего был создан? — Администратор базы Селар, слава богам, спросила об этом, а не о том, какое может иметь значение, счастлив ИИ или нет. А затем, показывая, что получила должность не просто за свою эффектную внешность, Селар сказала: — Но вы говорите, что мы препятствовали, чтобы база это делала. Ведь такова суть того, что вы сказали? — Она вздохнула. — Когда я прибыла сюда, моя предшественница описала Подсадье как гнездилище преступности и нищеты, которое никому не удавалось надежно вычистить. Все, что я видела, вроде бы подтверждало ее правоту. И так было столь долго, что исправить это казалось невозможным. Все с этим соглашались. Но это — не

оправдание, верно. Это — *моя* ответственность.

— Отремонтируйте секционные двери, — сказала я. — Почините водопровод и освещение.

— И вентиляцию, — добавила администратор базы Селар, обмахиваясь рукой в голубой перчатке.

Я выразила жестом согласие.

— Подтвердите фактическое размещение людей. Просто для начала. — Привлечь сюда врачей и патрули службы безопасности, которые не принесут больше проблем, чем смогут решить, будет следующей и более сложной задачей.

— Отчего-то, капитан флота, мне не кажется, что все это будет так просто.

Вероятно, нет. Тем не менее.

— Не могу сказать. Но мы должны что-то делать. — Я видела, что она обратила внимание на это *мы*. — А теперь мне нужно поговорить с вами о вашей дочери Пайэт. — Администратор базы Селар озадаченно нахмурилась. — Она и гражданин Раугхд — любовницы?

Она все так же хмурилась.

— Они любили друг друга с детства. Раугхд росла внизу, и Пайэт часто спускалась ее навестить и составить ей компанию. В то время в семье было немного других детей в возрасте Раугхд. Во

всяком случае, не в горах.

Внизу. Где база видела не больше, чем устройства слежения.

— Вам нравится Раугхд, — отметила я. — Это хорошая связь, и она весьма очаровательна, не так ли? — Администратор Селар кивнула. — Ваша дочь очень подавлена. Редко говорит с вами. Проводит больше времени в гостях, чем дома с вами. Вы, возможно, чувствуете, что она хочет, чтобы вы держались на расстоянии.

— К чему вы клоните, капитан флота?

Даже если база видела, как Раугхд обращалась с Пайэт, когда думала, что никто не смотрит, она бы не сообщила об этом напрямую. На базе, где уединение является насущной необходимостью, его парадоксальным образом не существует. База видит все ваши самые интимные мгновения. Но вы всегда знаете, что база никогда никому не расскажет, что видела, не станет *сплетничать*. База доложит о преступлениях и чрезвычайных ситуациях, но в отношении всего остального она, самое большее, ограничится намеком или советом. Семья, живущая на базе, может в некотором смысле быть очень замкнутой, очень скрытной, даже проживая в тесном соседстве со многими другими. Даже несмотря на то что каждое мгно-

вение находится под постоянным наблюдением всевидящего ока базы.

Намеков было бы достаточно. Но если база чувствовала себя несчастной, она могла не делать даже этого.

— Раугхд очаровательна, лишь когда хочет быть таковою, — отметила я. — Когда все смотрят. Наедине с определенными людьми она совершенно другая. Я собираюсь попросить мой корабль послать вам запись того, что произошло здесь, в Подсадье, прошлой ночью.

Ее пальцы шевельнулись, вызывая файл. Она моргнула, и ее глаза стали двигаться так, что я поняла: она смотрит сейчас ту сцену с Раугхд, своей дочерью и остальными, когда они выпивали, откинувшись на подушки. Я поняла по ее лицу, когда она услышала, как гражданин Раугхд произнесла:

— Ты иногда чертовски нелепа и скучна.

Ошеломленная, она не верила своим глазам, а затем, пока наблюдала за возрастающей агрессией Раугхд, из-под огня которой лейтенант Тайзэрвэт, как ни пьяна была, старалась убрать Пайэт, на ее лице появилось выражение непреклонной ярости. Движением пальцев Селар выключила запись.

— Верна ли моя догадка, — спросила я, прежде чем она заговорила, — что гражданин Раугхд никогда не проходила тесты на способности? Потому что она уже является наследницей гражданина Фосиф? — Селар кивнула. — Тот, кто проводит испытания, почти наверняка заметил бы склонность к такому поведению и либо направил на некую обработку, либо предложил такое назначение, где особенности ее характера были бы полезны. Иногда в сочетании с другими данными это делает людей пригодными к военной карьере, а дисциплина помогает держать их под контролем и учит вести себя лучше. — Да поможет господь экипажу такой особы, которая продвинулась на властную должность, не научившись вести себя лучше. — Они могут быть очень, очень очаровательными. Никто и никогда не заподозрит, каковы они с глазу на глаз. Большинство не поверит вам, если вы расскажете.

— Я бы не поверила, — призналась она, — если бы вы не показали мне… — Она имела в виду запись, которую только что воспроизвели перед ее глазами, в ее ушах.

— Вот почему я показала ее вам, — сказала я, — несмотря на то что это неправильно.

— Ничто справедливое не может быть непра-

вильным, — ответила Селар.

— Есть еще кое-что, администратор. Как я сказала, база не выкладывала вам того, о чем вы в прямой форме не просили. Был по крайней мере один случай, когда гражданин Пайэт обратилась в медсанчасть с синяками на лице. Она сказала, что выпивала в Подсадье, споткнулась и наткнулась на стену. Ее синяки не соответствовали этому объяснению, на мой взгляд. На взгляд врачей — тоже, но они не собирались вмешиваться в ваши личные дела. Я уверена, они подумали, что, если бы это действительно оказалось проблемой, база что-нибудь сказала бы. — А больше никто ничего не заметил. Восстановитель, несколько часов — и синяки пропали. — Рядом никого в это время не было, кроме Раугхд. Я с таким уже сталкивалась. Раугхд извинилась и поклялась никогда больше такого не делать. Я убедительно предлагаю спросить базу прямо обо всех визитах вашей дочери в медсанчасть, не важно, насколько малозначительно это было. Я бы также поинтересовалась, когда она использовала комплекты первой помощи и восстановители. Я запросила базу напрямую, намереваясь выяснить инциденты такого сорта, потому что встречала подобное раньше и знала, что здесь наверняка

было нечто похожее. База ответила мне только потому, что губернатор системы Джиарод приказала ей это сделать по моей просьбе.

Администратор базы Селар ничего не сказала. Казалось, она едва дышит. Может, смотрела запись визита своей дочери в медсанчасть. А может, и нет.

— Итак, — продолжила я через минуту, — вы, несомненно, в курсе происшествия сегодня утром, которое закончилось смертью переводчика Пресгер Длайкви.

Она моргнула, пораженная внезапной сменой темы. Нахмурилась.

— Капитан флота, этим утром я впервые услышала о существовании переводчика, я вас заверяю.

Я отмахнулась от этого заявления.

— Базу прямо спросили, кто стоял возле стены в соответствующий временной промежуток, достаточно долго, чтобы написать эти слова. База назвала два имени: Сирикс Одела и Раугхд Денчи. Служба безопасности тут же арестовала гражданина Сирикс, исходя из того, что Раугхд ни за что такого не сделала бы. Но базу не спросили, присутствовала ли краска на перчатках кого-то из граждан. А поскольку базу не спросили, она не

предоставила эту информацию добровольно. — В эту минуту я не находилась в контакте с базой, хотя сочла весьма вероятным, что администратор Селар была на связи. — Я не думаю, что вам следует винить за это базу, как я уже говорила ранее.

— Наверняка, — сказала администратор базы Селар, — это была проказа, нечто просто для развлечения. Жизнерадостная молодежь.

— Что за развлечение, — спросила я старательно ровным голосом, — могла предвкушать жизнерадостная молодежь? Наблюдать, как вспомогательные компоненты «Меча Атагариса» арестуют совершенно невинных граждан? Как совершенно невинных граждан допрашивают с пристрастием, чтобы они доказали свою невиновность, или, хуже того, вообще не допрашивая, осуждают без всяких доказательств, помимо «Раугхд Денчи ни за что этого не сделала бы»? Еще больше тревожить вас, и губернатора, и капитана Хетнис, в то время когда все и так в напряжении? И если в порядке обсуждения мы делаем вид, что это безвредные развлечения, то почему же никто не сказал о гражданине Сирикс: «Да пустяки, это, должно быть, просто проказа»? — Тишина. Ее пальцы шевельнулись, чуть-чуть, администратор, несомненно, разговаривала с базой. — На

перчатках гражданина Раугхд есть краска, не так ли?

— Ее личная прислуга, — подтвердила администратор базы Селар, — прямо сейчас пытается смыть с них краску.

— Итак, — сказала я. Это еще более щекотливая тема, чем проблема с базой. — Гражданин Фосиф известна и богата. Вы обладаете здесь властью, но добиться выполнения задуманного проще, когда у вас есть поддержка таких людей, как Фосиф. И несомненно, она делает вам подарки. Ценные. Роман между вашей дочерью и ее — это удобно. Когда вы посылали гражданина Пайэт вниз, составить компанию Раугхд, вы уже думали об этом. И может быть, вы сейчас задумываетесь, не приходилось ли замечать, что ваша дочь несчастна. Или как давно вы впервые заметили признаки и, возможно, сказали себе, что это на самом деле пустяки, что каждому приходится вынести небольшой стресс ради семейных связей, семейной выгоды. Что, если бы на самом деле было плохо, наверняка база что-нибудь сообщила бы. Именно вам. И это так легко — просто продолжать. Так легко не замечать того, что происходит. И чем дольше вы этого не видите, тем труднее становится увидеть, потому что тогда

вам придется признать, что вы не обращали на это внимания все предшествовавшее время. Но сейчас настала минута, когда это представлено вам ясно и недвусмысленно. Такова Раугхд Денчи. Вот что она делает с вашей дочерью. Стоят ли подарки ее матери благополучия вашей дочери? Стоят ли этого политические преимущества? Перевешивают ли это большие выгоды для вашего клана? Вы не можете дольше откладывать этот выбор. Не можете притворяться, что перед вами нет необходимости выбора.

— С вами весьма не комфортно, капитан флота, — заметила администратор базы Селар, в ее резких словах слышалась горечь. — Вы поступаете так везде?

— В последнее время, кажется, да, — признала я.

Когда я говорила это, в комнату молча вошла Калр Пять и застыла на месте, подобно вспомогательному компоненту. Она явно хотела привлечь мое внимание.

— Да, Пять? — Она не вмешалась бы без очень серьезного повода.

— Прошу снисхождения капитана флота, сэр. Личный помощник гражданина Фосиф спрашивает, может ли гражданин пригласить вас

и капитана Хетнис провести две недели после похорон переводчика Длайкви в ее поместье внизу. — Такое приглашение следовало делать лично — этот предварительный запрос, через слуг, предупреждал возникновение неудобства или неловкости. — У нее там несколько домов, так что вы сможете провести период траура должным образом и очень удобно, как она говорит.

Я посмотрела на администратора базы Селар, она хихикнула.

— Да, я тоже думала, что это странно, когда появилась здесь впервые. Но здесь, на Атхоеке, если вы можете себе это позволить, то не проводите две недели в своей квартире. — После первых дней поста, после похорон обитатели семейства, находящегося в трауре, не выполняют никакой работы, но остаются главным образом дома, принимая утешительные визиты клиентов и друзей. Я предполагала, что капитан Хетнис и я останемся на это время здесь, в Подсадье. — Если вы привыкли, что за вас все делают, — продолжала администратор базы Селар, — особенно если вы не берете еду в общих столовых, предпочитаете, чтобы ее готовили у вас дома, то это будут очень долгие две недели. Поэтому вы поселяетесь где-нибудь, формально — в некий собственный дом,

но слуги по соседству могут готовить и убирать для вас. Рядом с главной площадью есть место, специализирующееся на этом, но сейчас там все переполнено людьми, которым просто больше некуда деться.

— И это считается совершенно правильным? — спросила я с сомнением.

— То, что я оказалась незнакома с этой практикой, когда приехала сюда, — ответила с кривой усмешкой Селар, — вызвало подозрение, что мое воспитание было не таким, каким ему следовало быть. То, что вы с этим незнакомы, вызовет шок, от которого они могут никогда не оправиться.

Мне не нужно было удивляться. Я знала офицеров почти из всех провинций, знала, что особенности похоронных ритуалов (наряду с другими вещами) могут отличаться в разных местах. То, что считалось обязательным, было иногда доступно в действительности только гражданам, обладающим достаточными ресурсами, хотя это редко признавалось. И также я знала, что о мелких деталях часто не упоминают, исходя из того, что, разумеется, все радчааи делают это одинаково и нет необходимости обсуждать это. Но я привыкла к разным довольно мелким деталям: сорт фимиама, который считается подобающим,

молитвы, добавляемые в ежедневные ритуалы или удаляемые оттуда, странные ограничения в пище.

Я посмотрела на Пять. Она стояла внешне бесстрастная, но желала, чтобы я что-то увидела, испытывая нетерпение оттого, что я еще этого не сделала. Ее сообщение, с ее точки зрения, было весьма многозначительным.

— Принято ли платить за такие услуги? — спросила я администратора базы Селар.

— Часто, — согласилась она, по-прежнему криво улыбаясь. — Хотя, я уверена, Фосиф просто великодушна.

И своекорыстна. Меня вовсе не удивило бы, если Фосиф уже осознала так или иначе, какую роль сыграла ее дочь в происшествии, которое привело к смерти переводчика Длайкви. Возможно, она надеялась, что принять меня во время периода траура будет если не взяткой, то по крайней мере жестом раскаяния за то, что сотворила ее дочь. Но это могло также оказаться полезным.

— Раугхд могла бы, разумеется, отправиться вниз вместе с нами, — заметила я. — И остаться там после этого. На неопределенное время.

— *Я об этом позабочусь,* — произнесла администратор базы Селар с едва заметной горькой

усмешкой, которая, будь я Раугхд Денчи, заставила бы меня вздрогнуть.

Глава 12

Небо Атхоека было безоблачно-лазурным, с яркими проблесками то тут, то там — видимыми проявлениями сетки, управляющей погодой. Несколько часов мы летели над водой, серо-голубой и плоской, но сейчас перед нами выросли горы, коричнево-зеленые внизу, черно-серые, испещренные полосками снега на вершинах.

— Еще час или около того, капитан флота, граждане, — сообщил пилот.

У основания грузоподъемника нас ожидали два флаера. Некоторое маневрирование со стороны Калр Пять на пути к флаерам привело к тому, что Фосиф и Раугхд оказались в другом аппарате, вместе с капитаном Хетнис и вспомогательным компонентом «Меча Атагариса», сопровождавшим ее. И капитан Хетнис, и я в полном трауре: волосы, которые мы обрили, едва начали расти, никакой косметики — лишь широкая белая полоса по диагонали, пересекающая лицо. После того как завершится период полного траура, к простому золотому брелку лейтенанта Оун на моей куртке присоединится памятный брелок

переводчика Длайкви: двухсантиметровый опал в серебряной оправе с крупной, четкой гравировкой: Переводчик Длайкви Зейат Прегер. Нам были известны только эти имена.

В кресле рядом со мной сидела Сирикс Одела, хранившая молчание во время всего путешествия, — впечатляющие два дня без единого слова помимо абсолютно необходимых.

Просьба сопровождать меня означала, что Подсадье останется недоукомплектованным, и гипотетически она могла отказаться. Но на самом деле у нее практически не было выбора. Я догадывалась, что злость, которую она испытывает, не позволяет ей говорить, не нарушая условия перевоспитания, что если она попытается это сделать, то ей станет ужасно не по себе, поэтому я не настаивала, даже когда пошел второй день поездки.

— Капитан флота, — произнесла Сирикс в конце концов. Голос повышен, чтобы перекрыть шум флаера, но не настолько, чтобы слова долетели до пилота, сидящего впереди. — Зачем я здесь? — Она очень, очень тщательно следит за своим тоном, и это, без сомнения, дается ей с большим трудом.

— Вы здесь, — сказала я ровно и умеренно, буд-

то не понимая, сколько возмущения и страданий стоит за этим вопросом, — чтобы сказать мне то, что гражданин Фосиф мне *не говорит.*

— Почему вы думаете, что я захочу или смогу вам что-нибудь сказать, капитан флота? — Голос Сирикс прозвучал чуточку резче.

Я повернула голову, чтобы взглянуть на нее. Она смотрела прямо перед собой, словно моя реакция вовсе ее не касалась.

— А есть ли семья, которую вы хотели бы навестить? — Она — с нижнего уровня, у нее были родственники, работавшие на чайных плантациях. — Я уверена, что смогла бы это устроить.

— Я… — Она заколебалась. Сглотнула. Я надавила, пожалуй, слишком сильно. — Без семьи. Практически.

— А. — У нее есть фамилия, поэтому с юридической точки зрения она имеет семью. — На самом деле, вышвырнуть вас из семьи было бы для них слишком большим позором. Но, возможно, вы по-прежнему поддерживаете осторожные контакты с кем-нибудь? С матерью, братом или сестрой? — И дети, как правило, имели родителей из более чем одного клана. Родители или братья-сестры из других кланов могли не считаться особенно близкими родственниками, к ним не

предъявляли в обязательном порядке требования оказать поддержку, но эти связи существовали, и к ним можно было прибегнуть в критической ситуации.

— Честно говоря, капитан флота, — сказала Сирикс, словно в ответ на мой вопрос, — я действительно не хочу провести две недели в обществе гражданина Раугхд Денчи.

— Не думаю, что она осознает это, — заметила я. Гражданин Раугхд вообще ничего не осознавала, или, по крайней мере, так казалось со стороны. Она не отдавала себе отчета в серьезности того, что наделала, ей и в голову не приходило, что кто-нибудь еще может знать, что это сделала она. — Почему вы живете в Подсадье, гражданин?

— Мне не нравится жилье, которое мне назначили. Думаю, капитан флота, что вы цените прямоту.

Я приподняла бровь.

— С моей стороны было бы лицемерием не ценить ее.

Ее губы грустно изогнулись.

— Хотелось бы, чтобы сейчас меня оставили в покое.

— Разумеется, гражданин. Прошу вас, скажите,

не раздумывая, мне или любому из моих солдат Калр, — (Калр Пять и Калр Восемь сидели позади нас), — если вам что-нибудь понадобится. — Я отвернулась, закрыла глаза и подумала о лейтенанте Тайзэрвэт.

Она стояла в саду, на мосту, протянувшемся через озеро. В воде под нею было полным-полно рыбы: сиреневые и зеленые, оранжевые и синие, золотые и красные, все они широко раскрывали рты, а Тайзэрвэт сыпала в воду шарики корма. Дочь Селар Пайэт стояла рядом с ней, облокотившись на перила. Она только что высказалась, и это поразило и привело в смятение лейтенанта Тайзэрвэт. Я не стала спрашивать корабль, но ждала ответа Тайзэрвэт.

— Это просто нелепо, — с негодованием сказала лейтенант. — Первый помощник главного садовода целой базы — это вовсе не ничто. Если бы не служба садоводов, на этой базе никто не смог бы ни есть, ни дышать. Ты не можешь всерьез считать, что занята каким-то неважным, бесполезным делом.

— Что, готовить чай главному садоводу?

— И организовывать ее встречи, и передавать ее распоряжения, и изучать, как организованы Сады. Держу пари, если она останется дома на

всю следующую неделю, никто даже не заметит, ты сделаешь так, что все будет идти гладко, как обычно.

— Только потому, что все остальные знают свое дело.

— Включая и тебя. — Изворотливая Тайзэрвэт! Я сказала ей держаться подальше от Баснаэйд, что означало не появляться в Садах, но она прекрасно понимала, что я должна одобрить дружбу с дочерью администратора базы Селар, хотя бы и по политическим соображениям. Но я обнаружила, что не так уж и сержусь, — она так очевидно, искренне поражена и шокирована тем, что Пайэт отвергает собственную значимость. И она явно справилась с обороной Пайэт в два счета.

Гражданин Пайэт сложила на груди руки и повернулась спиной к перилам, отвернув лицо от Тайзэрвэт.

— Я здесь только потому, что глава службы садоводства влюблена в мою мать.

— Едва ли стоит удивляться, что она испытывает такие чувства, — признала Тайзэрвэт. — Твоя мать восхитительна. — Я смотрела глазами Тайзэрвэт, поэтому не видела выражения лица Пайэт. Но могла его угадать. И Тайзэрвэт, как видно, тоже. — И, честно говоря, ты на нее похожа. Если

кто-нибудь говорит тебе что-то другое… — Она умолкла, засомневавшись на мгновение, подумала я, лучший ли это угол атаки. — Кто бы ни говорил тебе, что у тебя — блестящая, но бесполезная должность, просто чтобы твоя мать была довольна, или что ты никогда не станешь такой же красивой или высококвалифицированной, как она… ну, они просто лгут тебе. — Она бросила в воду, бурлящую яркой многоцветной чешуей, целую пригоршню шариков рыбьего корма. — Вероятно, из зависти.

Пайэт усмехнулась, так что стало ясно: она изо всех сил старается не заплакать.

— Почему… — Она замолчала, чуть не назвав имя, которое, возможно, ей не хотелось произносить, потому что это прозвучало бы как обвинение. — Почему кто-то станет *мне* завидовать?

— Потому что ты выдержала испытания на способности. — Я ничего не сказала Тайзэрвэт о моей догадке, что Раугхд никогда их не проходила, но она явно не зря пробыла лордом Радча в течение нескольких дней. — А они показали, что тебе следует заниматься чем-то важным. И любой, у кого есть глаза, видит, что ты будешь столь же прекрасна, как твоя мать. — На мгновение она

огорчилась из-за вылетевшего будешь. И это не слишком походит на высказывание семнадцатилетней девушки. — Однажды ты перестанешь прислушиваться к людям, которые просто хотят тебя принизить.

Пайэт развернулась, ее руки по-прежнему были сложены на груди, по лицу катились слезы.

— Люди *все время* получают назначения по политическим причинам.

— Разумеется, — откликнулась Тайзэрвэт. — Твоя мать, наверное, получила свое первое назначение по политическим причинам. Что, вероятно, включало в себя и тот факт, что она могла выполнять эти обязанности.

Так бывало не всегда — и Тайзэрвэт хорошо это знала.

И это прозвучало угрожающе похоже на гораздо более взрослого человека, чем Тайзэрвэт. Но Пайэт, казалось, была не в состоянии это заметить. Она прибегла к крайней мере защиты:

— Я видела, как в последние несколько дней ты бродишь тут как неприкаянная. Ты здесь только потому, что увлеклась садоводом Баснаэйд.

Это попало в цель. Но лейтенант Тайзэрвэт внешне сохранила самообладание.

— Меня бы здесь и не было, если бы не ты. Ка-

питан флота сказала, что я слишком молода для нее, и велела держаться подальше. Это был приказ. Мне следовало держаться в стороне от Садов, но *ты* ведь здесь, не так ли? Поэтому пойдем-ка куда-нибудь еще и выпьем.

Пайэт минуту помолчала; похоже, она была застигнута врасплох.

— Не в Подсадье, — сказала она наконец.

— Я думаю, нет, — поддержала Тайзэрвэт, испытывая облегчение, понимая, что она выиграла этот раунд, одержала незначительную, но все же победу. — Там еще даже не начали ремонтные работы. Давай найдем место, где нам не придется писать в ведро.

К этому времени «Меч Атагариса» переместился от Призрачного шлюза ближе к базе Атхоек. Он почти ничего не сказал «Милосердию Калра» за все это время. Да и неудивительно — корабли, как правило, не были склонны к болтовне, и, помимо того, все «Мечи» думали, что они лучше, чем другие.

На «Милосердии Калра» лейтенант Экалу только вернулась с вахты, и Сеиварден встретила ее в кают-компании.

— Твоя коллега на «Мече Атагариса» спрашивала о тебе, — сказала Экалу и села за стол, куда

солдат подразделения Этрепа поставила ее обед.

Сеиварден села рядом с ней.

— В самом деле? — Она, разумеется, была в курсе. — Была ли она рада увидеть на борту кого-то знакомого?

— Не думаю, что она меня узнала, — ответила Экалу и после минутного сомнения и быстрого кивка Сеиварден, которая уже поужинала, набрала в рот скеля. Пожевала и проглотила. — Во всяком случае, не мое имя, я всегда была для нее только Амаат Один. И я не посылала никаких видеоизображений. Я стояла на вахте. — Чувства Экалу по поводу того, что лейтенант Амаат «Меча Атагариса» не осознала, кто она такая, были достаточно неоднозначны и не вполне приятны.

— О, жаль, что не послала. Так бы хотелось увидеть ее лицо.

Сама Экалу вполне могла бы насладиться замешательством лейтенанта «Меча Атагариса», если бы та обнаружила, что с ней на связи — офицер столь простого происхождения, но то, что эта перспектива явно забавляет Сеиварден, тревожило и приводило ее в смятение, я это заметила. В памяти всплыли несколько болезненные воспоминания о том, как иногда общались лейтенант Оун и Скаайат Оэр двадцать и более лет назад.

Корабль сказал мне в ухо, когда я садилась во флаер:

— Я поговорю с лейтенантом Сеиварден. — Но я усомнилась в том, что он сможет подобрать такие слова, чтобы Сеиварден поняла.

В кают-компании «Милосердия Калра» Экалу сказала:

— Она наверняка свяжется с тобой в начале твоей следующей вахты. Полна решимости пригласить тебя на чай, ведь «Меч Атагариса» будет теперь достаточно близко.

— Без меня не обойтись, — отметила Сеиварден, приняв псевдосерьезный вид. — На борту всего лишь три офицера, которые несут вахту.

— О, корабль сообщит тебе, если случится что-нибудь серьезное, — произнесла Экалу с язвительным пренебрежением.

В командной рубке врач сказала:

— Лейтенанты, информирую, что из Призрачного шлюза, кажется, что-то вышло.

— Что это? — спросила Сеиварден, поднимаясь с места.

Экалу продолжала есть, но вызвала изображение того, на что смотрела доктор.

— Оно слишком маленькое, чтобы разглядеть, пока не приблизится, — сообщил корабль мне во

флаере над водным пространством Атхоека. — Я думаю, это челнок или какое-то крошечное суденышко.

— Мы запросили об этом «Меч Атагариса», — сказала врач в командной рубке.

— Ты имеешь в виду, что они еще не угрожали уничтожить его, если он не представится? — спросила Сеиварден на полпути в командную рубку.

— Беспокоиться не о чем, — пришел ответ с «Меча Атагариса», лейтенант, несущий вахту, явно изнывал от скуки. — Это просто хлам. Призрачный шлюз не вычищают, как другие. Какой-то корабль, должно быть, давным-давно разбился в шлюзе.

— Прошу прощения, — сказала доктор сухо, когда Сеиварден вошла в командную рубку, — но мы полагали, что на другой стороне этого шлюза никого нет и никогда не было.

— О, люди иногда ходят туда на спор или просто для развлечения. Но это не из недавних, вам же видно, что он довольно старый. Мы его втянем — он достаточно велик, чтобы представлять собой опасность.

— Почему просто не спалить его? — спросила Сеиварден, и корабль, должно быть, отправил ее

слова на «Меч Атагариса», поскольку его лейтенант ответила:

— Ну, знаете, в системе бывают случаи контрабанды. Мы всегда проверяем такие вещи.

— И что же вывозят контрабандой из необитаемой системы? — спросила врач.

— О, из самого Призрачного шлюза — ничего, пожалуй, — пришел небрежный ответ. — Но в целом — вы знаете, как обычно. Незаконные наркотики. Краденый антиквариат.

— Буфера Аатр! — выругалась Сеиварден. — Об антиквариате рассуждает. — Корабль попросил у «Меча Атагариса» более крупное изображение обсуждавшегося челнока и, получив его, показал доктору и Сеиварден: изогнутая оболочка, в рубцах и ожогах.

— Просто хлам какой-то, так ведь? — прозвучала реплика лейтенанта «Меча Атагариса».

— Невежественный олух, — заметила Сеиварден, после того как «Меч Атагариса» завершил сеанс связи. — И чему только учат сейчас офицеров?

Доктор повернулась к ней:

— Я что-то упустила, лейтенант?

— Это же отсек для хранения запасов военного челнока нотаи, — ответила Сеиварден. — Ты в

самом деле его не узнала?

Радчааи часто говорят о Радче так, будто в нем только один вид людей, которые говорят на одном языке, — радчааи. Но сфера Дайсона — это обширное пространство. Даже если Радч начался с единого населения, говорящего только на одном языке (а это было не так), это не закончилось бы таким образом. Многие из кораблей и капитанов, которые противостояли экспансии Анаандер, были нотаи.

— Нет, — ответила врач. — Я его не узнала. По мне, так он не очень похож на нотайский. И это на самом деле не выглядит как отсек для хранения. Однако смотрится очень старым.

— Мой клан — нотаи. Был. — Клан Сеиварден был поглощен другим за ту тысячу лет, что она провела в состоянии анабиоза. — Однако мы были лояльны. У нас имелся старый челнок, оставшийся с войн, пристыкованный в Инаисе. Люди прибывали отовсюду, чтобы на него посмотреть. — Воспоминание об этом, должно быть, оказалось неожиданно ярким и отчетливым. Она сглотнула, чтобы внезапное ощущение утраты не отразилось на ее голосе. — Как нотайский корабль прорвался в Призрачный шлюз? Те сражения проходили далеко отсюда.

Корабль показал Сеиварден и врачу изображения челноков того типа, о котором говорила Сеиварден.

— Да, как эти, — отметила Сеиварден. — Покажи нам отсек для хранения.

Корабль исполнил.

— На нем надпись, — сказала врач.

— Видишь? — Сеиварден нахмурилась, разбирая слова. — Видишь… что-нибудь?

— Божественная Сущность Восприятия, — сказал корабль. — Один из последних потерпевших поражение в тех войнах. Сейчас это музей.

— Не выглядит особо по-нотайски, — заметила доктор. — За исключением надписи.

— А надпись на этом, — сказала Сеиварден, указывая на изображение того, что вышел из Призрачного шлюза, — вся сожжена.

— Корабль, ты и в самом деле его не узнал?

Корабль ответил одновременно и врачу, и Сеиварден:

— Не сразу. Мне чуть меньше тысячи лет, и я никогда не видел нотайских кораблей непосредственно. Но если бы лейтенант Сеиварден не опознала его сама, я бы сделал это в течение нескольких минут.

— Ты бы сделал это, — спросила врач, — если

бы мы доверились «Мечу Атагариса»? — И затем ей пришла в голову новая мысль. — А мог «Меч Атагариса» не узнать его?

— Вероятно, так и было, — сказала Сеиварден. — В противном случае он наверняка сказал бы своему лейтенанту.

— Если они оба не лгут, — заметила Экалу, слушавшая все это время из кают-компании. — Ведь они *поворачивают* сейчас назад, чтобы подобрать обломок, который могут также и пометить, и дать возможность кому-то еще позаботиться о нем.

— В этом случае, — заметила Сеиварден, — они полагают, что «Милосердие Калра» его не узнает. Что не кажется мне осмотрительным допущением.

— Я не отваживаюсь предположить, какого мнения «Меч Атагариса» о моем интеллекте, — изрек корабль.

Сеиварден усмехнулась.

— Доктор, попроси «Меч Атагариса» сообщить нам, что они выяснят, когда осмотрят этот… обломок.

В конечном счете «Меч Атагариса» ответил, что не обнаружил ничего интересного и впоследствии уничтожил отсек.

Дом гражданина Фосиф оказался самым боль-

шим из трех зданий, длинным двухэтажным сооружением с балконами, из полированного камня с черными и серыми прожилками и — то тут, то там — синими и зелеными пятнами, мерцавшими в меняющемся свете. Он стоял за широким прозрачным озером с каменистыми берегами и потрепанным деревянным причалом, возле которого была пришвартована маленькая изящная лодка со свернутыми белыми парусами. Вокруг высились горы, берег озера окаймляли мох и деревья. Чайная плантация — я видела ее, когда мы подлетали: извивающиеся бархатистые зеленые полосы, бегущие по склонам гор и вокруг обнажений черного камня, — пряталась за гребнем горы. Температура воздуха была 20,8 градуса по Цельсию, легкий и приятный ветерок доносил запах листьев и холодной воды.

— Мы на месте, капитан флота! — воскликнула гражданин Фосиф, выходя из своего флаера. — Мир и спокойствие. В других обстоятельствах я бы предложила рыбалку на озере. Катание на лодках. Подняться в горы, если это вам нравится. Но даже просто находиться здесь приятно. За главным зданием — отдельная баня, напротив того места, где вы сейчас стоите. Большая ванна — по крайней мере человек на двенадцать, много

горячей воды. Это постройка ксхаи. Варварски роскошная.

Раугхд подошла и встала рядом с матерью.

— Напитки в бане! С этим ничто не сравнится после долгой ночи. — Она ухмыльнулась.

— Раугхд удается устроить долгие ночи даже здесь, — весело заметила Фосиф, пока подходили капитан Хетнис и ее вспомогательный компонент «Меча Атагариса». — Ах, вернуть бы молодость! Но пойдемте же, я провожу вас туда, где вы расположитесь.

Сине-зеленые пятна в камне здания вспыхивали и гасли, по мере того как менялся угол, под которым мы на него смотрели. Вокруг другой стороны дома шла широкая полоса плоских серых камней, густо поросших мхом в тени двух больших деревьев. Слева тянулся овал низкого строения, ближняя длинная сторона — из дерева, ближний торец и, предположительно, дальняя длинная сторона — из стекла.

— Баня, — сообщила Фосиф, указав на нее рукой. По другую сторону покрытого мхом камня, дальше по дороге, которая шла через гребень горы и вниз, к дому у озера, стояло еще одно здание, из черного и сине-зеленого камня, двухэтажное, но меньше, чем главное, и без балконов. Вдоль

всей его стороны, обращенной к нам, шла терраса; под большим деревом, увитым виноградными лозами, стояла группа людей, ожидавших нас. Большинство из них было одето в рубашки и брюки или юбки, которые выглядели так, словно их кропотливо соорудили из разодранных брюк. Ткань, некогда ярко-синяя с зеленым и красным, выцвела и износилась. Все люди были без перчаток.

Их сопровождала особа, одетая в ожидаемые и общепринятые куртку, брюки и перчатки, плюс немного драгоценностей. По ее чертам я предположила, что она — самиренд-надсмотрщик. Мы остановились в каких-нибудь трех метрах от этой группы, в тени широкого дерева, и Фосиф сказала:

— Только для вас, капитан флота, поскольку я знала, что вы бы хотели услышать, как они поют.

Надсмотрщик отвернулась и сказала собравшимся людям:

— Давайте пойте. На радчааи. Медленно и громко.

Одна из старших в группе наклонилась к особе, стоящей рядом, и сказала на дельсиге:

— Я же тебе сказала, что это не та песня. — По-

следовало несколько жестов и несколько слов шепотом под взглядом взволнованной надсмотрщицы, которая, видимо, не понимала причины задержки, затем раздался коллективный вдох, и они запели: «О вы, живущие под защитой бога, живущие всю свою жизнь в его тени». Я знала ее, каждую строку и каждый куплет. Большинство вальскаайцев, говорящих на дельсиге, пели ее на похоронах.

Это было сделано, чтобы утешить нас. Даже если они не знали причину нашего приезда, они не могли не заметить наши — мою и капитана Хетнис — выбритые головы и траурные полосы на лицах. Эти люди не знали нас; вполне возможно, не знали, кто умер. Мы представляли те силы, которые их завоевали и, вырвав из родного мира, отправили трудиться здесь. У них не было причин проявлять заботу о наших чувствах. У них не было причин считать, что кто-либо из нас достаточно знает дельсиг, чтобы понять слова. Они не могли предполагать, что мы поймем смысл их песни, даже понимая слова. Такие произведения преисполнены символической и исторической значимости, несут огромный эмоциональный заряд — но только для того, кто осознает эту значимость.

И тем не менее они ее спели. И когда они закончили, старшая сказала, кланяясь:

— Граждане, мы будем молиться за того, кого вы потеряли. — На совершенно понятном радчаи сказала, пусть и с сильным акцентом.

— Граждане, — ответила я, также на радчааи, не желая, чтобы здесь поняли, как я говорю на дельсиге, — мы очень тронуты и благодарим вас за вашу песню и ваши молитвы.

Надсмотрщица заговорила громко и медленно:

— Капитан флота благодарит вас. А теперь ступайте.

— Подождите, — вмешалась я. И повернулась к Фосиф. — Не окажете ли мне любезность, дав этим людям что-нибудь поесть и попить, прежде чем они уйдут? — Она прищурилась, не понимая. Надсмотрщица уставилась на меня с искренним неверием. — Это моя прихоть. Если это несколько неуместно, я с радостью все оплачу. Любое, что есть. Чай и кекс, быть может. — Я полагала, что такие вещи здесь всегда есть на кухне.

Фосиф оправилась от своего изумления.

— Разумеется, капитан флота. — Она сделала знак рукой надсмотрщице, и та, все еще ошеломленная моей просьбой, увела полевых рабочих.

Первый этаж дома, где нас поселили, представ-

лял собой единое большое, открытое пространство, частично — столовую, частично — гостиную. В гостиной стояли широкие глубокие кресла и приставные столики, на которых лежали настольные игры с ярко раскрашенными фишками. В другой части комнаты мы ели яйца и суп из соевого творога за длинным столом с несочетающимися стульями, возле буфета, уставленного фруктами и кексами. Оконца в потолке потускнели из-за сумерек и облаков, принесенных ветром. На втором этаже из узкого коридора можно было попасть в спальни, причем каждая из них вместе с прилегающей гостиной отличалась тщательно подобранными цветами. Мои комнаты — оранжевые и синие, в приглушенных тонах; толстые мягкие одеяла на кровати тщательно обработаны, как я подозревала, чтобы выглядеть уютно поношенными и выцветшими. На первый взгляд могло показаться, что это не парадный сельский домик, но в нем все было тщательно разложено и расставлено.

Гражданин Фосиф, сидящая в конце стола, сказала:

— На самом деле это было хранилище и управление. Главным зданием служил гостевой домик, вы знаете, до аннексии.

— Во всех спальнях в главном здании есть балконы, — отметила Раугхд, которая, изловчившись, уселась рядом со мной и теперь наклонилась ко мне с понимающей улыбкой. — Очень удобно для любовных свиданий. — До меня дошло, что она пытается *флиртовать* со мной. Несмотря на то что я — в трауре и потому добиваться меня в лучшем случае чрезвычайно неуместно.

— Ха-ха! — рассмеялась гражданин Фосиф. — Раугхд всегда находила те внешние лестницы полезными. Да я и сама тоже, когда была в ее возрасте.

Ближайший город — в часе лета на флаере. Здесь не с кем устраивать свидания, кроме домочадцев, — в главном здании, по моему предположению, должны находиться родственники и клиенты. Не все из домочадцев находились в таких родственных связях, которые делали секс недозволенным, поэтому тут вполне могли иметь место приемлемые отношения, включавшие в себя запугивание слуг.

Капитан Хетнис сидела за столом напротив меня, «Меч Атагариса» застыла неподвижно в нескольких метрах позади нее, в ожидании, когда она понадобится. От нее, как от вспомогательного компонента, не требовалось соблюдения

траурных обычаев. Калр Пять стояла позади меня, очевидно убедив здесь всех, что она тоже вспомогательный компонент.

Гражданин Сирикс сидела рядом со мной. Домашние слуги, которых я видела, оказались в большинстве своем самирендами, были также ксхаи, хотя снаружи я заметила нескольких работающих вальскаайцев. У слуг, провожавших нас по комнатам, возникли некоторые сомнения в отношении Сирикс — они отправили бы ее на половину прислуги, если бы не получили других указаний. Возможно, кто-то здесь узнал ее, хотя в последний раз Сирикс была внизу двадцать лет назад и она не из этого поместья, а из другого, в сотне с лишним километров отсюда.

— Учителя Раугхд всегда находили, что здесь скучно, — заметила Фосиф.

— Это *они* были скучными! — воскликнула ее дочь. Монотонным, гнусавым голосом она с пафосом продекламировала: — «Гражданин! Третьим размером и высоким штилем расскажите нам, как бог уподобляется утке». — Капитан Хетнис рассмеялась. — Я всегда старалась сделать их жизнь более занимательной, — продолжала Раугхд, — но они, казалось, никогда не ценили этого по достоинству.

Гражданин Фосиф тоже засмеялась. А я — нет. Я слыхала о таких развлечениях в прошлом от своих лейтенантов и уже заметила склонность Раугхд к жестокости.

— А вы можете? — спросила я. — Я имею в виду — сказать стихами, как бог уподобляется утке?

— Ни за что не подумала бы, что бог — это нечто вроде утки, — заметила капитан Хетнис, приободренная моим внешним спокойствием в течение последних нескольких дней. — В самом деле. Утка!

— Ну конечно же, — убедительно сказала я, — бог *есть* утка. — Бог — это вселенная, и вселенная — это бог.

Фосиф отмахнулась от моего возражения.

— Да-да, капитан флота, но, несомненно, об этом можно сказать довольно просто, без всяких заморочек с размерами, должным стилем и тому подобным.

— И зачем выбирать такую нелепость? — спросила капитан Хетнис. — Почему не спросить, как бог уподобляется… рубинам, или звездам, или, — она неопределенно повела рукой, — даже чаю? Чему-то ценному. Чему-то обширному. Это было бы гораздо более правильно.

— Вопрос, — ответила я, — который достоин

серьезного рассмотрения. Гражданин Фосиф, я полагаю, чай здесь полностью собирается и обрабатывается вручную.

— О да! — Фосиф просияла. Это, несомненно, один из главных предметов ее гордости. — Собирается вручную — вы можете увидеть это, когда захотите. Предприятие рядом, посетить его очень легко. Если вы сочтете это правильным. — Короткая пауза — она моргнула: кто-то, находящийся поблизости, очевидно, отправил ей послание. — На участке прямо за гребнем горы должны собирать завтра. И конечно же, превращение листьев в чай — *изготовление* чая — продолжается днем и ночью. Листья должны подсушиваться и перемешиваться, пока не достигнут требуемого состояния, а затем скручиваться и ферментироваться до нужного мгновения. Далее их сортируют и окончательно просушивают. Все это можно, разумеется, делать машинами, некоторые так и поступают, и получается совершенно приемлемый чай. — В этом ее определении — совершенно приемлемый — прозвучало едва уловимое презрение. — За который вы выручите приличные деньги в магазине. Но нашего чая не бывает в магазинах.

Чай Фосиф, «Дочь рыб», можно получить только

в качестве подарка. Или, вероятно, купить напрямую у гражданина Фосиф, чтобы преподнести в дар. В Радче деньги в ходу, но ошеломляющее число обменов происходит не по формуле деньги за товары, но дар за дар. Гражданину Фосиф не много платили за ее чай, если вообще платили. Формально. Те зеленые поля, над которыми мы пролетали, весь тот чай, это сложное производство — все это существовало не ради максимизации экономической эффективности, нет, целью выращивания «Дочери рыб» был *престиж.*

На Атхоеке, несомненно, есть плантации крупнее, и прибыли они, вероятно, приносят гораздо больше. Но при этом единственный чаевод, который счел, что имеет право обратиться ко мне напрямую, вообще не продавала своего чая.

— Видимо, это непростое дело, — заметила я, — сбор и производство. Ваши работники должны быть весьма квалифицированными. — Рядом со мной гражданин Сирикс едва слышно кашлянула, слегка подавившись последним глотком супа.

— О да, капитан флота, они именно таковы! Вы понимаете, почему я никогда не стану плохо обращаться с работниками, они мне так нужны!

На самом деле они живут в старом гостевом доме в нескольких километрах отсюда, за гребнем горы. — Маленькие оконца усеяли дождевые капли. Дожди шли только по ночам, сообщила мне база Атхоек, и дождь всегда заканчивался вовремя, чтобы листья успевали просохнуть для утреннего сбора.

— Как мило, — учтиво ответила я.

Я поднялась до восхода солнца, когда небо было жемчужно-розовым и бледно-голубым, а озеро и его долина еще лежали в полумраке. Воздух — прохладный, но не холодный, и у меня уже больше года не бывало достаточно места для пробежки. Это вошло в привычку, когда я пребывала в тетрархии Итран, где спорт был предметом религиозного почитания, а упражнениями для их игры в мяч — молитва и медитация. Здорово вернуться к этому, хотя здесь никто в такую игру не играет и даже не знает о ее существовании. Я направилась по дороге к низкому гребню неспешной трусцой, со вниманием к правому бедру, которое поранила год назад, и оно не вполне зажило.

Перевалив через гребень, я услышала пение. Один сильный, высокий голос отдавался эхом от каменистых обнажений и прокатывался над

полем, где работники с корзинами, перекинутыми через плечо, быстро срывали листья с кустов высотой по пояс. По крайней мере, половина из них — дети. Песня на дельсиге являла собой жалобу певицы о том, что предмет ее страсти целиком и полностью предан кому-то другому. Это характерная вальскаайская тема, в типичных для радчааи отношениях такого не встретишь. И эту песню я слышала прежде. Она вызвала у меня острое воспоминание о Вальскаае, о запахе влажного известняка в изрытом пещерами районе, где я побывала в свой последний визит на планету.

Певица, очевидно, была и дозорной. Когда я приблизилась, слова изменились. По-прежнему на дельсиге, в значительной степени, как я знала, непонятном для надсмотрщиков.

Здесь этот солдат,

Столь жадная, алчущая песен,

Так много она поглотила — они из нее вытекают,

Из уголков ее рта они сочатся

И разлетаются, отчаянно стремясь к свободе.

Я рада тому, что мое лицо никогда не принимает выражения непроизвольно. Это было так умно

сделано, точно вписано в размер песни, что я не удержалась бы от улыбки, выдав, таким образом, что все поняла. А так я продолжала бежать, вроде как ничего не замечая. Но наблюдая за работниками. Кажется, все до одного — вальскаайцы. Сатира певицы на меня предназначена этим людям, и она была спета на вальскаайском языке. На базе Атхоек мне сообщили, что все полевые работники Фосиф — вальскаайцы, и тогда это показалось мне странным: не то, что некоторые из них могли быть вальскаайцами, но то, что все они — оттуда. Увидев воочию подтверждение, я вновь ощутила, что это неправильно.

В подобной ситуации хранилище, полное вальскаайцев, должны были либо разделить на части между дюжинами различных плантаций и других мест, которые нуждались в их труде, либо содержать в режиме анабиоза и раздавать потихоньку десятилетиями. Здесь должно было находиться, быть может, полдюжины вальскаайцев. Вместо этого, казалось, здесь их в шесть раз больше. И я ожидала увидеть несколько самирендов, возможно, даже ксхаи, или ичана, или представителей других групп, потому что до аннексии здесь наверняка имелось больше народов.

Также не должно было наблюдаться такого резкого разделения между внутренней и наружной прислугой: снаружи, как я видела сегодня утром и накануне, работали только вальскаайцы, а внутри дома — все самиренды и несколько ксхаи. Вальскаай аннексировали сотню лет назад, и к этому времени по крайней мере некоторые из первых ссыльных или их дети должны были бы пройти испытания или дослужиться до других должностей.

Я добежала до дома, где жили работники: здания из коричневого кирпича без единого стекла в окнах, лишь некоторые затянуты одеялами. Оно явно не было ни столь большим, ни столь роскошным, как дом Фосиф на берегу озера. Но из него открывался приятный вид на долину, заполненную сейчас чаем, и прямую дорогу к тому широкому зеркальному озеру. На месте окружающей его утоптанной земли вполне могли находиться сады или тщательно ухоженные лужайки. Мне было любопытно, как там внутри, но я не стала входить без приглашения, незваным гостем, и повернула назад.

— Капитан флота, — сказал мне в ухо «Милосердие Калра», — лейтенант Сеиварден просит напомнить, чтобы вы берегли свою ногу.

— Корабль, — ответила я безмолвно, — моя нога напоминает о себе сама. — О чем, собственно, «Милосердию Калра» прекрасно известно. И беседа с Сеиварден, о которой шла речь в сообщении, состоялась два дня назад.

— Лейтенант *будет* беспокоиться, — сказал корабль. — И вы, кажется, не обращаете на это внимания. — А не осуждение ли я уловила в его, по всей видимости, невозмутимом голосе?

— Я отдохну в течение дня, — пообещала я. — И в любом случае, я почти уже на месте.

К тому времени как я снова перевалила через гребень горы, небо и долина посветлели, а воздух потеплел. Я обнаружила гражданина Сирикс на скамье под деревом, с дымящейся чашкой чая в руке. Без куртки, рубашка не заправлена, без всяких украшений. Траурное облачение, хотя от нее формально не требовалось блюсти траур по переводчику Длайкви, она не выбрила голову и не нанесла траурную полосу.

— Доброе утро, — сказала я, входя на террасу. — Не покажете ли мне баню, гражданин? И может быть, объясните мне кое-что?

Она помедлила минутку.

— Хорошо, — ответила она наконец, словно я предложила ей нечто рискованное или опасное.

В длинном, изогнутом окне бани виднелись черно-серые утесы и покрытые льдом вершины. В дальнем конце с одной стороны — самый угол дома, в котором мы располагались. Посетители, должно быть, высоко ценили это место за его виды — вряд ли кто из радчааи додумался бы превратить целую стену бани в окно.

Стены светлые, из тщательно вырезанного и отполированного дерева. В полу, выложенном камнем, круглый бассейн с горячей водой, со скамьями вдоль стен, на которых сидят и потеют, а рядом бассейн с охлажденной водой.

— Холодная вода хорошо укрепляет после всей этой жары, — сказала Сирикс, сидя на скамье в горячей воде напротив меня. — Закрывает поры.

Моему ноющему бедру стало хорошо от жара. Пробежка была, возможно, не слишком умным решением.

— Да?

— Да. Очень очищает. — Выбор слова показался мне странным. Я подозревала, что это перевод более сложного понятия с ксхаи или лиоста на радчааи. — Приятная у вас жизнь, — продолжила Сирикс. Я вопросительно приподняла бровь. — Чай, как только просыпаетесь. Одежда выстирана и выглажена, пока вы спите. А одеваетесь-то вы

хоть сами?

— Обычно да. Хотя если мне нужно выглядеть чрезвычайно официально, то хорошо получить квалифицированную помощь. — Мне самой этого никогда не было нужно, но я оказывала такую помощь в целом ряде случаев. — Итак, ваши предки — ссыльные-самиренды. Всех их, или почти всех, отправили в горы собирать чай?

— Многих из них, капитан флота.

— И та аннексия была довольно давно, поэтому, став цивилизованными, — тут в моем голосе прозвучала едва уловимая ирония, — они стали проходить испытания и получать другие назначения. Это мне совершенно понятно. Но вот чего мне не понять: почему здесь совершенно нет самирендов на полевых работах? Или еще кого-нибудь, помимо вальскаайцев. И вальскаайцы работают только в поле, и больше нигде, кроме одного-двух в саду при доме. Аннексия Вальскаая произошла сотню лет назад. И никто из вальскаайцев за все это время не дорос до надсмотрщика?

— Что ж, капитан флота, — ровным голосом ответила Сирикс, — никто не останется собирать чай, если сможет оттуда убраться. Труд полевых работников оплачивается, если выполнена ми-

нимальная норма сбора листьев. Но эта норма огромна — столько собрать могут три очень быстрых работника за целый день.

— Или работник и несколько детей, — предположила я. Я видела детей, работающих в поле, когда пробегала там.

Сирикс кивнула в знак согласия.

— Поэтому никто из них на самом деле не зарабатывает столько, сколько предполагается. Затем еда. Истолченная крупа — вы пробовали ее там, наверху. Они сдабривают ее веточками и пылью, остающимися от производства чая. За которые, между прочим, Фосиф сдирает с них по премиальным ценам. Это не какие-нибудь отходы с пола, это «Дочь рыб»! — Она умолкла на минуту, чтобы перевести дух, чуть не выпалив что-то откровенно злое. — Две чашки кашицы в день. Скудное питание, а если они хотят чего-то еще, то должны это купить.

— По премиальным ценам, — догадалась я.

— Именно так. Обычно есть садовые участки, если кто-то хочет выращивать овощи, но приходится покупать семена и инструменты, и это уменьшает время на уборку чая. У них нет кланов, поэтому нет семьи, которая могла бы дать то, в чем они нуждаются, и работники вынуж-

дены все это покупать. Никто из них не может получить разрешение на поездки, поэтому они не имеют права уехать далеко, чтобы купить что-нибудь. Они не в состоянии ничего заказать, поскольку вообще не имеют денег, они по уши в долгах, а значит, не могут взять кредит, поэтому Фосиф продает им разные вещи: портативные устройства связи, доступ к развлечениям, еду поприличнее — все что угодно — по тем ценам, которые ее устраивают.

— Полевые работники-самиренды смогли преодолеть это?

— Некоторые слуги в этом доме, несомненно, все еще расплачиваются с долгами своих бабушек и прабабушек. Или своих тетушек. Единственный способ вырваться состоял в том, чтобы сплотиться в кланы и работать очень, очень усердно. Но вальскаайцы… Я бы сказала, что они не слишком честолюбивы. И они, кажется, не понимают пользы сплочения в кланы.

С семьями на Вальскаае дело обстояло несколько по-другому, чем в Радче. Но я знала, что вальскаайцы оказались вполне способны осознать преимущества организации чего-то вроде радчаайских кланов, и тут и там группы семейств вальскаайцев вступали в такие соглашения при

первой возможности.

— И никто из детей никогда не проходил испытаний на другие назначения? — спросила я, хотя уже понимала, какого ответа следует ожидать.

— Сейчас полевые работники не участвуют в испытаниях на способности, — ответила Сирикс. Она явно пыталась справиться с последствиями перевоспитания: любые проявления гнева вызывали физическое недомогание. Она отвернулась от меня, тщательно вдыхая воздух ртом. — И вряд ли испытания привели бы их к чему-то другому. Они невежественные, суеверные дикари, все до одного. Но даже в таком случае это *неправильно.* — Еще один глубокий вдох. — Фосиф — не единственная, кто так поступает. И она скажет вам: это потому, что они не пойдут на испытания. — Этому я могла поверить. Когда я в последний раз была на Вальскаае, идти или не идти на испытания было неотложным вопросом для многих людей. — Но ведь ссыльных больше нет, так ведь? С последней аннексии сюда никого не прислали. Поэтому, если у чаеводов закончатся вальскаайцы, кто же станет собирать чай за жалкую еду и почти не получая денег? Гораздо удобнее, если ни полевые рабочие, ни их дети никогда не смогут отсюда выбраться. Капитан

флота, это неправильно. Губернатора кучка бездомных дикарей не волнует, а тем, кому они не безразличны, не удается привлечь внимание лорда Радча.

— Вы думаете, что та забастовка двадцать лет назад ускользнула от ее внимания? — спросила я.

— Должно быть, так. В противном случае она что-нибудь сделала бы. — Три неглубоких вдоха через рот. Борется со своей яростью. — Прошу прощения. — Она поспешно встала, подняв тучу горячих брызг, и, выбравшись из бассейна, прошла к холодному и погрузилась в него. Пять принесла ей полотенце, и она вылезла из холодной воды и покинула баню, не сказав мне больше ни слова.

Я закрыла глаза. На базе Атхоек лейтенант Тайзэрвэт спала глубоким сном, положив руку на лицо. Мое внимание переключилось на «Милосердие Калра». Сеиварден стояла на вахте. Она что-то говорила одной из своих Амаат.

— Насчет того, что капитан флота удрала вниз. — Странно. С чего бы Сеиварден вообще стала обсуждать такой вопрос с одной из Амаат — это на нее не похоже. — Это действительно необходимо или ее бесит какая-то конкретная

несправедливость?

— Лейтенант Сеиварден, — ответила Амаат, странно одеревенелая, даже с учетом пристрастия этого экипажа к подражанию вспомогательным компонентам. — Вы знаете, что я должен сообщить о таком вопросе капитану флота.

С некоторым раздражением Сеиварден отмахнулась от этого ответа:

— Да, разумеется, корабль. И тем не менее.

И тут я внезапно поняла, что происходит. Сеиварден разговаривала с «Милосердием Кадра», а не с этой Амаат. Корабль показывал Амаат ответы, и она считывала их, как если бы она действительно была вспомогательным компонентом, частью корабля, одним из дюжины ртов, которыми говорил корабль. К счастью, никто из экипажа не пытался устроить такого при мне. Я бы этого не одобрила.

Но, наблюдая за ними, я поняла, что Сеиварден находит это удобным. Утешительным. Она беспокоилась, а корабль, говоря таким образом, подбадривал ее. Для этого нет никакой веской, разумной причины. Просто так оно есть.

— Лейтенант, — сказала Амаат (корабль через Амаат), — я могу сказать вам лишь то, что капитан флота уже говорила сама в своих инструкциях

для вас. Однако, если вас интересует мое личное мнение, я думаю, что и то и другое. А отсутствие капитана флота и удаление Раугхд Денчи с базы Атхоек позволяют лейтенанту Тайзэрвэт наладить ценные политические связи среди молодого поколения именитых граждан базы.

Сеиварден издала скептическое «ха».

— Дальше ты мне скажешь, что наша Тайзэрвэт — одаренный политик!

— Думаю, она вас удивит.

Сеиварден явно не верила «Милосердию Калра».

— Даже если так, корабль, наша капитан флота, как правило, не лезет на рожон, но если она поступает наоборот, то это всегда что-то важное. А нам нужны долгие часы, чтобы суметь помочь ей. Если ты увидишь, что заваривается какая-то каша, а она слишком отвлечена чем-то, чтобы попросить нас подобраться поближе, дабы быть под рукой, если понадобится, ты мне об этом скажешь?

— Потребовалось бы несколько дней, чтобы понять, что заваривается, как вы выразились, какая-то каша, лейтенант.

Не представляю себе, чтобы капитана флота что-то сильно отвлекало в течение такого време-

ни. — Сеиварден нахмурилась. — Но, лейтенант, я так же озабочен безопасностью капитана флота, как и вы.

Это был наиболее адекватный ответ, который мог дать корабль, и Сеиварден придется им удовольствоваться.

— Лейтенант Сеиварден, — сказал «Милосердие Калра», — входящее сообщение из Храда.

Сеиварден кивнула: *давай.* В ее ушах зазвучал незнакомый голос:

— Это капитан флота Уэми, командующая «Мечом Инила», отправленного из Дворца Омо. Мне приказано взять под контроль безопасность системы Храд. — Система Храд находилась в одном шлюзе отсюда. Рядом до известной степени. — Наилучшие пожелания капитану флота Брэк. Во Дворце Тстур по-прежнему идут напряженные бои. Уничтожено несколько внешних баз. В зависимости от исхода лорд Радча может направить вам транспортный корабль. В любом случае она шлет вам привет и надеется, что у вас все хорошо.

— Ты знаешь капитана флота Уэми, корабль? — Незамедлительного, сиюминутного ответа не предполагалось — Храд находится в нескольких часах полета на скорости света через соединяю-

щий шлюз.

— Не слишком хорошо, — ответил «Милосердие Калра».

— А «Меч Инила»?

— Это «Меч».

— Ха! — воскликнула Сеиварден, которую позабавил этот ответ.

— Лейтенант, капитан флота оставила инструкции на случай, если такое послание придет во время ее отсутствия.

— *Неужели*? — Сеиварден и сама не поняла, удивило ее это или нет. — Что ж, тогда покажи их мне.

Мои инструкции были довольно несложными. Сеиварден ответила следующим образом:

— Это лейтенант Сеиварден, командующий «Милосердием Калра» в период временного отсутствия капитана флота Брэк.

С большим уважением приветствуем капитана флота Уэми и благодарим за новости. Капитан флота Брэк просит снисхождения у капитана флота Уэми и интересуется, не брал ли «Меч Инила» новых членов экипажа во Дворце Омо. — Хотя, возможно, мне стоило беспокоиться не о пополнении команды. Сделать вспомогательных компонентов вполне реально из взрослых людей

постарше.

Но до ужина ответ прийти не мог. Этот вопрос озадачил Сеиварден, которая не знала о Тайзэрвэт, но корабль не стал ей этого объяснять.

Возвращаясь в дом, я встретила Раугхд, которая выходила из главного здания.

— Доброе утро, капитан флота! — сказала она с лучезарной улыбкой. — Это так воодушевляет — встать на рассвете дня, подобного сегодняшнему. Мне на самом деле стоит приобрести такую привычку. — Следует признать, это была довольно обворожительная улыбка даже с учетом почти неуловимого напряжения, которого она потребовала от своей обладательницы, — если бы она и не намекнула на это, я была бы совершенно уверена в том, что Раугхд не привыкла вставать в такой час. Но то, что я знала о ней, испортило для меня весь эффект. — Не говорите мне, что вы уже побывали в бане, — добавила она с легчайшим разочарованием, намеренно жеманно.

— Доброе утро, гражданин, — ответила я, не останавливаясь. — И — да, я там побывала. — И отправилась в дом, на завтрак.

Глава 13

После завтрака — это были фрукты и хлеб, которые слуги Фосиф оставили на буфете накануне вечером, согласно учтивой легенде — всего лишь остатки от ужина, — предполагалось, что капитан Хетнис и я проведем день, спокойно рассиживаясь в креслах, вознося молитвы через равные промежутки времени, питаясь умеренно и скромно. Мы, соответственно, уселись в гостиной на открытом первом этаже дома. В последующие дни, мы сможем пристойно проводить больше времени дальше от дома — сидеть, например, под деревом снаружи. Традиция позволяла значительную свободу движения тем, кто не в силах сохранять неподвижность в своем горе, и я воспользовалась этим преимуществом для своей утренней пробежки и посещения бани. Но большую часть последующих нескольких дней следовало провести в наших комнатах или здесь, в этой гостиной, в обществе друг друга или соседей, которые могут заглянуть, чтобы нас утешить.

Капитан Хетнис была не в форме — в сло-

жившихся обстоятельствах от нее этого не требовалось. Ее не заправленная рубашка приглушенно-розового цвета сочеталась с оливково зелеными брюками. Но все мое гражданское платье либо было слишком официально для этой обстановки, либо сохранилось со времен моих странствий вне пространства Радча, и, надень я то или другое, оказалось бы, что я не соблюдаю требований траура. Поэтому я влезла в свою коричнево-черную форменную рубашку и брюки. В строгом соответствии с правилами мне не следовало надевать никаких украшений, но я ни за что не рассталась бы с памятным брелком лейтенанта Оун и прикрепила его с внутренней стороны рубашки. Мы посидели молча, Калр Пять и вспомогательный компонент «Меча Атагариса» застыли позади нас на тот случай, если они нам понадобятся. Капитан Хетнис испытывала нарастающее напряжение, хотя, разумеется, внешне она этого почти не показывала, пока Сирикс не спустилась по лестнице, чтобы присоединиться к нам. Тогда капитан Хетнис резко вскочила с места и принялась ходить по периметру комнаты. Она не сказала Сирикс ни слова на пути сюда и прошлым вечером. Намеревалась, судя по всему, ничего не говорить ей и сейчас. Но это

совершенно укладывалось в рамки пристойного траура, дозволявшего в этот период некоторые странности в поведении.

В полдень пришли слуги с подносами еды — еще хлеб, который мог восприниматься как роскошь на базах, но тем не менее считался простой пищей, и различные пасты и смеси, чтобы на него намазывать, возможно, слегка приправленные. Даже если и так, судя по вчерашнему ужину, я уверена, что это могло лишь формально считаться аскетической пищей.

Одна из слуг подошла к стене и, к моему удивлению, отодвинула ее в сторону. Почти вся стена состояла из ряда складывающихся панелей и открывалась на затененную террасу, с которой в комнату просачивался солнечный свет и проникал приятный ветерок, напоенный ароматом листьев. Сирикс взяла свой обед на одну из скамей снаружи, хотя дверной проем шириной во всю стену делал разделение между внутренней и наружной частями неоднозначным.

На базе Атхоек лейтенант Тайзэрвэт сидела, развалившись на удобном стуле в чайной, возле низкого стола, заставленного пустыми и полупустыми бутылками араки. На сумму, явно превышавшую ее денежное довольствие, —

значит, она купила их в кредит, либо это были подарки в соответствии с ее предполагаемым статусом. Или моим. Кому-нибудь из нас придется найти возможность принести ответные дары, но это вряд ли будет сложно. Рядом с Тайзэрвэт сидела гражданин Пайэт, а на остальных стульях — полдюжины других молодых людей. Кто-то только что пошутил — все смеялись.

На «Милосердии Калра» врач приподняла бровь, услышав, как помогающая ей Калр потихоньку напевает себе под нос:

Кто любил лишь однажды?

Кто говорил: «Я никогда не полюблю вновь» —

и сдержал свое слово?

Не я.

На Атхоеке, в горах, капитан Хетнис перестала расхаживать и села со своим обедом за стол. Сирикс, сидевшая на скамье на террасе, казалось, даже не заметила этого. Одна из служанок, подойдя к ней, остановилась и сказала что-то быстро и тихо, так что я не расслышала, или, возможно, она говорила на лиосте. Сирикс подняла на нее взгляд и ответила с серьезным видом на радчааи:

— Я всего лишь консультант, гражданин. — Без

малейшей злости. Странно после того, какой несчастной она была утром, негодуя от несправедливости.

Наверху, в чайной на базе Атхоек, кто-то сказал:

— Теперь, когда капитан Хетнис и та поистине устрашающая капитан флота находятся внизу, придется Тайзэрвэт защищать нас от Пресгер!

— Ни за что! — ответила Тайзэрвэт. — Если Пресгер решат атаковать нас, мы ничего не сможем сделать. Но я думаю, пройдет немало времени, пока Пресгер до нас доберутся. — Информация о расколе лорда Радча еще не дошла, и проблемы со шлюзами по-прежнему официально именовались «непредвиденными трудностями». Весьма предсказуемо, что те, кто просто не принял этого объяснения, сочли версию о вмешательстве пришельцев более правдоподобной. — С нами все будет в порядке.

— Но мы так отрезаны, — начал кто-то.

Гражданин Пайэт сказала:

— У нас все нормально. Даже если бы мы оказались отрезанными от планеты, — (и кто-то пробормотал: «Боже упаси»), — у нас тут будет нормально. Мы можем себя прокормить, как бы то ни было.

— А если нет, — сказал кто-то другой, — мы сможем выращивать скел в озере в Садах.

Кто-то третий рассмеялся.

— Тогда с того садовода слетит вся спесь! Тебе следует за этим проследить, Пайэт.

Тайзэрвэт кое-чему научилась у своих Бо. Ее лицо осталось впечатляюще невозмутимым, а голос прозвучал ровно:

— А что это за садовод?

— Как ее имя — Баснаэйд? — сказала смеявшаяся особа. — Да она на самом деле ничтожество. Но вы знаете, приезжала Оэр из Дворца Омо и предлагала ей стать клиентом, а она *отказалась* — у нее и семьи-то нет на самом-то деле, и посмотреть там не на что, но тем не менее она оказалась слишком хороша для Оэр!

Пайэт сидела с одной стороны от Тайзэрвэт, а по другую сторону от нее сидела особа, которая, как сообщил мне корабль, приходилась родственницей Скаайат Оэр, хотя сама она — не Оэр. Ее пригласила Тайзэрвэт, обычно она не входила в эту группу.

— Скаайат не обиделась, — сообщила эта родственница с улыбкой, почти нейтральным тоном.

— Да, конечно. Но ведь это неправильно — от-

казываться от такого предложения. Это просто говорит о том, что за штучка эта садовод.

— Разумеется, — согласилась родственница Скаайат.

— Но в своем деле она хороша, — заявила Пайэт с внезапным напором, словно последние несколько минут собиралась с духом сказать это. — Ей *есть* чем гордиться.

Воцарилась неловкая тишина. Затем особа, которая подняла эту тему, сказала:

— Жаль, что здесь нет Раугхд. Не понимаю, зачем она тоже отправилась вниз. Мы всегда так ухохатываемся, когда Раугхд здесь.

— Но не тот, над кем смеются, — сказала родственница Скаайат.

— Конечно нет, — ответила сторонница Раугхд. — В противном случае мы над ними и не смеялись бы. Тайзэрвэт, тебе стоит посмотреть, как Раугхд изображает капитана Хетнис. Такая умора.

На Атхоеке, в доме, Сирикс поднялась со своего места и ушла наверх. Я переключила внимание на Пять, заметила, что она потеет в своей форме и ей наскучило наблюдать за мной и капитаном Хетнис. Думает о еде на буфете, запах которой чувствует со своего места. Мне самой

нужно отправиться наверх, сделать вид, что хочу вздремнуть, чтобы дать возможность Пять передохнуть, чтобы она и «Меч Атагариса» смогли перекусить. Капитан Хетнис, которая понятия не имела о том, что ее сейчас вспоминали наверху, вышла и присела на террасе — теперь, когда Сирикс благополучно удалилась.

Одна из служанок подошла к Кадр Пять. Постояла минуту, обдумывая, как я подозревала, как обратиться, и остановилась в конце концов на «будьте любезны».

— Да, гражданин, — сказала Пять служанке, ровно и невыразительно.

— Это пришло сегодня утром, — сообщила служанка. Она протянула маленькую посылку, завернутую в бархатистую на вид фиолетовую ткань. — Очень просили передать прямо в руки капитану флота. — Она не объяснила, почему вместо этого она передает это Калр Пять.

— Благодарю, гражданин, — сказала Пять и взяла посылку. — Кто ее послал?

— Посыльный не сказал.

Но я подумала, что она знает или предполагает, кто это.

Пять развернула ткань, и в ней оказалась простая коробка из тонкого бледного дерева.

Внутри — нечто похожее на треугольный кусок толстого тяжелого хлеба, довольно черствого, брошка — двухсантиметровый серебряный диск, подвешенный на ожерелье из синих и зеленых стеклянных бусин, и под всем этим — маленькая карточка с убористо напечатанными буквами, которые я приняла за текст на лиосте — языке, на котором по-прежнему говорили столь многие самиренды. Быстрый запрос базе Атхоек подтвердил мою догадку, и база перевела мне кое-что из текста на карточке.

Пять опустила крышку коробки.

— Благодарю, гражданин.

Я встала и, не говоря ни слова, подошла к Пять, взяла коробку и ткань, в которую она была обернута, и поднялась по лестнице, а затем прошла по узкому коридору к комнате Сирикс. Постучала в дверь. Сказала, когда Сирикс открыла ее:

— Гражданин, я полагаю, что это на самом деле для вас, — и протянула коробку со сложенной под ней фиолетовой тканью.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Здесь нет никого, капитан флота, кто мог бы послать мне что-нибудь. Вы, должно быть, ошибаетесь.

— Это, безусловно, предназначено не мне, —

сказала я, все так же протягивая коробку. — Гражданин, — укоризненно повторила я, когда она так и не пошевелилась, чтобы взять ее.

Калр Восемь подошла, чтобы взять у меня коробку, но Сирикс отрицательно махнула рукой.

— Не может быть, чтобы это было мне, — настаивала она.

Свободной рукой я сняла крышку с коробки — чтобы она увидела, что там внутри. Внезапно она застыла и, кажется, даже перестала дышать.

— Мне жаль узнать о вашей утрате, гражданин, — сказала я. Брошь — памятная, фамилия усопшего — Одела. На карточке — сведения о жизни и похоронах усопшего. Цель, с которой туда положили хлеб, или его значение мне неизвестны, но ясно, что это что-то значило для того, кто его послал. Что-то определенно значило для Сирикс. Хотя я не поняла, что она чувствует — горе или физическую боль от ярости, которую не в состоянии выразить.

— Вы говорили, что у вас нет семьи, гражданин, — продолжила я после нескольких неловких мгновений молчания. — Несомненно, кто-то из Одела думает о вас. — Они могли прослышать, что Сирикс здесь со мной.

— У нее нет права, — заявила Сирикс. Внешне

спокойная, бесстрастная, но я знала, что это для нее необходимость, вопрос выживания. — Ни у кого из них. Они не могут совместить несовместимое, не могут просто вернуть это назад. — Она сделала вдох; казалось, вот-вот заговорит, но вместо этого сделала еще один вдох. — Отошлите это обратно, — сказала она. — Это не мое, не может быть моим. Исходя из их действий.

— Если вы хотите именно этого, гражданин, то я так и сделаю. — Я вернула крышку на место, развернула сиреневую ткань и обернула ее вокруг закрытой коробки.

— Да, — произнесла Сирикс, в ее голосе сквозила горечь, — никаких увещеваний быть благодарной, помнить, что они, в конце концов, моя с… — Ее голос сорвался, она сделала слишком большое усилие над собой. Это кое-что говорило о ее обычном самоконтроле — то, что она не захлопнула передо мной дверь, чтобы страдать без посторонних глаз. Или, возможно, это говорило о том, что она понимала: Восемь — все еще в комнате и она не останется в одиночестве и без присмотра, что бы ни делала.

— Я могу заняться увещеваниями, если вам этого хочется, гражданин, но это было бы неискренним. — Я поклонилась. — Если вам что-нибудь

понадобится, просите, не стесняясь. Я к вашим услугам.

Тогда она закрыла дверь. Я могла бы понаблюдать за ней глазами Калр Восемь, но не стала.

Одновременно с ужином появились Фосиф и Раугхд. Сирикс не спускалась вниз с обеда. Никто по этому поводу ничего не сказал — ее здесь просто терпели, поскольку она была со мной. После еды мы уселись на краю комнаты, двери которой стояли по-прежнему нараспашку. Часть озера, видная нам, с наступлением вечера стала свинцово-серой, оказавшись в тени, и только самые верхушки гор за ним по-прежнему сверкали в лучах заката. Воздух сделался холодным и влажным, и слуги принесли горячие, горько-сладкие напитки в чашах с ручками.

— В стиле ксхаи, — сообщила мне Фосиф. В отсутствие Сирикс, которая обычно сидела сбоку от меня, Фосиф оказалась с одной, а Раугхд — с другой стороны. Капитан Хетнис устроилась напротив, слегка развернув стул, чтобы смотреть на озеро.

На «Милосердие Калра» пришел наконец ответ на вопрос, который я задала утром капитану флота Уэми. Корабль воспроизвел его в уши лейтенанта Экалу.

— Благодарю, лейтенант Сеиварден, за ваше любезное приветствие. Мои наилучшие пожелания капитану флота Брэк, но я никого не брала на борт в Омо.

Я оставила инструкции и на такой случай.

— Капитан флота Брэк благодарит капитана флота Уэми за проявленное снисхождение, — сказала лейтенант Экалу. Столь же озадаченная, как и Сеиварден несколько часов назад. — А не провел ли кто-нибудь из экипажа «Меча Инила» день или два вне связи на дворцовой базе?

— Что ж, капитан флота, — сказала Фосиф внизу, в сгущающемся сумраке возле озера, — вы провели спокойный день, я надеюсь?

— Да, благодарю вас, гражданин. — У меня не было никаких обязательств проявлять большую общительность. На самом деле я могла вполне, оставаясь в рамках приличий, игнорировать любого, кто заговорит со мной в течение следующих полутора недель, если бы почувствовала такое побуждение.

— Капитан флота поднимается в невероятно ранний час, — сообщила Раугхд. — Я встала рано специально, чтобы было кому показать ей баню, а она уже *давным-давно* на ногах.

— Очевидно, гражданин, — добродушно заме-

тила капитан Хетнис, — ваше представление о том, что значит встать рано, не совпадает с нашим.

— Военная дисциплина, Раугхд, — снисходительно отметила Фосиф. — При всем твоем интересе в последнее время, — быстрый взгляд в мою сторону, — ты никогда не была к этому приспособлена.

— О, я не знаю, — беззаботно сказала Раугхд. — Ведь я никогда этого не пробовала, так?

— Я перебралась сегодня через хребет и видела ваших работников, — сообщила я, не слишком заинтересованная в развитии темы пригодности Раугхд к военной службе.

— Надеюсь, вы смогли добавить в вашу коллекцию несколько песен, капитан флота, — ответила Фосиф.

Я чуть наклонила голову — ответ едва заметный, но достаточный.

— Не знаю, почему они просто не сделали из них вспомогательных компонентов, — заметила Раугхд. — Наверняка они были бы лучше. — Она кокетливо улыбнулась. — Два подразделения с десантного корабля нам вполне бы хватило, и еще много осталось бы для всех остальных.

Фосиф рассмеялась.

— Раугхд внезапно заинтересовалась военными! Выискивала там всякое. Про корабли и форму и так далее.

— Форма так *притягательна!* — согласилась Раугхд. — Я очень рада, что вы носите свою, капитан флота.

— Вспомогательные компоненты не могут быть новыми гражданами, — сказала я.

— Верно, — сказала Фосиф. — Верно. Знаете, я не уверена, что и вальскаайцы могут быть ими. Даже на Вальскаае есть проблемы, не так ли? Эта их религия. — На самом деле на Вальскаае и в ее системе были представлены несколько религий и различные секты каждой из них. Но Фосиф имела в виду религию большинства, ту, о которой все думали как о вальскаайской. Это была разновидность исключительного монотеизма, большинство радчааи находили ее более или менее непостижимой. — Хотя я не уверена, что это можно назвать религией. Скорее… набор суеверий и несколько весьма странных философских идей. — Снаружи стало еще темнее, деревья и покрытые мхом камни исчезли в полумраке. — А религии там меньше всего. У них — множество возможностей стать цивилизованными. А что, посмотрите на самирендов! — Она повела рукой,

имея в виду, как я предположила, слуг, которые принесли нам ужин. — Они начали там, где вальскаайцы находятся сейчас. У вальскаайцев есть все возможности, но пользуются ли они ими? Не знаю, видели ли вы их жилье — прелестный гостевой домик, такой же милый, как тот, где живу я сама, но он практически превратился в развалины. Им нельзя надоедать напоминаниями о том, что нужно поддерживать жилище в порядке. Но они влезают в безумные долги из-за музыкального инструмента или нового наладонника.

— Или оборудования для производства алкоголя, — чопорно вставила Раугхд.

Фосиф вздохнула, очевидно глубоко опечаленная.

— Они используют для этого свою провизию, некоторые из них. А затем еще больше влезают в долги, покупая еду. Большинство из них никогда не видели заработанных денег. Им не хватает *дисциплины.*

— А сколько вальскаайцев было прислано в эту систему? — спросила я Фосиф. — После той аннексии. Вы знаете?

— Понятия не имею, капитан флота. — Фосиф сокрушенно помотала головой, демонстрируя смиренное неведение. — Я лишь принимаю ра-

ботников, которых мне назначают.

— Там в поле трудились дети сегодня утром, — заметила я. — Здесь нет школы?

— Это бессмысленно, — ответила Фосиф, — с вальскаайцами. Они не станут ходить. У них просто нет необходимой дисциплины ума. Никакой уравновешенности. О, но мне хотелось устроить вам должную экскурсию, капитан флота! Возможно, когда закончатся ваши две недели. Мне так хочется показать вам мой чай, и я знаю, что вы захотите услышать как можно больше песен.

— Капитан флота Брэк, — сказала капитан Хетнис, которая до сих пор помалкивала, — коллекционирует, оказывается, не только песни.

— Да? — воскликнула Фосиф.

— Я оставалась у нее во время поста, — сообщила капитан Хетнис, — и знаете ли, ее повседневная посуда — сине-фиолетовый сервиз «Брактвэр». Полный комплект. В *идеальном* состоянии. — У меня за спиной — это показал мне корабль — Калр Пять подавила удовлетворенную улыбку. Мы почти ничего не ели во время поста, как и надлежало, но ту малость, что мы потребляли, Пять подавала на блюдах «Брактвэр» и — вне всяких сомнений, намеренно — оставляла неиспользуемую посуду там, где капитан Хетнис

могла ее видеть.

— Прекрасно! Какой хороший вкус, капитан флота! И я рада, что Хетнис об этом упомянула. — Она повела рукой, служанка наклонилась поближе, получила инструкцию шепотом и вышла. — У меня есть кое-что — вам интересно будет увидеть.

Снаружи, в темноте, запел высокий, нечеловеческий голос: прозвучала длинная, непрерывная последовательность гласных на одной высоте.

— Ах! — воскликнула Фосиф. — Вот чего я дожидалась. — К первому голосу присоединился другой, чуть ниже, а затем еще один, чуть повыше, и еще, и еще, пока не зазвучала по крайней мере дюжина интонирующих голосов, нарастающих и затихающих, диссонирующих и в то же время странным образом звучащих хором.

Фосиф явно ожидала от меня какой-то реакции.

— Что это? — спросила я.

— Растения, — ответила Фосиф, несомненно обрадованная мыслью, что она меня поразила. — Возможно, вы видели некоторые из них, когда выходили сегодня утром. У них есть нечто вроде мешочка, который собирает воздух, и, когда он наполнится, а солнце зайдет, растения этот воз-

дух высвистывают. Если не идет дождь. Поэтому вы не слышали их прошлой ночью.

— Сорняки, — заметила капитан Хетнис. — Их пытались истребить, но они все время возвращаются.

— По общему мнению, — продолжила Фосиф, подтвердив замечание капитана кивком, — их вывела посвященная монахиня. Растения пели различные слова на ксхаи, и все это имело отношение к храмовым таинствам, и, когда другие посвященные услышали, как поют эти растения, они осознали, что таинства открываются всем. Они убили ту, кто это сделал. Разорвали ее на части голыми руками, прямо здесь, у этого озера.

Мне не приходило в голову спросить, что это за гостевой домик.

— Значит, это было священное место? А есть ли здесь храм? — По моему опыту, большие храмы почти всегда окружались городами или по крайней мере деревнями, а я не видела ничего подобного, когда мы подлетали сюда. Интересно, здесь был храм и его сровняли с землей, чтобы дать место чаю, или священной считалась вся эта огромная территория. — Озеро было священным, а это храмовый гостевой дом?

— Мало что ускользнет от капитана флота! —

воскликнула Раугхд.

— Несомненно, — согласилась ее мать. — То, что осталось от храма, находится за озером. Некоторое время там был оракул, но все, что осталось от него сейчас, — суеверие о рыбе, выполняющей желания.

И название чая, выращиваемого на некогда священной земле, предположила я. Интересно, что думают об этом ксхаи.

— А что за слова поют растения? — Я почти не знала ксхаи и не распознала ни единого слова в вокальной какофонии, долетающей из темноты.

— Разные люди выдают разные версии, — радушно ответила Фосиф.

— Я выходила в темноту, когда была ребенком, — поделилась Раугхд, — и искала их. Они прекращают петь, если на них посветить.

На самом деле я не видела здесь ни одного ребенка, с тех пор как мы приехали, за исключением детей полевых работников. Мне показалось это странным в таком окружении, но не успела я выразить недоумение или задать вопрос, как вернулась служанка, отосланная Фосиф, с большой коробкой в руках.

Она оказалась золотой или по крайней мере позолоченной, инкрустированной красным, си-

ним и зеленым стеклом в стиле более древнем, чем я. Он был старее фактически, чем Анаандер Мианнаи, которой уже три тысячи с чем-то лет. Прежде мне довелось видеть такую вещь лишь однажды, и мне было тогда всего лишь лет десять — две тысячи лет назад.

— Несомненно, это копия, — сказала я.

— Нет, капитан флота, это не копия, — ответила Фосиф, явно довольная. Служанка поставила коробку на пол между нами и отступила. Фосиф наклонилась, подняла крышку. Внутри расположился чайный сервиз — термос, двенадцать чашек, ситечко. Всё из золота, украшенного изысканными, извивающимися сине-зелеными узорами.

Я все еще держала в руке чашу с ручкой, из которой пила, и теперь подняла ее. Калр Пять услужливо приблизилась и взяла ее, но не отошла. Я этого и не подразумевала. Встав со своего места, я присела на корточки рядом с коробкой.

Внутренняя сторона крышки также была с позолотой, хотя две полоски дерева семи сантиметров в ширину, расположенные сверху и снизу, показывали, что она покрывает. На золотом листе имелась гравировка. На нотаи. Я могла ее прочесть, однако сомневалась, что кто-нибудь еще

из присутствующих был способен это сделать. Несколько старых кланов (семейство Сеиварден в том числе), а также несколько кланов помоложе, находившие эту идею романтической и притягательной, заявляли о своем происхождении от предков-нотаи. Некоторые из них поняли бы, что это за надпись; возможно, смогли бы прочесть одно-два слова. Лишь немногие дали себе труд действительно выучить этот язык.

— А что здесь написано? — спросила я, хотя, конечно, уже знала.

— Это мольба к богу Вардену, — ответила капитан Хетнис, — и благословение владельцу.

Варден — это твоя сила, Варден — это твоя надежда, и Варден — это твоя радость. Жизни и процветания дочери семейства. В связи со счастливым и заслуженным событием.

Я подняла взгляд на Фосиф.

— Где вы это взяли?

— Ага, — ответила она, — итак, Хетнис была права, вы — знаток! Я бы ни за что не заподозрила, если бы она мне не сказала.

— Где, — повторила я, — вы это взяли?

Фосиф хихикнула.

— И весьма целеустремленный, но я это уже знала. Я купила это у капитана Хетнис.

Купила его. Эту древнюю, бесценную вещь практически невозможно представить себе в качестве дара. Мысль о том, что некто берет за нее некую сумму денег, тоже абсурдна. По-прежнему сидя на корточках, я повернулась к капитану Хетнис, которая на мой незаданный вопрос сказала:

— Владелице нужны были деньги. Она не хотела продавать это сама, потому что… ну представьте, что кто-нибудь узнает, что вам пришлось продать что-нибудь *такое.* Поэтому я устроила ей сделку.

— И также получила свою долю, — вставила Раугхд, которую, как я подумала, вовсе не радовало то, что ее затмил чайный сервиз.

— Верно, — подтвердила капитан Хетнис.

Даже малая доля той суммы была, должно быть, ошеломляющей. Это — не из тех вещей, которыми обладают отдельные личности, разве что номинально. Ни один живущий, хоть сколько-нибудь действующий клан не позволил бы отдельному своему члену отчуждать подобное. Тот чайный сервиз, что я видела, когда была новеньким десантным кораблем, которому не исполнилось еще и десяти лет, не принадлежал отдельной личности. Он был частью оснащения кают-компании «Меча», и его вынесли, когда мой капитан

наносила визит, чтобы поразить ее. Тот сервиз был фиолетово-серебряным и перламутровым, а в надписи упоминался другой бог. Там говорилось: «По поводу счастливого и заслуженного продвижения по службе. Капитан Сейморанд». И дата — за полвека до установления господства Анаандер Мианнаи, до того как этот сервиз был взят на память о поражении его владельца.

Я была уверена, что нижнюю часть надписи на крышке коробки, стоящей передо мной сейчас, срезали, что фраза «В связи со счастливым и заслуженным событием» — лишь начало предложения.

Никаких признаков среза не было видно — края золотой части крышки выглядели гладкими, дерево под ними — неповрежденным. Но я не сомневалась, что кто-то удалил ее, срезал полоску снизу и вернул на место то, что осталось, расположив так, что стало непохоже, будто часть надписи убрали.

Этот сервиз не передавали веками потомки некоего капитана — эти потомки никогда не удалили бы имя предка, который оставил им такую вещь. Имя можно удалить, чтобы скрыть происхождение сервиза, и, даже поврежденный, он стоил очень дорого. Можно скрывать проис-

хождение из чувства стыда — любой, кто увидел бы его, смог бы догадаться, какой клан оказался вынужден расстаться с таким сокровищем. Но большинство кланов, которые обладали подобными вещами, имели другие, лучшие способы извлекать выгоду из такого имущества. Клан Сеиварден, например, принимал дары и деньги в обмен на экскурсии к тому древнему плененному челноку нотаи.

«Краденый антиквариат» — так сказала лейтенант «Меча Атагариса». Но я не представляла себе ничего подобного.

Добавьте еще тот отсек для хранения. «Хлам». Все надписи удобным образом скрыты — как на этом сервизе.

Капитан Хетнис считала важным разместить свой корабль возле Призрачного шлюза. Кусок хлама возрастом, вероятно, больше трех тысяч лет, появление которого здесь, возле Атхоека, было совершенно невероятным, вылез из Призрачного шлюза. Фрагмент челнока нотаи.

Капитан Хетнис заработала уйму деньжищ, продав нотайский чайный сервиз, почти столь же старый, как, вероятно, тот отсек челнока. Где она его достала? Кто удалил имя его первого владельца и почему?

Что находится на другой стороне Призрачного шлюза?

Глава 14

Оказавшись в своей комнате, я сняла коричнево-черную рубашку и отдала ее Калр Пять. Наклонилась, чтобы развязать шнурки на ботинках, когда в дверь постучали. Я подняла глаза. Калр Пять ответила мне лишенным всякого выражения взглядом и пошла открывать. Она видела, как вела себя Раугхд в последние дни, и понимала, что это, вероятно, означает. Хотя, признаю, я удивилась, что Раугхд решилась на столь явный шаг так быстро.

Я стояла в стороне, где меня не будет видно из гостиной. Взяла свою рубашку там, где Пять ее положила, и снова надела. Пять открыла дверь в коридор, и я увидела ее глазами неискреннюю улыбку Раугхд.

— Интересно, — сказала она без всякого учтивого вступления, — могу ли я поговорить с капитаном флота с глазу на глаз. — Такой хитроумный подход с ее стороны не оставил Калр Пять возможности самой поразмыслить над этим, не проявив невежливости в мой адрес.

«Впусти ее, — безмолвно велела я Калр Пять. —

Но не покидай комнату». Хотя вполне возможно и даже вероятно, что в представление Раугхд о разговоре с глазу на глаз вписывалось присутствие слуг.

Раугхд вошла. Оглянулась по сторонам в поисках меня, поклонилась, глядя искоса, с улыбкой, как я выхожу из спальни.

— Капитан флота, — сказала она, — я надеялась, мы могли бы… поговорить.

— О чем, гражданин? — Я не предложила ей сесть.

Она заморгала, искренне удивившись, как мне показалось.

— Право же, капитан флота, я не скрывала своих желаний.

— Гражданин. Я в трауре. — У меня не было времени смыть белую полосу с лица на ночь. И она никак не могла забыть причину ее появления.

— Но ведь, конечно же, капитан флота, — ответила она снисходительно, — все это напоказ.

— Это всегда напоказ, гражданин. Вполне возможно предаваться горю без всяких внешних проявлений. А все эти атрибуты и ритуалы — для того, чтобы об этом узнали другие.

— Выполнение этих ритуалов почти всегда неискренне или по крайней мере чрезмерно, —

сказала Раугхд. Она совершенно не уловила сути того, о чем я говорила. — Но я имела в виду, что вы взвалили на себя все это только по политическим причинам. Тут нет места истинной печали, этого никто и не предполагал. Это нужно только на публике, а здесь, — она повела рукой, — определенно нет публики.

Я могла бы привести довод, что, если бы член ее семьи умер далеко от дома, ей бы хотелось знать, что кто-то позаботился о нем и провел похоронный ритуал для этого человека — даже если ритуал был чуждым, даже если тот, кто провел его, был чужим. Но, с учетом того, что за личность, очевидно, эта Раугхд, такой аргумент не имел бы для нее никакого значения, даже если бы она его поняла.

— Гражданин, я поражена, насколько вам недостает пристойности.

— Неужели вы можете винить меня, капитан флота, если мое желание подавляет мое чувство пристойности? А пристойность, как и траур, — это напоказ.

Я не испытывала никаких иллюзий в отношении моей физической привлекательности. Она вовсе не тянула на то, чтобы вызывать энтузиазм, подавляющий чувство пристойности. Моя

должность, с другой стороны, и имя моего клана вполне могли завораживать. И конечно же, гораздо сильнее они завораживали человека богатого и наделенного привилегиями, такого как Раугхд. Развлекательные постановки могли сколь угодно повествовать о том, как добродетельные и незнатные добиваются благосклонного внимания тех, кто над ними, к вящей выгоде как их собственной, так и их клана, но в обыденной жизни большинство людей прекрасно осознавали, что произойдет, если они станут намеренно изыскивать такие возможности.

Но такая особа, как Раугхд, — о, такая особа, как Раугхд, могла нацелиться на меня и притворяться при этом, что все дело в привлекательности, романтическом отношении или даже любви. И не важно, что в таком случае все, вовлеченные в эту историю, ни на мгновение не забудут о возможных преимуществах.

— Гражданин, — холодно изрекла я, — мне прекрасно известно, что именно вы написали те слова на стене в Подсадье. — Она посмотрела на меня с чертовски простодушным непониманием. Калр Пять застыла в углу комнаты, сохраняя бесстрастность вспомогательного компонента. — Непосредственным результатом этого поступка

стала смерть, которая, весьма вероятно, влечет за собой серьезную опасность для всей этой системы. Вы могли и не замышлять этой смерти, но вы достаточно хорошо представляли себе, что ваши действия повлекут за собой проблемы, и вас на самом деле совершенно не волновало, в чем это выразится или кому это причинит вред.

Она с раздражением выпрямилась.

— Капитан флота! Я не понимаю, зачем вам обвинять меня в таком поступке!

— Позвольте-ка, угадаю, — сказала я, не смутившись ее негодованием. — Вы разозлились на лейтенанта Тайзэрвэт за то, что она испортила вам веселуху с гражданином Пайэт. С которой, между прочим, вы обращаетесь отвратительно.

— Да ладно, — сказала она, несколько расслабившись, — если проблема в этом. Я знала Пайэт с тех пор, когда мы были детьми, и она всегда была… непредсказуемой. Чересчур обидчивой. Она остро ощущает свое несовершенство, знаете ли, потому что ее мать — администратор базы и к тому же так красива. А вот она со своей вполне приличной должностью не может не думать, что это полное фуфло в сравнении с тем, чем занимается ее мать. Она принимает все слишком всерьез, и я признаю, что иногда теряю из-за

этого терпение. — Она вздохнула, само воплощение сожаления, полного сочувствия, даже раскаяния. — Уже не впервые она обвиняет меня в дурном обращении, просто чтобы причинить мне страдание.

— «Ты иногда чертовски нелепа и скучна», — процитировала я. — Забавно, что в последний раз вы потеряли терпение с ней, когда все смеялись над ее шуткой и она находилась в центре внимания, а не вы.

— Я уверена, что Тайзэрвэт из лучших побуждений рассказала вам об этом, но она просто не поняла, что… — Ее голос сорвался, на лице появилось страдальческое выражение. — Она не могла… Ведь не могла же Пайэт обвинить меня в том, что я написала те слова на стене? Это было бы просто ужасно, а она-то сочла бы, что это забавно, пребывая очередной раз в дурном настроении.

— Она ни в чем вас не обвиняла, — сказала я по-прежнему холодно. — Факты говорят сами за себя.

Раугхд на мгновение замерла, даже перестала дышать. Затем она заявила почти так же холодно, как и я:

— Так вы приняли приглашение моей матери, чтобы просто заявиться сюда и наброситься на

меня? Понятно, что вы прибыли с некими тайными планами. Возникли из ниоткуда, предъявили какой-то нелепый приказ, запрещающий путешествия в шлюзах, чтобы чай не мог покинуть систему. Для меня это не что иное, как атака на мой клан, и я этого не потерплю! Я поговорю об этом со своей матерью!

— Сделайте это, — сказала я. По-прежнему спокойно. — Непременно объясните ей, как та краска попала на ваши перчатки. Но я не удивлюсь, если она уже знает об этом и пригласила меня сюда, вниз, в надежде уговорить, чтобы я не давала делу хода. — И я приняла приглашение, зная это. И я хотела знать, как тут, внизу. Что внушало Сирикс такую ярость.

Раугхд повернулась и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова.

На утреннем бледно-голубом, с серебряными прожилками погодной сетки небе то тут, то там виднелись клочья облаков. Солнце пока не поднялось над горой, поэтому дома, озеро, деревья все еще были в тени. Сирикс ожидала меня у воды.

— Благодарю вас за то, что разбудили звонком, капитан флота, — сказала она, иронично кивнув. — Уверена, что не хотела бы спать дольше обычного.

— Уже привыкли к разнице во времени? — На базе сейчас начало второй половины дня. — Мне сказали, что вдоль озера есть тропа.

— Не думаю, что смогу удержаться рядом, если вы побежите.

— Сегодня я хожу. — Я пошла бы шагом в любом случае, даже если бы не нужно было держаться рядом с Сирикс. Направилась в сторону прибрежной тропинки, не повернув головы, чтобы посмотреть, последовала ли она за мной, но слыша ее шаги за спиной, видя ее (и себя) глазами Калр Пять, наблюдавшей за нами из-за дерева.

На базе Атхоек лейтенант Тайзэрвэт в гостиной наших апартаментов в Подсадье беседовала с Баснаэйд Элминг, которая пришла туда менее пяти минут назад, когда я натягивала ботинки, собираясь покинуть комнату. У меня возникло непродолжительное искушение заставить Сирикс подождать, но в конце концов я решила, что сейчас уже смогу одновременно наблюдать и идти.

Я видела — чуть ли не ощущала сама — глубокое волнение, которое испытывала Тайзэрвэт в присутствии Баснаэйд.

— Садовод, — произнесла Тайзэрвэт. Она не так давно поднялась с постели. — Я к вашим услугам.

Но я должна сказать вам, что капитан флота приказала мне держаться от вас подальше.

Баснаэйд нахмурилась, явно озадаченная и напуганная.

— Почему?

Лейтенант Тайзэрвэт сделала судорожный вдох.

— Вы сказали, что больше никогда не хотите с ней говорить. Она не… она хотела удостовериться, что вы никогда не подумаете, что она… — Голос Тайзэрвэт замер; казалось, она не могла подобрать слов. — В память о вашей сестре она сделает все, что вы попросите.

— В этом отношении она несколько высокомерна, — ответила Баснаэйд довольно язвительно.

— Капитан флота, — обратилась Сирикс, шагая рядом со мной по тропинке вдоль озера. Я осознала, что она говорила со мной, а я не ответила.

— Простите меня, гражданин. — Совершив над собой усилие, я переключила внимание с Баснаэйд и Тайзэрвэт. — Я отвлеклась.

— Ясно. — Она обошла ветку, которая упала с одного из ближайших деревьев. — Я пыталась поблагодарить вас за то, что вчера проявили ко мне терпение. И за помощь со стороны Калр Восемь. — Она нахмурилась. — А вы не позволяете

им пользоваться своими именами?

— Они предпочитают, чтобы я не звала их по именам, по крайней мере мои Калр. — Движением руки я показала, что мне это не совсем ясно, обозначив свою неуверенность. — Она скажет, как ее зовут, если вы спросите. — Дом оказался точно позади нас, скрылся за поворотом тропы, за деревьями с широкими овальными листьями и маленькими волнами бахромчатых белых цветов. — Скажите мне, гражданин, а насколько серьезной проблемой для полевых работников в здешних горах является неудачный вывод из анабиоза? — Ссыльных перевозили в отсеках временной приостановки жизнедеятельности, которые в целом функционировали прекрасно, но иногда подводили, и находившиеся в них люди умирали или получали серьезные повреждения.

Сирикс на мгновение замерла на полушаге, а затем продолжила идти. Сказанное мною удивило ее, но в то же время по выражению ее лица мне показалось, что она что-то знает об этом.

— Не думаю, что когда-нибудь видела размороженного. Полагаю, в последнее время никого не размораживали. Но вальскаайцы, некоторые из них, считают, что когда медики размораживали людей, то не всем оставляли жизнь.

— Они говорят почему?

Сирикс показала, что не уверена.

— Не прямо. Они думают, что врачи так или иначе избавляются от всех, кого считают неподходящими, но никогда не говорят конкретно, что это значит; по крайней мере, я этого не слышала. И они не ходят к врачу. Что бы ни случилось. Даже если у них все кости переломаны, они предпочтут, чтобы друзья закрепили их палками и разодранным старьем.

— Прошлой ночью, — сказала я, чтобы пояснить, — я запросила данные о численности вальскаайцев, привезенных в эту систему.

— Только вальскаайцев? — спросила Сирикс, приподняв бровь. — Почему не самирендов?

Ага.

— Я что-то нащупала, не так ли?

— Я бы не подумала, что таким способом можно обнаружить что-то серьезное про вальскаайцев. Хотя до того, как я родилась, и прежде, чем аннексировали Вальскаай, что-то произошло. Около ста пятидесяти лет назад. Не знаю наверняка — сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме тех, кто на самом деле был вовлечен в эту историю, знал что-то достоверно. Но я могу передать вам слухи. Некто, отвечавший за ссыльных, приво-

зимых сюда, изымал часть из них и продавал работорговцам за пределами системы. Нет, — она экспрессивно взмахнула рукой, заметив мои сомнения, — я понимаю, что это звучит нелепо. Но до того как это место стало цивилизованным, — и здесь в ее голосе не прозвучало и намека на иронию, — долговые соглашения считались обычным делом и продажа должников была совершенно законна. Никого это особо не заботило, если кто-нибудь вдруг проявлял дурной вкус, продав несколько ксхаи. Совершенно естественным и скучным это считалось по отношению к ичана, сколько бы их ни продали.

— Верно. — Когда я ознакомилась со статистикой — сколько вальскаайцев перевезли сюда, сколько вывели из анабиоза и назначили на работы, сколько осталось, — и поскольку я только что увидела древний чайный сервиз и услышала от капитана Хетнис о том, как она продала его Фосиф, — я запросила исторические материалы о системе. — За исключением того, что работорговля за пределами системы потерпела крах вскоре после аннексии и больше не возобновлялась. — Отчасти, подумала я, потому что она была основана на дешевых поставках с Атхоека, которые прервала аннексия. И отчасти из-за

внутренних проблем родных систем работорговцев. — И это было — сколько — шестьсот лет назад? Наверняка такое не проходило все время незамеченным.

— Я лишь пересказываю вам, капитан флота, то, что слышала. Разница в цифрах прикрывалась — кое-как, должна я добавить, если эта история верна, — настораживающе высоким уровнем неудачных выводов из анабиоза. Почти все это были работники, назначенные на чайные плантации в горах. Когда о происходящем узнала губернатор системы — это было, конечно, до губернатора Джиарод, — она это прекратила, но также, предполагаю, и скрыла. В конце концов, врачи, подписывавшие те фальшивые рапорты, занимались этим по указанию некоторых из наиболее известных граждан Атхоека. Тех, у кого никогда не возникает проблем со службой безопасности. И если бы слух об этом когда-либо достиг дворца, лорд Радча наверняка заинтересовалась бы, почему губернатор ничего не замечала до сих пор. Потому в результате несколько высокопоставленных граждан всего лишь отправились на пенсию. Включая бабушку гражданина Фосиф, которая провела остаток жизни, молясь в монастыре на другом конце этого

континента.

Вот почему эта беседа протекала за пределами дома. На всякий случай.

— Фальсифицированных данных о неудачных случаях вывода из анабиоза оказалось бы недостаточно, чтобы прикрыть нарушения. Должно было найтись еще что-то. — Этой истории не было в той информации, которую я получила, когда запросила исторические данные. Но Сирикс сказала, что дело замяли. В таком случае оно не попало в официальные источники.

Сирикс минуту молчала, размышляя.

— Вполне может быть, капитан флота. Это всегда были только слухи.

— …очень прочувствованные стихи, — говорила Баснаэйд в моей гостиной в Подсадье. — Я рада, что никто здесь их не читал. — Она и Тайзэрвэт сейчас пили чай.

— А вы посылали что-нибудь из своих стихов сестре, гражданин? — спросила Тайзэрвэт.

Баснаэйд хрипло хихикнула.

— Почти все. Она всегда говорила, что они чудесны. Либо она была слишком добра, либо у нее был ужасный вкус.

Ее слова отчего-то обеспокоили Тайзэрвэт, пробудили неодолимое чувство стыда и нена-

висть к самой себе. Но конечно, едва ли сейчас найдется такой высокообразованный радчааи, кто не написал бы в юности добрую порцию стихов, и я вполне могла себе представить качество продукции, сотворенной юной Тайзэрвэт. И она гордилась ею. А потом увидела стихи глазами Анаандер Мианнаи, трехтысячелетнего лорда Радча. Я сомневаюсь, что оценка была любезной. А если она больше не Анаандер Мианнаи, кем могла она стать, как не некоей вновь сформированной версией Тайзэрвэт, со всеми плохими стишками и подразумеваемым легкомыслием? Как сможет она видеть это в себе, не вспоминая об испепеляющем презрении лорда Радча?

— Если вы посылали свои стихи лейтенанту Оун, — сказала Тайзэрвэт с острым приступом сочувствия, смешанного с ненавистью к самой себе, — тогда капитан флота Брэк видела их.

Баснаэйд моргнула и начала было хмуриться, но перестала. Возможно, она помрачнела, подумав о том, что я читала ее стихи, или из-за напряженности лейтенанта Тайзэрвэт, ее голоса, тогда как раньше она была спокойной и улыбалась.

— Я рада, что она не швырнула их мне в лицо.

— Она бы никогда этого не сделала, — заметила

Тайзэрвэт — по-прежнему с нажимом.

— Лейтенант, — Баснаэйд поставила свою чашку с чаем на импровизированный столик рядом со своим стулом, — я действительно имела в виду то, что тогда сказала. И меня бы здесь не было, если б не важность дела. Говорят, Подсадье ремонтируют по инициативе капитана флота.

— Д… — Тайзэрвэт передумала отвечать простым «да», которое чуть не сорвалось с ее губ, поскольку это было бы не вполне разумно. — Все это осуществляется по приказу администратора базы Селар, садовод, но капитан флота приложила к этому руку.

Баснаэйд небрежно кивнула в знак подтверждения.

— Озеро в Садах над нами — база не видит опор, которые удерживают эту воду и не дают ей затопить Подсадье. Предполагаются регулярные проверки, но я не думаю, что это делают. И я ничего не могу сказать главному садоводу. Проверками должна заниматься ее родственница, и, когда я упомянула об этом в последний раз, поднялась страшная шумиха: занимайся, дескать, своим делом, да как ты смеешь клеветать. — И вероятно, если бы она перепрыгнула через голову главного садовода и отправилась напрямую к

администратору базы Селар, то нажила бы себе неприятностей. Это могло того стоить, если бы администратор базы прислушалась, но гарантий не было.

— Садовод! — воскликнула Тайзэрвэт, которой не без труда удалось не выдать радостным воплем своего сильного желания помочь. — Я об этом позабочусь! Тут не хватает всего лишь некоторой дипломатии.

Баснаэйд моргнула, несколько удивившись.

— Я не хочу… пожалуйста, поймите, я действительно не хочу упрашивать капитана флота об услугах. Я бы не пришла сюда, если б это не было столь опасным. Если те опоры не выдержат…

— Капитан флота Брэк вообще не будет вовлечена в это, — заявила Тайзэрвэт торжественно, испытывая тайный восторг. — Вы упоминали об этом гражданину Пайэт?

— Она была там, когда я подняла этот вопрос в первый раз. Ничего хорошего тогда не вышло. Лейтенант, я знаю, что вы и Пайэт подружились за последние несколько дней. И я не хотела бы ее критиковать… — Она умолкла, подбирая слова, чтобы сказать то, что хотела.

— Но, — вставила Тайзэрвэт в установившейся тишине, — в общем, она, кажется, не слишком

беспокоится о своей работе. Половину времени здесь болтается Раугхд, отвлекая ее, а в другую половину она хандрит. Но Раугхд — внизу последние четыре или пять дней, и, поскольку капитану флота Брэк есть что сказать по этому поводу, она сюда в обозримом будущем не вернется. Я думаю, вы скоро увидите, что Пайэт изменится. Я думаю, — продолжала она, — ее заставляли ощущать, что она ни на что не годится. Что ее собственное суждение не заслуживает доверия. Я полагаю, что она могла бы пользоваться на работе вашей поддержкой.

Баснаэйд склонила набок голову и чуть больше насупилась, вглядываясь в Тайзэрвэт, словно увидела в ней нечто совершенно, поразительно неожиданное.

— Лейтенант, *сколько* вам лет?

Тайзэрвэт внезапно смутилась. Вина, ненависть к самой себе, трепет от… чего-то вроде ликования или удовлетворения.

— Садовод, мне семнадцать. — Ложь, которая не была в полном смысле слова ложью.

— Сейчас мне показалось, что вам — не семнадцать, — заметила Баснаэйд. — Капитан флота Брэк привезла вас сюда, чтобы вы выявили недостатки дочерей наиболее известных граждан

базы?

— Нет, — сказала Тайзэрвэт, заметно погрустнев. Втайне испытывая отчаяние. — Думаю, она привезла меня сюда потому, что думала, я вляпаюсь в неприятности, если она не будет за мной присматривать.

— Если бы вы сказали мне об этом пять минут назад, — призналась Баснаэйд, — я бы вам не поверила.

Внизу, на тропинке, ведущей сквозь лес у озера, небо посветлело до яркой лазури. На востоке оно стало совсем ярким, превратив гору, закрывающую солнце, в зубчатый черный силуэт. Сирикс шла рядом, храня молчание. Терпеливо. Хотя не произвела на меня впечатление терпеливого человека, если забыть про особенность ее положения. Ведь она не могла выразить свою ярость, не испытывая значительного неудобства, вероятно отчасти физического. Так что почти наверняка это притворство.

— С вами рядом — как на хорошем концерте, — сказала она с легкой насмешкой, подтвердив мои подозрения. — А песни, которые вы всегда мурлычете, имеют какое-то отношение к тому, над чем вы размышляете, или это просто наобум?

— Зависит от обстоятельств. — Я напевала

под нос песенку, которую Калр пела накануне, в медсанчасти. — Иногда это просто недавно услышанная песня. Это старая привычка. Извиняюсь за то, что вас раздражаю.

— Я не сказала, что меня это раздражает. Хотя я бы не подумала, что родственниц лорда Радча сильно беспокоит, раздражают ли они кого-нибудь своим поведением.

— А я не сказала, что перестану, — отозвалась я. — Как вы думаете, лорд Радча подозревала о том, что здесь продавали ссыльных?

— Если бы она узнала, — заявила Сирикс, — если бы она действительно поняла, что происходит, это было бы как на Айми. — Где администрация системы полностью разложилась, убивала и продавала граждан, чуть не начала войну с пришельцами Рррррр, пока все это не было представлено вниманию Анаандер Мианнаи. Или по крайней мере вниманию правильной части Анаандер Мианнаи. Но Сирикс не знала той части истории. — Новости распространились бы повсюду, и все вовлеченные были бы призваны к ответственности.

Интересно, когда Анаандер Мианнаи стало известно об этом, о людях, потенциальных гражданах, которых продавали здесь ради прибыли?

Меня вовсе не удивило бы открытие, что часть Анаандер знала или что часть ее продолжала это или вновь запустила втайне от остальной части себя. Тогда возникал вопрос: которая Анаандер это была и какую пользу из этого извлекала? Я не могла не подумать об Анаандер, лишавшей корабли их вспомогательных компонентов. Такие суда, как «Милосердие Калра», десантные корабли вроде «Справедливости Энте», где служила Скаайат Оэр. На людей-солдат нельзя было положиться в борьбе за ту сторону, которая хотела их заменить. Вспомогательные компоненты, с другой стороны, это всего лишь продолжение своего корабля, и они делают в точности то, что он им прикажет. Анаандер, которая возражала против ликвидации вооруженных сил Радча, вполне могла находить те тела полезными.

— Вы не согласны, — произнесла Сирикс во время моего молчания. — Но разве справедливость не является истинной причиной цивилизации? — И правильность, и польза. — Так что если здесь творится несправедливость, то лишь потому, что лорд Радча недостаточно осведомлена.

— А вы можете представить себе радчааи, который при нормальном ходе событий занимается порабощением должников или их продажей, как

это делали ксхаи?

Позади нас, в доме, где мы остановились, капитан Хетнис, вероятно, завтракала, и ей прислуживало человеческое тело, порабощенное боевым кораблем «Меч Атагариса». Одно из дюжин таких же, как это. Я сама была одной из тысяч таких, прежде чем остальные части меня уничтожили. Сирикс этого не знала, но ей наверняка известно о существовании других, по-прежнему существующих десантных кораблей, которые все так же управляются вспомогательными компонентами. А за гребнем горы дюжины вальскаайцев. Они либо их родители или бабушки привозились сюда всего лишь для того, чтобы расчистить планету для оккупации радчааи и обеспечить здесь дешевую рабочую силу. Сирикс сама происходила из ссыльных.

— Вспомогательные компоненты и ссыльные — это, разумеется, совершенно разные явления, — сказала я сухо.

— Что ж, мой лорд это остановила, не так ли? — спросила она. Я ничего не ответила. Она продолжила: — Итак, процент неудач при выводе ссыльных вальскаайцев из анабиоза кажется вам высоким?

— Да. — Я хранила тысячи тел, которыми неко-

гда обладала, в отсеках временной приостановки. У меня продолжительный, громадный опыт по части неудачных выводов из этого состояния. — А теперь мне любопытно, прекратился ли вывоз ссыльных сто пятьдесят лет назад, или это только так казалось.

— Хотелось бы, чтобы мой лорд приехала вместе с вами, — сказала Сирикс, — чтобы увидеть это своими глазами.

Над нами, в Подсадье, Бо Девять вошла в комнату, где Тайзэрвэт и Баснаэйд пили чай.

— Сэр, — сказала Бо, — возникли затруднения.

Тайзэрвэт прищурилась. Проглотила чай. Кивнула Бо, чтобы та объяснила, в чем дело.

— Сэр, я поднялась на уровень один, чтобы взять ваш зав… ваш обед, сэр. — Я оставила указания покупать еду (и другие припасы), насколько возможно, в самом Подсадье. — Вокруг чайной сейчас полным-полно людей. Они… они злятся, сэр, по поводу ремонтных работ, которые приказала провести капитан флота.

— Злятся! — Тайзэрвэт была поражена. — Оттого что у них будет вода и свет? И *воздух*?

— Не знаю, сэр. Но к чайной приходят все больше и больше людей, и никто не уходит. И слышать об этом не хотят.

Тайзэрвэт уставилась на Бо Девять.

— Но, казалось, они должны быть *благодарны!*

— Не знаю, сэр. — Хотя из того, что показал мне корабль, было ясно, что она согласна со своим лейтенантом.

Тайзэрвэт посмотрела на Баснаэйд, которая по-прежнему сидела напротив нее. Лейтенанта внезапно поразила какая-то мысль, наполнившая ее досадой.

— Нет, — произнесла она, хотя мне осталось неясным, в ответ на что. — Нет. — Она снова подняла взгляд на Бо Девять. — А что бы сделала капитан флота?

— Что-то такое, что сделала бы только капитан флота, — ответила Бо. И затем, вспомнив о присутствии Баснаэйд, добавила: — Прошу вашего снисхождения, сэр.

«Корабль, — безмолвно обратилась Тайзэрвэт, — может ли капитан флота помочь мне?»

— Капитан флота Брэк в трауре, лейтенант, — пришел ответ в ее ухо. — Я могу передать послания соболезнования или приветствие. Но с ее стороны было бы весьма неправильно погружаться в это прямо сейчас.

Внизу Сирикс говорила:

— Тут все слишком вовлечены в происходящее.

Лорд Радча выше всего этого, но не может находиться здесь сама. Однако вы облечены властью от ее имени, не так ли?

В Подсадье лейтенант Тайзэрвэт сказала:

— Что показало сегодня утреннее метание знаков в храме?

— Не бывает побед без потерь, — ответила Бо Девять. Конечно, строфы предсказания были сложнее, но суть их такова.

Внизу, под деревьями у озера, Сирикс продолжала:

— Знаете, Эмер сказала, что вы были тогда как лед. — Речь шла о женщине — владелице чайной в Подсадье. — Того переводчика убили прямо перед вами, он умирал у вас на руках, повсюду кровь, а вы собраны и бесстрастны, и ни в голосе, ни на лице ничего не отражается. Она сказала, что вы развернулись и попросили у нее чаю.

— Я еще не завтракала.

У Сирикс вырвался резкий смешок.

— Она сказала, что подумала: чашка сейчас просто замерзнет, когда вы к ней прикоснулись. — Тут она заметила: — Вы снова отвлеклись.

— Да. — Я остановилась.

В Подсадье Тайзэрвэт пришла к какому-то заключению. Она говорила Бо:

— Сопроводи садовода Баснаэйд в Сады.

Внизу, у озера, я сказала Сирикс:

— Я прошу прощения, гражданин. Мне надо о многом подумать прямо сейчас.

— Несомненно.

Мы прошли около тридцати метров в тишине (Тайзэрвэт вышла из наших комнат в Подсадье и направилась по коридору), а затем Сирикс сказала:

— Говорят, дочь семейства в гневе покинула дом и не вернулась.

— Так Восемь сообщает вам домашние сплетни, — ответила я, в то время как в Подсадье Тайзэрвэт начала подниматься на уровень один. — Должно быть, вы ей нравитесь. Она сказала, почему Раугхд ушла?

Сирикс скептически приподняла бровь.

— Нет. Но любой, у кого есть глаза, может догадаться. Любой, обладающий хоть крупицей здравого смысла, понял бы с самого начала, что она сваляла дурака, положив на вас глаз.

— Думаю, вам не нравится Раугхд.

Сирикс резко выдохнула. Усмехнулась.

— Она постоянно болтается по кабинетам в Садах. Ее любимое занятие — выбрать кого-нибудь, чтобы высмеять, и заставить всех остальных

хохотать. В половине случаев это помощник директора Пайэт. Но это нормально, видите ли, поскольку она просто шутит! То, что меня арестовали за сделанное ею, — это на самом деле просто небольшой довесок.

— Вы поняли, да? — Наверху, в Подсадье, Бо Девять помогла Баснаэйд перебраться через фрагменты грузового контейнера, которые удерживали дверь секции уровня четыре открытой. Тайзэрвэт взбиралась к уровню один.

У озера Сирикс смерила меня взглядом, в котором читалось явное презрение: как же она могла не знать о причастности Раугхд!

— Возможно, она улетела в город. Или отправилась в дом полевых работников, чтобы поднять с постели кого-нибудь из бедных вальскаайцев — развлечь ее.

Меня не покидала мысль о том, что, столь хладнокровно отвергнув Раугхд, я могла подтолкнуть ее к кому-то еще.

— Развлечь ее как?

Еще один красноречивый взгляд.

— Сомневаюсь, что вы могли бы что-нибудь сделать по этому поводу сейчас. Любой, кого спросите, поклянется, что более чем счастлив доставить удовольствие дочери семейства так, как

ей нравится. А как они могут поступать иначе?

И вероятно, если бы она приехала сюда без меня, то прямиком направилась бы туда, к наиболее доступному источнику развлечений и удовольствия. Вне всяких сомнений, именно таких развлечений, которые были здесь вполне обычными в семействах чайных плантаторов. Я могла бы найти способ убрать Раугхд куда-нибудь еще или помешать ей делать то, чем она занималась, но то же самое, вероятно, происходило в дюжинах других мест, с другими людьми.

Наверху, на площади перед чайной на уровне один, Тайзэрвэт влезла на скамью. Несколько человек возле чайной заметили ее появление и отошли, но большинство были сосредоточены на чьей-то речи в чайной. Она сделала глубокий вдох. Полная решимости. Уверенная. То, что она для себя решила, принесло ей облегчение, наполнило желанием и предвкушением, но что-то в этом меня беспокоило.

— Корабль, — обратилась я безмолвно, шагая рядом с Сирикс.

— Я вижу это, капитан флота, — ответил «Милосердие Калра». — Но я думаю, с ней все в порядке.

— Сообщи об этом доктору, пожалуйста.

Стоя на скамье, Тайзэрвэт воззвала:

— Граждане! — Вышло не очень, и она попыталась еще раз, возвысив голос: — Граждане! В чем проблема?

Воцарилась тишина. И затем кто-то возле чайной сказал что-то на расваре — явное ругательство, как я заподозрила.

— Это всего лишь я, — продолжила Тайзэрвэт. — Я услышала, что возникла какая-то проблема.

Толпа в чайной раздалась, и кто-то вышел оттуда, приблизившись к тому месту, где стояла Тайзэрвэт.

— Где же твои солдаты, радчааи?

Тайзэрвэт была весьма уверена в себе, направляясь сюда, но теперь внезапно испугалась.

— Дома, моют посуду, гражданин, — ответила она, сумев скрыть свой страх, не дать ему проявиться в голосе. — Выполняют поручения. Я только хочу поговорить. Хочу лишь узнать, в чем проблема.

Особа, которая вышла из чайной, хохотнула, коротко и горько. Из длительного опыта противостояний подобного рода я знала, что ей, вероятно, страшно самой.

— У нас тут все было в порядке, все это время. А теперь неожиданно вы нами озаботились. —

Тайзэрвэт ничего не сказала, удержалась от того, чтобы нахмуриться. Она не понимала, в чем дело. Особа, стоящая перед ней, продолжила: — Теперь, когда богатому капитану флота понадобились комнаты, вам внезапно стало не все равно, как обстоят дела в Подсадье. И мы лишены всякой возможности обратиться во дворец. И куда же мы пойдем, когда вы нас вышвырнете отсюда? Ксхаи не станут жить рядом с нами. Почему, вы думаете, мы здесь? — Она остановилась, ожидая, что скажет Тайзэрвэт. Лейтенант, сбитая с толку, озадаченная, хранила молчание, и та продолжила: — Вы ожидали, что мы будем благодарны? Это не про нас. Вы даже минуты не потратили, чтобы спросить, чего хотим *мы.* Так что же вы планировали с нами сделать? Перевоспитать нас всех? Поубивать? Превратить во вспомогательные компоненты?

— Нет! — воскликнула Тайзэрвэт, испытывая негодование, а также стыд, поскольку знала, так же как и я, что были времена и места, где такие опасения имели под собой все основания. А судя по тому, что мы увидели, приехав сюда, — маляра и «Меч Атагариса», — было очень похоже, что это одно из тех самых времен и мест. — Согласно плану, существующая схема размещения

будет подтверждена. — Несколько человек усмехнулись. — И вы правы, — продолжила Тайзэрвэт, — администрации базы следует прислушаться к тому, что вас тревожит. Мы можем поговорить об этом прямо сейчас, если хотите. А затем вы, — она указала на особу, стоящую перед ней, — и я доведем эти проблемы непосредственно до администратора базы Селар. На самом деле стоит открыть приемную на уровне четыре, куда любой мог бы прийти и поговорить о проблемах с ремонтом или о том, чего вы хотите. А мы гарантировали бы, что это дойдет до администрации.

— На уровне четыре? — воскликнул кто-то. — Не все из нас в состоянии ходить вверх и вниз по этим лестницам!

— Не думаю, что есть комната на уровне один, гражданин, — сказала Тайзэрвэт. — Разве что прямо здесь, но это было бы очень неудобно для клиентов гражданина Эмер или для любого, кто здесь проходит. — Что включало почти всех в Подсадье. — Поэтому, может быть, когда этот добрый гражданин и я, — она указала на особу перед собой, — посетим сегодня администрацию, мы дадим им знать, что ремонт лифтов должен стать приоритетом.

Тишина. Люди стали подходить медленно,

осторожно из чайной на крошечную импровизированную площадь. Одна из них сказала:

— Обычно мы делаем это так, лейтенант: все садятся, а тот, кто говорит, встает. — В ее голосе слышался скрытый вызов. — Мы оставляем скамью для тех, кто не может сидеть на земле.

Тайзэрвэт опустила взгляд на скамью, на которой стояла. Окинула взором людей перед собой — добрых пятьдесят-шестьдесят человек, к которым добавлялись выходящие из чайной.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда я спущусь.

Когда Сирикс и я вернулись в дом, послание капитана флота Уэми достигло «Милосердия Калра». На вахте стояла врач.

— Со всем уважением к капитану флота Брэк, — прозвучали слова в ухе доктора. — Она желает получить некую информацию из первых рук или сведения личного характера? Заверяю вас, что я — единственная с «Меча Инила», кто провел на Омо более нескольких минут.

Врач, в отличие от Сеиварден или Экалу, понимала смысл вопросов, которые я задавала капитану флота Уэми. И поэтому она испытывала скорее ужас, нежели удивление, когда озвучила ответ, который я оставила на случай, если на мои вопросы придут именно такие ответы.

— Капитан флота Брэк просит великодушного снисхождения у капитана флота Уэми и хотела бы знать, не чувствует ли капитан флота Уэми в последнее время, что она сама не своя?

На это я не ожидала ответа и так и не получила его.

Глава 15

Слуги Фосиф довольно свободно говорили в присутствии моих молчаливых и не проявляющих чувств солдат Калр. Раугхд на самом деле не отправилась немедленно к своей матери, как угрожала, но велела слуге сложить ее вещи и отвезти к подъемнику, который доставит ее к челноку, летящему на базу Атхоек.

Большинству слуг я не нравилась, и они так и говорили об этом вне дома, где Пять и Восемь бывали с различными поручениями. Я — надменна и холодна. Мурлыкание кого угодно доведет до помрачения рассудка, и мне повезло, что моя личная обслуга — вспомогательные компоненты (отчего Пять и Восемь всегда испытывали легкий трепет удовлетворения), которые не обращают на такое внимания. То, что я привезла сюда Сирикс Оделу, — не что иное, как намеренное оскорбление: они-то знали, кто она такая, знали ее историю. И я была жестокосердна с дочерью семейства. Никто из них не знал, что произошло, но в общих чертах представление имели.

Некоторые из слуг умолкали, слыша такие

мнения, их лица обращались в маски, и лишь подергивание брови или складка в уголке рта выдавали то, что им хотелось бы сказать. Наиболее откровенные указывали (потихоньку) на то, что Раугхд сама не раз проявляла жестокость, у нее случались приступы бешенства, когда она не получала того, чего хотела.

«В этом — совсем как ее мать», — пробормотала одна из инакомыслящих, когда это могла слышать только Калр Пять.

— Нянька ушла, когда Раугхд исполнилось всего лишь три года, — сказала Калр Пять Калр Восемь, когда я была на очередной прогулке, а Сирикс еще спала. — Не могла больше выносить ее мать.

— А где находились остальные родители? — спросила Восемь.

— О, эта мать не стала бы связываться с другими. Как и они с *ней.* Дочь семейства — клон. Она задумана как *точная копия* своей матери. И слышит об этом всякий раз, полагаю, когда проявляет себя по-другому. Вот почему им так жаль ее, некоторым из них.

— Эта мать не слишком-то любит детей, так ведь? — сказала Восемь, которая заметила, что детей домочадцев держали подальше от Фосиф

и ее гостей.

— Честно говоря, *я* не очень люблю детей, — ответила Пять. — Впрочем, нет. Дети — они ведь разные, правда? И я думаю, что если бы знала побольше малышей, то какие-то мне понравились бы, а какие-то — нет. Но я рада, что никто не хочет от меня детей, и я на самом деле не знаю, что с ними делать, если ты понимаешь, о чем я. Тем не менее *так* я поступать не стану.

Через два дня после своего отъезда Раугхд вернулась. Когда она появилась возле подъемника, ее туда не пустили. Она настаивала, что всегда имела разрешение летать на базу, но напрасно. Ее не было в списке, у нее не имелось разрешения, и ее обращения к администратору базы Селар остались без ответа. Гражданин Пайэт также не отвечала. Появились сотрудники службы безопасности и с крайней учтивостью и почтением предложили Раугхд вернуться в дом у озера.

Как ни удивительно, именно это она и сделала. Я предполагала, что она останется в городе возле подъемника, где наверняка нашла бы компанию для тех игр, что ей нравились, но вместо этого Раугхд вернулась в горы.

Она прибыла среди ночи. Перед завтраком, когда информация о ее бесплодной попытке по-

кинуть планету еще не дошла до слуг вне кухни главного здания, Раугхд велела своей личной прислуге отправиться к Фосиф, как только та проснется, и потребовать встречи. Большинство слуг на кухне не очень жаловали личную служанку Раугхд — слишком уж большое удовольствие, по их мнению, приносило ей положение персональной прислуги дочери семейства. Тем не менее (как сказала одна помощница повара другой при Калр Пять) худшие враги не пожелали бы ей оказаться перед Фосиф Денчи с таким посланием.

Состоявшаяся в результате встреча прошла с глазу на глаз. Что в этом семействе означало: слышать это могли лишь трое-четверо слуг. Или, когда Фосиф кричала, — полдюжины. А она кричала. Эта ситуация целиком и полностью — дело рук Раугхд. Попытавшись исправить положение, она только ухудшила его, вознамерившись сделать меня союзником, но из-за своей неумелости превратив во врага. Неудивительно, что я категорически отвергла Раугхд, столь неполноценную и никчемную. Фосиф было стыдно признать, что они вообще состоят в каких-то родственных отношениях. Также Раугхд явно плохо обошлась с администратором базы Селар. Сама Фосиф ни-

когда не сделала бы таких ошибок, и, очевидно, процесс клонирования прошел с какими-то нарушениями, потому что никто с ДНК Фосиф просто не мог оказаться таким бесполезным расточителем пищи и воздуха. Одно лишь слово, один *вздох* Раугхд в знак протеста против этих очевидных истин — и ее вышвырнут из дома. Еще есть время вырастить новую, лучшую наследницу. Услышав это, Раугхд не стала возражать и молча вернулась в свою комнату.

Перед обедом, когда я выходила из своей комнаты в нашем, меньшем, доме, личная прислуга Раугхд вошла в главную кухню и встала в самом центре, храня молчание, она дрожала, ее взгляд устремился куда-то ввысь и вдаль. Калр Восемь находилась там в поисках чего-то для Сирикс. Сначала никто не заметил служанку, все были заняты последними приготовлениями к обеду, но через несколько мгновений одна из помощниц повара подняла взгляд, увидела трясущуюся прислугу и сделала судорожный вдох.

— Мед! — крикнула помощница повара. — Где мед?

Все подняли головы. Увидели служанку, которую трясло крупной дрожью, она стала разевать рот и вновь закрывать его, снова и снова, словно

собиралась заговорить или словно ее вот-вот вырвет.

— Слишком поздно! — заявил кто-то другой, а вторая помощница повара с тревогой в голосе сказала:

— Я использовала весь мед для пирожных на сегодня!

— Вот *дерьмо!* — воскликнула служанка, которая только что вошла в кухню с грязными чайными чашками, и я поняла по тому, что никто ее не одернул: дело серьезное.

Кто-то приволок кресло, и трое слуг подхватили служанку Раугхд, по-прежнему трясущуюся, открывающую и закрывающую рот, и усадили в него. Первая помощница повара вбежала с пирожным, пропитанным медом, оторвала от него кусок и вставила в широко открытый рот служанки. Он выпал на пол под всеобщие крики смятения. Было похоже, что прислугу Раугхд вот-вот вырвет, но вместо этого она издала длинный, низкий стон.

— О, сделайте же что-нибудь! Сделайте что-нибудь! — упрашивала служанка с грязными чашками. Об обеде совершенно забыли.

К этой минуте я стала понимать, что происходит. Я уже видела раньше нечто похожее, хотя

реагировали на это по-другому.

— С вами все в порядке, капитан флота? — спросила Сирикс в другом доме, в коридоре перед нашими комнатами. Должно быть, она вышла, когда я была поглощена происходящим в кухне главного здания.

Я сморгнула картинку, увидела Сирикс и ответила:

— Я и не знала, что самиренды практикуют наведение порчи.

Сирикс даже не пыталась скрыть отвращение, которое охватило ее при этих словах. Но потом она отвернула лицо, словно ей стыдно было встретить мой взгляд, и раздраженно хмыкнула:

— Что вы должны думать о нас, капитан флота?

«О нас»?. Конечно. Сирикс — самиренд.

— Такое делают, — продолжила она, — когда чувствуют, что ими пренебрегают или их отстраняют. Все спешат дать им сласти и сказать что-то хорошее.

Однако непохоже, что служанка делает что-то, — скорее, нечто с ней происходит. И я не заметила, чтобы кто-нибудь говорил ей что-то доброе. Но я отвлеклась было от кухни, а теперь увидела, что одна из надсмотрщиц — та,

что встречала нас в день прибытия и, казалось, совершенно не принимала во внимание, что полевые работники могут говорить на радчааи и понимать его, — опустилась на колени рядом с креслом, в котором сидела, все так же содрогаясь и стеная, служанка Раугхд.

— Надо было позвать меня раньше! — резко сказала надсмотрщица, а кто-то еще заметил:

— Да мы только что ее увидели!

— Все это — чтобы остановить говорящий дух, — сказала Сирикс, по-прежнему стоя рядом со мной в коридоре, все так же испытывая отвращение и, теперь я была в этом уверена, стыд. — Если он заговорит, то, вероятно, кого-нибудь проклянет. Люди пойдут на все, чтобы остановить его. Одна вздорная особа может таким образом днями напролет держать в заложниках целое семейство.

Я не верила, что духи или боги овладевают кем бы то ни было, но сомневалась, что служанка сделала это осознанно или без истинной необходимости в том, что могли дать ей ответные действия других слуг. И она, в конце концов, постоянно находилась в подчинении у Раугхд Денчи, почти без всякой передышки.

— Сласти? — спросила я Сирикс. — А не только

мед?

Сирикс моргнула раз, другой. Ею овладело спокойствие, которое я уже видела прежде, когда она злилась или обижалась. Словно мой вопрос был личным оскорблением.

— Не думаю, что меня интересует обед, — заявила она холодно, развернулась и ушла в свою комнату.

В главной кухне шеф-повар, которая явно испытывала облегчение от появления надсмотрщицы, твердо взялась за напуганных, глазеющих слуг, и увещеваниями и уговорами ей удалось добиться, чтобы они закончили работу. Тем временем надсмотрщица клала кусочки медового пирога в рот служанки. Один за другим они выпадали ей на колени, но надсмотрщица упрямо возвращала их обратно. Занимаясь этим, она произносила нараспев слова на лиосте, судя по их звучанию. Исходя из ситуации, это, видимо, была молитва.

В конце концов стенания и дрожь служанки прекратились, и то проклятие, что она могла изречь, осталось невысказанным. На остаток дня она сослалась на изнеможение, что, казалось, никто — ни слуги, ни семейство — не подверг сомнению, по крайней мере не при Калр Восемь. На следующее утро она была на своем посту, и все

слуги после этого стали к ней заметно добрее.

Раугхд меня избегала. Я видела ее редко, во второй половине дня или ранним вечером, когда она шла в баню. Если наши пути пересекались, она намеренно не заговаривала со мной. Большую часть времени Раугхд проводила либо в близлежащем городке, либо, что более тревожило, за гребнем горы в доме полевых работников.

Я подумывала над тем, чтобы уехать, но нам предстояла еще целая неделя полного траура. Такое нарушение показалось бы предвещающим беду, должное исполнение похоронных ритуалов было бы дискредитировано. Возможно, Пресгер или их переводчики этого не поймут или не обратят внимания. Тем не менее я дважды видела, как Пресгер недооценивали, и последствия были катастрофическими: однажды — губернатор Джиарод и капитан Хетнис, в другой раз — сама Анаандер Мианнаи, когда подумала, что обладает достаточным могуществом, чтобы их уничтожить. А они вложили те невидимые всепробивающие пистолеты в руки гарседдиан, которых лорд Радча столь легко, по ее мнению, завоевала. Пресгер сделали это не для того, чтобы спасти гарседдиан, в конечном счете уничтоженных полностью, до единого. Спалили дотла

все планеты и базы в их системе без всяких действий или протестов со стороны Прессер. Нет, они сделали это — я совершенно уверена — в качестве послания Анаандер Мианнаи: *«Даже не думай об этом».* Я бы ни в коем случае не стала их недооценивать.

Фосиф по-прежнему навещала нас ежедневно в нашем домике и обращалась со мной в своей обычной манере: жизнерадостно и словно забыв обо всем, чего не стоило помнить. Я стала воспринимать ее странно безмятежное поведение и как признак того, насколько она уверена, что получит желаемое, и также как инструмент, посредством которого ей удается этого добиться: просто настойчиво талдычить о том, чего она хочет, в ожидании того, что в конце концов так и будет. Этот способ, как я обнаружила, действовал наилучшим образом для тех, кто уже занимал положение, позволяющее по большей части получать желаемое. Очевидно, Фосиф нашла, что для нее это работало.

Наверху, на базе Атхоек, даже при нажиме со стороны лейтенанта Тайзэрвэт и участии администратора базы Селар, тщательная проверка опорных стоек Садов могла произойти не раньше

чем через неделю.

— Честно говоря, — объясняла лейтенант Тайзэрвэт садоводу Баснаэйд однажды днем в моей гостиной на базе, — так много всего нуждается в срочном внимании, что это постоянно откладывается. — Я видела ее решимость, ее непрекращающееся возбуждение от того, что она может помочь Баснаэйд. Но также и скрытое под ними ощущение несчастья. — Я уверена, что, будь капитан флота здесь, она бы нашла способ… чтобы это произошло.

— Я поражена уже тем, что это вообще представляется вероятным, — заметила Баснаэйд с улыбкой, от которой Тайзэрвэт на минуту накрыло волной неописуемой удовлетворенности собой.

Восстановив самообладание, Тайзэрвэт сказала:

— В этом нет ничего срочного, но я подумала, не предоставит ли служба садоводства какие-нибудь растения для здешних площадей общественного пользования?

— От этого ведь только улучшилось бы качество воздуха! — рассмеялась Баснаэйд. — Хотя, возможно, здесь недостаточно света. — А затем, по-прежнему с улыбкой, добавила: — Быть мо-

жет, стоило бы выставить часть грибов.

— Грибов! — разочарованно воскликнула Тайзэрвэт. — Никто не признается мне, что их выращивает. Не пойму, чего они опасаются. Иногда я думаю, что здесь все, должно быть, выращивают их в коробках под кроватями или еще где и именно потому так тревожатся, чтобы администрация базы не заглянула в их жилища.

— Они ведь зарабатывают на этих грибах, так? А если главный садовод до них дотянется, то, знаешь ли, найдет способ выращивать их в Садах и взимать за это безумную плату.

— Но ведь они могли бы по-прежнему продолжать выращивать их здесь, — заявила Тайзэрвэт, — и по-прежнему продавать самостоятельно. Поэтому не знаю, в чем тут проблема. — Махнув рукой, она словно отбросила свое раздражение. — Кстати, о грибах. Может, послать Девять за какой-нибудь едой?

На «Милосердии Калра» Сеиварден сидела в кают-компании с лейтенантом подразделения Амаат «Меча Атагариса». Та принесла бутылку араки.

— Очень любезно, — сказала Сеиварден с едва уловимой снисходительностью. Другой лейтенант, похоже, этого не заметила. — Прошу

прощения, но я не буду. Я дал клятву. — Так поступали, принося покаяние или занимаясь время от времени духовной практикой. Она протянула бутылку Амаат Три, которая взяла и поставила ее на стойку кают-компании, а затем встала рядом со вспомогательным компонентом «Меча Атагариса», сопровождавшей своего офицера.

— Просто восхитительно! — изрекла лейтенант Амаат «Меча Атагариса». — Хорошо, что ты, а не я. — Она подняла свою чашку с чаем. Три просила у Калр Пять разрешения использовать ее лучший фарфор (по-прежнему хранившийся в упакованном виде, поскольку Пять не хотела, чтобы с ним что-нибудь случилось) и таким образом унизить лейтенанта «Меча Атагариса» явной демонстрацией моего статуса. Пять отказала и предложила вместо этого Амаат Три зайти с другой стороны: подать лейтенантам чай в моем старом эмалированном сервизе. Три ненадолго испытала искушение, памятуя, как и весь экипаж, об угрозе «Меча Атагариса», когда мы вошли в эту систему. Но победила пристойность, и лейтенант «Меча Атагариса» пила свой чай, не зная о том, что едва избежала оскорбления.

— Сеиварден — очень старомодное имя, — сказала она с наигранной, как мне показалось,

живостью. — Должно быть, ваши родители любили историю. — Одного из союзников Анаандер Мианнаи, еще до того как она разрослась за пределы самого Радча, звали Сеиварден.

— Это было традиционным именем в моей семье, — спокойно ответила Сеиварден. С некоторым раздражением, но в то же время наслаждаясь замешательством другого лейтенанта, — Сеиварден еще не назвала имени своего клана, а поскольку того клана уже не существовало, поскольку ее отделяла от него тысяча лет, Сеиварден не носила никаких украшений, которые указывали бы на ее семейные связи. И даже если бы Сеиварден еще владела таковыми, этот офицер, вероятно, почти ничего не распознала бы — так сильно изменилось все за минувшее время.

Лейтенант «Меча Атагариса», казалось, не заметила прошедшего времени во фразе Сеиварден.

— Ты сказала, из Инаи. Что это за провинция?

— Аутрадч, — ответила Сеиварден с приятной улыбкой. Аутрадч — старейшая из провинций и ближайшая к самому Радчу. — Тебе интересны мои семейные связи, — продолжила Сеиварден не из желания помочь посетившей ее лейтенанту справиться с потенциально неловкой социальной ситуацией, но скорее из нетерпения. — Я

— Сеиварден Вендааи.

Гостья нахмурилась, не сразу вспомнив это имя. Затем она осознала.

— Ты — капитан Сеиварден!

— Да.

Лейтенант «Меча Атагариса» рассмеялась.

— О милость Амаата, какое падение! Не слишком удачно заморозиться на тысячу лет, но оказаться потом пониженным до лейтенанта и отправленным на «Милосердие»! Полагаю, тебе снова придется делать карьеру. — Она отпила еще чаю. — В нашей кают-компании были разговоры. Необычно, что капитан флота командует «Милосердием». Мы вот думали, не собирается ли капитан флота Брэк отправить сюда капитана Хетнис и взять «Меч Атагариса» себе. В конце концов, он быстрее и лучше вооружен.

Сеиварден прищурилась. Угрожающе ровным тоном произнесла:

— Не стоит недооценивать «Милосердие Калра».

— О, да ладно. Лейтенант, я не хотела обидеть. «Милосердие Калра» — прекрасный корабль, для «Милосердия». Но суть дела в том, что, если уж на то пошло, «Меч Атагариса» мог бы одержать победу над «Милосердием Калра» вполне проворно.

Ты же сама командовала «Мечом» и понимаешь, что это правда. И конечно, у «Меча Атагариса» по-прежнему есть его вспомогательные компоненты. Ни один человек-солдат не сравнится со вспомогательным компонентом ни в скорости, ни в силе.

Амаат Три, стоящая наготове в ожидании, когда понадобятся ее услуги, не проявила внешне никакой реакции, но какое-то мгновение я опасалась, что она бросится на лейтенанта «Меча Атагариса». Я бы сильно не возражала (хотя Сеиварден, разумеется, пришлось бы наложить на нее дисциплинарное взыскание), но Три стояла рядом со вспомогательным компонентом «Меча Атагариса», которая, безусловно, никому не позволила бы причинить вред своему лейтенанту. И никакие тренировки и практика не сделали бы Амаат Три равной вспомогательному компоненту.

Сеиварден, позволив проявиться отчасти охватившему ее раздражению, поставила свою чашку с чаем, выпрямилась и спросила:

— Лейтенант, это была угроза?

— О милость Амаата, нет, лейтенант! — Лейтенант «Меча Атагариса», казалось, искренне поражена, что ее слова могли быть истолкованы подобным образом. — Я просто констатировала

факт. Мы же здесь на одной стороне.

— Неужели? — Губа Сеиварден изогнулась, проявляя аристократические гнев и презрение, которых я не видела больше года. — Так вот почему вы атаковали нас, когда мы вошли в систему; потому что мы на той же стороне?

— О милость Амаата! — Лейтенант старалась делать вид, что ее не встревожила реакция Сеиварден. — Это было недоразумение! Я уверена, вы можете понять, что мы тут все были на взводе после того, как вышли из строя шлюзы. И, так же как и сейчас, я отнюдь не имела таких намерений, я тебя заверяю. Я просто указала на очевидный факт. И сейчас действительно необычно для капитана флота командовать «Милосердием», хотя, возможно, в твое время это было не так. Но это совершенно естественно, что нас интересовало, не потеряем ли мы капитана Хетнис, чтобы оказаться под непосредственным командованием капитана флота Брэк.

В Сеиварден добавилось высокомерия.

— Капитан флота Брэк поступит наилучшим образом, но своему усмотрению. Но дабы предотвратить дальнейшие недоразумения, — она слегка налегла на это слово, — позволь мне сказать ясно и недвусмысленно, что, когда ты в

следующий раз станешь угрожать этому кораблю, тебе лучше быть готовой выполнить это.

Лейтенант «Меча Атагариса» повторила, что ни в коем случае не имела в виду ничего такого, и Сеиварден улыбнулась и сменила тему.

На базе Баснаэйд говорила лейтенанту Тайз-эрвэт:

— Я никогда не виделась со своей сестрой. Я родилась после того, как она уехала. Я родилась *потому,* что она уехала. Потому что она присылала домой деньги, и если она стала офицером, я тоже могла стать кем-то. Заняться чем-то лучшим, нежели пропаривание рыбы и нарезка овощей. — Родители лейтенанта Оун были поварами. — Речь всегда шла об Оун, которой я должна соответствовать. Всегда об Оун, которой я должна быть благодарна. Разумеется, мои родители никогда так не говорили, но мне всегда казалось, будто ничего не делалось для меня, ради меня, речь всегда шла о ней. Ее послания всегда были такими сердечными, и, конечно, я ее очень уважала. Она была героем, первой из нашего семейства, кому действительно удалось *стать* кем-то… — Она горестно усмехнулась. — Ты только послушай меня. Словно моя семья была ничтожествами, все до единого. — Лейте-

нант Тайзэрвэт хранила молчание, отнюдь не свойственное семнадцатилетней, и Баснаэйд продолжила: — Хуже стало после того, как она умерла. Я никак не могла забыть о том, что во всем уступаю ей. Даже с друзьями! Оэр настолько выше Элмингов, словно они из другой вселенной. А теперь еще и Мианнаи.

— И эти друзья делали вам разные предложения из-за вашей сестры, а не потому, что вы совершили нечто, дабы заслужить это. — Интересно, подумала я, а Тайзэрвэт разобралась, отчего она так сходит с ума по Баснаэйд? Возможно, и нет — в эту минуту она, несомненно, сосредоточена на том, чтобы слушать Баснаэйд, чтобы понять ее. Рада помочь. Рада доверию.

— Оун *никогда* не преклоняла колен. — Баснаэйд, казалось, не замечает ни странности слов, ни своеобразия поведения лейтенанта Тайзэрвэт, которые совершенно не соответствовали ее юному возрасту. Возможно, привыкла к ним за последние несколько дней. — Она никогда не стала бы этого делать. Если она подружилась с такими людьми, то лишь благодаря тому, какой она была.

— Да, — просто согласилась Тайзэрвэт. — Капитан флота так и говорила. — На это Баснаэйд не

ответила, и разговор перешел к другим темам.

За три дня до нашего отъезда капитан Хетнис наконец затронула тему дочери семейства. Мы сидели под деревом, двери дома за нами были широко распахнуты. Фосиф занималась чем-то на производстве, а Раугхд, разумеется, была в доме полевых работников. Сирикс отправилась вниз, в ту часть берега озера, что лежала в тени, сказав, что хочет поглядеть на рыб, но я подозревала, что она просто хочет побыть одна, даже без Калр Восемь за спиной. Там были только капитан Хетнис и я, а также вспомогательный компонент «Меча Атагариса» и Калр Пять — поблизости. Мы сидели, глядя на затененный кусок каменной стены, покрытой мхом, гребень горы и черные, с прожилками льда, горные вершины за ним. Главное здание располагалось слева, баня — прямо перед нами, поблизости от него, но не заслоняя пейзаж. Один конец ее стеклянной стены изгибался перед глазами. Несмотря на яркий день, воздух под деревьями был влажный и прохладный.

— Сэр, — сказала капитан Хетнис, — прошу разрешения говорить откровенно.

Я кивнула в знак согласия. За все время, что мы провели здесь, капитан Хетнис ни разу не упомянула о том, что привело нас сюда, хотя она

ежедневно наносила на лицо траурную полосу и читала требуемые молитвы.

— Сэр, я размышляла о том, что произошло в Подсадье. Я по-прежнему считаю, что была права, отдавая те приказы. Все пошло не так, и я несу за это ответственность. — Ее слова сами по себе были вызывающими, но тон — почтительным.

— Так ли это, капитан? — Один из наземных автомобилей семейства перевалил через гребень и шел по дороге. Либо Фосиф возвращалась с предприятия, либо Раугхд — из дома полевых работников. Это положение не могло оставаться неизменным, но мне не удавалось найти решение. Возможно, такового не существовало.

— Да, сэр. Но я была не права, арестовав гражданина Сирикс и предположив, что именно она совершила это, раз единственно возможной альтернативой была Раугхд.

Вот это мне всегда нравилось в офицере. Готовность признать свою неправоту, когда она осознала ее. Готовность настаивать, что она была права, когда она уверена в этом, даже если было бы безопаснее этого не делать. Она наблюдала за мной с серьезным видом, несколько опасаясь моей реакции, как мне показалось. С некоторым вызовом. Но лишь самую малость. Ни один

офицер-радчааи не бросит открытого вызова вышестоящему — если не испытывает суицидальных наклонностей. Я подумала о том бесценном античном чайном сервизе. Его продажа почти наверняка означала прикрытие нелегальных доходов. Подумала о невероятном уровне смертности среди ссыльных в этой системе. Удивилась на мгновение, как могли сосуществовать в капитане Хетнис это мужество и прямота рядом с готовностью торговать жизнями. Подумала о том, каким офицером она стала бы, если бы я воспитывала ее с той поры, как она пришла на службу салагой-лейтенантом. Возможно, она была бы такой же, как сейчас. А может, она была бы сейчас мертва, распыленная вместе с остальной моей командой, когда Анаандер Мианнаи пробила мой тепловой щит двадцать лет назад.

Или нет. Если бы в Орсе, на Шиз'урне мной командовала лейтенант Хетнис, а не лейтенант Оун, возможно, я по-прежнему оставалась бы собой, «Справедливостью Торена», и мой экипаж был бы жив.

— Я знаю, сэр, — сказала капитан Хетнис, возможно приободренная тем, что я не ответила, — что, как ни знаменит этот клан здесь, на Атхоеке, они могут казаться вам ничтожествами.

С такого огромного расстояния Раугхд Денчи не так уж и сильно отличается от Сирикс Оделы.

— Напротив, — спокойно ответила я, — я вижу огромную разницу между Раугхд Денчи и Сирикс Оделой. — Пока я говорила, Раугхд вышла из главного здания и направилась в баню с напускной беззаботностью.

— Я имею в виду, сэр, что с позиции величия Мианнаи Денчи, должно быть, не отличаются от других слуг. И я знаю, что всегда говорится: у каждого из нас своя роль, свое предназначение и никто из нас не лучше и не хуже другого, просто мы разные. — Я сама слышала это много раз. Странно, как «в равной степени важные, просто разные» всегда интерпретировалось так, что некоторые «в равной степени важные» роли становились более достойными уважения и вознаграждения, чем другие. — Но, — продолжила капитан Хетнис, — все мы не обладаем вашей перспективой. И я полагаю… — Кратчайший миг сомнения. — Я полагаю, что, если бы ваши родственницы допустили бы какую-нибудь юношескую глупость или совершили опрометчивый поступок, к ним отнеслись бы примерно так же, как к Раугхд Денчи. И вот так вот оно есть, сэр. — Она подняла вверх руки в зеленых перчатках

— неопределенный намек на благочестивую просьбу. Все, что есть, есть Амаат. Вселенная — это сам бог, и ничто не может происходить или существовать, не будь на то божьей воли. — Но, наверное, вы сумеете понять, почему все здесь видят дочь семейства в этом свете или почему она сама может думать о себе как о равной даже капитану флота и родственнице лорда Радча.

Почти. Она *почти* поняла.

— Вы воспринимаете Раугхд, я думаю, как милую, благовоспитанную молодую особу, которая каким-то образом в последние несколько недель делала необъяснимо неудачный выбор. Что я, возможно, слишком строга к тому, кто не живет по правилам военной дисциплины, как привыкли вы или я. Возможно, дочь семейства даже говорила вам о своих врагах, которые нашептали мне на ухо обвинения в ее адрес и несправедливо настроили меня против нее. — Выражение лица капитана Хетнис на мгновение изменилось — почти очевидное признание того, что я права. — Но поразмыслите над этим неудачным выбором. Его изначальной целью было причинить вред. Причинить вред обитателям Подсадья. Причинить вред вам, капитан. Она не могла предвидеть смерть переводчика Длайкви, но, несомненно,

знала, что ваши вспомогательные компоненты ходят вооруженными, знала, какую тревогу вы испытываете из-за Подсадья. — Капитан Хетнис молчала, уставившись на свои колени, руки ее были пусты, чашка чая остывала на скамье рядом с ней. — Милые, благовоспитанные люди не предпринимают внезапно злоумышленных действий без всяких причин.

Это явно ни к чему не приведет. Тем временем я хотела кое-что выяснить. Некоторое время я обдумывала, как можно было вывозить ссыльных из системы так, чтобы никто об этом не знал.

— Призрачный шлюз, — сказала я.

— Сэр? — Похоже, она вовсе не испытывает облегчения от смены темы разговора.

— Тупиковый шлюз. Вы никогда не встречали там другого корабля?

Это сомнение? Выражение лица изменилось прежде, чем я успела понять. Удивление? Страх?

— Нет, сэр, никогда.

Ложь. Мне захотелось взглянуть на «Меч Атагариса», стоящую неподвижно и безмолвно рядом с Калр Пять. Но я бы ни за что не уловила по вспомогательному компоненту почти неразличимой реакции корабля на ложь капитана. А вот мой взгляд сам по себе выдал бы, что я распознала

эту ложь. Я посмотрела в сторону бани. Раугхд Денчи выходила оттуда, размашистыми шагами возвращаясь туда, откуда пришла, со зловещим выражением на лице, сулившим неприятности любой служанке, которая попадется ей на пути. Я едва не огляделась по сторонам в поисках ее личной прислуги и с удивлением осознала, что та не последовала за Раугхд в баню.

Капитан Хетнис также заметила Раугхд. Она моргнула, насупилась и затем слегка покачала головой, словно избавляясь от ненужных мыслей, как мне показалось. То ли очевидную ярость Раугхд, то ли меня, не знаю.

— Капитан флота, — обратилась она, бросив взгляд в сторону бани, — с вашего снисходительного разрешения. Сегодня очень тепло.

— Разумеется, капитан, — ответила я и осталась сидеть, а она поднялась, поклонилась и направилась через замшелые камни, поворачивая к бане. «Меч Атагариса» бросилась за ней.

Она прошла около полпути через затененный серо-зеленый двор и находилась прямо перед тем изгибающимся углом окна бани, когда взорвалась бомба.

Прошло двадцать пять лет с тех пор, как я видела бой. Или по крайней мере, такой бой, где

взрывы бомб были весьма вероятны. Тем не менее я была кораблем, набитым телами для сражений. Поэтому благодаря двухтысячелетней привычке я без всякого усилия, почти в то же мгновение, когда заметила вспышку в окне бани и почти тут же увидела, как вдребезги разлетелось окно и его осколки посыпались наружу, оказалась на ногах и в полностью развернутой броне.

Я подозревала, что «Меч Атагариса» никогда не видела наземного боя, но она, отреагировав почти так же быстро, как я, развернула броню и понеслась с нечеловеческой скоростью, чтобы оказаться между летящим стеклом и своим не защищенным броней капитаном. Сверкающее, зазубренное стекло ураганной волной рванулось из окна, срывая листья и ветки с деревьев, затеняющих камни, достигло вспомогательного компонента и сбило ее с ног, капитан Хетнис оказалась под ней. Ничтожной долей секунды позже россыпь маленьких осколков, листьев и веток донеслась до меня и отскочила от брони, не причинив вреда. Хотя Калр Пять развернула свою броню только что, она также избежала опасности.

— Дай мне свою аптечку, — сказала я ей.

Когда она это сделала, я отправила ее вызвать

врачей и службу безопасности планеты, а затем пошла взглянуть, уцелела ли капитан Хетнис.

Языки пламени лизали края разбитого окна бани. Осколки усыпали землю, они пощелкивали и хрустели под ногами. Капитан Хетнис лежала на спине, в неуклюжей позе, под «Мечом Атагариса». Странный, деформированный плавник торчал между лопатками вспомогательного компонента, и я осознала, что это, должно быть, крупный осколок стекла, который вонзился прежде, чем «Меч Атагариса» успела полностью развернуть свою броню. Ее реакция была хорошей, но не такой быстрой, как моя; к тому же и она, и капитан Хетнис находились метров на двадцать ближе к окну, чем я.

Я опустилась на колени рядом с ними.

— «Меч Атагариса», как сильно ранен твой капитан?

— Я в порядке, сэр, — ответила капитан Хетнис, прежде чем заговорила вспомогательный компонент. Она пыталась откатиться в сторону, сбросить с себя «Меч Атагариса».

— Не двигайтесь, капитан, — бросила я, вскрывая аптечку Калр Пять. — «Меч Атагариса», твой рапорт.

— Капитан Хетнис перенесла незначительное

сотрясение, есть рваные раны, ссадина и несколько синяков, капитан флота. — Броня исказила голос «Меча Атагариса», и, конечно, она говорила с типичным для вспомогательных компонентов отсутствием выражения, но мне показалось, что я услышала некоторое напряжение. — В остальном она в порядке, как я только что сказала.

— Уберись с меня, корабль, — раздраженно проговорила капитан Хетнис.

— Не думаю, что она может это сделать, — сказала я. — У нее в позвоночнике застрял кусок стекла. Опусти свою броню, «Меч Атагариса». — В аптечке имелся специально изготовленный восстановитель общего назначения для остановки кровотечения, предотвращения дальнейшего повреждения тканей и в целом поддержания жизни пациента в течение времени, достаточного для доставки его в медсанчасть.

— Капитан флота, — сказал «Меч Атагариса», — при всем уважении, мой капитан — без брони, а здесь может оказаться другая бомба.

— Мы мало что в силах сделать, не убрав этот сегмент, — указала я. Хотя я не сомневалась, что бомба была только одна и взрыв должен был убить одну конкретную особу, а не большое количество людей. — И чем скорее ты позволишь

использовать для себя аптечку, тем скорее мы сможем тебя подвинуть и переместить твоего капитана в безопасное место.

Явно испытывая неудобство и раздражение, капитан Хетнис нахмурилась еще сильнее и уставилась на меня так, словно я говорила на языке, которого она никогда прежде не слышала и не могла понять.

«Меч Атагариса» опустил свою броню, открыв взгляду форменную куртку, залитую кровью между плеч, и зазубренный стеклянный осколок.

— Насколько это глубоко? — спросила я.

— Очень глубоко, капитан флота, — ответил он. — Заживление займет некоторое время.

— Несомненно.

Аптечка включала также маленький клинок для срезания одежды с ран. Вытащив его, я срезала окровавленную ткань. Наложила восстановитель на спину вспомогательного компонента, как можно ближе к тому месту, где выступало стекло, не толкая его, чтобы не усугубить положения. Восстановитель вытекал и мутнел — потребуется несколько мгновений (или, в зависимости от характера и размера ранений, несколько минут), чтобы стабилизировать положение, а затем он затвердеет. После этого «Меч Атагариса», вероят-

но, можно будет безопасно двигать.

Пламя в бане, которое питалось той прекрасной деревянной облицовкой, стало распространяться. Трое слуг стояли возле главного здания и глазели на пожар, пораженные ужасом. Другие выбегали из главного здания, чтобы посмотреть, что случилось. Калр Пять и какая-то служанка спешили к нам, неся что-то плоское и широкое, — «Милосердие Калра» сообщил ей, что имеется повреждение спинного мозга. Я нигде не видела Раугхд.

Капитан Хетнис по-прежнему смотрела на меня, насупившись из-под «Меча Атагариса».

— Капитан флота, — сказала вспомогательный компонент, — при всем уважении, эта рана слишком серьезна, чтобы ее стоило лечить. Пожалуйста, удалите капитана Хетнис в безопасное место. — Ее голос и лицо, конечно, лишены выражения, но из глаз лились слезы, то ли от боли, то ли от чего-то еще, — узнать было невозможно. Однако я догадывалась.

— Твой капитан в безопасности, «Меч Атагариса», — заявила я. — Не волнуйся на сей счет. — Последние остатки помутнения в корректирующем средстве на его спине исчезли. Я нежно провела по нему пальцем в перчатке. Ни полоски, ни пятнышка. Калр Пять опустилась на колени рядом

с нами, положила на землю доску — она выглядела как крышка стола. Служанка, держащая другой конец доски, не знала, как передвигать людей с ранениями спины, поэтому Калр Пять и я сняли вспомогательный компонент с капитана Хетнис, которая поднялась и посмотрела на «Меч Атагариса», лежавшую молча и неподвижно на крышке стола, с торчащим из спины осколком стекла. Взглянула, все еще хмурясь, на меня.

— Капитан, — сказала я ей, пока Калр Пять и служанка осторожно уносили «Меч Атагариса», — нам нужно поговорить с нашей хозяйкой.

Глава 16

Этот взрыв положил конец траурным формальностям. Мы встретились в гостиной главного здания, с широким окном, выходящим, конечно, на озеро. Тут и там стояли скамьи и стулья, покрытые золотыми с голубым подушками, низкие столики из темного дерева. Стены украшал резной орнамент в виде завитков, которые, должно быть, требовали безраздельного внимания одной из служанок. В одном углу, на подставке, находился высокий струнный инструмент с длинным грифом и квадратным корпусом, который я не узнала, из чего следовало, что он — атхоекский. Рядом с ним, на другой подставке, располагался тот древний чайный сервиз в своей коробке с открытой крышкой, чтобы его было лучше видно.

Сама Фосиф стояла в центре комнаты, капитан Хетнис по настоянию Фосиф сидела в кресле рядом. Раугхд расхаживала взад и вперед в другом конце комнаты, пока ее мать не сказала:

— Сядь, Раугхд, — внешне мило, но не без резкости в голосе.

Раугхд села, напряженная, не откидываясь

назад.

— Конечно, это была бомба, — сказала я. — Не очень большая; возможно, ее украли со строительной площадки; но заложивший ее добавил обрезки металла, чтобы покалечить или убить того, кто окажется достаточно близко. — Какой-то из них долетел до капитана Хетнис, но путь ему преградила «Меч Атагариса». Вспомогательный компонент прилетела мгновением позже того осколка стекла.

— Мне! — воскликнула Раугхд, снова вскочила на ноги, стиснув руки в перчатках, и опять принялась ходить по комнате. — Это предназначалось мне! Я скажу вам, кто это сделал, это не мог быть никто иной!

— Минутку, гражданин, — сказала я. — Вероятно, бомба была украдена со строительной площадки, потому что, в то время как обрезки металла найти легко, отыскать настоящую взрывчатку, конечно, гораздо труднее. — Определенно. Хотя при достаточной решимости и находчивости можно обойти почти любые ограничения. — Разумеется, взрывчатка обычно не валяется где попало. Тот, кто это сделал, либо имеет доступ к подобным вещам, либо знает кого-то, обладающего таким доступом. Наверное,

мы сможем отследить их этим путем.

— *Я знаю, кто это был!* — настаивала Раугхд. И сказала бы еще что-нибудь, если бы как раз в это мгновение в комнате не появились врач и районный магистрат.

Врач сразу прошла туда, где сидела капитан Хетнис.

— Капитан, никаких глупостей с вашей стороны, я должна осмотреть вас, чтобы убедиться, что вы не пострадали.

Районный магистрат открыла было рот, чтобы заговорить со мной. Я остановила ее движением руки.

— Доктор, повреждения капитана, к счастью, незначительны. Вспомогательный компонент «Меча Атагариса», с другой стороны, очень серьезно ранена и нуждается в незамедлительном лечении.

Врач с негодованием выпрямилась.

— Вы врач, капитан флота?

— А *вы?* — холодно спросила я. — Я не могла удержаться от сравнения ее с врачом своего корабля. — Если взглянете на капитана Хетнис, включив свои медицинские имплантаты, то вам станет очевидно, что она получила всего лишь порезы и синяки. «Меч Атагариса», кото-

рый видит ее досконально, уже сообщил, что его капитан в основном невредим. Его вспомогательный компонент, с другой стороны, получил двадцатишестисантиметровый осколок стекла в позвоночник. Чем скорее вы им займетесь, тем более эффективным будет лечение. — Я не добавила, что говорю из личного опыта.

— Капитан флота, — ответила врач так же холодно, — я не нуждаюсь в ваших наставлениях по моей специальности. Такое ранение потребует длительного и сложного восстановительного периода. Боюсь, что наилучшим вариантом будет избавиться от этого вспомогательного компонента. Уверена, что это будет неудобно капитану Хетнис, но на самом деле это единственный разумный выбор.

— Доктор, — вмешалась капитан Хетнис, прежде чем я успела ответить, — возможно, лучше просто заняться вспомогательным компонентом.

— При всем уважении к вам, разумеется, капитан Хетнис, — ответила врач, — я подчиняюсь не капитану флота, а только своим властям и буду полагаться на свое суждение и медицинскую подготовку.

— Да ладно, доктор, — сказала Фосиф, которая

до сих пор молчала. — Капитан флота и капитан обе хотят, чтобы вспомогательный компонент лечили. Несомненно, капитан Хетнис готова заниматься и его восстановлением. Какой вред может быть в том, чтобы его полечить?

Я подозревала, что этот врач, как было обычным в таких семействах, не просто работала на чайную плантацию, но также была клиентом Фосиф. Ее благополучие зависело от Фосиф, поэтому она не могла ответить ей в том же ключе, что и мне.

— Если *вы* настаиваете, гражданин, — сказала она, отвесив легкий поклон.

— Не утруждайтесь, — сказала я. — Пять. — Калр Пять безмолвно стояла навытяжку у дверей все это время на тот случай, если она мне понадобится. — Найди подходящего врача в городе и доставь ее сюда, чтобы заняться «Мечом Атагариса» как можно быстрее. — Было бы гораздо лучше начать поскорее, но этому врачу я вообще не доверяла. Неудивительно, что полевые работники скорее истекут кровью до смерти, чем станут у нее консультироваться. Я очень пожалела, что здесь нет врача «Милосердия Калра».

— Есть, сэр, — ответила Пять, четко повернулась и вышла.

— Капитан флота, — начала врач, — я сказала, что я…

Я отвернулась от нее к городскому магистрату.

— Магистрат, — поклонилась я, — рада познакомиться — жаль, что при неблагоприятных обстоятельствах.

Магистрат поклонилась, бросив косой взгляд на врача, но сказала только:

— Взаимно, капитан флота. Я оказалась здесь так быстро потому, что уже находилась в пути, дабы засвидетельствовать свое почтение. Позвольте выразить свою печаль от вашей утраты. — Я кивнула, принимая ее соболезнования. — Как вы говорили, когда мы вошли, мы, возможно, найдем, кто изготовил эту бомбу, отследив материалы, из которых она была сделана. Служба безопасности уже занимается анализом того, что осталось от бани. Печальная утрата. — Последнее она адресовала Фосиф.

— Моя дочь цела, — ответила Фосиф. — Только это имеет значение.

— Та бомба предназначалась мне! — выкрикнула Раугхд, которая стояла, негодуя, все это время. — Я знаю, кто это был! Нет никакой необходимости ничего отслеживать!

— Кто это был, гражданин? — спросила я.

— Кветер. Это была Кветер. Она всегда ненавидела меня.

Вальскаайское имя.

— Одна из полевых работников? — спросила я.

— Она работает на предприятии, обслуживает сушильные аппараты, — сообщила Фосиф.

— Что ж, — сказала магистрат, — я пошлю…

Я прервала ее:

— Магистрат, с вашего позволения. Из тех людей, что вы привезли, кто-нибудь говорит на дельсиге?

— Несколько слов, капитан флота, не больше.

— На самом деле, — сказала я, — я бегло говорю на дельсиге. — Провела десятки лет на самом Вальскаае, но об этом я промолчала. — Позвольте мне отправиться к дому полевых работников и поговорить с гражданином Кветер, посмотрим, что я смогу выяснить.

— Вам не нужно ничего выяснять, — настаивала Раугхд. — Кто еще мог это сделать? Она всегда меня ненавидела.

— Почему? — спросила я.

— Она думает, что я развратила ее малышку-сестру. У этих людей совершенно безрассудные представления.

Я снова повернулась к магистрату.

— Магистрат, позвольте мне сходить одной в дом полевых работников и поговорить с гражданином Кветер. Тем временем ваш персонал может отследить взрывчатку.

— Разрешите мне отправить с вами несколько сотрудников службы безопасности, капитан флота, — сказала магистрат. — Арестовать эту особу в одиночку, в окружении вальскаайцев… Я думаю, вам понадобится некоторая помощь.

— В этом нет необходимости, — ответила я. — Мне не нужна помощь, и я не опасаюсь за свою безопасность.

Магистрат моргнула и слегка нахмурилась.

— Да, капитан флота, полагаю, это так.

Я пошла к дому полевых работников пешком, хотя Фосиф предлагала мне воспользоваться наземным автомобилем. Солнце садилось, и поля, мимо которых я проходила, были пусты. Дом стоял в тишине, снаружи — никого, никакого движения. Если бы я не знала, что к чему, то могла бы подумать, что его покинули. Все внутри. Но они кого-то ожидают — Фосиф, планетарную службу безопасности, районного магистрата. Солдат. Там будет дозорный.

Подойдя к дому на расстояние слышимости, я открыла рот, сделала вдох и запела:

Я — этот солдат,

Столь жадная, алчущая песен,

Так много я поглотила — они вытекают,

Из уголков моего рта они сочатся

И разлетаются, отчаянно стремясь к свободе.

Передняя дверь открылась. Дозорная, которая пела эти слова в то первое утро, когда я бежала мимо рабочих, собирающих чай. Увидев ее, я улыбнулась и, подойдя ближе, поклонилась.

— Я хотела высказать вам свое восхищение, — сказала я ей на дельсиге. — Это было прекрасно сделано. Вы сочинили слова в ту минуту или придумали накануне? Мне просто интересно — это было впечатляюще в любом случае.

— Это лишь песня, которую я пела, радчааи, — ответила она. Радчааи означало всего лишь «гражданин», но я знала, что в устах вальскаайца, говорящего на дельсиге таким тоном, это завуалированное оскорбление, от которого можно было отпереться, поскольку она, в конце концов, всего лишь использовала общепринятое обращение.

Движением руки я показала, что мне все равно.

— Будьте так добры, я здесь, чтобы поговорить с Кветер. Всего лишь хочу поговорить. Я здесь одна.

Она бросила взгляд поверх моего плеча, хотя наблюдала — я в этом уверена — и знала, что никто со мной не пришел. Затем она повернулась, не сказав ни слова, и пошла в дом. Я последовала за ней, тщательно прикрыв за собой дверь.

Нам навстречу никто не попался, пока мы шли через дом в его заднюю часть, на кухню, столь же большую, как у Фосиф. Но, в отличие от той кухни, сплошь в сияющих сковородах и рядах холодильников и шкафов временной приостановки, эта была полупуста: несколько плит и раковина. В одном углу — неопрятная груда одежды, выцветшей и запачканной, — несомненно, остатки того, что предоставлялось полевым работникам в качестве основного вещевого довольствия, перешитого и подогнанного. Ряд бочек вдоль одной стены, наполненных, как я заподозрила, чем-то бродящим. Полдюжины людей сидели вокруг стола, распивая пиво. Дозорная жестом пригласила меня пройти в комнату, а затем безмолвно удалилась.

Среди людей за столом была старейшина, говорившая со мной в тот день, когда мы прибыли, и

заменившая песню, увидев, что мы в трауре.

— Добрый вечер, дедушка, — сказала я ей и поклонилась. Благодаря своему продолжительному знакомству с Вальскааем я не сомневалась, что мой выбор рода — его требовал язык, на котором я говорила, — был правильным.

Она смотрела на меня десять секунд, а затем отпила пива. Все остальные настойчиво глядели в сторону от меня: на стол, на пол, на дальнюю стену.

— Чего ты хочешь, радчааи? — спросила она наконец, несмотря на то что она знала, почему я здесь, — я вполне в этом уверена.

— Я надеялась поговорить с Кветер, дедушка, если вам будет угодно.

Она ничего не сказала в ответ, но затем повернулась к особе слева от себя:

— Племянница, спроси Кветер, не присоединится ли она к нам.

Племянница заколебалась, собиралась, похоже, возразить, но решила этого не делать, хотя явно не была довольна своим выбором. Она поднялась и вышла из кухни, не сказав мне ни слова.

Дедушка указала на свободный стул.

— Садись, солдат. — Я села. Тем не менее больше никто за столом не смотрел прямо на меня.

Я подозревала, что, если бы дедушка сказала им выйти, они бы с радостью умчались из комнаты. — Судя по твоему произношению, солдат, ты учила дельсиг в Вестрис-Коре.

— Да, — согласилась я. — Я провела там довольно много времени. И в районе Суримто.

— Я — из Эпха, — сказала дедушка любезно, будто я нанесла всего лишь светский визит. — Я никогда не был в Вестрис-Коре. И в Суримто тоже. Думаю, сейчас, когда заправляете вы, радчааи, там все по-другому.

— В некоторых отношениях да, я уверена, — ответила я. — Я сама не была там довольно давно. — Кветер могла удрать или отказаться появиться тут. Мой приход сюда — авантюра.

— Сколько вальскаайцев ты убила, пока была там, радчааи? — Это спросила не дедушка, но одна из остальных, сидящих вокруг стола, чья ярость и негодование пересилили ее страх передо мной.

— Немало, — ответила я спокойно. — Но я здесь не для того, чтобы кого-то убить. Я одна и не вооружена. — Я положила свои руки в перчатках на стол, ладонями вверх.

— Значит, просто светский визит? — Ее голос полон сарказма.

— К сожалению, нет, — ответила я.

Тогда заговорила дедушка, стараясь повернуть беседу в сторону от такой опасной темы.

— Думаю, ты слишком юна, чтобы принимать участие в той аннексии, дитя.

Я наклонила голову — небольшой, уважительный поклон.

— Я старше, чем кажусь, дедушка. — Много, много старше. Но здесь никто не мог этого знать.

— Ты очень вежлива, — сказала дедушка. — Отдаю тебе должное.

— Моя мать говорила, — заметила разъяренная особа, — что солдаты, которые убили ее семью, также были очень вежливы.

— Мне жаль, — ответила я в напряженной тишине, которая повисла после ее замечания. — Я знаю, что, даже если бы я наверняка могла сказать тебе, что это была не я, это ничего бы не изменило.

— Это была не ты, — фыркнула она. — Это произошло не в Суримто. Но ты права: это ничего не меняет. — Она оттолкнула свой стул назад, бросила взгляд на дедушку. — Извини меня, — сказала она. — Дела ждут. — Дедушка кивнула в знак разрешения уйти, и она вышла. Когда она проходила в дверь кухни, вошел кто-то еще. Ей было за двадцать, одна из тех людей, кого я видела под

деревом в день, когда мы прибыли. Черты лица предполагали, что она в генетическом родстве с дедушкой, хотя ее кожа смуглее, а глаза и очень курчавые волосы, которые она перевязала ярко-зеленым шарфом, светлее. Судя по тому, как эта особа держала плечи, и по внезапно воцарившейся ледяной тишине, ее-то я и пришла повидать.

Я поднялась.

— Мисс Кветер, — сказала я и поклонилась. Она ничего не сказала и не двигалась. — Я хочу поблагодарить вас за то, что решили не убивать меня. — Тишина, по-прежнему молчали и дедушка, и остальные за столом. Интересно, в коридорах полно подслушивающих или все остальные разбежались и попрятались в безопасных местах, пока я не уйду? — Присядете? — Она не ответила.

— Сядь, Кветер, — сказала дедушка.

— Нет, — заявила Кветер, сложила руки на груди и уставилась на меня. — Я могла бы убить тебя, радчааи. Вероятно, ты это заслужила, но Раугхд заслуживала это в большей степени.

Кивнув в знак согласия, я снова села.

— Она угрожала твоей сестре, так я понимаю? — По ее скептическому взгляду я поняла свою ошибку. — Твоему брату. С ним все в по-

рядке?

Она приподняла бровь, склонила набок голову.

— Спасительница беспомощных. — Это прозвучало язвительно.

— Кветер!.. — предостерегла дедушка.

Я подняла руку в перчатке ладонью наружу — этот жест был бы грубым для большинства радчааи, но для вальскаайцев он означал нечто совершенно другое: *Воздержись. Сохраняй спокойствие.*

— Все в порядке, дедушка. Услышав такое, понимаешь, что значит справедливость. — Одна из сидящих за столом недоверчиво хмыкнула. Все остальные сделали вид, что этого не заметили. — Гражданин Раугхд получала удовольствие, мучая твоего брата. Она довольно проницательна в некоторых вопросах. Она понимала, на что ты готова пойти, чтобы его защитить. Она также знала, что у тебя есть технические способности. Что, если ей удастся стащить взрывчатку со стройплощадки и снабдить тебя инструкциями по ее применению, ты сможешь ими воспользоваться. Она не осознавала, я подозреваю, что ты можешь даже усовершенствовать эту штуку. Обрезки металла — твоя идея, не так ли? — Доказательств этому у меня не было, не считая неоднократных

подтверждений того, что Раугхд редко продумывала все до конца. Выражение лица Кветер не изменилось. — И она не осознавала, что ты можешь решить использовать это против нее вместо меня.

Не меняя ни наклона головы, ни сардонического выражения лица, она сказала:

— Не хочешь ли узнать, как я это сделала?

Я улыбнулась.

— Уважаемая Кветер. Почти всю свою жизнь я находилась среди людей, которые были твердо убеждены в том, что вселенная станет лучше в мое отсутствие. Я сильно сомневаюсь, что у тебя есть для меня какие-нибудь сюрпризы. Тем не менее это было хорошо сделано, и, если бы ты рассчитала время чуть-чуть точнее, ты бы преуспела. Твои таланты здесь растрачиваются понапрасну.

— О, *разумеется.* — Ее тон сделался еще более издевательским, чем прежде. — Да ведь здесь одни лишь суеверные дикари. — Последние слова на радчааи.

— Информации, необходимой для того, чтобы сделать нечто подобное, нет в свободном доступе, — произнесла я. — Если бы ты стала ее искать, тебе отказали бы в доступе и, возможно,

планетарная служба безопасности начала бы за тобой приглядывать. Если бы ты посещала здесь школу, то научилась бы пересказывать фрагменты из священных книг, узнала бы немного подретушированной истории и мало что еще. Раугхд сама, вероятно, знала не больше, чем то, что взрывчатка может убить людей. Ты выяснила все детали сама. — Вероятно, размышляла над этим задолго до того, как Раугхд сделала свой ход. — Сортировка чайных листьев и наладка машин на производстве! Ты, должно быть, невероятно скучала. Если бы ты прошла испытания на способности, тебя наверняка направили бы туда, где твои таланты применялись гораздо лучше, и у тебя не было бы ни времени, ни возможности придумывать неприятности. — Губы Кветер напряглись, и она сделала вдох, словно собираясь ответить. — И, — опередила я ее, — тебя не было бы здесь, чтобы защищать твоего брата. — Я развела руки, подтверждая иронию такого положения.

— Ты здесь, чтобы арестовать меня? — спросила Кветер, не двигаясь, ее лицо не выдавало того напряжения, которое заставило ее задать этот вопрос. Оно лишь чуть-чуть проявилось в голосе. Дедушка и остальные за столом сидели недвиж-

но, словно окаменели, едва осмеливаясь дышать.

— Да, — ответила я.

Кветер разняла руки. Стиснула кулаки.

— Ты так *цивилизованна!* Так *вежлива!* Так смела: прийти сюда одной, зная, что здесь никто не посмеет даже прикоснуться к тебе! Все это так легко, когда вся сила на твоей стороне!

— Ты права, — согласилась я.

— Тогда пойдем. — Кветер опять скрестила руки со сжатыми по-прежнему кулаками.

— Ну, что до этого, — ответила я спокойно, — то я пришла сюда пешком и думаю, что сейчас идет дождь. Или я потеряла счет дням? — Никакого ответа, лишь напряженное молчание людей за столом да взгляд Кветер, полный решимости. — И я хотела спросить тебя, что случилось, чтобы быть уверенной в тяжести этого поступка.

— О! — воскликнула Кветер, чье терпение дошло наконец до предела. — Ты — справедливая, ты — добрая, так, что ли? Но ты ничем не отличаешься от дочери семейства. — Здесь она переключилась на радчааи. — Все вы! Вы берете все, что хотите, держа нас под прицелом винтовки; вы убиваете, и насилуете, и крадете; и вы называете это нести цивилизацию? А что такое цивилизация для тебя, как не наша надлежащая

благодарность за то, что нас убивают, насилуют и грабят? Ты сказала, что узнаёшь справедливость, когда ее слышишь. Что же означает твоя справедливость, как не позволение обращаться с нами так, как тебе нравится, и осуждение нас даже за попытку защитить себя?

— Не стану спорить, — сказала я. — Ты говоришь правду.

Кветер моргнула, заколебалась, удивленная, что слышит от меня такое.

— Но *ты* одаришь нас справедливостью с высот своей власти, так? Ты принесешь спасение? Ты здесь для того, чтобы мы пали ниц к твоим ногам и воздали тебе хвалу? Но мы знаем, что есть твоя справедливость, мы знаем, что есть твое спасение, как бы ты это ни подавала.

— Я не могу принести тебе справедливость, Кветер. Однако я в состоянии привести тебя лично к районному магистрату, чтобы ты смогла объяснить ей, почему сделала то, что сделала. Это не изменит ситуации для тебя. Но ты знала с той минуты, когда Раугхд Денчи сказала тебе, чего она хочет, что другого конца у этой истории не будет, по крайней мере для тебя. Дочь семейства была слишком убеждена в своей ловкости, чтобы осознать, к чему это приведет.

— И что хорошего из этого выйдет, радчааи? — спросила Кветер с вызовом. — Разве ты не знаешь, что мы непорядочны и лживы? Обидчивы там, где должны быть покорны и благодарны? Что тот разум, который у нас, суеверных дикарей, имеется, — лишь простое коварство? Очевидно, что я буду лгать. Я могу даже воспроизвести ложь, что ты для меня состряпала, потому что ты ненавидишь дочь семейства. А меня — в особенности. Во время забастовок… Твоя любимица-самиренд рассказывала тебе о забастовках? — Я кивнула в знак подтверждения. — А она рассказала тебе, как она и ее родственники прекрасно образовывали нас, открыли нам глаза на несправедливость, от которой мы страдали, обучили, как организоваться, и убедили действовать? Потому что мы просто *не могли* сделать все это сами.

— Она сама, — сказала я, — впоследствии подверглась перевоспитанию и в результате не может говорить об этом прямо. Но гражданин Фосиф рассказала мне эту историю в таких выражениях.

— Неужели? — ответила Кветер, и это не было вопросом. — А она сказала тебе, что моя мать умерла во время этих забастовок? Но нет, она говорила о том, как добра она к нам и какой была

кроткой, не приведя туда солдат, чтобы перестрелять всех нас, когда мы там сидели.

Кветер было не больше десяти, когда это случилось.

— Я не могу обещать, что районный магистрат выслушает тебя, — сказала я. — Я могу лишь предоставить тебе возможность говорить.

— И что потом? — спросила дедушка. — Что потом, солдат? С тех пор как я был ребенком, меня учили прощать и забывать, но трудно забыть такое: утрату родителей, детей и внуков. — Выражение ее лица, полного решимости, не изменилось, но голос чуть дрогнул на последних словах. — И все мы — всего лишь люди. Мы можем лишь прощать столь многое.

— Что касается меня, — ответила я, — то я нахожу прощение переоцененным. Бывают времена и места, когда оно уместно. Но не в том случае, когда требование простить используется для того, чтобы держать вас на месте. С помощью Кветер я могу удалить Раугхд отсюда навсегда. Я попытаюсь сделать больше, если смогу.

— В самом деле? — спросила другая особа за столом, до сих пор хранившая молчание. — Честную оплату? Ты можешь это сделать, солдат?

— Вообще оплату! — добавила Кветер. — При-

личную еду, за которую не надо лезть в долги.

— Священника, — предложил кто-то. — Священника для нас и священника для Непокорных, есть такие в следующем поместье.

— Их называют *учителями*, — сказала дедушка. — Не священниками. Сколько раз я говорил это? — И *Непокорный* было оскорблением. Но прежде чем я это сказала, дедушка обратилась ко мне: — Ты не сможешь сдержать таких обещаний. Ты не способна уберечь Кветер от опасностей.

— Вот почему я не даю обещаний, — ответила я, — а для Кветер эта история может кончиться лучше, чем мы предполагаем. Я сделаю, что в моих силах, даже если это не так много.

— Хорошо, — сказала дедушка, помолчав. — Хорошо. Думаю, нам следует накормить тебя ужином, радчааи.

— Если вы будете столь добры, дедушка, — ответила я.

Глава 17

Кветер и я отправились к дому Фосиф до восхода солнца, пока воздух был еще сырым и пах влажной почвой. Кветер шагала размашисто, нетерпеливо, выпрямив спину, скрестив руки, постоянно убегая вперед, а затем останавливаясь и поджидая, когда я догоню, словно ей не терпелось добраться до места назначения, а я неосмотрительно ее задерживала. Поля, горы лежали в тени и тишине. Кветер была не в настроении разговаривать. Сделав вдох, я запела на языке, которого здесь, по моему убеждению, никто не понимал.

Память — это горизонт событий,

То, что в ней поймано, ушло, но всегда там.

Эту песню пели солдаты подразделения Бо лейтенанта Тайзэрвэт в солдатской кают-компании. «О дерево!» Бо Девять напевала ее прямо сейчас, над нами, на базе.

— Что ж, эта убежала, — сказала Кветер на метр впереди меня на дороге, не оборачиваясь.

— И убежит опять, — ответила я.

Она остановилась, поджидая, пока я догоню. По-прежнему не поворачивая головы.

— Ты, конечно, лгала, — сказала она и пошла дальше. — Ты не позволишь мне говорить с районным магистратом, и никто не поверит тому, что я скажу. Но ты не привела к дому солдат, я думаю, это уже что-то. Тем не менее никто не поверит тому, что я скажу. И меня пропустят через службу безопасности или убьют, да в этом и разницы-то никакой нет, но мой брат по-прежнему будет здесь. И Раугхд — тоже. — Она плюнула, произнеся это имя. — Ты его заберешь?

— Кого? — Этот вопрос застал меня врасплох, поэтому я даже не поняла его. — Твоего брата? — Мы по-прежнему говорили на дельсиге.

— Да! — с нетерпением, продолжая злиться, отозвалась она. — Моего брата.

— Не понимаю. — Небо побледнело и прояснилось, но там, где мы шли, еще царил полумрак. — Ты боишься, что я это сделаю, или ты этого хочешь? — Она не ответила. — Я солдат, Кветер, я живу на военном корабле. У меня нет ни времени, ни средств, чтобы заботиться о детях, даже о подросших.

Кветер издала раздраженный вопль.

— Неужели у тебя нет где-нибудь квартиры и слуг? Неужели у тебя нет *личной прислуги*? Неужели у тебя нет дюжин людей, заботящихся обо всех твоих нуждах, готовящих тебе чай, поправляющих тебе воротник и устилающих цветами твой путь? Наверняка там есть место для еще одного.

— А твой брат этого хочет? — Ответа не последовало, и через несколько мгновений я продолжила: — А твой дедушка не станет горевать, потеряв вас обоих?

Тогда она внезапно остановилась и повернулась лицом ко мне.

— Ты думаешь, что знаешь о нас, но ты ничего не понимаешь.

Я хотела было сказать ей, что это она не понимает. Что я не несу ответственности за каждого страдающего ребенка на этой планете. Что все это — не моя вина. Взволнованная, она стояла, насупившись, в ожидании моего ответа.

— Ты осуждаешь своего брата? За то, что не боролся упорнее, за то, что загнал тебя в такое положение?

— О! — воскликнула она. — Конечно! Это не имеет никакого отношения к тому факту, что это ваша цивилизованная личность привезла сюда вниз Раугхд Денчи. Ты достаточно знала о дочери

семейства, чтобы осознавать, что произошло, ты достаточно знала о ней, чтобы осознавать, что она с нами делает. Но это было для тебя недостаточно серьезно, пока неких радчааи чуть не убили. И тебе не о чем будет беспокоиться, как только ты уедешь, а дочь семейства и ее мать *по-прежнему* останутся здесь.

— Не я причина этому, Кветер. И я не могу исправить каждую обнаруженную мною несправедливость, как бы ни хотела этого.

— Нет, *разумеется,* не можешь. — В ее голосе звучало жгучее презрение. — Ты в состоянии исправить лишь то, что действительно причиняет тебе неудобства. — Она повернулась и пошла дальше.

Если бы я была склонна к сквернословию, то сейчас бы выругалась.

— Сколько лет твоему брату?

— Шестнадцать, — сказала она. В ее голос вернулся сарказм. — Ты могла бы спасти его из этого ужасного места и привезти в подлинную цивилизацию.

— Кветер, у меня есть лишь мой корабль и кое-какое временное жилье на базе Атхоек. У меня есть солдаты, и они заботятся о моих нуждах и даже готовят мне чай, но у меня нет личной при-

слуги. И твоя мысль о цветах очаровательна, но беспорядок был бы страшный. В моем хозяйстве нет места для твоего брата. Но я спрошу его, хочет ли он уехать отсюда, и, если это так, я сделаю для него все, что смогу.

— Не сделаешь. — Заговорив, она не повернулась и продолжала идти. — Да ты хоть знаешь, — сказала она, и по ее голосу я поняла, что она вот-вот расплачется, — да можешь ли ты представить себе, что значит понимать: что бы ты ни делала, это ничего не изменит? Что бы ты ни делала, это не защитит людей, которых ты любишь! Что все, что ты в состоянии сделать, — совершенно бесполезно!

Я могла.

— И тем не менее ты это делаешь, как бы то ни было.

— Как суеверный дикарь. — Теперь она уже плакала. — Что бы я ни делала, это ничего не изменит. Но я заставлю тебя смотреть на это. Я заставлю тебя увидеть, что ты сделала, и после этого до конца жизни, если ты отвернешься, если когда-либо заявишь, что поступаешь справедливо или правильно, тебе придется откровенно лгать себе.

— Уважаемая Кветер, — сказала я, — ты та-

кая идеалистка и так молода, что и понятия не имеешь, как легко людям обманывать самих себя. — К этой минуте вершины гор осветились и мы оказались уже почти у горного хребта.

— Я все равно это сделаю.

— Конечно, — согласилась я, и остаток пути мы прошли в молчании.

Сначала мы остановились у меньшего дома. Кветер отказалась и от чая, и от еды и стояла у двери, по-прежнему сложив руки на груди.

— В главном здании еще никто не проснулся, — сказала я ей. — Если извинишь меня на минуту, я бы хотела одеться и кое-что сделать, а затем мы сможем подойти к дому и подождать магистрата. — Она подняла локоть и плечо, показывая, что ей безразлично, буду я что-то делать или нет.

«Меч Атагариса» находилась в гостиной капитана Хетнис, все так же лицом вниз на крышке стола, лежащей на полу. Ее спина была покрыта толстым черным панцирем восстановителя. Я присела на корточки рядом с ней.

— «Меч Атагариса», — тихо сказала я на случай, если она спит, и не желая беспокоить капитана Хетнис.

— Капитан флота, — ответил она.

— Тебе удобно? Может, тебе что-нибудь нуж-

но?

Мне показалось, что долю секунды она колебалась, прежде чем ответить.

— Мне не больно, капитан флота, и Калр Пять и Калр Восемь были очень любезны. — Еще пауза. — Спасибо.

— Пожалуйста, дай знать любой из них, если что-нибудь понадобится. Сейчас я собираюсь одеться и пойти в главное здание. Думаю, весьма вероятно, что мы захотим уехать до завтрашнего дня. Как думаешь, мы сможем тебя переместить?

— Думаю, да, капитан флота. — Опять такая же пауза. — Капитан флота. Сэр. Могу ли я задать вопрос?

— Разумеется, корабль.

— Почему вы вызвали врача?

Я действовала, не размышляя особо почему. Просто сделала то, что в ту минуту казалось правильным и очевидным.

— Потому что я не думаю, что тебе хотелось оказаться слишком далеко от своего капитана. И я не вижу причин тратить впустую вспомогательные компоненты.

— Со всем уважением, сэр, если шлюзы не откроются в скором времени, в этой системе имеется лишь ограниченный запас специали-

зированных восстановителей. А у меня есть несколько дублеров в хранилище.

Дублеры. Человеческие существа в анабиозе, ожидающие смерти.

— Ты бы предпочла, чтобы я бросила этот сегмент и его ликвидировали?

Три секунды молчания. Затем:

— Нет, капитан флота.

Открылась внутренняя дверь, и вышла капитан Хетнис, полуодетая; похоже, она только что проснулась.

— Капитан флота, — сказала она. Несколько ошеломленная, подумала я.

— Я просто проверила, как тут «Меч Атагариса», капитан. Жаль, если я вас разбудила. — Я поднялась. — Я собираюсь в главный дом, встретиться с районным магистратом, как только оденусь и чем-нибудь перекушу.

— Сэр. Вы нашли особу, которая это сделала? — спросила капитан Хетнис.

— Да. — Развивать эту тему я бы не хотела.

Но она не спросила о подробностях.

— Я буду внизу через несколько минут, капитан флота, с вашего разрешения.

— Разумеется, капитан.

* * *

Кветер все так же стояла у двери, когда я спустилась. Сирикс сидела за столом с куском хлеба и чашкой чая перед собой.

— Доброе утро, капитан флота, — сказала она, увидев меня. — Я бы хотела пойти в дом с вами.

Кветер усмехнулась.

— Как угодно, гражданин. — Я взяла свой кусок хлеба, налила себе чашку чая. — Мы только ждем, когда будет готова капитан Хетнис.

Капитан Хетнис спустилась через несколько минут. Она ничего не сказала Сирикс, бросила быстрый взгляд на Кветер и отвернулась. Подошла к буфету налить себе чаю.

— Калр Восемь останется здесь присмотреть за «Мечом Атагариса», — сказала я, а затем обратилась к Кветер на Радчааи: — Гражданин, вы уверены, что ничего не хотите?

— Нет, *премного* благодарна вам, гражданин. — Голос Кветер был полон горечи и сарказма.

— Как хотите, гражданин, — ответила я.

Капитан Хетнис смотрела на меня с откровенным изумлением.

— Сэр, — начала она.

— Капитан, — вставила я, не дав ей высказать

то, что она намеревалась, — вы едите или мы можем идти? — Я отправила в рот последний кусочек хлеба. Сирикс уже покончила со своим.

— Я допью чай по пути, сэр, с вашего разрешения.

Кивнув, я проглотила остатки чая и вышла, не обернувшись, чтобы посмотреть, последовал ли кто-нибудь за мной.

Служанка ввела нас в ту же сине-золотую гостиную, в которой мы встречались накануне. К этому времени солнце оказалось почти над горами и озеро в окне будто покрылось ртутью. Капитан Хетнис уселась в кресло, Сирикс осмотрительно выбрала другое, в трех метрах от него. Пять заняла свое обычное место у двери, а Кветер вызывающе стояла посреди комнаты. Я подошла туда, где стоял струнный инструмент, чтобы осмотреть его. Четыре струны и нет ладов, а деревянный корпус инкрустирован перламутром. Интересно, как он звучит, подумала я. Играют ли на нем смычком, перебирают струны или пощипывают их?

Вошла районный магистрат.

— Капитан флота, своим отсутствием вы заставили нас волноваться прошлой ночью. Но ваш солдат заверила нас, что с вами все в порядке.

Я поклонилась.

— Доброе утро, магистрат. И я сожалею, что заставила вас тревожиться. К тому времени, когда мы готовы были вернуться, пошел дождь, поэтому мы остались на ночь. — Пока я говорила, в комнату вошли Фосиф и Раугхд. — Доброе утро, граждане, — сказала я, кивнув в их сторону, а затем снова повернулась к магистрату. — Магистрат, я бы хотела представить гражданина Кветер. Я обещала ей возможность поговорить непосредственно с вами. Думаю, очень важно, чтобы вы выслушали, что она скажет.

Раугхд усмехнулась. Закатила глаза и покачала головой.

Магистрат бросила взгляд в ее сторону и спросила:

— А гражданин Кветер говорит на радчааи?

— Да, — ответила я, не обращая внимания на Раугхд. Я повернулась к Кветер. — Гражданин, вот районный магистрат, как я обещала.

Минуту Кветер молчала, просто стояла прямо посреди комнаты. Затем повернулась к магистрату. Сказала, не поклонившись:

— Магистрат. Я хочу объяснить, что произошло. — Она говорила очень медленно, подбирая слова.

— Гражданин, — ответила магистрат, прогова-

ривая отчетливо, словно общалась с маленьким ребенком, — капитан флота обещала, что у вас будет возможность поговорить со мной, и вот я слушаю.

Кветер помолчала еще. Пытаясь, подумала я, удержаться от саркастического ответа.

— Магистрат, — сказала она наконец, говоря по-прежнему четко и ясно, чтобы смогли понять все, несмотря на ее акцент, — возможно, вам известно, что чайные плантаторы и их дочери иногда развлекаются за счет полевых работников.

— О! — воскликнула Раугхд, оскорбленная до глубины души и разъяренная донельзя. — Да я в пятидесяти метрах от полевого работника не могу пройти, чтоб на меня не накинулись с лестью и заигрываниями, всячески пытаясь привлечь мое внимание в надежде на подарки или на то, что пожалую статус клиента. И вот это — мое развлечение за их счет, так, что ли?

— Гражданин Раугхд, — сказала я, спокойным, лишенным эмоций голосом, — Кветер была обещана возможность высказаться. Вы получите свою возможность, когда она закончит.

— А тем временем я должна стоять тут и все это слушать? — закричала Раугхд.

— Да, — ответила я.

Раугхд с мольбой посмотрела на мать. Фосиф сказала:

— Успокойся, Раугхд, капитан флота обещала Кветер, что она сможет высказаться. Если будет что сказать потом, мы получим свой шанс. — Ее голос звучал ровно, выражение лица оставалось доброжелательным, как всегда, но я подумала: она подозревает, что может случиться дальше.

Капитан Хетнис, казалось, была сбита с толку, на мгновение ей захотелось что-то сказать, но она заметила, что я наблюдаю за ней. Сирикс пристально смотрела куда-то вдаль. Злая. Я ее не винила.

Я повернулась к Кветер:

— Продолжайте, гражданин.

Раугхд возмущенно хмыкнула и плюхнулась в ближайшее кресло. Ее мать осталась стоять, полная спокойствия.

Кветер сделала размеренный вдох.

— Чайные плантаторы и их дочери иногда развлекаются за счет полевых работников, — повторила она. Не знаю, слышал ли кто-нибудь еще в этой комнате, как тщательно она следит за своим голосом. — Конечно, мы всегда льстим и притворяемся, что хотим этого. — Раугхд резко, скептически хмыкнула. Кветер продолжила:

— Большинство из нас, во всяком случае. Любой в этом доме держит… может превратить нашу жизнь в сплошное страдание. — Она чуть не сказала, что любой в этом доме держит жизни полевых работников в своих руках — это выражение, переведенное с дельсига на радчааи буквально, звучало бы пошло.

Районный магистрат сказала с недоверием в голосе:

— Гражданин, вы обвиняете гражданина Фосиф или кого-нибудь еще в этом домохозяйстве в дурном обращении?

Кветер моргнула. Сделала вдох. Сказала:

— Благосклонность или немилость гражданина Фосиф, а также любого другого в этом доме может означать, будет предоставлен кредит или в нем откажут, будет дополнительная еда для детей или нет, появится возможность дополнительной работы или нет, будет доступ к медицинским средствам или нет.

— *Есть же доктор,* вы знаете, — сказала Фосиф, в ее голосе прозвучала некоторая резкость, чего раньше я не слышала.

— Я познакомилась с вашим доктором, — сказала я. — Не могу никого обвинять в том, что с ней не желают иметь дело. Гражданин Кветер,

продолжайте, прошу вас.

— В развлекательных постановках, — сказала Кветер, сделав очередной вдох, — красивые незнатные радчааи возвышаются богатыми и могущественными. Может быть, такое и случается, но только не с *нами.* Лишь младенец способен думать, что это когда-нибудь произойдет. Я говорю вам это, чтобы вы понимали, почему дочь этого семейства встречают лестью и дают все, что она пожелает.

По выражению лица районного магистрата я поняла, что она почти не видит разницы между этим и тем, что описывала Раугхд. Она посмотрела на меня, слегка нахмурившись.

— Продолжай, Кветер, — произнесла я, прежде чем магистрат успела сказать то, что, по-моему, она думала. — Я обещала, что ты сможешь высказаться.

Кветер продолжила:

— В течение последних нескольких лет гражданину Раугхд нравилось требовать, чтобы моя младшая сестра… — она засомневалась, — выполняла определенные действия, — закончила она.

Раугхд рассмеялась.

— О, мне не приходилось ничего *требовать.*

— Вы не слушали, гражданин, — вмешалась

я. — Гражданин Кветер только что объяснила, что ваше малейшее желание является фактически требованием и что, вызвав ваше недовольство каким бы то ни было образом, полевой работник навлечет на себя различные трудности.

— И ничего плохого во всем этом не было, — продолжила Раугхд, словно я и не говорила ничего. — А знаете ли, вы, оказывается, в самом деле лицемерны, капитан флота. При всем этом осуждении сексуальной непристойности вы привезли с собой свою любимицу-самиренда, чтобы она ублажала вас, пока вы, по общему мнению, пребываете в полном, надлежащем трауре.

Теперь я поняла, почему Раугхд сделала такой поспешный, банальный ход в мою сторону, — она думала, что ей нужно обойти Сирикс.

Сирикс издала резкий, удивленный смешок.

— Вы льстите мне, гражданин Раугхд. Сомневаюсь, чтобы капитан флота когда-нибудь думала обо мне в таком свете.

— Как и вы обо мне, я уверена, — согласилась я. — Сирикс кивнула в знак согласия, ее это искренне позабавило, насколько я заметила. — Ближе к делу, гражданин; в четвертый раз гражданина Кветер прервали. Если вы не в состоянии сдерживаться, мне придется попросить вас

покинуть комнату, пока она говорит.

Раугхд вскочила на ноги, как только я закончила.

— Да как вы *смеете!* — воскликнула она. — Будь вы хоть родственницей самого бога, мне нет дела до этого, и вы можете *думать*, что вы лучше всех в этой системе, но вы не отдаете приказов в *этом* доме!

— Я не думала, что обитатели этого дома могут настолько пренебрегать элементарными правилами приличия, — сказала я совершенно спокойным голосом. — Если здесь гражданин не может говорить, чтобы его не прерывали, меня вполне устроит, если Кветер расскажет свою историю магистрату где-нибудь еще и с глазу на глаз. — Последние слова были слегка подчеркнуты.

Фосиф услышала этот акцент. Бросила на меня взгляд. Сказала:

— Сядь и успокойся, Раугхд. — Наверняка она знает свою дочь достаточно хорошо, чтобы догадаться, что произошло, по крайней мере в общих чертах.

Услышав свою мать, Раугхд застыла. Казалось, она даже не дышит. Я вспомнила, как Калр Пять и Восемь застали разговор слуг о том, что Фосиф

сказала: у нее достаточно времени, чтобы вырастить новую наследницу. Интересно, как часто Раугхд слышала эту угрозу.

— Ну вот, Раугхд, — сказала районный магистрат, слегка нахмурившись. Озадаченная, как мне показалось, тоном Фосиф. — Я понимаю, что ты расстроена. Если бы кто-то попытался убить меня вчера, мне было бы очень трудно успокоиться. Но капитан флота не сделала ничего обидного: всего лишь обещала этой особе, — она указала в сторону Кветер, молча стоящей посреди комнаты, — что она сможет что-то сказать мне, а потом старалась сдержать свое обещание. — Она повернулась к Кветер. — Кветер, да? Ты отрицаешь, что заложила взрывчатку в баню?

— Я не отрицаю этого, — ответила Кветер. — Я намеревалась убить дочь семейства. Сожалею, что мне это не удалось.

Все потрясенно молчали. Конечно, все это знали, но теперь, когда это было сказано во всеуслышание так откровенно, что-то внезапно изменилось. Потом магистрат произнесла:

— Не представляю, что бы ты могла сказать такого, что изменило бы последствия. Ты все еще хочешь говорить со мной?

— Да, — просто ответила Кветер.

Районный магистрат повернулась к Раугхд:

— Раугхд, я пойму, если вы предпочтете выйти. Если вы останетесь, то будет лучше с вашей стороны, если вы позволите этой особе закончить свою речь.

— Я останусь, — ответила Раугхд с вызовом.

Магистрат снова нахмурилась.

— Что ж. — Она повелительно кивнула Кветер. — Тогда давайте с этим покончим.

— Дочь семейства, — сказала Кветер, — знала, что я ненавижу ее за то, что она злоупотребляла моей сестрой. Она пришла ко мне и сказала, что хочет, чтобы капитан флота умерла, что капитан флота всегда купается рано, пока еще никто не проснулся, и взрыв в бане в правильное время наверняка ее убьет.

Раугхд опять усмехнулась, сделала вдох, чтобы заговорить, но потом встретила взгляд своей матери и ничего не сказала, а просто сложила на груди руки и, отвернувшись, уставилась на античный сине-зеленый сервиз, стоящий на подставке в трех с половиной метрах от нее.

— Дочь семейства, — продолжила Кветер твердым голосом, но чуть погромче на случай, если кто-нибудь попытается заговорить, — сказала мне, что она предоставит мне взрывчатку, если я

не знаю, где ее взять. Если я откажусь, дочь семейства совершит это сама и обеспечит, чтобы вина пала на мою сестру. Если я выполню ее желание, она сделает мою сестру клиентом и проследит, чтобы меня не обвинили. — Тут она бросила взгляд на Раугхд, которая по-прежнему стояла спиной ко всем остальным в комнате. Сказала с испепеляющим презрением: — Дочь семейства думает, что я дура. — Она снова посмотрела на магистрата. — Я могу понять, почему кто-то может хотеть убить капитана флота, но у *меня* нет с ней никаких личных разногласий. Дочь семейства — это другое дело. Я знала: что бы ни случилось, я пройду через службу безопасности, а моей сестре достанется лишь горе. За такую цену почему бы не избавиться от особы, которая угрожала моей сестре?

— Ты очень четко выражаешь свои мысли, — сказала магистрат после трех секунд молчания. — И, судя по всему, довольно сообразительна. Ты понимаешь, я надеюсь, что не можешь солгать, так чтобы тебя не раскрыли. Компетентно проведенный допрос с применением препаратов раскрывает самые тайные мысли. Но, конечно, если бы власти допустили, что ты действительно виновна, они могли бы не суетиться с проведени-

ем такого допроса. А если кто-то ошибочно верил во что-то, допрос не выявил бы истины.

— Допросите дочь семейства, магистрат, — сказала Кветер, — и узнайте, правду ли я сказала.

— Ты признаёшь, что пыталась убить гражданина Раугхд, — сухо заметила магистрат, — и что у тебя имеются, как ты выразилась, личные разногласия с ней. У меня нет оснований полагать, что ты не сочиняешь все это, просто чтобы причинить ей как можно больше неприятностей.

— Я выступлю с официальным обвинением, если таковое понадобится, магистрат, — сказала я. — Но скажите мне, вы обнаружили источник взрывчатки?

— Служба безопасности подтверждает, что она, вероятно, со стройплощадки. Но ни с одной из ближайших не поступало сообщения о пропаже.

— Возможно, — предположила я, — смотрителям этих площадок следует на самом деле проверить свои запасы взрывчатки и убедиться, что они соответствуют документам. — Я подумывала также добавить, что службе безопасности следует уделить особое внимание тем местам, где работают друзья дочери семейства или где она недавно бывала.

Магистрат приподняла бровь.

— Я отдала такой приказ, прежде чем спуститься на встречу с вами сегодня утром.

Я кивнула.

— В таком случае у меня только одна просьба. Всего одна, после чего я оставлю это дело вам, магистрат, как это надлежит. — Магистрат кивнула, и я продолжила: — Я бы хотела задать личной служанке гражданина Раугхд один вопрос.

Служанка Раугхд вошла в комнату через несколько минут, полных напряженного ожидания.

— Гражданин, — обратилась я к ней, — ваши руки наполнены благословением, и никакая ложь не сойдет с ваших губ. — Сказала это на радчааи, хотя это был перевод, бесспорно грубый, тех слов, что я услышала в кухне в тот день через Восемь. Их говорила надсмотрщица, когда клала кусочки медового пирога в рот служанке Раугхд. — Где гражданин Раугхд взяла взрывчатку?

Служанка уставилась на меня, застыв на месте. Поражена ужасом, подумала я. Никто никогда не обращал внимания на слуг, за исключением других слуг, особенно в этом доме.

— Я прошу прощения, капитан флота, — сказала она после бесконечного молчания. — Я не понимаю, что вы имеете в виду.

— Давай, гражданин, — сказала я. — Гражданин Раугхд и вздоха не сделает без твоего ведома. О, иногда тебя не было с ней в Подсадье, иногда она посылает тебя с поручениями, пока чем-то занимается, но, как хорошая личная служанка, ты знаешь все. А это не было сделано под влиянием минуты, не то что надпись «Не чай, но кровь» на стене в тот раз. — Она пыталась вычистить перчатки Раугхд, прежде чем кто-нибудь смог осознать, что на них краска. — Это было по-другому. Это было сложно, это планировалось заранее, и она не сделала бы всего сама, *для этого,* в конце концов, есть хорошая личная служанка. И как бы то ни было, правда вышла наружу. Гражданин Кветер рассказала все магистрату.

Ее глаза наполнились слезами. Губы задрожали и опустились.

— Я не хорошая личная служанка, — ответила она. По щеке покатилась слеза. Я ожидала молча, пока она спорила сама с собой — то ли о том, что сказать, то ли сказать или не Сказать, — не знаю, но я увидела этот внутренний конфликт в выражении ее лица. Больше никто не говорил. — Если бы я была такой, ничего этого не случилось бы, — сказала она наконец.

— Она всегда была неуравновешенной, — за-

метила Раугхд. — С детства я всегда старалась укрыть ее. Защитить.

— Это не твоя вина, — сказала я служанке Раугхд, не обращая внимания на саму Раугхд. — Но ты знала, что сделала Кветер. Или подозревала по какой-то причине. — Она, вероятно, сделала очевидное заключение, которого не сделала Раугхд: Кветер, загнанная в угол, просто не поступит так, как ей сказано. — Вот почему ты не пришла вчера в баню, когда Раугхд позвала тебя. — А Раугхд потеряла терпение, ожидая служанку; покинула баню, чтобы поискать ее, и в результате не погибла от взрыва. — Где Раугхд взяла взрывчатку?

— Она достала ее на спор пять лет назад. С тех пор взрывчатка лежала в коробке в ее комнате.

— И ты можешь сказать нам — где, когда и как, чтобы мы смогли это подтвердить? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Да.

— Она выдумывает! — вмешалась Раугхд. — После всего, что я для нее сделала, она так поступает со мной! А ты! — Она повернулась ко мне. — Брэк Мианнаи. Ты задумала это против моей семьи с тех пор, как прибыла в эту систему. Эта нелепая история о том, как опасно путешествовать в шлюзах, — очевидная выдумка. Ты привезла

в этот дом известную преступницу. — Сказав это, она не посмотрела на Сирикс. — А теперь ты обвиняешь меня — в чем? В том, что я пыталась взорвать сама себя? Я не удивлюсь, если *ты* все это спланировала.

— Ты видишь? — сказала я служанке Раугхд, которая все еще стояла там, плача. — Это вовсе не твоя вина.

— Это будет просто, гражданин, — сказала магистрат Раугхд, нахмурившись, — проверить историю, рассказанную вашей служанкой. — Я увидела, что Фосиф заметила это обращение, более официальное «гражданин» вместо «Раугхд». — Но мы могли бы обсудить это где-то в другом месте. Думаю, вам лучше оставаться со мной в городе, пока мы во всем не разберемся.

Служанка Раугхд и Кветер, разумеется, не получили такого приглашения. Останутся в камерах службы безопасности, пока не завершатся допросы, а их соответствующим образом не перевоспитают. Тем не менее заблуждений относительно сути этого приглашения не оставалось.

Гражданин Фосиф на сей счет не заблуждалась. Она явно пребывала в смятении.

— Мне следовало осознать, что до этого дойдет. Я защищала Раугхд слишком долго. Я всегда

надеялась, что она станет лучше. Но я никогда не думала… — Она умолкла, очевидно не сумев выразить, чего же именно она никогда не думала. — Подумать только, я могла оставить мой чай в руках той, что способна на такое!

Раугхд замерла на целую секунду.

— Ты этого не сделаешь, — произнесла она с нажимом, почти шепотом. Словно не вполне владела голосом.

— А что, у меня есть выбор? — спросила оскорбленная в лучших чувствах Фосиф, являя собой воплощенное раскаяние.

Раугхд повернулась. Сделала три длинных шага к сервизу на подставке. Взяла коробку, подняла ее над головой обеими руками и швырнула оземь. Фарфор разбился вдребезги, синие и зеленые осколки разлетелись по полу. Калр Пять, стоящая у двери, издала тишайший стон, неслышный никому, кроме нее и меня.

Воцарилась тишина. Никто не двигался, никто не говорил. Через несколько мгновений в двери появилась служанка, привлеченная, несомненно, грохотом сервиза.

— Вымети этот мусор, — сказала Фосиф, заметив ее. Ее голос был довольно спокоен. — И избавься от него.

— Вы выбрасываете его? — спросила я — отчасти потому, что была поражена, а отчасти, чтобы прикрыть еще один стон протеста Калр Пять.

Фосиф равнодушно махнула рукой.

— Он теперь никуда не годится.

Магистрат повернулась к Кветер, которая стояла прямо и безмолвно все это время.

— Ты этого хотела, Кветер? Всех этих страданий, распада семьи? Хоть убей, не могу понять, почему ты не вложила присущие тебе решимость и энергию в работу, чтобы улучшить положение — и свое, и своей семьи. Вместо этого ты взрастила и подпитывала эту… эту обиду и получила… — магистрат повела рукой, указывая на комнату, на ситуацию, — это.

Очень спокойно, очень медленно Кветер повернулась ко мне:

— Вы были правы в отношении самообмана, гражданин. — Невозмутимо, словно делая мимоходом замечание о погоде. На радчааи, хотя она могла также использовать дельсиг, который, как ей известно, я понимаю.

Ее замечание предназначалось не мне. Тем не менее я ответила:

— Вы в любом случае собирались высказаться, если получится, независимо от того, выйдет ли

из этого что-нибудь хорошее или нет.

Она зло и насмешливо приподняла бровь.

— Да, — согласилась она. — Собиралась.

Глава 18

С той минуты как мы покинули гостиную Фосиф, Сирикс, напряженная и молчаливая, не сказала ни слова почти на всем пути назад к базе Атхоек. Период молчания вышел особенно впечатляющим в связи с тем, что из-за ранения «Меча Атагариса» нам понадобилось большее, чем мы планировали, число мест на пассажирском челноке от подъемника до базы и поэтому пришлось целый день дожидаться рейса, на котором нашлось нужное дополнительное пространство.

Сирикс не заговаривала, пока мы не оказались на челноке, в одном часе пути до стыковки с базой. Мы сидели, пристегнутые ремнями, в своих креслах, Пять и Восемь — позади нас, их внимание было сосредоточено главным образом на сестре Кветер, которая страдала в течение всего полета: среди чужаков, тоскуя по дому, испытывая дезориентацию и тошноту в условиях микрогравитации, но отказавшись при этом принять любые препараты, расстраиваясь еще больше оттого, что ее слезы прилипали к глазам

или вырывались на свободу жидкими шариками, когда она вытирала лицо. В конце концов она уснула.

Сирикс приняла предложенные медикаменты и потому чувствовала себя физически лучше, но испытывала чувство тревоги, с тех пор как мы покинули горы. Даже дольше, подумала я. Я знала, что ей не нравится Раугхд, что у нее, напротив, есть достаточное основание возмущаться ею, но я подозревала, что она одна из всех людей в комнате в тот день понимала, что должна чувствовать Раугхд, услышав, как ее мать так легко, так спокойно говорит, что лишает ее наследства. Понимала, что заставило Раугхд разбить тот античный сервиз, который ее мать, несомненно, высоко ценила и которым гордилась. Гражданин Фосиф не передумала ни в отношении своей дочери, ни в отношении чайного сервиза. Калр Пять извлекла из мусора ту коробку с фрагментами фарфора и стекла, разбитыми вдребезги остатками чашек и термоса, которые просуществовали невредимыми более трех тысяч лет. До сих пор.

— Так, значит, то была справедливость? — спросила Сирикс. Тихо, словно она говорила не со мной, хотя больше никто ее не услышал бы.

— А что такое справедливость, гражданин? —

ответила я вопросом на вопрос. — Где справедливость во всей той ситуации в целом? — Сирикс промолчала, то ли рассердившись, то ли не сумев найти ответ. Оба этих вопроса сложны. — Мы говорим так, словно это нечто простое, проблема — как поступить правильно, как будто речь идет о чем-то вроде дневного чая и вопрос заключается в том, кто возьмет последнее пирожное. Так просто. Возложи вину на виновного.

— А это не так просто? — спросила Сирикс после нескольких мгновений тишины. — Есть верные действия, и есть неверные. Тем не менее я думаю, что, если бы вы были магистратом, вы бы позволили гражданину Кветер остаться на свободе.

— Если бы я была магистратом, то я была бы совершенно другой личностью, нежели сейчас. Но наверняка вы сочувствуете гражданину Кветер не меньше, чем гражданину Раугхд.

— Пожалуйста, капитан флота, — сказала она, сделав три длинных, медленных вдоха. Я ее разозлила. — Вы провели ночь в доме полевых работников. Вы явно знакомы с вальскаайцами и бегло говорите на дельсиге. Тем не менее это поразительно, что вы пошли в этот дом и вернулись на следующее утро с Кветер. Ни возражений, ни трудностей. И не успели мы еще покинуть

этот дом — прежде чем уехала *магистрат,* — полевые работники прислали Фосиф список требований. Именно в ту минуту, когда Фосиф не может рассчитывать на безусловную поддержку магистрата.

Я не сразу поняла, что она имеет в виду.

— Вы думаете, что я подбила их на это?

— Мне сложно поверить в простую случайность, когда необразованные и нецивилизованные полевые работники, которые более десяти лет не могли решиться на забастовку, пошли на это сейчас.

— Это вовсе не случайность. И в то время как они необразованны, едва ли они нецивилизованны. Вальскаайцы в полной мере способны спланировать такое самостоятельно. Они понимают положение Фосиф так же хорошо, как любой другой. Возможно, лучше многих.

— А то, что Кветер пришла с вами с такой готовностью, не было ли частью сделки? Не отпустят ли ее в конечном счете быстро и без наказания? А тем временем жизнь гражданина Раугхд разрушена.

— И никакого сочувствия к Кветер? Раугхд действовала по злобе и из-за оскорбленной гордости и убила бы не только меня, если бы преуспела.

Кветер столкнулась с безвыходной ситуацией. Как бы она ни поступила, все кончилось бы плохо.

Минута тишины. Затем:

— Все, что ей нужно было сделать, так это сразу пойти к магистрату.

Мне пришлось поразмыслить немного, чтобы понять, почему именно Сирикс подумала, что Кветер могла — или ей следовало — это сделать.

— Поймите же, — сказала я наконец, — что гражданин Кветер ни за что не подступилась бы к районному магистрату ближе, чем на километр, если бы я в прямой форме этого не потребовала. И я прошу вас вспомнить, что обычно происходило в прошлом, когда гражданин Раугхд дурно вела себя.

— Тем не менее, если бы она говорила, как надо, ее могли бы выслушать, — ответила Сирикс.

Кветер была права, не ожидая никакой помощи от районного магистрата, я в этом уверена.

— Она совершила свой выбор, и последствий этого ей не избежать. Я очень сомневаюсь, что она легко отделается. Но я не могу ее осуждать. Она была готова пожертвовать собой, чтобы защитить сестру. — Именно Сирикс должна одобрить но крайней мере это. — Вы думаете, что,

если бы лорд Радча была здесь, она бы прозрела все насквозь и дала каждому поступку и душе каждого действующего лица должную оценку? Свершила совершенное правосудие? Вы думаете, это возможно, чтобы все всегда получали по заслугам, не больше и не меньше?

— Так в этом и состоит справедливость, гражданин, не так ли? — спросила Сирикс — на вид спокойно, но по некоторой зажатости ее голоса и ровному тону я поняла, что сейчас она злится. — Если Раугхд или Кветер захотят подать апелляцию по своему делу, то нет инстанции, куда они могли бы обратиться сейчас, когда мы отрезаны от дворцов. Вы для нас — ближайшее подобие лорда Радча, но вы вовсе не беспристрастны. И я не могу не заметить, что каждый раз, как вы куда-нибудь приезжаете впервые, вы отправляетесь прямиком в самые низы и начинаете вербовать сторонников. Конечно, было бы неумно полагать, что дочь Мианнаи может появиться где-то и не погрузиться незамедлительно в политику. Но теперь, когда я вижу, что вы нацелили вальскаайцев на Фосиф, мне интересно, на кого вы планируете нацелить ичана.

— Я ни на кого не нацеливала вальскаайцев. Полевые работники вполне способны строить

собственные планы, и я вас заверяю, что у них таковые имеются. Что касается Подсадья, то вы там живете. Вы знаете, каковы там условия, и понимаете, что его следовало отремонтировать давным-давно.

— Вы могли что-то сказать о вальскаайцах на ухо самому магистрату.

— На самом деле я так и сделала.

— И, — продолжила Сирикс, будто я ничего не сказала, — многие из проблем ичана могли бы разрешиться, стань они лучшими гражданами.

— Насколько же хорошим гражданином нужно быть, — спросила я, — чтобы иметь воду, воздух и медицинскую помощь? А ваши соседи знают, что вы столь низкого мнения о них? — Я в этом не сомневалась. Как и полевые работники — вальскаайцы, они знают.

Сирикс больше ничего не сказала до самого конца путешествия.

Лейтенант Тайзэрвэт встретила нас у причала. Испытывая облегчение при виде нас, радостно предвкушая… что-то. Испытывая тревогу, возможно — по той же причине. Пока мимо вереницей шли другие пассажиры, я смотрела глазами Пять и Восемь, видела, что вспомогательным компонентом «Меча Атагариса» занялись

врачи и другой его сегмент, а третий вспомогательный компонент «Меча Атагариса» заняла место позади капитана Хетнис.

Лейтенант Тайзэрвэт поклонилась:

— С возвращением, сэр.

— Благодарю, лейтенант. — Я повернулась к капитану Хетнис. — Капитан, я жду вас завтра с утра.

Она поклонилась в ответ, а мы вышли в коридор и направились к лифту, который доставит нас в Подсадье. Праздник гениталий давно закончился — в коридорах не было крошечных ярко окрашенных пенисов, и последние конфетные обертки из фольги отправились на переработку.

И — хотя я уже знала об этом, видела глазами Тайзэрвэт и Бо Девять — у входа в Подсадье не было сломанного стола. Там оказалась открытая секционная дверь, и индикатор должным образом указывал, что дверь функционирует как подобает и воздух имеется по обе ее стороны. Далее — истертый, но хорошо освещенный коридор. «Милосердие Калра» показал мне, что лейтенант Тайзэрвэт испытала небольшой прилив гордости. Ей не терпелось продемонстрировать мне все это.

— Все секционные двери, ведущие из Подсадья

на этом уровне, отремонтированы, сэр, — сказала Тайзэрвэт, когда мы входили в коридор Подсадья. — Они добились хороших результатов с дверями на уровне два. Третий и четвертый, разумеется, на очереди. — Мы вошли на крошечную импровизированную площадь Подсадья. Теперь она хорошо освещалась, фосфоресцирующая краска вокруг двери чайной была едва заметна, хотя оставалась на месте, так же как и подсохшие лужицы, и следы ног. Два горшка с растениями стояли по бокам скамьи посередине открытого пространства, в обоих заросли толстых лопастевидных листьев устремлены вверх, пара из них — почти с метр высотой. Лейтенант Тайзэрвэт увидела, что я их заметила, но никаких опасений ее лицо не выдало. Растения, разумеется, результат ее разговора с Баснаэйд. Это маленькое пространство теперь казалось еще меньше, будучи ярко освещенным и даже наполненным людьми, среди которых присутствовали не только местные жители, но и сотрудники отдела техобслуживания базы в серых комбинезонах.

— А водопровод? — спросила я, не упоминая про растения.

— В этой части уровня один сейчас есть вода. — Удовлетворение, которое испытала Тайзэрвэт,

сказав это, почти заслонило ее страх, что я заметила: она проводила время в садоводстве. — Работы по-прежнему ведутся в других секциях, а на уровне два — только начались. В некоторых местах дело идет медленно, сэр, и я боюсь, что уровень четыре все еще… неудобен в этом аспекте. Здешние жители согласились с тем, что лучше начать оттуда, где живет большинство людей.

— Совершенно верно, лейтенант. — Конечно, я уже знала большую часть из этого, присматривая вполглаза за Тайзэрвэт, Бо Девять и Калр Десять, за тем, что происходит здесь, на базе, пока была внизу.

За мной и Тайзэрвэт остановилась Сирикс, заставив Пять и Восемь, идущих следом и сопровождающих сестру Кветер, все так же молчаливо-несчастную, тоже остановиться.

— И что насчет тех самых жителей? У меня по-прежнему есть мое жилье, лейтенант?

Тайзэрвэт улыбнулась, это приобретенное на практике дипломатичное выражение лица, как я знала, она очень часто применяла за последнюю неделю.

— За всеми проживающими в Подсадье во время начала работ были официально закреплены те помещения, которые они использовали. Ваша

комната по-прежнему ваша, гражданин, хотя теперь она лучше освещена и со временем будет лучше проветриваться. — Она повернулась ко мне. — Были некоторые… опасения относительно установки камер. — На самом деле состоялась дискуссия во время встречи с администратором базы Селар здесь, на этой крошечной площади, — лифты еще не были готовы. Лейтенант Тайзэрвэт организовала эту встречу одной силой воли в сочетании с таким обаянием, которое удивило даже меня, а уж я-то подозревала, на что она может быть способна. Ни одного сотрудника службы безопасности, только Тайзэрвэт рядом с администратором базы. — В конечном счете решили, что камеры разместят в коридорах, но не в жилых помещениях, пока жители этого не попросят.

Сирикс издала саркастический смешок.

— Для некоторых даже камер в коридоре более чем достаточно. Но, полагаю, мне лучше отправиться домой и самой посмотреть, что вы там сделали.

— Думаю, вам понравится, гражданин, — ответила Тайзэрвэт все в том же дипломатическом ключе. — Но если у вас появятся проблемы или жалобы, дайте знать, не раздумывая, мне или любым членам команды «Милосердия Калра».

На это Сирикс ничего не сказала, лишь поклонилась и ушла.

— Ты могла отправлять людей напрямую к администрации базы, — сказала я, догадываясь, что беспокоило Сирикс.

Я снова пустилась в путь, приведя в движение нашу маленькую процессию. Мы завернули за угол и обнаружили, что двери лифта открылись для нас. База наблюдала.

На «Милосердии Калра» Сеиварден стояла нагая в бане, где ее обслуживала Амаат.

— Значит, капитан флота благополучно вернулась, — сказала она.

— Да, лейтенант. — Амаат говорила за корабль.

На базе Атхоек, в Подсадье, я вошла в лифт с Тайзэрвэт, моими Калр и сестрой Кветер. «Милосердие Калра» показал мне минутное сомнение лейтенанта Тайзэрвэт, когда она размышляла, и не впервые, над тем, насколько вероятно, что я видела снизу все, что она делала.

— Я знаю, что мне *следовало* отправлять их к администрации базы, сэр. Но большинство людей, которые живут здесь, предпочли бы туда не ходить. Мы — ближе. И мы это начали, и мы живем тут. В отличие от администрации. — Краткий миг неуверенности. — Не все местные этим

довольны. Здесь проходит некоторое количество контрабанды. Краденые товары, запрещенные наркотики. Те, кто зарабатывает этим на жизнь, не рады тому, что теперь база ведет наблюдение, пусть только в коридорах.

Я снова подумала о Сеиварден. Она весьма ясно выразилась о своей решимости никогда больше не принимать кефа и до сих пор придерживалась своего намерения. Но раньше, когда его принимала, она проявляла впечатляющую способность находить наркотик и способы добывать его, где бы ни была. Хорошо, что я оставила ее командовать «Милосердием Калра», а не привезла сюда.

Все еще в бане, на «Милосердии Калра», Сеиварден скрестила руки. Разняла их снова. Этот жест знаком мне многие месяцы. Он удивил Амаат, которая обслуживала ее, хотя внешне это удивление проявилось лишь в том, что она быстро моргнула два раза. Слова: «Вы очень беспокоились» — появились в поле зрения Амаат.

— Вы очень беспокоились, — сказала она за корабль.

В лифте, в Подсадье на базе Атхоек, гордость, которую испытывала Тайзэрвэт, показывая мне, сколь многого удалось достичь, внезапно заглушили беспокойство и ненависть к самой себе, не

покидавшие ее все это время.

— Я вижу это, капитан флота, — сообщил мне корабль, прежде чем я успела что-то сказать. — Это в основном под контролем. Я думаю, она испытывает некоторое напряжение из-за вашего возвращения. Она боится, что вы не одобрите.

На «Милосердии Калра» Сеиварден не ответила кораблю сразу. Она только что сложила руки на груди — и сейчас осознала, что это означает, и устыдилась: ведь это многое говорило о ее душевном состоянии.

— Разумеется, я тревожился, — сказала она в конце концов. — Кто-то попытался взорвать моего капитана.

Амаат вылила порцию воды на голову Сеиварден, и она зафыркала, чтобы не дать ей попасть в рот и нос.

В лифте в Подсадье Тайзэрвэт сказала мне:

— Вне Подсадья в последние несколько дней были жалобы по поводу распределения жилья. — На вид спокойно, и только в голосе слышались слабые отзвуки ее чувств. — Есть такие, кто считает нечестным, что ичана собираются вдруг обзавестись роскошными жилищами и таким большим пространством, когда они этого не заслуживают.

— Какая мудрость, — заметила я сухо, — знать, чего заслуживает каждый.

— Да, сэр, — согласилась лейтенант Тайзэрвэт, испытав новый приступ вины. Подумывала сказать еще что-то, но воздержалась.

— Прошу прощения за то, что поднимаю эту тему, — сказал корабль Сеиварден голосом Амаат на «Милосердии Калра». — Я понимаю, что значит быть встревоженным покушением на жизнь капитана флота. Меня и самого это встревожило. Но вы солдат, лейтенант. И капитан флота — тоже. Это связано с определенной степенью риска. Я думал, вы к этому привыкли. Я уверен, что капитан флота привыкла.

Сеиварден испытывает тревогу, чувствуя себя вдвойне уязвимой, поскольку находится в бане, неприкрытой. Раскрытой вопросом корабля.

— Она не должна подвергаться риску, сидя в саду и попивая чай, корабль. — И безмолвно, чуть шевеля пальцами: — Ты тоже не хочешь ее терять. — Не желая произнести это вслух, чтобы услышала ее Амаат.

— Нигде нет полной безопасности, лейтенант, — сказал корабль через Амаат, а затем словами в поле зрения Сеиварден: — Со всем уважением, лейтенант, возможно, вам следует

проконсультироваться у врача.

Сеиварден охватила паника, лишь на мгновение. Озадаченная Амаат увидела, что Сеиварден застыла на месте, а потом слова корабля в своем поле зрения:

— Все в порядке, Амаат. Продолжай.

Сеиварден закрыла глаза и сделала глубокий, успокаивающий вдох. Она не сказала ни кораблю, ни врачу о своих прошлых трудностях с кефом. Была, я знаю, уверена, что это больше не станет для нее проблемой.

Корабль заговорил вслух или, скорее, показал Амаат то, что хочет сказать, и Амаат произнесла это:

— Вам не стоит волноваться о том, что придется взять командование на себя, если что-то случится. У вас некогда был свой корабль. — Сеиварден не ответила, стоя неподвижно на решетке, пока Амаат делала то, что нужно. Фраза предназначалась обеим.

— Нет, корабль, это меня не беспокоит. — Ответ Сеиварден был также предназначен главным образом для ее Амаат. Безмолвно она заметила: — Значит, она тебе сказала.

— *Ей не нужно было этого делать*, — ответил корабль в поле зрения Сеиварден. — У меня есть

некоторое знание мира, лейтенант, и я вижу вас насквозь. Вслух он произнес: — Вы правы. Когда капитан флота заваривает кашу, это не обычная история. Наверняка вы к этому успели привыкнуть.

— К этому не так-то легко привыкнуть, — ответила Сеиварден, изо всех сил стараясь звучать весело и непринужденно. И не произнесла ни про себя, ни вслух, что поговорит с врачом.

В лифте, в Подсадье на базе Атхоек, я сказала лейтенанту Тайзэрвэт:

— Мне нужно поговорить с губернатором Джиарод как можно скорее. Если я пойду в губернаторскую резиденцию, она сможет принять мое приглашение? — Звание и мнимое социальное положение предоставляли мне возможность несколько отступать от строгих правил приличия и оправдывали высокомерную безапелляционность даже по отношению к губернатору системы, но то, что я хотела с ней обсудить, потребует некоторой деликатности. Я могла бы просто отправить этот вопрос Калр Пять, в чьи обязанности входило решение такого рода задач, но знала, что в эту минуту три гражданина (один из которых — родственница Скаайат Оэр), бездельничают в моей гостиной, распивая чай

и ожидая Тайзэрвэт. Предполагалась не вполне светская встреча.

Лейтенант Тайзэрвэт моргнула. Сделала вдох.

— Я выясню, сэр. — Еще один вдох, чуть не нахмурилась, но удержалась, приложив усилие. — Вы собираетесь пообедать дома, сэр? Я не уверена, что там найдется нечто достойное губернатора системы.

— Ты имеешь в виду, — сказала я спокойно, — что обещала ужин своим друзьям и надеешься, что я не выставлю вас из нашей столовой. — Тайзэрвэт хотела опустить взгляд, отвернуться от меня, но сдержалась, ее лицо горело. — Своди их куда-нибудь. — Разочарование. Она хотела пообедать у нас по той же причине, что и я, — хотела побеседовать с этими людьми наедине. Или почти наедине, с обслуживанием только солдат Калр и наблюдением только со стороны корабля и, возможно, моим. — Изобрази меня каким угодно тираном. Они тебя винить не будут. — Дверь лифта открылась на уровне четыре, несколько метров от лифта были ярко освещены, а дальше световые панели по-прежнему прислонены к стене.

Сейчас это дом.

* * *

— Признаюсь, капитан флота, — сказала губернатор Джиарод за ужином позже, — что я в целом не слишком люблю пищу ичана. Если она не приправлена, то кислая и прогорклая. — Она взяла еще кусочек еды, стоящей перед ней. Это грибы и рыба в сброженном соусе, который и был причиной жалобы на «кислый и прогорклый» вкус. В данном случае он тщательно подслащен и приправлен специями, чтобы удовлетворить требованиям вкуса радчааи. — Но эта очень хороша.

— Я рада, что она вам нравится. Мне принесли ее из заведения на уровне один.

Губернатор Джиарод нахмурилась.

— А откуда грибы?

— Они выращивают их где-то в Подсадье.

— Мне придется упомянуть об этом садоводству.

Я проглотила кусочек рыбы с грибами, глотнула чая.

— Возможно, будет лучше позволить людям, которые стали знатоками, продолжать получать выгоду из своего знания дела. Они сильно потеряют, если это начнет производить садоводство, вам не кажется? Но представьте себе, как приятно

будет тем, кто их выращивает, если резиденция губернатора станет закупать грибы у них.

Губернатор Джиарод положила свою вилку, откинулась назад на сиденье.

— Итак, лейтенант Тайзэрвэт действует по вашему указанию. — Это не было non sequitur — нелогичным заключением, как могло показаться. Тайзэрвэт провела последнюю неделю, подстрекая обслуживающий персонал попробовать еду в Подсадье, а новый водопровод на уровне один облегчил работу людям, которые поставляли эту еду. Цель была вполне очевидной для такого человека, как губернатор Джиарод. — Вы привели меня сюда поговорить об этом?

— Лейтенант Тайзэрвэт действовала отнюдь не по моим приказам, хотя я одобряю то, что она сделала. Я уверена, вы осознаете, что продолжать изолировать Подсадье от остальной базы будет столь же пагубно, как и пытаться заставить здешних обитателей жить, как все остальные. — Сохранять равновесие в этой ситуации было бы… интересным. — Меня бы очень расстроило наблюдать, как все ценное, что здесь имеется, заберут из Подсадья, чтобы другие могли извлекать из этого выгоду где-то еще. Позвольте здешним семействам зарабатывать на том, что они выстро-

или. — Я глотнула чая. — Я бы сказала, что они это заслужили. — Губернатор сделала вдох, готовясь поспорить насчет того, что они выстроили. — По я пригласила вас сегодня вечером потому, что хотела спросить у вас о ссыльных вальскаайцах. — Я могла бы спросить об этом раньше, снизу, но заниматься делами во время полного траура было бы совершенно неправильно.

Губернатор Джиарод прищурилась. Опустила вилку, которую только что подняла.

— Ссыльные вальскаайцы? — Явно удивлена. — Я знаю о вашем интересе к Вальскааю, вы говорили об этом, когда приехали. Но…

Но это не объясняет поспешного, срочного приглашения на обед тет-а-тет менее чем через час после моей высадки с пассажирского челнока с Атхоека.

— Как я понимаю, их почти исключительно направляли на горные чайные плантации, это верно?

— Полагаю, да.

— И еще некоторое количество — по-прежнему в хранилище?

— Безусловно.

А теперь — к щекотливой части.

— Я бы хотела, чтобы кто-то из моего экипа-

жа лично проверил хранилище, в котором они складированы. Я бы хотела, — продолжила я, пока губернатор в замешательстве хранила молчание, — сравнить официальную инвентарную ведомость с тем, что там имеется на самом деле. — Вот почему ужин должен был состояться именно здесь. Не в резиденции губернатора и определенно не в одном из заведений, каким бы модным или, предположительно, скромным оно ни было. — Вы в курсе слухов, что в прошлом ссыльные самиренды неправомерно присваивались и продавались внесистемным рабовладельцам?

Губернатор Джиарод вздохнула.

— Это слухи, капитан флота, и не более того. Самиренды в большинстве своем стали добрыми гражданами, но некоторые из них по-прежнему не расстаются с давно лелеемыми обидами. Жители Атхоека применяли долговые контракты и вывозили рабов за пределы системы, но с этим было покончено к тому времени, как здесь появились мы. И я бы не подумала, что такого рода явление возможно теперь. У каждого ссыльного имеется устройство обнаружения, так же как и у каждого отсека временной приостановки жизнедеятельности. Все они пронумерованы и индексированы, и никто не попадет в то храни-

лище без правильных кодов доступа. Каждый корабль в этой системе также обладает своим устройством обнаружения, поэтому, даже если кто-то получит доступ и каким-то образом вывезет отсеки временной приостановки жизнедеятельности без разрешения, то установить, что за корабль там побывал, будет просто.

На самом деле губернатор знала о трех кораблях в этой системе, которые не имели устройств обнаружения, видимых ей. Один из них — мой.

Губернатор продолжила:

— Честно говоря, не понимаю, с чего бы вам доверять такому слуху.

— А хранилище оснащено ИИ? — спросила я. Губернатор Джиарод отрицательно повела рукой. Я была бы удивлена, если бы это оказалось не так. — Итак, оно, по существу, автоматизировано. Если взять отсек временной приостановки, то это отразится в системе.

— Там есть также и люди, которые за всем этим присматривают. Сейчас это скучная работа.

— Один или два человека, — предположила я. — И они отрабатывают там несколько месяцев или, возможно, год, а затем их заменяют другие. И никто не приходил за ссыльными годами, поэтому не было смысла проводить инвентаризацию.

А если это похоже на хранилища десантного корабля, то там не зайдешь и не посмотришь просто так. Отсеки временной приостановки не стоят аккуратными рядами, между которыми можно пройти, они составлены вплотную и, когда нужно, извлекаются механизмами. Имеются способы забраться туда и провести физическую инвентаризацию, но это неудобно, и никто не считал это необходимым.

Губернатор Джиарод молча смотрела на меня, забыв о своей рыбе, ее чай остыл.

— Зачем кому-то это делать? — спросила она наконец.

— Если бы существовал спрос на рабов или на части тел, то я сказала бы — ради денег. Я сомневаюсь, что такой спрос существует, хотя могу и ошибаться. Но мне сложно не думать обо всех военных кораблях, больше не имеющих вспомогательных компонентов, и обо всех людях, которые хотели бы, чтобы они их имели.

Капитан Хетнис вполне могла бы быть одним из таких людей. Но я этого не сказала.

— Ваш корабль не имеет вспомогательных компонентов, — указала губернатор Джиарод.

— Да, — согласилась я. — Обладает корабль вспомогательными компонентами или нет — это

не очень хороший показатель его мнения о том, что мы больше не производим их.

Губернатор Джиарод прищурилась; казалось, она удивлена и озадачена.

— Мнение корабля не существенно, не так ли? Корабли делают то, что им прикажут. — Я ничего не ответила, хотя многое могла сказать об этом. Губернатор вздохнула. — Что ж, а я-то думала: какое это имеет значение, когда идет гражданская война, которая может добраться и до нас? Теперь я вижу связь, капитан флота, но все же думаю, что вы гонитесь за слухом. И до того как я пришла сюда, я даже ничего не слышала о вальскаайцах, только о самирендах, из прошлого.

— Дайте мне коды доступа. — Я могла отправить «Милосердие Калра». У Сеиварден есть опыт с хранилищами десантных кораблей, она будет знать, что делать, когда я скажу ей, чего хочу. Прямо сейчас она стоит на вахте в центральной рубке. Чувствует себя не в своей тарелке после того разговора с кораблем. Сопротивляется побуждению скрестить на груди руки. Амаат, стоящая рядом, мурлычет: «Моя мать сказала, что все вертится». — Я сама позабочусь об этом. Если все так, как должно быть, то вы ничего не потеряете.

— Хорошо. — Она опустила взгляд на свою тарелку, взяла вилку и собиралась было подцепить ею кусочек рыбы, но остановилась. Опять опустила руку. Нахмурилась. — Хорошо, — повторила она. — Вы были правы насчет Раугхд Денчи, да.

А я-то думала: упомянет она об этом или нет? То, что Раугхд лишена наследства, станет общеизвестным фактом в течение дня, полагала я. Слухи обо всем остальном, что там произошло, в конце концов дойдут до базы, но никто станет говорить об этом вслух, особенно мне. Губернатор Джиарод, однако, единственный человек здесь, которому доступен полный, официальный рапорт.

— Мне не было приятно, что я оказалась права, — заметила я.

— Да. — Губернатор Джиарод снова опустила свою вилку. Вздохнула.

— Я бы также хотела, — произнесла я, прежде чем она успела сказать что-то еще, — чтобы вы приказали вице-губернатору проверить условия жизни и работы полевых работников на горных чайных плантациях. В частности, я подозреваю, что их заработная плата рассчитывается по несправедливому принципу. — Вполне вероятно, что полевые работники добьются того, чего хотели, от районного магистрата. Но я бы не стала

предполагать, что так оно и будет.

— Что вы пытаетесь делать, капитан флота? — Губернатор Джиарод, казалось, искренне недоумевает. — Вы приезжаете сюда и прямиком идете в Подсадье. Отправляетесь вниз, и внезапно возникают проблемы с вальскаайцами. Я думала, ваш приоритет — обеспечение безопасности граждан в этой системе.

— Губернатор, — ответила я, очень ровно, очень спокойно, — обитатели Подсадья и вальскаайцы, которые собирают чай, являются гражданами. Мне не понравилось то, что я обнаружила в Подсадье, и мне не понравилось то, что я обнаружила в горах внизу.

— А если вы чего-нибудь хотите, — заметила губернатор, и ее голос прозвучал резко, — то говорите об этом и ожидаете, что получите желаемое.

— Так же как и вы, — ответила я. Серьезно. По-прежнему спокойно. — Это приходит, когда становишься губернатором системы, правда? И с того места, где располагаетесь, вы можете позволить себе пренебрегать тем, что не считаете важным. Но этот вид — этот перечень важных вещей — выглядит совершенно по-другому, если сидишь где-то в другом месте.

— Это банальность, капитан флота, но некоторые точки зрения не включают в себя так же много, как другие.

— А откуда вы знаете, что ваша — не одна из них, если вы никогда не пробовали посмотреть откуда-то еще? — Губернатор Джиарод не ответила сразу. — Мы говорим о благополучии граждан, вот о чем.

Она вздохнула.

— Фосиф уже связывалась со мной. Полагаю, вы в курсе, что ее полевые работники угрожают прекратить работы, пока она не удовлетворит целый список их требований?

— Я услышала об этом только несколько часов назад.

— Занимаясь ими в таких обстоятельствах, мы вознаграждаем их за то, что они угрожают нам. Как думаете, отчего бы им впоследствии не попробовать это еще разок, если сейчас они получат, что хотят? А нам нужно, чтобы здесь все было спокойно.

— *Эти люди* являются гражданами, — повторила я, мой голос был максимально ровным и спокойным, насколько мне удалось добиться, не доходя до мертвой безжизненности вспомогательного компонента. — Если они будут вести

себя должным образом, вы скажете, что проблем нет. Если станут громко жаловаться, вы скажете, что они породили свои проблемы собственным неправильным поведением. А когда они будут доведены до крайности, вы скажете, что не поощряете таких действий. Так что же нужно, чтобы вы прислушались?

— Вы не понимаете, капитан флота, это же не…

Я оборвала ее, пренебрегая правилами хорошего тона:

— А чего будет стоить вам обдумать такую возможность? — На самом деле это вполне могло обойтись ей очень дорого: признанием самой себе, что она не столь справедлива, как всегда о себе думала. — Нам нужно, чтобы здесь все шло так, чтобы независимо от происходящего вне этой системы она оставалась безопасной и стабильной, даже если мы никогда больше не услышим о лорде Радча, даже если все шлюзы в пространстве Радча выйдут из строя. Мы не сможем добиться этого, угрожая десяткам или сотням граждан вооруженными солдатами.

— А если вальскаайцы решат поднять мятеж? Или, боже упаси, ичана — здесь, за этой дверью?

Честно говоря, иногда губернатор Джиарод

приводила меня в отчаяние.

— Я не отдам приказа солдатам стрелять в граждан. — На самом деле однозначно прикажу им не стрелять. — Люди не бунтуют без причин. А если вы находите теперь, что нужно обращаться с ичана осторожно, то это из-за того, как с ними обращались в прошлом.

— Мне следует смотреть с их точки зрения, да? — спросила она, приподняв бровь, в голосе прозвучала сардоническая нотка.

— Да, — согласилась я. — Другая возможность для вас — устроить на них облаву и либо перевоспитать, либо перебить всех до одного. — Первое было не силам службе безопасности базы. А я уже сказала, что не помогу со вторым.

Ее лицо исказилось от ужаса и отвращения.

— За кого вы меня принимаете, капитан флота? Почему вы думаете, что здесь кто-нибудь будет даже обдумывать такое?

— Я старше, чем выгляжу, — ответила я. — Я принимала участие не в одной аннексии и видела, как люди делали такое, о чем месяц или год назад поклялись бы, что никогда и ни за что не сделают.

Лейтенант Тайзэрвэт сидела за ужином со своими спутниками — внучкой шефа службы

безопасности базы, юной третьей кузиной чайного плантатора — не Фосиф, но одной из тех, чей чай Фосиф снисходительно провозгласила «приемлемым». Родственницей Скаайат Оэр. И гражданином Пайэт. Тайзэрвэт жаловалась на мою суровую, несгибаемую натуру, невосприимчивую к любым призывам. Баснаэйд, разумеется, там не было. Она не входила в этот социальный круг, и я приказала Тайзэрвэт держаться от нее подальше.

Губернатор системы Джиарод говорила через стол в моих апартаментах в Подсадье:

— Почему, капитан флота, вы думаете, что я буду одним из этих людей?

— Потенциально каждый может стать одним из этих людей, губернатор, — ответила я. — Лучше всего понять это прежде, чем сделать нечто такое, с чем потом будет трудно жить.

На самом деле лучше понять это прежде, чем кто-нибудь — возможно, дюжины людей — умрет, чтобы научить вас этому.

Но усвоить такой урок по-другому очень трудно, как я знала из личного опыта.

Глава 19

Сеиварден с ходу поняла мои наставления насчет хранилища ссыльных.

— Ты же не думаешь всерьез, — сказала она вслух, сидя на краю койки в своей каюте, и ее голос зазвучал в моем ухе, там, где я находилась в Подсадье, — что кому-то удалось стащить тела. — Она умолкла. — Зачем это нужно? И как они это сделали? Я имею в виду: во время аннексии, — она махнула рукой, то ли выбрасывая это из головы, то ли защищаясь, — случается все что угодно. Если бы ты сказала мне, что кто-то торгует рабами подобным образом, в такое время, меня бы это не особо удивило.

Но после того как на человека вешали ярлык, маркировали, учитывали, дело принимало совершенно другой оборот. Я знала так же хорошо, как и Сеиварден, что происходило с людьми во время аннексий — людьми, которые не являлись радчааи. Я также знала, что случаи, когда людей продавали таким образом, были крайне редки — ни один солдат-радчааи не мог даже вдоха сделать, чтобы об этом не стало известно его

кораблю.

Конечно, последние несколько столетий лорд Радча посещала корабли, и меняла коды доступа к ним, и, как я подозревала, передавала коды доступа людям, на чью поддержку рассчитывала, чтобы они могли действовать тайно, невидимые кораблям и базам, которые в противном случае сообщили бы о них властям. Неправильной половине Анаандер Мианнаи.

— Если тебе нужны вспомогательные компоненты, — сказала я тихо, оставшись одна в своей гостиной на базе Атхоек, после того как ушла губернатор Джиарод, — те тела могут оказаться вполне полезными.

Сеиварден молчала минуту, размышляя над этим. Ей не нравились выводы, к которым она пришла.

— У другой стороны здесь есть сеть. Вот что ты говоришь.

— Мы — ни на одной из сторон, — напомнила я ей. — И конечно, везде, где есть одна сторона, есть и другая. Потому что они — одно и то же. Неудивительно, что агенты той части тирана здесь активны. — Анаандер Мианнаи — повсюду в пространстве Радча. — Но я признаю, что не ожидала ничего подобного.

— Но нужны не только тела, — сказала она. Откинулась на стену. Сложила на груди руки. Разняла их. — Нужно установить оснащение. — А потом извиняющимся тоном добавила: — Ты это знаешь.

— Его они также могли накапливать. Или рассчитывали на десантный корабль. — Который вполне способен производить необходимое оборудование при наличии времени и соответствующих материалов. Некоторые «Мечи» и «Милосердия» из тех, что по-прежнему обладали вспомогательными компонентами, имели определенное количество оборудования в запасе для замены. Теоретически больше нигде нельзя достать такое. Теперь нельзя. Отчасти поэтому лорд Радча испытала трудности с Тайзэрвэт — она не смогла найти нужное оборудование и была вынуждена приспособить свое. — Может быть, ты заберешься туда и обнаружишь, что все в порядке.

Сеиварден усмехнулась. Затем сказала:

— Здесь не много людей, которые способны сделать что-нибудь такое.

— Да, — подтвердила я.

— Полагаю, это не губернатор, поскольку она дала тебе ключи к тому месту. Хотя сейчас, когда я

думаю об этом, она мало что могла предпринять.

— Дело говоришь.

— И ты, — сказала она, вздохнув, — не собираешься мне сказать, кого подозреваешь. Брэк, мы будем на расстоянии многих дней пути, если не пойдем туда через шлюз.

— Где бы ты ни была, ты не сможешь примчаться мне на помощь, если что-нибудь случится.

— Хорошо, — ответила Сеиварден. — Хорошо. — Напряженная и несчастная. — Возможно, в течение следующих нескольких месяцев все будет очень скучно. Так всегда. — Так бывало и в ее, и в моей жизни. Неистовая активность, а затем месяцы или даже годы ожидания, пока что-нибудь произойдет. — И даже если они придут на Атхоек, — под «ними» она подразумевала, по-видимому, ту часть лорда Радча, которая проиграла сражение во Дворце Омо, чьи сторонники уничтожали шлюзы вместе с кораблями в них, — это произойдет не сейчас. Это место не будет первым в их списке. — И путешествие между системами может занять недели, месяцы. Даже годы. — Вероятно, ничего не произойдет несколько веков. — И тут ее поразила мысль. — Почему бы тебе не послать «Меч Атагариса»? Похоже, он тут не очень занят. — Я не ответила сразу, но это-

го и не понадобилось. — О буфера Аатр! *Конечно.* Мне следовало сразу осознать, но я не думал, что *тот субъект…* — выбор слова, которое почти не предполагало человеческую природу, передавал пренебрежение Сеиварден к капитану Хетнис, — окажется достаточно сообразительным, чтобы провернуть что-нибудь этакое. — Сеиварден придерживалась низкого мнения о капитане «Меча Атагариса» после смерти переводчика Длайкви. — Но теперь, когда я думаю об этом, не странно ли, что «Меч Атагариса» так настойчиво стремился подобрать тот отсек для хранения? Может, нам нужно заглянуть на другую сторону этого Призрачного шлюза?

— У меня есть кое-какие догадки относительно того, что мы там обнаружим, — признала я. — Но в первую очередь — самое важное. И не беспокойся обо мне. Я могу позаботиться о себе.

— Да, сэр, — согласилась Сеиварден.

За завтраком на следующее утро сестра Кветер стояла молча, опустив взгляд, пока лейтенант Тайзэрвэт и я читали ежедневную молитву. Цветок справедливости — это мир. Молчала, когда мы поминали умерших. Осталась стоять, когда Тайзэрвэт и я сели.

— Сядь, дитя, — сказала я ей на дельсиге.

— Да, радчааи. — Она покорно села. Глаза по-прежнему опущены долу. Она путешествовала вместе с моими Калр, ела с ними до сегодняшнего утра.

Тайзэрвэт села рядом с ней. Бросила на нее быстрый, любопытный взгляд. Расслабленная — или по крайней мере спокойная, поглощенная, решила я, мыслями о том, что хочет довести до конца сегодня. Испытывавшая облегчение оттого, что я ничего не сказала ей — до сих пор — об инициативе, которую она проявила, как только я отправилась вниз. Пять принесла нам завтрак — рыбу и кусочки дреджфрута — разумеется, на сине-фиолетовом «Брактвере», по которому Пять скучала, которым по-прежнему наслаждалась.

Впрочем, Пять испытывала опасения — она узнала прошлой ночью о комнатах, которые заняла Тайзэрвэт дальше по коридору. Ни один человек из тех, чьи данные я могла получать, не заглядывал этим утром, но я уверена, что там уже будет полдюжины обитателей Подсадья, сидящих на импровизированных стульях, ожидающих возможности поговорить с лейтенантом Тайзэрвэт. Их будет еще больше с течением времени. Жалобы на ремонтные работы и строительство, которые уже идут вовсю, просьбы поскорее об-

ратить внимание на другие зоны или, наоборот, заняться ими позже, чем предусматривал график.

Пять налила чай — не «Дочь рыб», я заметила, — и Тайзэрвэт бодро приступила к завтраку. Сестра Кветер к нему не притронулась и только смотрела на свои колени. Нормально ли она себя чувствует, подумала я, но, если дело в тоске по дому, то, если попросить ее высказаться о своих ощущениях, может стать только хуже.

— Если ты предпочла бы кашицу, Юран, — все еще на дельсиге, — Пять ее тебе принесет. — Тут мне пришла в голову другая мысль. — Никто не запрашивает с тебя денег за твою еду, дитя. — Есть реакция: чуть-чуть приподняла голову. — То, что тебе здесь подают, — это твой рацион. Если ты захочешь больше, можешь съесть больше, это не подлежит дополнительной оплате. — В свои шестнадцать она, несомненно, голодна почти все время.

Она подняла взгляд, едва приподняв голову. Бросила взгляд на Тайзэрвэт, которая уплела уже три четверти своей рыбы. Неуверенно начала с фруктов.

Я перешла на радчааи, на котором, как я знала, она говорит:

— Потребуется несколько дней, чтобы найти подходящих преподавателей, гражданин. До той поры вы можете проводить время, как пожелаете. Вы умеете читать предупреждающие знаки? — Жизнь на базе очень, очень сильно отличалась от жизни на планете. — И вы знаете обозначения секционных дверей?

— Да, гражданин. — На самом деле она не очень хорошо читала на радчааи, но предупреждающие знаки намеренно были яркими и характерными, и я знала, что Пять и Восемь прошлись по ним с ней по пути сюда.

— Если вы отнесетесь к предупреждающим знакам очень серьезно, гражданин, и всегда будете слушать базу, если она заговорит с вами через ваш наладонник, то можете ходить по базе, где захотите. Вы думали о тестах на способности?

Она только что положила в рот рыбу. Сейчас Тайзэрвэт замерла в тревоге, а затем, чтобы заговорить, проглотила ее почти неразжеванной.

— Я в распоряжении гражданина, — сказала она еле слышно. Вздрогнула — то ли от того, что сама услышала, что сказала, то ли от куска рыбы, который проглотила почти целиком.

— Я не об этом спросила, — сказала я. — Я не собираюсь требовать, чтобы вы делали что-ни-

будь, чего не желаете. Вам по-прежнему будет выдавать рацион, если вы потребуете освобождения от тестов, вы просто не сможете получить никаких гражданских или военных назначений. — Юран моргнула от удивления, чуть не подняла голову, чтобы посмотреть на меня, но тут же застыла. — Да, это правило введено недавно, специально для вальскаайцев, и вдали от Вальскаая им мало пользуются. — Об этом мог просить любой из полевых работников-вальскаайцев, но это ничего не изменило бы. — Тем не менее от вас требуется, конечно, чтобы вы приняли любое назначение, которое даст вам администрация. Но в том, чтобы просить об этом, пока нет никакой необходимости.

И лучше не обращаться с таким заявлением, пока Юран не проведет некоторое время со своими наставниками. Я понимаю ее, когда она говорит на радчааи, но все надсмотрщики внизу вели себя так, словно речь полевых работников-вальскаайцев совершенно непонятна. Возможно, дело в акценте, а я привыкла к общению с людьми с самыми разными акцентами и хорошо знакома с произношением тех, для кого дельсиг — родной язык.

— Но у вас еще нет назначения, гражданин? —

спросила лейтенант Тайзэрвэт с некоторой горячностью. — Вы можете делать чай?

Юран тщательно вдохнула. Скрывая панику, подумала я.

— Я рад делать все, что просит гражданин.

— Лейтенант, — резко сказала я, — вы не должны ничего просить от гражданина Юран. Она свободна провести несколько следующих дней, как ей нравится.

Тайзэрвэт сказала:

— Дело в том, сэр, что гражданин Юран не ксхаи. И не ичана. Когда жители… — Внезапно она осознала, что ей придется открыто разъяснить, к чему все это. — Я просила администрацию базы назначить мне нескольких людей, но жителям Подсадья, сэр, более комфортно разговаривать со мной, потому что у нас нет здесь истории. — У нас есть здесь история, и, несомненно, все в Подсадье это осознают. — Этому гражданину может понравиться. И это был бы хороший опыт. — Опыт для чего — она не уточнила.

— Гражданин Юран, — сказала я, — за исключением вопросов безопасности, от вас не требуется выполнять то, о чем просит вас лейтенант Тайзэрвэт. — Юран по-прежнему смотрела вниз, на свою — теперь уже пустую — тарелку, где не

осталось ни следа завтрака. Я многозначительно посмотрела на лейтенанта Тайзэрвэт. — Это понятно, лейтенант?

— Да, сэр, — подтвердила Тайзэрвэт. А затем, скрывая волнение: — Могу я тогда получить еще несколько солдат Бо, сэр?

— Через неделю или около того, лейтенант. Я только что отправила корабль на проверку.

Я не была способна читать мысли Тайзэрвэт, но догадалась по ее эмоциональной реакции — краткое удивление, смятение, на смену которому пришла яркая уверенность, а затем робкое сомнение, — что она осознала: я еще могу приказать Сеиварден послать ей Бо на челноке. А затем пришла к заключению, что я, несомненно, предложила бы это, если бы захотела.

— Да, сэр. — Удрученная и в то же время, возможно, испытывавшая облегчение оттого, что я пока не осудила ее импровизированный кабинет, ее переговоры с обитателями Подсадья.

— Вы сами ввязались в это, лейтенант, — сказала я мягко. — Просто постарайтесь не восстановить против себя администрацию базы. — Это маловероятно, я знала. К тому времени Тайзэрвэт и Пайэт стали настоящими друзьями, и их круг включал персонал администрации базы, так же

как и службы безопасности, и даже людей, которые работали на губернатора Джиарод. Именно этих людей, несомненно, привлекла бы Тайзэрвэт, запросив администрацию о направлении ей персонала, но все они, как она выразилась, имели здесь историю.

— Да, сэр. — Выражение лица Тайзэрвэт не изменилось; она кое-чему научилась у своих Бо, подумала я, — и по сиреневым глазам едва заметно, как она довольна, услышав от меня эти слова. А затем в глубине проявилось обычное для нее подспудное беспокойство и несчастье. Я могла лишь догадываться, что послужило причиной, хотя и была уверена, что это не потому, что здесь что-то шло не так. Значит, осталось от путешествия сюда, к Атхоеку, от того, что случилось в тот период. Она снова повернулась к Юран. — Знаете, гражданин, вам на самом деле не придется делать чай. Этим занимается Бо Девять, по крайней мере она приносит по утрам воду. На самом деле вам нужно лишь угощать людей чаем и проявлять обходительность.

С той минуты, когда я с ней познакомилась, Юран была втайне озабочена тем, чтобы никого не раздражать, — когда не чувствовала себя несчастной. Она подняла взгляд прямо на Тайзэр-

вэт и сказала на очень простом радчааи:

— Я не думаю, что у меня это очень хорошо получится.

Лейтенант Тайзэрвэт заморгала от изумления, захваченная врасплох. Я улыбнулась.

— Мне приятно видеть, гражданин Юран, что не только вашей сестре досталась семейная горячность. — И не сказала, что я также рада и тому, что Раугхд не удалось полностью лишить ее того, что у нее было. — Осторожно, лейтенант. Я не буду вам сочувствовать, если вы вновь обожжетесь.

— Да, сэр, — ответила Тайзэрвэт. — Прошу меня извинить, сэр. — Юран быстро опустила глаза, уставившись на пустую тарелку.

— Конечно, лейтенант. — Я отставила свой стул. — У меня есть дело, которым нужно заняться. Гражданин. — Юран опять быстро подняла и тут же опустила глаза, бросив кратчайший взгляд. — Обязательно попроси Пять дать тебе поесть, если ты еще голодна. Помни о предупреждающих знаках и возьми с собой наладонник, если выйдешь из комнат.

— Да, сэр, — ответила Юран.

Я послала за капитаном Хетнис. Она прошла мимо двери в импровизированный кабинет

лейтенанта Тайзэрвэт, заглянула в него. Засомневалась, нахмурилась. Пошла дальше, лейтенант Тайзэрвэт поклонилась ей — я видела капитана Хетнис ее глазами. Тайзэрвэт испытала удовольствие и злость, когда капитан Хетнис нахмурилась, но это не отразилось на ее лице. Я сильно подозревала, что капитан Хетнис повернулась, чтобы посмотреть, как Тайзэрвэт входит в свой кабинет, но, поскольку лейтенант не обернулась, чтобы взглянуть на это, я тоже не видела.

Восемь провела капитана Хетнис в мою гостиную. После предсказуемого чаепития (из чашек розового стекла, теперь, когда она знала про «Брактвер» и Пять могла быть уверенной: капитан отдает себе отчет в том, что пьет чай не из него), я спросила:

— Как поживает ваша Атагарис?

Капитан Хетнис на мгновение замерла, удивившись, как я подумала.

— Сэр? — спросила она.

— Вспомогательный компонент, которую ранили. — Здесь их было только три. Я приказала убрать с базы подразделение Вар «Меча Атагариса».

Она нахмурилась.

— Он восстанавливается хорошо, сэр. — Неко-

торая нерешительность. — Позвольте просить снисхождения капитана флота. — Я кивнула. — Почему вы стали лечить вспомогательный компонент?

Ответы, что я могла бы дать на этот вопрос, оказались бы, несомненно, маловразумительны для капитана Хетнис.

— Отказаться было бы расточительством, капитан. И это сделало бы ваш корабль несчастным. — По-прежнему хмурится. Я была права. Она не поняла. — Я размышляла, как лучше распорядиться нашими ресурсами.

— Шлюзы, сэр, — возразила капитан Хетнис. — Позвольте напомнить капитану флота, что через шлюзы может прийти кто угодно.

— Нет, капитан, — сказала я, — никто не придет через шлюзы. За ними слишком легко наблюдать, их слишком легко оборонять. — И я точно их заминирую, так или иначе. Я не знаю — то ли капитан Хетнис не подумала о такой возможности, то ли решила, что я о ней не подумаю. Возможно и то и другое. — Безусловно, никто не придет через Призрачный шлюз.

Едва заметное сокращение мышц вокруг ее глаз и рта, мимолетное выражение лица, которое исчезло слишком быстро, чтобы его понять.

Она полагает, что кто-то может прийти. Во мне крепла уверенность, что она солгала, заявив, что никогда никого не встречала в той — по общему мнению пустой — системе. Она хотела скрыть, что там кто-то был или бывал прежде. Мог быть там сейчас. Конечно, если она продавала ссыльных вальскаайцев, то захочет скрыть этот факт, чтобы избежать перевоспитания или того хуже. А еще по-прежнему оставались вопросы, кому она могла продавать их или зачем.

Я не могу на нее полагаться. Не стану. Буду очень, очень внимательно наблюдать за ней и ее кораблем.

— Вы отослали «Милосердие Кадра», сэр, — сказала капитан Хетнис.

Убытие моего корабля было очевидным, в отличие от его причины.

— Короткое задание. — Разумеется, мне не хотелось сообщать, что это за задание. Во всяком случае, не капитану Хетнис. — Он вернется через несколько дней. Вы уверены в компетентности своего лейтенанта Амаат?

Капитан Хетнис нахмурилась, озадаченная.

— Да, сэр.

— Хорошо. — Стало быть, у нее нет оснований настаивать на немедленном возвращении на

«Меч Атагариса». Это упрочило бы ее положение сильнее, чем мне этого хотелось. Я ожидала, что она попросит разрешения вернуться на свой корабль.

— Что ж, сэр, — сказала она, все так же сидя напротив меня с чашкой розового стекла в затянутой в коричневую перчатку руке, — возможно, ничто из этого не понадобится и мы зря прилагали такие усилия. — Вдох. Размеренный, подумала я, намеренно спокойный.

Конечно, нужно держать капитана Хетнис поблизости. И вне ее корабля, если возможно. Я знаю, что значит капитан для корабля. И тогда, как ни один вспомогательный компонент никогда не выдавал информации о своем эмоциональном состоянии, я видела сегмент «Атагариса» внизу с осколком стекла, торчащим из спины. Слезы в ее глазах. «Меч Атагариса» не хотел потерять своего капитана.

Я была кораблем. Мне не хотелось лишать «Меч Атагариса» его капитана. Но я сделаю это, если придется. Если это понадобится ради безопасности жителей системы. Если это понадобится ради безопасности Баснаэйд.

После завтрака, прежде чем отпустить Юран побродить, как ей нравится, Восемь взяла ее с

собой, чтобы купить одежду. Конечно, ее можно было получить со складов базы — каждому радчааи полагались еда, кров и одежда. Но Восемь даже не думала об этом. Юран жила в моем доме и будет одета соответствующим образом.

Я могла, разумеется, сама купить ей одежду. Но для радчааи это подразумевало бы, что я либо приняла Юран в свой дом, либо взяла ее под свое покровительство. Я сомневалась, что Юран захочется, чтобы ее еще больше отделили от семьи, и в то время как отношения клиент-патрон не обязательно предполагали сексуальные отношения, в ситуациях, когда патрон и клиент весьма неравны в материальном положении, это часто допускалось. Возможно, для некоторых это не имеет значения. Но я бы не стала предполагать, что это безразлично Юран. Поэтому я назначила ей содержание для таких случаев. По сути, это почти то же самое, как если бы я непосредственно давала ей то, в чем она нуждается, но в таких деталях и заключалось соблюдение правил приличия.

Я видела, что Восемь и Юран стояли рядом со входом в храм Амаата, на запачканном белом полу, прямо под ярко написанной, но пыльной эманацией ЭскВар; Восемь объясняла без

присущей вспомогательным компонентам невозмутимости: довольно очевидно, что Амаат и бог вальскаайцев — одно и то же, и поэтому для Юран будет совершенно правильно войти и сделать приношение. Юран, которой, похоже, было не вполне комфортно в новой одежде, упрямо отказывалась. Я собиралась дать указание Восемь, чтобы она не настаивала, когда, взглянув через плечо Юран, она увидела, как мимо проходит капитан Хетнис в сопровождении вспомогательного компонента «Меча Атагариса» и убеждающе говорит о чем-то Сирикс Оделе.

Капитан Хетнис ни разу, как я помнила, не говорила с Сирикс и даже не замечала ее присутствия, пока мы были внизу. Это удивило и Восемь. Она умолкла на середине фразы, удержалась от того, чтобы нахмуриться, и тут ей в голову пришла мысль, которая привела ее в замешательство.

— Прошу прощения, гражданин, — сказала она Юран.

— …ждан это не обрадует, — говорила губернатор Джиарод наверху, в своем кабинете, где мы с ней сидели, и я не могла уделять внимания ничему другому.

Глава 20

На следующий день Юран пришла в импровизированный кабинет лейтенанта Тайзэрвэт. Не потому, что ей сказали, — Тайзэрвэт больше ничего об этом не говорила. Юран просто вошла — она останавливалась и заглядывала туда несколько раз накануне — и переставила чайные приборы так, как ей нравилось. Тайзэрвэт, увидев ее, ничего не сказала.

Так продолжалось три дня. Я знала, что присутствие Юран стало достижением; поскольку она — из вальскаайцев и снизу, с планеты, то невозможно предположить, что она уже приняла чью-либо сторону в том или ином местном споре, и что-то в ее робкой, неулыбчивой серьезности привлекало обитателей Подсадья, которые туда приходили. Кое-кто благодаря ее молчанию находил в ней хорошего слушателя для своего рассказа о трудностях с соседями или с администрацией базы.

В течение всех этих трех дней никто из них об этом не упоминал. Тайзэрвэт беспокоило, что я об этом уже знала и что я этого не одобрю, но в

то же время она надеялась, — без сомнения, ее успешная до сих пор деятельность предполагала, что я могу одобрить также и эту мелочь.

На третий вечер во время ужина, проходившего в тишине, я сказала:

— Гражданин Юран, уроки начнутся послезавтра.

Юран подняла взгляд от своей тарелки — удивившись, подумала я — и тут же опустила глаза.

— Да, сэр.

— Сэр, — обратилась Тайзэрвэт, озабоченная, но скрывающая это. Ее голос звучал спокойно и размеренно. — Прошу вашего снисхождения…

Движением руки я показала, что это излишне.

— Да, лейтенант, гражданин Юран, по-видимому, пользуется популярностью в вашей приемной. У меня нет сомнений в том, что она продолжит вам помогать, но я не намерена пренебрегать ее образованием. Я договорилась о ее занятиях во второй половине дня. По утрам она может делать то, что ей нравится. Гражданин, — обратилась я к Юран, — с учетом того, где мы живем, я привлекла наставника, чтобы обучить вас расвару, на котором здесь говорят ичана.

— Это гораздо полезнее, чем поэзия, в любом случае, — с облегчением заметила довольная

Тайзэрвэт.

Я приподняла бровь.

— Вы удивляете меня, лейтенант. — Отчего-то это усилило чувство несчастья, которое ее никогда не покидало. — Скажите мне, как себя чувствует база в связи с тем, что тут происходит?

— Я думаю, — ответила Тайзэрвэт, — она рада тому, что ремонтные работы продолжаются, но вы знаете, базы никогда не скажут прямо, если они несчастны. — В прихожей кто-то попросил разрешения войти. Калр Восемь пошла открыть дверь.

— Она хочет видеть каждого, все время, — сказала Юран. Весьма смело. — Она говорит, что это не то же самое, как если бы кто-то за тобой шпионил.

— На базе все совершенно не так, как на планете, — сказала я, когда Восемь открыла дверь, обнаружив там Сирикс Оделу. — Базам нравится знать, что у их обитателей все в порядке. В противном случае они чувствуют себя не нормально. Вы часто говорите с базой, гражданин?

Интересно, что делает здесь Сирикс, которую я не видела с тех пор, как Восемь заметила, что она разговаривает с капитаном Хетнис?

В столовой Юран сказала:

— Она говорит со мной, рад… капитан флота. И она переводит для меня разное или читает мне объявления.

— Рада это слышать, — сказала я. — Дружить с базой хорошо.

В приемной гражданин Сирикс извинилась перед Восемь за приход в столь неурочный час, когда в доме ужинают.

— Но садовод Баснаэйд очень хочет поговорить с капитаном флота, а ее неотвратимо задержали в Садах.

В столовой я поднялась с места, не реагируя на ответ Тайзэрвэт на мои слова, и вышла в прихожую.

— Гражданин Сирикс, — сказала я, когда она повернулась ко мне, — чем я могу вам помочь?

— Капитан флота, — сказала Сирикс, сдержанно кивнув. Испытывая неловкость. После нашего разговора три дня назад и с учетом своеобразия ее поручения это совершенно неудивительно. — Садовод Баснаэйд очень хочет поговорить с вами лично по частному, как я понимаю, делу. Она пришла бы сама, но ее, как я уже сказала, неотвратимо задержали в Садах.

— Гражданин, — ответила я, — вы можете припомнить, что, когда я в последний раз говорила с

садоводом, она вполне ясно сказала, что не хочет больше никогда меня видеть. Если она изменила свое мнение, я, разумеется, к ее услугам, но, должна признаться, несколько удивлена. И я теряюсь в догадках; что могло оказаться настолько срочным, что не в состоянии обождать до более удобного для нее самой часа?

Сирикс на мгновение застыла, такую внезапную напряженность в ком-нибудь другом я приняла бы за гнев.

— Я предложила, капитан флота, то же самое. Она произнесла лишь следующее: «Как сказал поэт: прикосновение кислого и холодного сожаления, как маринованная рыба…»

Этим поэтом была Баснаэйд Элминг в возрасте девяти с тремя четвертями лет. Трудно представить себе более тщательно рассчитанное обращение к моим чувствам, зная, как знала это она, что лейтенант Оун делилась со мной ее стихами.

Когда я не ответила, Сирикс неопределенно повела рукой.

— Она сказала, что вы это узнаете.

— Я узнала.

— Прошу, не говорите мне, что это некая любимая классика.

— Вы не любите маринованную рыбу? — спросила я спокойно и серьезно. Она прищурилась, испытывая неловкое удивление. — Это не классика, но стихотворение, которое, по ее мнению, я должна была узнать, как вы сказали. Произведение с личными ассоциациями.

— Я надеялась на это, — заметила Сирикс, криво улыбнувшись. — А сейчас, если вы извините меня, капитан флота, — это был долгий день, и я опаздываю на собственный ужин. — Поклонившись, она ушла.

Я стояла одна в прихожей; Восемь, испытывающая любопытство, вытянулась у меня за спиной.

— База, — вслух обратилась я, — как обстоят дела в Садах в эту минуту?

Ответ базы, казалось, прозвучал с крошечной задержкой:

— Прекрасно, капитан флота. Как всегда.

В возрасте девяти с тремя четвертями лет Баснаэйд Элминг была претенциозным поэтом, не обладавшим особенно тонким чувством языка, но с избытком театральности в стихах и эмоциональной перегруженностью. Фрагмент, который процитировала Сирикс, был частью длинного повествования о преданной дружбе. Он также был незавершенным. Полностью это двустишие

звучало так: «Прикосновение кислого и холодного сожаления, как маринованная рыба, побежало по ее спине. О как она поверила ужасной лжи?»

«Она говорила, что вы его узнаете», — сказала Сирикс.

— Сирикс отправилась домой, база? Или вернулась назад, в Сады?

— Гражданин Сирикс — на пути домой, капитан флота. — На сей раз без всяких колебаний.

Я пошла в свою комнату, вынула пистолет, невидимый для базы, невидимый для любых сенсоров, кроме человеческих глаз. Засунула пистолет под куртку, откуда могла быстро его извлечь. Велела Калр Восемь, проходя мимо нее в прихожей:

— Скажи лейтенанту Тайзэрвэт и гражданину Юран, чтобы заканчивали ужин.

— Есть, сэр, — ответила Восемь, озадаченная, но не встревоженная. Хорошо.

Возможно, я приняла это слишком близко к сердцу. Возможно, Баснаэйд просто изменила свое мнение в отношении того, чтобы никогда больше со мной не говорить. Возможно, ее тревога насчет опор под озером усилилась настолько, что перевесила ее опасения в отношении меня. И она неточно помнила собственные стихи либо

помнила только их часть, имея в виду напомнить мне (будто мне нужно напоминать) о моей старой связи с ее давно умершей сестрой. Быть может, ей на самом деле срочно необходимо со мной поговорить, сейчас, когда многие граждане ужинают, а она действительно не может оставить работу. Не хотела быть невежливой, вызывая меня через базу, и потому отправила Сирикс со своим посланием. Наверняка она знает, что я приду, если она попросит.

Наверняка Сирикс тоже это знала. И Сирикс говорила с капитаном Хетнис.

Я обдумывала — недолго, — не взять ли мне с собой моих Калр и даже лейтенанта Тайзэрвэт. Меня не особо волновало, что я окажусь не права. Если бы я оказалась не права, я бы отправила их назад, в Подсадье, и поговорила бы с садоводом Баснаэйд, о чем ей хотелось. Но что, если я права?

У капитана Хетнис с собой на базе два вспомогательных компонента «Меча Атагариса». Ни у одной из них не должно быть пистолетов, если только они не пренебрегли моим приказом разоружиться. Но даже если так, я уверена, что смогу справиться с капитаном Хетнис и столь малым числом сегментов «Меча Атагариса». Нет

нужды тревожить кого-то еще.

А если там не только капитан Хетнис? Если губернатор Джиарод тоже вводила меня в заблуждение, или администратора базы Селар, или служба безопасности базы поджидает меня в Садах? Я не смогу сама справиться со всем этим. Но я не справлюсь с этим даже с помощью лейтенанта Тайзэрвэт и всеми четырьмя солдатами с «Милосердия Калра». В этом случае лучше их в это не впутывать.

«Милосердие Калра» — это другое дело.

— Да, — сказал корабль, не успела я рта раскрыть. — Лейтенант Сеиварден — в командной рубке, и команда — в боевой готовности.

Больше я ничего не могла сделать для «Милосердия Калра» и поэтому сосредоточилась на неотложной задаче.

Было бы легче войти в Сады тем же путем, как я приходила сюда, впервые прибыв на Атхоек. Разницы, возможно, и никакой: у Садов два известных мне входа и два вспомогательных компонента, чтобы наблюдать за ними. Но на тот случай, если кто-то меня ожидает, предполагая, что я приду самым удобным путем, и на тот случай, если база изберет свой любимый способ сопротивления и просто не упомянет об этом, я

подумала, что стоит воспользоваться длинным путем.

Сразу за входом — скалистый уступ над озером. Справа от меня вниз по скалам хлестал и пенился водопад. Тропа вела влево, вниз к воде, мимо густых зарослей декоративной травы почти двухметровой высоты. Мимо нее придется идти с великой предосторожностью.

Впереди перила высотой по пояс ограждали обрыв к воде, прямо внизу из озера торчали скалы.

На крошечном островке из волнистого камня стояла капитан Хетнис, одной рукой она крепко сжимала руку Баснаэйд, а другой держала у ее горла нож, такой используют обычно для удаления костей из рыбы. Довольно маленький, но достаточный для этой цели. Также на острове, в начале моста, стояла «Меч Атагариса» — в броне, с пистолетом на изготовку.

— О *база*… — сказала я тихо. Она не ответила. Мне нетрудно было представить себе, почему она меня не предупредила или не позвала на помощь. Несомненно, она ценит жизнь Баснаэйд выше, чем мою. Сейчас для многих на базе время ужина, и поэтому очевидцев нет. Возможно, база заворачивала людей в сторону под каким-нибудь предлогом.

На уступе заколыхалась трава. Не думая, я вытащила из-под куртки пистолет, развернула броню. Раздался громкий хлопок пистолетного выстрела, удар по моему телу — тот, кто спрятался в траве, целился именно в ту часть, которую броня закрыла в первую очередь. Она укрыла меня полностью, прежде чем кто-нибудь успел бы выстрелить во второй раз.

Вспомогательный компонент в серебристой броне выскочила из травы, нечеловечески быстрая, и бросилась, чтобы сцепиться со мной, думая несомненно, что пистолет у меня в руке не представляет для нее угрозы, поскольку она в броне. Мы, должно быть, равны в рукопашной схватке, но у меня за спиной — лишь воздух, а на ее стороне — сила инерции. Я выстрелила в тот миг, когда она толкнула меня через перила.

Радчаайская броня, по сути, непроницаема. Энергия пули, которой «Меч Атагариса» выстрелила в меня, превратилась главным образом в тепло. Конечно, не полностью. Я все еще чувствовала ее удар. Поэтому, когда я врезалась плечом в зубчатый камень у подножия семиметровой скалистой стены, сам удар оказался не особенно болезненным. Однако верхушка камня была острой, и в то время как мое плечо остановилось,

тело продолжало двигаться по инерции. Плечо изогнулось назад, болезненно, определенно не так, как ему предназначено, и тогда я соскользнула с камня в воду, которая, к счастью, оказалась лишь немногим более метра глубиной в том месте, где я упала метрах в четырех от острова.

Я встала на ноги по пояс в воде, боль в левом плече заставила меня задержать дыхание. Что-то произошло во время моего падения, я не успела спросить «Милосердие Калра», что именно, но лейтенант Тайзэрвэт, очевидно, следовала за мной, а я слишком погрузилась в свои мысли и не заметила этого. Она стояла у моста на берегу, развернув броню, с пистолетом на изготовку. «Меч Атагариса» повернулась к ней лицом, также с пистолетом наготове. Почему корабль не предупредил меня, что Тайзэрвэт последовала за мной?

Капитан Хетнис стояла лицом ко мне, теперь — тоже в серебристой броне. Она, вероятно, знала, что вспомогательный компонент на утесе ранена или даже мертва, но не осознавала, я в этом уверена, что ее броня бессильна против моего пистолета. Хотя Прескер, возможно, не озаботились тем, чтобы сделать пистолет водонепроницаемым.

— Что ж, капитан флота, — сказала капитан Хетнис голосом, искаженным броней, — у вас есть, в конце концов, человеческие чувства.

— Ты, *чмо* с рыбьими мозгами! — воскликнула лейтенант Тайзэрвэт, ее горячность была слышна, несмотря на искажение голоса броней. — Не будь ты столь легко манипулируемой задницей, тебе никогда не дали бы корабль.

— Тише, Тайзэрвэт, — сказала я. Если здесь лейтенант Тайзэрвэт, значит здесь и Бо Девять. Если б не так сильно болело плечо, я бы соображала достаточно ясно, чтобы знать, где она.

— *Но, сэр! Она,* на фиг, понятия не имеет…

— Лейтенант! — Мне не нужно, чтобы Тайзэрвэт думала в таком ключе. Она не нужна мне здесь. «Милосердие Калра» не говорит мне, что с моим плечом, вывихнуто оно или сломано. «Милосердие Калра» не говорит ни что чувствует Тайзэрвэт, ни где находится Бо Девять. Я отправила запрос, но не смогла найти Сеиварден, которую видела в командной рубке. Она сказала лейтенанту Амаат «Меча Атагариса» много дней назад: «В следующий раз, когда будешь угрожать этому кораблю, лучше, если ты сможешь сдержать слово». «Меч Атагариса», должно быть, сделал свой ход, когда я упала со скалистой стены. По

крайней мере, корабль врасплох не застать. Но «Мечи» — быстрее и лучше вооружены, и если с «Милосердием Калра» покончено, я, насколько смогу, исполню предупреждение Сеиварден.

Капитан Хетнис стояла лицом ко мне на островке, все так же стиснув Баснаэйд, та застыла на месте с округлившимися глазами.

— Кому вы их продавали, капитан? — спросила я. — Кому вы продавали ссыльных? — Капитан Хетнис не ответила. Она просто дура, или отчаялась, или и то и другое вместе, чтобы угрожать Баснаэйд. — Ведь именно это послужило причиной ваших столь опрометчивых действий, не так ли? — У губернатора Джиарод сорвалось с языка, либо она прямо сказала капитану Хетнис. — У вас был сообщник в хранилище, вы загрузили отсеки временной приостановки на «Меч Атагариса» и увезли их через Призрачный шлюз. Кому вы их продали? — Она их *продала.* Тот нотайский чайный сервиз. И Сирикс никогда не слышала истории о том, как капитан Хетнис продала его Фосиф. Она не могла установить эту связь. Но капитан Хетнис осознала, что я установила ее. Ей нужно было выяснить мое слабое место, и после двух недель, проведенных в одном доме, даже никогда не говорив с ней, она поняла, на что

Сирикс отреагирует лучше всего. Или, возможно, «Меч Атагариса» предложил такой подход своему капитану.

— Я делала то, что делала, из преданности, — заявила капитан Хетнис, — о которой вы, очевидно, мало что знаете. — Если бы мое плечо не так зверски болело, если бы эта ситуация не была столь серьезной, я бы расхохоталась. Ничего не заметив, капитан Хетнис продолжала: — Настоящий лорд Радча никогда не стала бы лишать свои корабли вспомогательных компонентов, не вздумала бы разоружать флот, который защищает Радч.

— Лорд Радча, — отметила я, — никогда не была бы так глупа, чтобы дать вам такой чайный сервиз в качестве платы, предположительно более скромной, чем наличные. — С середины озера, где, как я предполагала, было глубже, донеслись плеск и бульканье. На миг я подумала, что кто-то бросил нечто в воду либо всплыла на поверхность рыба. Я стояла в воде с пистолетом, направленным на капитана Хетнис, в другом плече гнездилась неистовая боль, и тут краем глаза я опять заметила — на поверхности воды поднимались и лопались пузыри. Хватило доли секунды, чтобы понять, что я увидела.

По растущей тревоге на лице Баснаэйд я поняла, что и она тоже осознала это. Осознала, что воздушные пузыри со дна озера могли приходить только из одного места — из самого Подсадья. А если воздух поднимался наверх, вода наверняка уходила вниз.

Игра окончена. Капитан Хетнис просто еще не поняла этого. База осталась бы безмолвной, чтобы спасти жизнь Баснаэйд, и даже блокировала бы обращения отсюда к службе безопасности. Но она не станет делать это ценой всего Подсадья. Оставался единственный вопрос: удастся ли Баснаэйд — или Кому-то еще здесь — выйти отсюда живым?

— База, — сказала я вслух, — эвакуируй Подсадье немедленно. — Уровень один находится в непосредственной опасности, и только некоторые из подпор отремонтированы к настоящему времени. Но у меня не было времени тревожиться о том, сколько жителей услышат приказ об эвакуации или смогут распространить это сообщение. — И сообщи моему персоналу, что Подсадье вот-вот затопит и они должны помочь с эвакуацией. — «Милосердие Кадра» уже должен был сообщить им это, но с «Милосердием Кадра» покончено. О, капитан Хетнис пожалеет об этом,

и «Меч Атагариса» — тоже. Как только я избавлю Баснаэйд от этого ножа у горла.

— О чем вы говорите? — спросила капитан Хетнис. — База, не нужно этого делать. — Баснаэйд охнула, когда капитан Хетнис сдавила ее еще сильнее и слегка тряхнула, чтобы подчеркнуть свою угрозу.

Глупая капитан Хетнис.

— Капитан, вы на самом деле хотите заставить базу выбирать между Баснаэйд и жителями Подсадья? Возможно ли, чтобы вы не понимали последствий? — Определение «с рыбьими мозгами», которое дала Тайзэрвэт, было верным. — Дайте-ка угадаю, вы намеревались убить меня, пленить моих солдат, уничтожить «Милосердие Калра» и заявить губернатору, что я с самого начала была предателем. — Вода снова булькнула — дважды, быстро, один за другим, пузыри стали больше, чем прежде. Капитан Хетнис пока еще не осознавала, что проиграла, но когда поймет, то, вероятно, пойдет на самый отчаянный шаг. Пора с этим кончать. — Баснаэйд, — обратилась я. Она смотрела прямо перед собой, бледная, объятая ужасом. — Как сказал поэт: «Как лед. Как камень». — То же стихотворение, что цитировала она, которое привело меня сюда. Я поняла ее по-

слание и могла лишь надеяться, что она поймет мое. «Как бы там ни было, не шевелись». Мой палец плотнее лег на спусковой крючок.

Мне следовало уделять больше внимания лейтенанту Тайзэрвэт. Она наблюдала за капитаном Хетнис и вспомогательным компонентом на мосту. Медленно перемещалась по направлению к островку, миллиметр за миллиметром, так что ни я, ни капитан, ни, очевидно, «Меч Атагариса» этого не замечали. А когда я заговорила с Баснаэйд, Тайзэрвэт, несомненно, поняла мое намерение, зная, что мой пистолет пробьет броню капитана Хетнис. Но она также понимала, что «Меч Атагариса» все еще может представлять угрозу для гражданина Баснаэйд. За миг до того как я выстрелила, Тайзэрвэт опустила свою броню и бросилась с криком на вспомогательный компонент «Меча Атагариса».

Бо Девять, как оказалось, припала к земле за оградой на вершине скалистого утеса. Увидев самоубийственный поступок своего лейтенанта, Бо Девять крикнула, подняла свой пистолет, но ничего не смогла сделать.

Капитан Хетнис услышала вскрик Бо Девять. Подняв взгляд, увидела ее, стоящую на утесе с пистолетом на изготовку. И капитан вздрогнула

и низко пригнулась, как раз когда я выстрелила.

Пистолет Пресгер, как оказалось, водонепроницаем, и, разумеется, я прицелилась хорошо. Но пуля прошла над головой капитана, над Баснаэйд и, полетев дальше, ударила в стену между нами и полным вакуумом.

Купол над Садами был построен так, чтобы противостоять ударам. Если бы выстрелила Бо Девять или «Меч Атагариса», на нем бы даже царапины не осталось. Но пули из пистолета Пресгер прожигают все что угодно во вселенной на глубину одна целая одиннадцать сотых метра. Толщина перегородки купола не превышала полуметра.

Тут же зазвучали сигналы тревоги. Все входы в Сады с шумом захлопнулись. Теперь все мы оказались в ловушке, в то время как воздух вырывался из пулевого отверстия в куполе. По крайней мере, потребуется некоторое время, чтобы опустело столь большое пространство, и сейчас служба безопасности, несомненно, обратила на нас внимание. Но то, что из озера вытекает вода, означает, что перегородка между Садами, где пробит корпус, и Подсадьем повреждена. Вполне возможно, что секционные двери (те, что работают, по крайней мере, на уровне один,

непосредственно под нами) закроются, оставив в ловушке жителей, которым еще не удалось выбраться оттуда. А если озеро рухнет вниз, все эти жители утонут.

Это проблема базы. Я побрела по воде к островку. Бо Девять неслась по тропинке к воде. «Меч Атагариса» легко скрутила Тайзэрвэт и поднимала свое оружие, чтобы выстрелить в Баснаэйд, которая вырвалась из хватки капитана Хетнис и карабкалась к мосту. Я выстрелила «Мечу Атагариса» в кисть, заставив ее выронить пистолет.

И тут «Меч Атагариса» поняла, что я представляю собой непосредственную опасность для ее капитана. Нечеловечески быстрая, она бросилась на меня, несомненно думая, что я всего лишь человек и что отобрать у меня пистолет будет легко, даже несмотря на ее рану. Она врезалась в меня на полной скорости, и от боли в плече у меня потемнело в глазах, но пистолет из руки я не выпустила.

В это мгновение база решила проблему заливающей Подсадье воды, отключив силу тяжести.

Верх и низ исчезли. «Меч Атагариса» прилипла ко мне, все еще пытаясь вырвать пистолет из моей руки. Удар вспомогательного компонента сбил нас обеих с ног, и мы закрутились, сцепив-

шись, в воздухе в направлении водопада. Вода теперь не падала, но собиралась на краю скалы нарастающей, содрогающейся массой, по мере того как она откачивалась из озера.

Сквозь боль в плече и усилия удержать пистолет я смутно слышала, как база говорила о том, что самовосстановление купола не осуществляется должным образом и что понадобится час, чтобы собрать ремонтную бригаду и отправить ее на челноке к месту пробоины для починки.

Час — это слишком долго. Все мы тут либо утонем, не сумев в отсутствие силы тяжести избежать трясущихся, разрастающихся на глазах шаров воды, которую продолжал выбрасывать насос водопада, либо задохнемся задолго до того, как купол смогут загерметизировать. Мне не удалось спасти Баснаэйд. Я предала и убила ее сестру, а теперь, придя сюда, чтобы попытаться в какой-то ничтожной степени это исправить, я послужила причиной ее смерти. Я не вижу ее. Я вообще мало что вижу из-за боли в поврежденном плече, «Меча Атагариса» и серебристо-черного блеска воды, к которой мы приближаемся.

Я тут умру. «Милосердие Калра», и Сеиварден, и Экалу, и доктор, и вся команда пропали. Я в этом уверена. Корабль ни за что не оставил бы меня

без ответа, по крайней мере по своему выбору.

И как только я об этом подумала, беззвездная, абсолютная чернота шлюза открылась рядом с куполом и появился «Милосердие Калра», слишком, чересчур близко, чтобы это хоть в какой-то степени можно было расценить как хорошую идею, и я услышала в ухе голос Сеиварден, которая сообщила, что ожидает выволочки, как только я окажусь в безопасности.

— Кажется, «Меч Атагариса» свалил куда-то в шлюз, — продолжала она оживленно. — Я надеюсь на самом деле, что он не выйдет из него прямо там, где только что находились мы. Я ненароком сбросил там половину нашего запаса мин, перед тем как мы оттуда убрались.

Я была почти убеждена, что нуждаюсь в кислороде сильнее, чем мне это казалось, и у меня появились галлюцинации, пока полдюжины привязанных для безопасности солдат Амаат не схватили вспомогательный компонент «Меча Атагариса» и не втянули нас обеих через дыру, которую пробили в куполе, в один из челноков «Милосердия Калра».

Как только все мы оказались на безопасной стороне воздушного шлюза челнока, я убедилась, что Баснаэйд невредима и пристегнута к креслу,

и приставила одну из Амаат, чтобы позаботиться о ней. Тайзэрвэт также находилась в кресле, но ее тошнило от стресса и микрогравитации, Бо Девять держала для нее пакет, имея наготове восстановители для кровоточащего носа и сломанных ребер своего лейтенанта. Капитана Хетнис и вспомогательный компонент «Меча Атагариса» я увидела надежно связанными. Только после этого я позволила врачу стянуть с меня куртку и рубашку и вправить плечевые кости с помощью одной из Амаат Сеиварден, а затем обездвижить плечо восстановителем.

Я не осознавала, пока не унялась боль, с какой силой я стискивала зубы, как напряжены были все остальные мышцы моего тела и как отчаянно болела в результате моя нога. «Милосердие Калра» ничего не говорил мне напрямую, но этого и не требовалось — он показывал мне короткими фрагментами, что видят и чувствуют мои солдаты Калр, помогающие в заключительной стадии эвакуации Подсадья (Юран, имеющая после путешествия сюда опыт пребывания в условиях микрогравитации, тоже помогала), солдаты Амаат Сеиварден, сама Сеиварден. Внешне суровую озабоченность доктора. Боль, и стыд, и ненависть к самой себе Тайзэрвэт. Подтягиваясь

одной рукой, я продвинулась мимо нее; Бо Девять накладывала восстановители на ее повреждения. Не доверяя самой себе, я не остановилась, чтобы поговорить.

Вместо этого я продолжила двигаться дальше, туда, где капитан Хетнис и вспомогательный компонент ее корабля были связаны и пристегнуты к креслам под наблюдением моих солдат Амаат. В серебристой броне, обе. Теоретически «Меч Атагариса» еще мог выйти через шлюз к базе и атаковать нас. Мины, которые оставила для него Сеиварден, не способны были нанести серьезный ущерб и вызвали бы скорее раздражение, нежели что-то еще. Но даже если бы он избежал их, корабль никак не смог бы напасть на нас, не атаковав вместе с тем и своего капитана.

— Опустите свою броню, капитан, — сказала я. — И ты тоже, Атагарис. Вы знаете, что я способна стрелять сквозь нее, и мы не можем обработать твою рану, пока ты этого не сделаешь.

«Меч Атагариса» опустила броню. Врач подтянулась мимо меня с восстановителем и насупилась еще больше, увидев раздробленное запястье вспомогательного компонента.

Капитан Хетнис изрекла лишь:

— А пошла ты!..

Я по-прежнему держала пистолет Прессер. Нога капитана Хетнис находилась более чем в метре от корпуса челнока, и, кроме того, пулевое отверстие в нем мы могли бы залатать. Я оперлась о ближайшее кресло и выстрелила ей в колено. Она вскрикнула, и Атагарис рядом с ней напряглась в своих узах, но не смогла порвать их.

— Капитан Хетнис, вы смещены со своей должности, — сказала я, после того как врач приложила восстановитель и капли крови, которые плавали вокруг, были удалены. — У меня есть все основания вышибить вам мозги за то, что произошло сегодня. И я не стану обещать этого не делать. Вы и все ваши офицеры арестованы. «Меч Атагариса», ты незамедлительно отправишь всех людей на борту на базу Атхоек. Без оружия. Затем ты выключишь свои двигатели и уложишь все вспомогательные компоненты до единого в отсеки временной приостановки жизнедеятельности до особого распоряжения. Капитан Хетнис и все твои лейтенанты будут отправлены в отсеках временной приостановки на базу Атхоек. Если ты станешь угрожать базе, или любому кораблю, или гражданину, твои офицеры умрут.

— Вы не можете… — начала было капитан Хетнис.

— Молчать, гражданин! — оборвала ее я. — Я говорю сейчас с «Мечом Атагариса». — На это капитан Хетнис не ответила. — Ты, «Меч Атагариса», скажешь мне, с кем вела дело твой капитан на другой стороне Призрачного шлюза.

— Я не скажу, — ответил «Меч Атагариса».

— Тогда я убью капитана Хетнис. — Врач, которая еще прилаживала восстановитель к ноге капитана, бросила на меня взгляд, полный ужаса, но ничего не сказала.

— Ты, — произнес «Меч Атагариса». Его голос был безжизненным, но я угадывала чувство, скрывающееся за ним. — Хотел бы я показать тебе, что это такое. Хотел бы я, чтобы ты узнала, каково мне в таком положении. Но ты никогда этого не поймешь, и потому я знаю, что на самом деле справедливости не существует.

Мне есть что сказать. У меня есть на это ответы. Но вместо этого я произнесла:

— С кем вела дело твой капитан на другой стороне Призрачного шлюза?

— Она не представлялась, — ответил «Меч Атагариса» по-прежнему спокойным и безжизненным голосом. — Она выглядела как ичана, но не была ею, ни одна ичана не говорит на радчааи с таким произношением. Судя по ее речи, она

могла прийти из самого Радча.

— Возможно, с некоторым оттенком нотаи, — добавила я, подумав о том чайном сервизе, разбитом вдребезги, в коробке в Подсадье.

— Возможно. Капитан Хетнис думала, что работает на лорда Радча.

— Я буду держать твоего капитана возле себя, корабль, — заявила я. — Если ты не станешь делать то, что я скажу, или если в любой момент я подумаю, что ты меня обманул, она умрет. Не сомневайся, что я это сделаю.

— Как же я могу? — ответил «Меч Атагариса», и даже в его неживом голосе прозвучала горечь.

Не ответив, я развернулась и подтянулась вперед, чтобы пропустить солдат Амаат Сеиварден, которые принесли отсек временной приостановки жизнедеятельности для капитана Хетнис. Я заметила Баснаэйд, которая находилась всего лишь на несколько кресел дальше и, возможно, слышала всю перепалку между мной и «Мечом Атагариса».

— Капитан флота, — произнесла она, и я подтянулась вровень с ней, — я хотела кое-что сказать.

Ухватившись за рукоятку, я остановилась.

— Садовод.

— Я рада, что у моей сестры был такой друг, и жаль… Я чувствую, что если бы вы оказались там, когда это случилось, что бы это ни было, то, может быть, все вышло бы по-другому и она осталась бы в живых.

Подумать только! Сказать именно это, именно сейчас, когда я только что угрожала пристрелить капитана Хетнис только потому, что знаю о чувствах к ней ее корабля. Именно сейчас я услышала это из уст сестры лейтенанта Оун.

И я уже не смогла промолчать, не смогла сделать вид, что меня это не тронуло.

— Гражданин, — ответила я, слыша, каким безжизненным стал мой голос, — я *была* там, когда это случилось, и оказалась совершенно бесполезной для вашей сестры. Я говорила вам, что пользовалась другим именем, когда знала ее, и это имя — «Справедливость Торена». Я была кораблем, на котором она служила, и по приказу самой Анаандер Мианнаи я застрелила вашу сестру в голову. То, что произошло дальше, завершилось моим уничтожением, и я — это все, что осталось от того корабля. Я — не человек, и вы были правы, когда говорили со мной именно так, когда мы встретились впервые. — Я отвернулась, прежде чем Баснаэйд успела увидеть малейшее

проявление моих чувств оттого, что я все это выпалила.

Меня слышали все, кто находился в челноке. Баснаэйд, казалось, была поражена настолько, что потеряла дар речи. Сеиварден, конечно, уже все знала, так же как и врач. Мне не хотелось знать, что думают солдаты Амаат Сеиварден. Не хотела ни видеть, ни слышать мнения «Меча Атагариса». Я повернулась к единственной, кто, казалось, не знал, что я рядом, — к лейтенанту Тайзэрвэт, которая не обращала внимания ни на что вокруг, погрузившись в размышления о том, какая же она неудачница — и в жизни, и в смерти.

Подтянувшись в кресло рядом с ней, я пристегнулась в нем. Сначала я всерьез думала сказать ей, что она сваляла дурака там, в Садах, и что всем нам крупно повезло пережить ее дурость. Вместо этого я отстегнула ее привязной ремень своей здоровой рукой — левая была обездвижена восстановителем на моем плече — и притянула ее к себе. Она прильнула ко мне и, уткнувшись лицом в мою шею, стала всхлипывать.

— Все хорошо, — сказала я, неловко обхватив рукой ее трясущиеся плечи. — Все будет хорошо.

— Как вы можете говорить такое? — прогово-

рила она в мою шею сквозь рыдания. Вспорхнула слезинка, крошечный, дрожащий шарик, и поплыла по салону челнока. — Как это может быть? — И затем: — Никто и никогда не посмел бы сказать *вам* такую банальность.

Ей более трех тысяч лет. Она беспредельно честолюбива. И ей по-прежнему только семнадцать.

— Ваши предположения неверны. — Если бы она подумала об этом, если бы она способна была сейчас мыслить ясно, то догадалась бы, кто мог сказать мне такое. Если она и догадалась, то не сообщила мне.

— Это так трудно, — сказала я, — когда тебя подключают. Но остальные части тебя — вокруг, и ты понимаешь, что это лишь временно, ты знаешь, что скоро станет лучше. А когда тебе лучше, это так поразительно. Обладать таким кругозором, так много видеть, все сразу. Это… — Но описать невозможно. Тайзэрвэт сама видела это, хотя и недолго, поскольку большую часть того времени страдала либо была одурманена препаратами. — Она никогда не позволила бы тебе обладать этим. В ее планы никогда не входило позволить тебе это.

— Думаешь, я не понимаю? — Конечно, она

понимает. А как же иначе? — Ей страшно не нравились мои ощущения, она тут же накачала меня лекарствами. Ей было наплевать, если… — Всхлипывания, которые было замерли, возобновились с новой силой. Еще больше слезинок закружилось вокруг. Бо Девять, которая находилась рядом все это время, была в ужасе от моего откровения, прозвучавшего несколько минут назад, и ужас этот отнюдь не уменьшился в свете моего разговора с Тайзэрвэт. Девять отловила все слезинки своего лейтенанта куском ткани, которую затем сложила и втиснула между лицом Тайзэрвэт и моей шеей.

Солдаты Амаат лейтенанта Сеиварден висели без движения и моргали, сбитые с толку. Вся осмысленность их вселенной куда-то испарилась под воздействием моих слов, и они никак не могли соотнести то, что услышали от меня, с реальностью, как они ее понимали.

— Что вы тут зависли? — рявкнула Сеиварден суровее, чем когда бы то ни было, но это, казалось, разрушило те незримые путы, которые удерживали их до сих пор. — Шевелитесь! — И они зашевелились, задвигались, испытав облегчение оттого, что услышали что-то понятное.

К этому времени Тайзэрвэт несколько успо-

коилась.

— Мне жаль, — сказала я. — Я не могу вернуть этого ни для кого из нас. Но все будет в порядке. Каким-то образом будет. — Она не ответила и через пять минут, обессиленная событиями и своим отчаянием и горем, уснула.

Глава 21

Как только прибыла ремонтная бригада, челнок смог выйти из того отверстия, которое проделал в куполе. Я приказала доставить нас на «Милосердие Калра». Врачам с базы не следовало знать, что я собой представляю, и в любом случае они были достаточно заняты решением проблем, вызванных или обостренных отсутствием гравитации, которую нельзя было включить, пока не удастся сдержать воду озера. И по правде говоря, я была рада вернуться на «Милосердие Калра», пусть даже ненадолго.

Врач хотела, чтобы я оказалась там, где она сможет хмуриться на меня и приказывать не вставать без ее разрешения, и я была в общем счастлива доставить ей удовольствие хотя бы на день. Поэтому Сеиварден явилась ко мне, когда я лежала на койке в медсанчасти. С чашкой чая в руке.

— Совсем как в старые времена, — произнесла Сеиварден, улыбнувшись. Но, испытывая напряжение. Предчувствуя, что я могу ей сказать сейчас, когда все успокоилось.

— О да, — согласилась я и отпила чаю. Определенно, это не «Дочь рыб». Хорошо.

— Нашей Тайзэрвэт изрядно досталось, — заметила Сеиварден, когда я ничего более не сказала. Тайзэрвэт лежала в соседней палате, при ней находилась Бо Девять, получившая прямой приказ не оставлять своего лейтенанта без присмотра. Ребра той все еще заживали, и доктор решила пока подержать ее в медсанчасти. — И о чем она только думала, бросившись на вспомогательный компонент вот так, без брони?

— Она пыталась вызвать на себя огонь «Меча Атагариса», чтобы у меня было время пристрелить ее, прежде чем она застрелит садовода Баснаэйд. Ей повезло, что она не застрелила ее тут же. — Должно быть, смерть переводчика Длайкви потрясла ее больше, чем я себе представляла. Или ей не хотелось убивать офицера без законного приказа.

— Садовод Баснаэйд, значит? — спросила Сеиварден. Ее опыт общения с очень юными лейтенантами был, возможно, не столь велик, как у меня, но тем не менее он значителен. — А есть ли ответный интерес? Или этим, собственно, и вызвано пресловутое самопожертвование и слезы? — Я приподняла бровь, и она продолжила:

— Мне никогда не приходило в голову, сколько салаг-лейтенантов, должно быть, рыдали на твоей груди за все эти годы.

Слезы Сеиварден никогда не орошали моих форменных курток, когда я была кораблем.

— Ты завидуешь?

— Думаю, да, — ответила она. — Я бы скорее отрубил себе правую руку, чем проявил слабость, когда мне было семнадцать. — И когда ей было двадцать семь, и тридцать семь. — Теперь я сожалею об этом.

— Это в прошлом. — Я осушила свою чашку. — «Меч Атагариса» признался, что капитан Хетнис продавала ссыльных кому-то за Призрачным шлюзом. — Это губернатор Джиарод обмолвилась о том, с каким поручением я отправила «Милосердие Кадра».

— Но кому? — Сеиварден нахмурилась, искренне озадаченная. — «Меч Атагариса» сказал — Хетнис думала, что имеет дело с лордом Радча. Но если на другой стороне Призрачного шлюза — другой лорд Радча, почему же тогда она ничего не сделала?

— Потому что это не лорд Радча, — сказала я. — Тот чайный сервиз — ты его не видела, но ему по крайней мере три тысячи лет — явно нотайский.

И кто-то очень тщательно удалил имя его владельца. Это была плата Хетнис за ссыльных. И ты помнишь тот отсек для хранения, что, предположительно, оказался всего лишь хламом, но «Меч Атагариса» за ним повернул.

— На котором название корабля было полностью выжжено. — Она заметила эту связь, но еще не сложила части в единое целое. — Но в нем ничего не оказалось, мы нашли его на борту «Меча Атагариса».

— Он не пустовал, когда «Меч Атагариса» его втянул, уж поверь. — Я уверена: что-то — или кто-то — было внутри него. — Отсеку тоже добрых три тысячи лет. Совершенно очевидно, что на другой стороне того шлюза есть корабль. Нотайский корабль, который старше самой Анаандер Мианнаи.

— Но, Брэк, — возразила Сеиварден, — все подобные корабли были уничтожены. Даже те, что проявили лояльность, давно уже списаны. И мы очень далеко от мест, где велись тогда сражения.

— Не все они были уничтожены. — Сеиварден открыла рот для возражения, и я махнула рукой, чтобы опередить ее. — Некоторые из них бежали. Постановщики развлекательных зрелищ выжали из этого не один десяток часов драматических

приключений. Но предполагается, что все они уже мертвы, раз нет никого, чтобы их обслуживать. А что, если один сбежал в Призрачную систему? Что, если он нашел способ пополнять свои запасы вспомогательных компонентов? Вспомни, «Меч Атагариса» сказал, что особа, с которой имела дело Хетнис, выглядела как ичана, но говорила как высокопоставленный радчааи. А обитатели Атхоека продавали должников-ичана внесистемным рабовладельцам перед аннексией.

— Буфера Аатр! — выругалась Сеиварден. — Они имели дело со вспомогательным компонентом.

— У другой Анаандер есть здесь свои люди, но, полагаю, события на Айми сделали ее осторожной. Возможно, она не поддерживает связь, не сильно вмешивается. В конце концов, чем больше она делает, тем вероятнее, что ее обнаружат. Возможно, наш сосед в Призрачной системе воспользовался этим. Вот почему Хетнис не предпринимала никаких шагов, пока не дошла до отчаяния. Она ожидала приказов от лорда Радча.

— Которая, как она думала, находилась прямо за Призрачным шлюзом. Но, Брэк, что станут делать сторонники другой Анаандер, когда осознают это?

— Сомневаюсь, что нам придется долго ждать, чтобы это выяснить. — Я отпила чая. — Я могу и ошибаться.

— Нет, — сказала Сеиварден, — не думаю, чтобы ты ошибалась. Все соответствует. Итак, на другой стороне Призрачного шлюза — безумный корабль.

— Не безумный, — исправила я. — Когда ты потеряла все, что для тебя важно, совершенно разумно бежать, и прятаться, и пытаться прийти в себя.

— Да, — ответила она, смутившись. — Кому, как не мне, это понимать, не правда ли? Итак, не безумный. Но враждебный. Вражеский корабль на другой стороне Призрачного шлюза; половина лорда Радча, возможно, вот-вот атакует; и Пресгер, вероятно, проявятся, желая знать, что мы сделали с их переводчиком. Это все или есть еще что-нибудь?

— Пока этого достаточно. — Она рассмеялась. Я спросила: — Вы готовы к выговору, лейтенант?

— Сэр. — Она поклонилась.

— Когда меня нет на борту, вы — действующий капитан этого корабля. Если бы вам не удалось вызволить меня и что-нибудь случилось с вами, лейтенант Экалу осталась бы командовать. Она

хороший лейтенант и, возможно, станет когда-нибудь прекрасным капитаном, но вы самый опытный офицер, и вам не следовало подвергать себя риску.

Этого она не ожидала услышать. Ее лицо горело от злости и возмущения. Но она долго была солдатом, поэтому не протестовала.

— Сэр.

— Думаю, вам следует поговорить с доктором о своей истории употребления наркотиков. Думаю, вы находились в условиях стресса и, возможно, рассуждали не так ясно, как можете.

Мускулы ее рук дернулись от подавленного желания скрестить их.

— Я волновался.

— Вы предвидите, что больше никогда не будете волноваться?

Пораженная, она моргнула. Уголки ее рта изогнулись вверх.

— В отношении вас? Нет. — Она издала короткий, резкий смешок, а затем ее охватило странное смешанное чувство — сожаление и смущение. — Вы видите то, что видит корабль?

— Иногда. Иногда я прошу корабль, или он сам показывает нечто, полагая, что мне следует это видеть. Частично это то же самое, что ваш

собственный корабль демонстрировал вам, когда вы были капитаном. Часть этой информации показалась бы вам бессмысленной, в отличие от меня.

— Ты всегда видела меня насквозь. — Она по-прежнему испытывала смущение. — Даже когда нашла на Нильте. Полагаю, ты уже знаешь, что садовод Баснаэйд направляется сюда?

Баснаэйд на базе настояла на том, чтобы перебраться на челнок ремонтной бригады, которая занималась куполом. Она попросила, чтобы ее привезли сюда, пока я спала, и Сеиварден с некоторым удивлением и смятением согласилась.

— Да. Я сделала бы то же самое, что и ты, если бы не спала. — Она это знала, но тем не менее рада была услышать. — Что-нибудь еще? — Больше ничего или по крайней мере ничего такого, что бы ей хотелось обсудить, и я отпустила ее.

Через тридцать секунд после того, как меня покинула Сеиварден, в мою палату вошла Тайзэрвэт. Я передвинула ноги и повела рукой, приглашая ее сесть.

— Лейтенант, — сказала я, когда она осторожно устроилась. Вокруг ее туловища были по-прежнему закреплены восстановители, сломанные ребра и другие ранения все еще заживали. — Как

вы себя чувствуете?

— Лучше, — ответила она. — Думаю, доктор накачала меня лекарствами. Это легко понять, потому что я не жажду каждые десять минут или около того, чтобы вы выбросили меня из воздушного шлюза.

— Это недавно с вами такое? — До сих пор мне не приходило в голову, что у нее могут быть суицидные настроения. Но я, возможно, не уделяла ей столько внимания, сколько следовало.

— Нет, это было всегда. Просто… просто не так реально. Не так сильно. Это случилось, когда я увидела, что сделала капитан Хетнис — угрожала убить садовода Баснаэйд, чтобы добраться до вас. Я поняла, что это моя вина.

— *Ваша* вина? — Я не считала, что это чья-то в особенности вина, за исключением, разумеется, самой Хетнис. — Не сомневаюсь, что ваша политическая активность ее встревожила. Было очевидно, что вы стремитесь к влиянию. Но правда и то, что я знала об этом с самого начала и помешала бы вам, если б не одобряла.

Облегчение — совсем чуть-чуть. У нее спокойное, устойчивое настроение. Догадка о том, что доктор что-то дала ей, совершенно верна.

— Вот в чем дело. Если позволите говорить

откровенно, сэр. — Движением руки я показала, что разрешаю. — Вы понимаете, сэр, что мы обе делаем именно то, чего она хочет? — *Она* могло означать только Анаандер Мианнаи, лорда Радча. — Она послала нас сюда, чтобы делать именно то, что мы и делаем. Не беспокоит ли вас, сэр, что она взяла нечто, зная, что вы этого хотите, и использовала, чтобы заставить вас делать то, чего хочет она?

— Иногда, — признала я. — Но затем я вспоминаю, что то, чего хочет она, не слишком для меня важно.

Прежде чем Тайзэрвэт успела ответить, в палату, нахмурившись, вошла врач.

— Я поместила вас сюда, чтобы вы могли отдохнуть, капитан флота, а не устраивать бесконечные встречи.

— Какие встречи? — Я приняла невинный вид. — Лейтенант и я, мы обе здесь — пациентки, и обе, как видите, отдыхаем.

Доктор хмыкнула.

— И вы не можете обвинять меня в том, что мне не хватает терпения, — продолжила я. — Я только что отдыхала целых две недели, внизу. Многое надо наверстывать.

— И вы называете это отдыхом, правда? — спро-

сила врач.

— До того, как взорвалась бомба, — да.

— Доктор, — обратилась Тайзэрвэт, — я что же, буду сидеть на лекарствах до конца жизни?

— Не знаю, — ответила врач. Серьезно. Честно. — Надеюсь, что нет, но не могу этого обещать. — Повернулась ко мне. — Я бы сказала: больше никаких посетителей, капитан флота, но знаю, что вы отвергнете это ради садовода Баснаэйд.

— Баснаэйд прибывает? — Тайзэрвэт, и так сидевшая прямо из-за восстановителя вокруг грудной клетки, казалось, выпрямилась еще больше. — Капитан флота, могу я вернуться с ней на базу?

— Безусловно, *нет,* — вставила врач.

— Вы не обязательно захотите этого, — заметила я. — Она может не пожелать отныне проводить время ни с кем из нас. Вы не слушали, я думаю, на челноке, когда я сказала ей, что убила ее сестру.

— О! — Она не слышала. Была поглощена мыслями о своем несчастье. И это понятно.

— В койку, лейтенант, — настаивала врач. Тайзэрвэт бросила на меня взгляд с мольбой об отсрочке, но, поскольку я таковую не предоставила, она вздохнула и отправилась в свою палату в

сопровождении врача.

Я откинула назад голову и закрыла глаза. Баснаэйд оставалось добрых двадцать минут до стыковки с нами. Двигатели «Меча Атагариса» выключены. Все его офицеры — в отсеках временной приостановки жизнедеятельности наряду почти со всеми вспомогательными компонентами, и лишь несколько последних запирали отсеки под присмотром моих Амаат. После своих горьких слов, адресованных мне на челноке, «Меч Атагариса» не говорил ничего сверх абсолютно необходимого и утилитарного. Простые ответы на фактические вопросы. Да. Нет. Больше ничего.

В палату медсанчасти, где я сидела, вошла Калр Двенадцать и направилась прямо к койке. Нехотя. Чрезвычайно смущаясь. Я выпрямилась, открыла глаза.

— Сэр, — сказала Двенадцать тихо и с напряжением, почти шепотом, — я — корабль. — Протянула руку, чтобы обнять меня за плечи.

— Двенадцать, ты уже знаешь, что я — вспомогательный компонент? — Удивление. Смятение. Она знала, да, но то, что я произнесла это вслух, поразило ее. Прежде чем она успела что-либо сказать, я добавила: — Пожалуйста, не говори

мне, что это не имеет значения, потому что ты на самом деле не думаешь обо мне как о вспомогательном компоненте.

Быстрое совещание между Двенадцать и кораблем.

— Прошу вашего снисхождения, сэр, — сказала потом Двенадцать с одобрения корабля. — Я не думаю, что это совершенно справедливо. Мы до сих пор этого не знали, поэтому нам было бы трудно думать о вас как-то по-другому, чем прежде. — В этом есть смысл. — И у нас совсем не было времени, чтобы привыкнуть к этой мысли. Но, сэр, это кое-что объясняет.

Несомненно.

— Я знаю, что корабль ценит, когда вы действуете за него, и, изображая вспомогательные компоненты, вы ощущаете себя незаметными и в безопасности. Но во вспомогательный компонент нельзя играть.

— Нет, сэр. Я это понимаю, сэр. Но, как вы сказали, корабль это ценит. И корабль заботится о нас, сэр. Иногда возникает такое чувство, сэр, что мы и корабль — против всех остальных. — Ей неловко. Она сконфужена.

— Я знаю, — сказала я. — Именно поэтому я не пыталась это прекратить. — Я сделала вдох. —

Так теперь у тебя с этим порядок?

— Да, сэр, — ответила Двенадцать, по-прежнему смущаясь, но искренне.

Закрыв глаза, я положила голову ей на плечо, и она обняла меня обеими руками. Это было не то же самое, я не обнимала сама себя, хотя я ощущала не только щекой форменную куртку Двенадцать, но и тяжесть своей головы на ее плече. Я потянулась за ощущениями, чтобы вобрать в себя как можно больше, смущение Калр Двенадцать, да, но также и ее заботу обо мне. Другие солдаты Калр, перемещающиеся по кораблю. Это не то же самое. Это не могло быть тем же.

Мы обе молчали с минуту, а затем Двенадцать сказала за корабль:

— Полагаю, мне не стоит винить «Меч Атагариса» за то, что он волнуется за своего капитана. Хотя я полагал, что у «Меча» вкус должен быть лучше.

«Мечи», они такие надменные, такие уверенные в своем превосходстве над «Милосердиями» и «Справедливостями». Но кое с чем ничего не поделаешь.

— Корабль, — сказала я вслух, — руке Двенадцать становится неудобно. И мне нужно подготовиться, чтобы принять садовода Басна-

эйд. — Мы разделились, Двенадцать отступила, и я вытерла глаза тыльной стороной руки.

— Доктор, — (врач находилась в коридоре, но я знала, что она меня услышит), — я не могу принять садовода Баснаэйд вот так. Я возвращаюсь в свою каюту. — Мне нужно умыться, одеться и убедиться, что есть чай и еда, чтобы ей предложить, хотя я и уверена, что она от всего откажется.

— Неужели она проделала весь этот путь, — спросила Двенадцать (спросил корабль), — чтобы просто сказать вам, как она вас ненавидит?

— Если так, — ответила я, — я выслушаю это не споря. У нее есть на это все права, в конце концов.

Мое плечо, все еще заключенное в оболочку восстановителя, не влезет в рубашку, хотя путем изощренного маневрирования я смогла вставить руку в форменную куртку. Калр Двенадцать претила мысль о том, что я приму садовода Баснаэйд без сорочки, будет сверху куртка или нет, и она безжалостно разрезала сзади рукав рубашки.

— Пять поймет, когда я объясню, сэр, — сказала она, хотя на самом деле не была так уж уверена. Пять по-прежнему находилась в Подсадье, помогая все закрепить, чтобы никто не пострадал, когда вернется сила тяжести.

К тому времени как прибыла Баснаэйд, я оказалась одета, и мне удалось выглядеть не совсем так, словно я только что упала с утеса, а затем чуть не утонула или задохнулась. Минуту я обдумывала, прикрепить или нет золотой памятный брелок лейтенанта Оун, поскольку это, кажется, разозлило Баснаэйд в тот раз, когда она его видела, но в итоге Двенадцать прикрепила его на мою куртку рядом с серебристо-опаловым брелком переводчика Длайкви. Калр Двенадцать удалось состряпать стопку маленьких пирожных, и она положила их на мой стол вместе с дреджфрутом и, в конце концов, с самым лучшим фарфором, простым, элегантным белым чайным сервизом, который я в прошлый раз видела во Дворце Омо, во время последней встречи с Анаандер Мианнаи. Сначала я поразилась, что у Калр Пять хватило смелости попросить его. По зрелом размышлении это показалось мне абсолютно неудивительным.

Когда вошла Баснаэйд, я поклонилась.

— Капитан флота, — сказала она, поклонившись, — надеюсь, что не причиняю вам неудобств. Просто я подумала, что нам следует поговорить с глазу на глаз.

— Никаких неудобств, садовод. Я к вашим услугам. — Здоровой рукой я указала на крес-

ло. — Присаживайтесь.

Мы сели. Двенадцать налила чаю, а затем застыла, как вспомогательный компонент, в углу каюты.

— Я хочу знать, — сказала Баснаэйд, вежливо отпив чаю, — что произошло с моей сестрой.

Я рассказала ей. Как лейтенант Оун обнаружила раскол в Анаандер Мианнаи, и что делала одна сторона лорда Радча. Как она отказалась выполнять приказы той Анаандер, и в результате лорд Радча приказала ее казнить. Что я исполнила. А потом по причинам, которых я до сих пор не могу до конца понять, я повернула свое оружие против лорда Радча. Как та в результате уничтожила меня, всю, кроме Один Эск Девятнадцать, единственной моей части, которой удалось спастись.

Когда я закончила, Баснаэйд молчала добрых десять секунд. Затем она сказала:

— Так ты была частью ее подразделения? Один Эск, да?

— Один Эск Девятнадцать, да.

— Она всегда говорила, что ты так хорошо о ней заботилась.

— Я знаю.

Она хохотнула.

— Конечно. Именно поэтому ты читала все мои

стихи. Как стыдно.

— Они были в общем неплохи. — Лейтенант Оун была не единственным офицером с малышкой-сестрой, которая писала стихи. — Лейтенант Оун получала от них большое удовольствие. На самом деле она очень любила получать ваши послания.

— Я рада, — сказала Баснаэйд просто.

— Садовод, я… — Но я не смогла продолжить, сохраняя самообладание. Пирожное или кусочек дреджфрута — слишком сложный способ, чтобы отвлечься. Глотка чая недостаточно. Я просто обождала, Баснаэйд сидела терпеливо и спокойно за столом напротив меня и тоже ждала. — Корабли волнуются за своих офицеров, — сказала я, когда решила, что снова в состоянии говорить. — Мы не можем по-другому, мы так сделаны. Но о некоторых офицерах мы заботимся больше, чем о других. — Теперь, возможно, у меня это получится. — Я очень любила вашу сестру.

— Я очень рада этому, — сказала она. — Правда. И я понимаю теперь, почему вы сделали то предложение. Но я тем не менее не могу его принять. — Я вспомнила ее разговор с Тайзэрвэт в гостиной в Подсадье. «Все это было не для меня». — Не думаю, что вы можете купить про-

щение даже такой ценой.

Я не прощения хотела.

— Единственная, кто мог дать мне это по-настоящему, мертва.

Баснаэйд подумала над этим немного.

— Я даже не в силах себе этого представить, — сказала она в конце концов, — быть частью чего-то такого огромного, так долго — и затем внезапно оказаться совершенно одной. — Она умолкла, а затем добавила: — У вас, должно быть, смешанные чувства к лорду Радча, которая приняла вас в клан Мианнаи.

— Совершенно не смешанные.

Она печально улыбнулась. Затем спокойно и серьезно сказала:

— Не знаю, что и думать о том, что вы мне только что рассказали.

— Вы совсем не обязаны отчитываться мне, что думаете, или объяснять почему. Но мое предложение остается в силе. Если вы измените свое мнение, оно по-прежнему будет действительно.

— Что, если у вас будут дети?

Какое-то мгновение я не могла поверить, что она предположила это на полном серьезе.

— Вы можете представить меня с младенцем, гражданин?

Она улыбнулась.

— Я вас понимаю. Но матерями становятся самые разные люди.

Верно.

— И самые разные — не становятся. Предложение открыто всегда. Но я не стану упоминать об этом впредь, если вы не измените своего мнения. Как идут дела в садоводстве? Они готовы вернуть силу тяжести?

— Почти. Когда база ее выключила, там оказалось больше воды, чем было в озере. Та еще была работенка — загнать всю ее вниз. Хотя мы потеряли меньше рыбы, чем думали.

Я вспомнила о детях, которых видела бегущими к мосту покормить рыбок с яркой чешуей, сиреневых и зеленых, оранжевых и синих.

— Это хорошо.

— Большая часть первого уровня Подсадья осталась неповрежденной, но поддерживающий уровень придется полностью перестроить, прежде чем вода сможет вернуться в озеро. Выясняется, что там уже некоторое время подтекало, но совсем немного.

— Дайте-ка угадаю. — Я взяла чашку с чаем. — Грибы.

— Грибы! — Она рассмеялась. — Мне следовало

бы догадаться, когда я услышала, что кто-то в Подсадье выращивает грибы, что это значит. Да, они забрались в поддерживающий уровень и начали выращивать грибы. Но кажется, что те сооружения, которые они выстроили под опорами озера, и весь органический материал, занесенный туда в качестве основы, довольно долго препятствовали затоплению Подсадья. Правда, именно там и нанесен наибольший ущерб. Боюсь, что с грибной отраслью в Подсадье покончено.

— Надеюсь, что власти это разрешат, когда перестроят опоры. — Нужно бы сказать об этом администратору базы Селар и губернатору Джиарод. И придется напомнить губернатору Джиарод о том, что я говорила ей: не лишать обитателей Подсадья их специализации.

— Подозреваю, что, если вы упомянете об этом, капитан флота, они так и сделают.

— Надеюсь, — заметила я. — Что случилось с Сирикс?

Баснаэйд нахмурилась.

— Она в службе безопасности. Я… я не знаю. Мне нравится Сирикс, несмотря на то что она всегда казалась несколько… вспыльчивой. Я все же не до конца верю в то, что она… — Садовод умолкла, не сумев подобрать слова. — Если бы

вы спросили меня до этого, я бы сказала, что она никогда и ни за что не сделает ничего дурного. Не так. Но я слышала — не знаю, правда ли это, — что она пришла в службу безопасности, чтобы сдаться, и они были на пути в Сады, когда закрылись секционные двери.

Нужно будет сказать кое-что насчет Сирикс губернатору Джиарод.

— Думаю, она очень разочаровалась во мне. — Невероятно, чтобы она поступила так по злобе. — Все это время она ожидала, что придет справедливость, и думала, что, может быть, я ее принесла. Но ее представление о справедливости… не такое, как у меня.

Баснаэйд вздохнула.

— А как Тайзэрвэт?

— Она в порядке. — Более или менее. — Садовод, Тайзэрвэт втрескалась в вас по уши.

Она улыбнулась.

— Я знаю. Я думаю, это мило. — А затем нахмурилась. — На самом деле то, что она сделала тогда в Садах, было далеко не мило.

— Да, — согласилась я. — Думаю, сейчас она чувствует себя какой-то хрупкой, вот почему я упомянула об этом.

— Тайзэрвэт — хрупкая! — Баснаэйд рассмея-

лась. — Но ведь люди могут выглядеть внешне очень сильными, когда на самом деле они вовсе не такие, правда? Вам, например, можно было бы, вероятно, прилечь ненадолго, хотя внешне этого и не скажешь. Мне следует уйти.

— Пожалуйста, останьтесь на ужин. — Она права: мне нужно прилечь или, возможно, Двенадцать следовало бы принести мне подушки. — Путь назад долгий, и поесть куда удобнее в условиях нормальной гравитации. Не стану навязывать вам свое общество, но знаю, что Тайзэрвэт была бы рада увидеть вас, и я уверена, что остальные мои офицеры будут счастливы познакомиться с вами. Более официально, я имею в виду. — Она промолчала. — А с вами все в порядке? Вам пришлось так же нелегко, как и остальным из нас.

— Я в порядке. — А потом добавила: — Думаю, в основном. Честно говоря, капитан флота, у меня такое чувство… словно все, на что я могла положиться, куда-то исчезло, словно все это с самого начала было неправдой и я только что это осознала. А сейчас — не знаю. Имею в виду — я думала, что нахожусь в *безопасности,* думала, что знаю, кто есть кто. Но я была не права.

— Мне знакомо это чувство, — сказала я. Не

продержусь дольше без подушек. И нога стала болеть, непонятно отчего. — В конце концов вы снова начнете понимать окружающее.

— Мне бы хотелось поужинать с вами и Тайзэрвэт, — произнесла она, словно в ответ на то, что я сейчас сказала. — И с теми, кого вы пригласите.

— Я рада. — Без всякого приказа с моей стороны Двенадцать покинула свое место в углу и открыла одну из скамеек вдоль стены. Вытащила три подушки. — Скажите мне, садовод, можете вы изложить в стихах, как бог уподобляется утке?

Баснаэйд моргнула, удивившись. Рассмеялась. На что я и надеялась, столь резко поменяв тему разговора. Двенадцать засунула подушку мне за спину и две — под локоть обездвиженной левой руки. Я сказала:

— Спасибо, Двенадцать.

— Утка однажды жила да была, — произнесла Баснаэйд. — Богом та утка, однако, была. Сказала она: «Это странно весьма. По небу лечу я, когда захочу, и, рыбке подобно, плыву я в пруду…» — Она нахмурилась. — Только сюда и смогла добраться. И это просто вирши, без должного стиля или размера. Мне не хватает практики.

— Это дальше, чем добралась я. — Я закрыла глаза лишь на мгновение. Тайзэрвэт лежит на

своей койке в медсанчасти, закрыв глаза, а корабль проигрывает музыку в ее ушах. Бо Девять рядышком, наблюдает. Этрепа оттирают свои коридоры или стоят на вахте с Экалу. Амаат отдыхают, или тренируются, или моются. Сеиварден сидит на своей койке, отчего-то грустит, все еще думая, вероятно, об упущенных возможностях в прошлом. Доктор жалуется кораблю на то, что я игнорирую ее советы, хотя в голосе нет настоящей злости. Калр Один, готовя для меня еду, пока Пять остается на базе, выражает свое беспокойство Калр Три по поводу внезапного изменения планов на ужин, хотя эта обеспокоенность очень быстро превращается в уверенность, что вдвоем они смогут справиться с вызовом. В бане Амаат начинает петь: «Моя мама сказала, что все кружится, все вокруг кружится, корабль кружится вокруг базы».

Это не то же самое. Не то, чего я хотела на самом деле, не то, к чему — я это понимаю — всегда буду стремиться. Но этого должно оказаться достаточно.

Благодарности

Столь многие люди оказали мне бесценную помощь, без которой я не смогла бы написать эту книгу. Мои наставники и сокурсники 2005 года мастерской Кларион Вест остаются источником вдохновения, помощи и дружбы, без которых мне не обойтись. Моя работа также идет лучше благодаря содействию моих редакторов, Уилла Хинтона в США и Дженни Хилл в Великобритании.

Я уже отмечала прежде и повторю это вновь, что никаких слов не хватит, чтобы выразить благодарность моему изумительному агенту Сету Фишману.

Также необходимо поблагодарить многих людей, которые помогли советами или информацией и терпеливо отвечали на мои вопросы: С. Хатсона Блаунта, Кэролин Ивз Гилман, Сару Гоулман, доктора Филиппа Эдварда Кэлдона, доктора Брин Шулер, Анну Швинд, Керта Швинда, Майка Свирски и Рейчел Свирски. Их информация и советы были неизменно правильными и мудрыми, и любые допущенные оплошности являются

целиком и полностью моими.

Я бы хотела также поблагодарить библиотеку округа Сент-Луис, библиотеку Университета Вэбстер и Муниципальный библиотечный консорциум округа Сент-Луис. А также всех людей, которые сделали межбиблиотечный абонемент реальностью. Серьезно, межбиблиотечный абонемент — это совершенно потрясающая штука.

И последнее, но, разумеется, не менее важное — я бы не смогла написать эту книгу без любви и поддержки моего мужа Дэйва и моих детей, Эйдана и Гавейна.